

ИМЯ НАРОДА

УКРАИНА
И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ
В ОФИЦИАЛЬНЫХ
И НАУЧНЫХ ТЕРМИНАХ,
ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ЛИТЕРАТУРЕ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ИМЯ
НАРОДА** **УКРАИНА
И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ
В ОФИЦИАЛЬНЫХ
И НАУЧНЫХ ТЕРМИНАХ,
ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ЛИТЕРАТУРЕ**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 81.23
ББК 81.02
И56

Редколлегия:

доктор исторических наук *Е.Ю. Борисенко* (отв. ред.);
кандидат исторических наук *М.Э. Клопова*;
доктор исторических наук *М.В. Лескинен*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Ю.А. Лабьщев*
(Институт славяноведения РАН);
кандидат исторических наук *В.И. Мироненко*
(Институт Европы РАН)

Издание осуществлено по гранту РГНФ «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения» (проект №16-01-00395а).

И56 Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе : Сборник статей. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-4469-1002-1

Сборник статей по материалам одноименной конференции, организованной Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН в 2015 г. Авторы анализируют процессы формирования и эволюции комплекса официальных номинаций (географических, административно-региональных, политических, этнических и др.), соотносимых с территориями Юго-Западной Руси / Малороссии / Украины, а также рассматривают трансформацию этнонимов и экзонимов, связанных с ними и использовавшихся в различных этнокультурных стратах с конца XVIII до начала XXI в.

Authors analyze process of formation and evolution of a complex of the official nominations (geographical, administrative and regional, political, ethnic, etc.) correlated with territories of Southwest Russia / Little Russia / Ukraine. The transformation of ethnonyms related with population of this region, which used in language of various ethnic groups since the end of 18th — at the beginning of the 21th centuries is also under consideration.

УДК 81.23
ББК 81.02

В оформлении обложки использован фрагмент карты
“Carte Ethnographique de l’Europe”. Paris, 1885. (Gravé par J.Geisendorfer)

ISBN 978-5-4469-1002-1

9 785446 910021

© Коллектив авторов, 2016
© Институт славяноведения РАН, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

Содержание

От редколлегии.....	5
<i>Б. А. Галь (Днепр)</i> Геоконцепт «Малороссия» на ментальных картах XVIII – первой половины XIX в.....	8
<i>О. Б. Неменский (Москва)</i> Политические игры с русским именем в Австро-Венгрии (по материалам стенограммы судебного процесса 1882 г. над Ольгой Грабарь и товарищами).....	29
<i>И. В. Орлевич (Львов)</i> Названия «русский», «малорусский», «российский» у галицийских русифилов (вторая половина XIX – начало XX в.).....	63
<i>М. В. Лескинен (Москва)</i> «Южноруссы», «малороссияне», «малороссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российском этногеографическом дискурсе XIX в.....	77
<i>К. С. Дроздов (Москва)</i> Украинское население России / РСФСР в конце XIX – XX в.: «малороссы», «хохлы», «украинцы».....	103
<i>Е. В. Байдалова (Москва)</i> «Хохол», «малоросс», «украинец» в ранних романах В. К. Винниченко (диалогия «По местам!» – «Божки», «Хочу!»).....	126

<i>М.Э. Клопова (Москва)</i>	
Восточная Галиция и ее население на страницах российской прессы (август–сентябрь 1914 г.)	145
<i>Е.А. Прошина (Москва)</i>	
Этногеографическая терминология польских документов по украинскому вопросу на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.	161
<i>Ч. Фединец (Будапешт)</i>	
Славянское население Закарпатья в венгерской политической риторике периода ревизии	171
<i>М.Ю. Дронов (Москва)</i>	
Этническая идентичность русинов межвоенной Словакии сквозь призму этнонимии	191
<i>Е.Ю. Борисенок (Москва)</i>	
Понятия «Украина» и «украинцы» в большевистской идентификационной стратегии	229
<i>Е.Е. Левкиевская (Москва)</i>	
Семантические варианты топонима «Малороссия» и его дериватов в русской речевой практике постсоветского периода	250
<i>О.А. Остапчук, Т.Н. Курохтина (Москва)</i>	
Этнофолизмы в языке и политическом дискурсе эпохи пост-Майдана (на материале русского и украинского Интернет-пространства)	279
Список авторов	319

От редколлегии

В марте 2015 г. в Институте славяноведения РАН была проведена конференция «Имя народа: Украина и ее жители в официальных и научных терминах, публицистике и литературе», в которой приняли участие 18 исследователей из институтов Российской и Венгерской академий наук и РГГУ. Материалы этой конференции составили основную часть статей сборника. Центральной задачей большинства его авторов стала реконструкция изменений в области географической и этнической терминологии и неоднородных номинаций, относящихся к Юго-Западной Руси (России) / Малороссии / Галиции / Украине и ее жителям, а также к восточнославянскому (русинскому) населению Австро-Венгрии в языке, культуре и политике XVIII – начала XXI в. Почти во всех текстах затрагивается проблема семантического наполнения понятий-этнонимов (черкесы / малороссы / малорусы, малороссияне, южнорусы, хохлы, украинцы и др.) на разных исторических этапах и в языке различных социальных и этнических групп. Важным аспектом анализа стали идеологический и этнополитический факторы, влияющие на интерпретацию и применение имен / номинаций. Рассмотрены, однако, прежде всего внешние определения малороссийской / украинской культуры в российском официальном и научном языковом дискурсах. Реконструкция возникновения, распространения и эволюции

политонимов, регионимов, этнонимов позволяет в ином ракурсе изучать представления отдельных частей восточного славянства (русских и украинцев) о себе и других в лингвистическом, социокультурном и политическом значениях, которые являются отражением процесса внутренней и внешней этнонациональной идентификации.

Топонимам и этнонимам XVII – XIX вв. посвящены статьи: Б.А. Галя, М.В. Лескинен (российские официально-административные, региональные и этногеографические номинации), И.В. Орлевич (этническая терминология в идеологии галицийских русофилов), О.Б. Неменского (украинские/галицийские, польские и русские названия Малороссии / Украины / Руси и ее обитателей) и К.С. Дроздова (об эволюции самоназвания и экзонимов малорусов / украинцев, проживавших в Российской империи / СССР / России вне Украины). В исследовании М.Ю. Дронова представлены историко-культурные изменения региональных вариаций русинской идентичности периода нациестроительства в странах Центральной и Восточной Европы (XIX – начала XX в.), которые обусловили мозаику русинских идентичностей первой половины прошлого столетия. Во всех этих статьях отчетливо прослеживается полисемантизм одних и тех же наименований – даже в границах единой культуры, а также их постоянная изменчивость и трудноуловимость для современного исследователя в связи с незавершенностью масштабных проектов историко-лингвистических словарей и базы русского языка разных исторических периодов. Зависимость определений / номинаций от политического дискурса и трактовки патриотизма и национализма (русского, украинского, польского и др.) прослежена в статьях, в которых рассмотрены сюжеты первых десятилетий XX в.: в ранней прозе украинского писателя В.К. Винниченко (Е.В. Байдаловой), в газетных репортажах и публицистике российских журналистов в связи с победами русской армии в Галиции в самом начале Первой мировой войны (М.Э. Клоповой), а также в исследовании этногеографической терминологии, касающейся украинского вопроса, в текстах документации, подготовленной польскими экспертами для Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. (Е.А. Прошиной). В статьях Ч. Фединец и Е.Ю. Борисенок анализируются идеологические доктрины и политические концепции, под воздействием которых складывалась официальная номинация территорий и этнокультурных сообществ, – процесс, инициированный и регулируемый властями «сверху» с целью

закрепления и усиления позиций (необходимых для реализации национальной политики) разных этнических групп. Другими словами, речь идет о способах конструирования нации в период межвоенного двадцатилетия в Венгрии и Советской России / СССР.

Две статьи освещают лингвистические изменения последнего десятилетия, происходящие в топонимах, относящихся к Малороссии / Украине и в наименованиях носителей российской и украинской идентичности разных политических убеждений. Внимание авторов-лингвистов (Е.Е. Левкиевской, О.А. Остапчук и Т.Н. Курохтиной) сосредоточено на общих языковых трансформациях в области этнонимии (этнофолизмы), источниками для реконструкции которых стали материалы СМИ, публикации, блоги и мнения пользователей Интернета — с российской и украинской стороны.

Такой многоаспектный и междисциплинарный подход к изучению исторической семантики в области номинаций и к ее тесной взаимосвязи с национальной политикой и государственной идеологией позволил выявить основные тенденции словоупотребления (в сфере идентификации в целом и в области терминологии в частности) и определить перспективы дальнейшего изучения восточнославянской этнонимии в широком исследовательском поле.

Актуальность и злободневность данной проблематики не может не оказывать влияния на теоретические позиции исследователей и на Украине, и в России, однако редколлегия приняла решение не стремиться к прояснению отдельных дискуссионных вопросов на страницах этого сборника, представляющего разные, несовпадающие друг с другом точки зрения. Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов.

Б. А. Галь
(Днепр)

Геоконцепт «Малороссия» на ментальных картах XVIII — первой половины XIX в.¹

Но что означает в селе Липцах, последней к Харькову станции, сия крутая перемена во всем, что только взору не представляется? <...> Неужели тут положен предел Империи, не в другое ли въезжаю я государство? — Нет! Империя все продолжается; а отсюда начинается край, называемый Малороссиею.

П. Сумароков².

Перифразируя выражение А. Коржибски³, Малороссия является не столько территорией, сколько конвенцией — интеллектуальной, а иногда еще и административно-правовой. Временами это понятие появляется на географических картах, обозначая и трансформируя ту же самую, большую или меньшую территорию, которую на тот момент интеллектуалы предпочитают называть «Малороссией». Временами полностью исчезает с карт, оставаясь лишь предметом споров по поводу внешних рубежей, внутренней организации и самой природы территории, которая обозначается этим понятием в рамках разных идеологических течений. Неустойчивый характер этого интеллектуального продукта, привязанного к изменчивой

почве, наилучшим образом передает разработанное в рамках гуманитарной географии понятие «геоконцепт».

Геоконцепт состоит из трех элементов — территориальной основы, её названия (топонима) и образа⁴. Формируется под влиянием двух основных процессов: концептуирования (исторического освоения территории в культуре) и концептуализации (сознательного создания новых физических, ономастических и ментальных смыслов). Множественность (неопределенность) территориальной локализации рассматривается как фундаментальная черта геоконцепта, а ретерриториализация (изменение территориального прикрепления) — как один из механизмов концептуализации⁵.

История изучения «разнообразных практик «символического присвоения пространства»⁶, т.е. концептуирования и концептуализации Малороссии начинается с работы А. Шафонского «Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России из частей коей оное наместничество составлено» (1786)⁷. В дальнейшем фрагментарно исследовались изменения территориальной основы геоконцепта «Малороссия» (территориальные трансферы в рамках Южного Левобережья⁸, природа т.н. «Малороссийского генерал-губернаторства»⁹), история использования топонимов «Малая Русь» / «Малороссия»¹⁰, образ Малороссии в записках путешественников¹¹.

В данной статье на основе анализа законодательных актов, делопроизводственных материалов, административной переписки и записок путешественников XVIII — первой половины XIX вв. сделана попытка проследить логику связей географического воображения и административной практики, определить особенности процессов локализации (концептуирования) и ретерриториализации (концептуализации) геоконцепта «Малороссия».

Малороссия, концептуирование

В начале XVIII в. под «Малороссией» понимали приграничную периферийную¹² территорию с домодерной администрацией, нелинейным¹³ административно-территориальным делением и неустановившимся названием — собственно «Малороссия» (отсюда «Малороссийский приказ», «Малороссийская коллегия») и «Войско

Запорожское» в номенклатуре гетманской администрации. Власть последней и/или вынесенных на местность центральных органов территориального управления не распространялась на отдельные учреждения, социальные, этнические и религиозные группы с четкой территориальной привязкой, которые приобретали статус экстерриториальности. Таким образом, если понимать под Малороссией территорию действия определенных правовых норм, поддерживаемых определенным управленческим аппаратом, то эта территория не была сплошной.

По областной реформе 1708 г. территория Малороссии («десяти малороссийских полков») была включена в состав Киевской губернии¹⁴, которая простиралась от верховьев Сожи на севере до между-речья Ворсклы и Орели на юге, от Днестра на западе¹⁵ до левого берега Оскола на востоке.

По второй областной реформе 1719 г. Киевская губерния была разделена на четыре провинции, — малороссийские полки вошли при этом в состав Киевской провинции. В 1727 г. из Белгородской провинции Киевской губернии была создана отдельная Белгородская губерния, в которую из состава Киевской в том же году были переданы Севская и Орловская провинции.

Время выделения из состава Киевской губернии земель на север от малороссийских полков¹⁶ остается под вопросом. С одной стороны, в табели губерний 1719 г. упоминается Рославльский уезд Смоленской провинции Рижской губернии, а в табели губерний 1745 г. — Рославльский уезд Смоленской губернии. Кроме того, российский статистик К. Арсеньев утверждает, что после отделения трех восточных провинций в 1727 г. «собственно же Киевская губерния осталась при 10 полках Малороссийских казаков»¹⁷. С другой стороны, на географической карте, составленной где-то между 1727 и 1745 гг., земли Рослава и его округи все еще значатся в границах Киевской губернии¹⁸.

Таким же спорным остается в историографии вопрос южных границ Киевской губернии. Если Е. Зябловский и К. Арсеньев считают, что в состав Киевской губернии входили Запорожская Сечь и Новая Сербия («причислялись»), а также часть Старой Украинской линии («принадлежала»)¹⁹, то, по мнению В. Кабузана, Новая Сербия, также как Славяно-Сербия и Новослободский казачий полк «не входили административно в состав каких-либо губерний России и не

разделялись на уезды. Эти территории подчинялись непосредственно Сенату и Военной коллегии»²⁰.

После создания Малороссийской коллегии (10.11.1764) происходит территориальное размежевание Малой России и Киевской губернии, — на протяжении последующих одиннадцати лет (1764–1775) киевская губернская администрация не только де-факто, но и де-юре контролировала лишь Киев с окрестностями, таможни на польской границе и раскольников в Малой России. Именным указом Сенату от 20 октября 1775 г. киевская губернская канцелярия была ликвидирована²¹, а контроль над раскольниками, киевским магистратом и киевскими окрестностями («той пограничной страной») передавался «Малороссийскому Правительству» и лично малороссийскому генерал-губернатору П. Румянцеву²²; 8 сентября 1780 г. ему же были подчинены таможни с заставами²³.

«Поглощение» Малороссией губернского центра и остатков Киевской губернии в целом растянулось на 16 лет и имело при этом довольно неопределенные последствия с точки зрения осознания Киева как неотъемлемой части Малороссии. Собственно «присоединение» Киева к Малороссии (20.10.1775) аргументировалось не традицией, а исключительно управленческой целесообразностью («по настоящему времени, для лучшего порядка в управлении»), и два десятилетия спустя современники отмечали сомнительный статус Киева как не вполне малороссийского города²⁴, пока Павел I, восстанавливая «исторические» территориальные границы Малороссии (30.11.1796), не решил «город Киев с его окружностью, по положению его за рекой Днепром, от Малой России отделить для того, что к оному особая Губерния из возвращенных к Империи Нашей от Польши земель приписана будет»²⁵, т.е. не восстановил статус-кво территории Киева и его окрестностей на момент появления указа от 20 октября 1775 г.²⁶.

Рубежи собственно Малороссии («10 полков Малороссийских казаков») определялись польско-российскими межгосударственными границами 1638 г. (восточный рубеж) и 1667–1686 гг. (западный рубеж). Размежевание 1719–1727 гг. сначала провинций, а затем и губерний Киевской и Белгородской окончательно закрепило *восточный рубеж* Малороссии²⁷.

С установлением российского контроля над «заднепровскими местами» (1732, 1793–1795) практиковалось непродолжительное

включение в *западные рубежи* Малороссии бывших польских владений, которые вряд ли были концептуированы в качестве части Малороссии. Так, к малороссийским Полтавскому (с 1741) и Миргородскому (с 1743) полкам были приписаны местности вокруг местечек Каменка, Мишурин Рог, Крылов (с 1754 г. — Новослободской казачий полк)²⁸.

Полстолетия спустя, во время подготовки к аннексированию империей правобережных земель (1792) высказывалось мнение о необходимости присоединить к «малороссийским» Киевскому и Черниговскому наместничествам «из новых те уезды, поветы или иного звания земли, кои поблизости удобнее; например, ... Мозырский округ и часть Воеводства Киевского присоединены могут быть к Черниговской и Киевской Губерниям»²⁹. По результатам 3-го раздела Речи Посполитой это намерение было уточнено, — в состав Киевского наместничества вошла восточная часть бывшего Киевского воеводства (от Припяти на севере до Роси и Горного Тикича на юге), а вот в состав Черниговского — Речицкий округ на правом берегу Днепра (от Припяти на юго-западе до Березины на северо-востоке) вместо Мозырского (последний отошел к Минскому наместничеству)³⁰. Однако, уже 29 августа 1797 г. при окончательном определении «исторических» границ Малороссийской губернии Речицкий уезд³¹ был присоединен «для удобства» к Минской губернии³².

За *южный рубеж* Малороссии с 1687 г. продолжался спор казаков «малороссийского» Полтавского полка с запорожскими казаками из-за владения местностью между Орелью и Самарой. Запорожская сторона при этом ссылалась на апокрифический универсал Б. Хмельницкого, по которому по Орели проходил южный рубеж Полтавского полка³³. В конце концов, именно по Орели была проведена граница между малороссийскими и запорожскими землями после возвращения запорожцев в российское подданство (1733), как отмечает новороссийский военный и гражданский губернатор Н. Бердяев в письме от 31 января 1797 г.: «Я соображаюсь той самой границе которая существовала между Малороссиею и войском Запорожским, до отделения в 1736 году Старой Линии под Ландмилицкие полки³⁴, а потом в 1764 Году к Новороссийской губернии»³⁵. Окончательное, теперь уже номинальное, размежевание Малороссии и Запорожской Сечи произошло в 1754 г., когда по просьбе запорожской старшины

(«состояла под ведомством Гетмана») К. Разумовский издал универсал о запрещении использования в номенклатуре гетманской администрации понятия «Войско Запорожское» и замену его понятием «Малороссия»³⁶.

После размежевания Киевской губернии и Малой России (10.11.1764) и учреждения Новороссийской губернии (22.03.1764) в пользу последней³⁷ на протяжении следующих трех десятилетий произошел целый ряд территориальных трансферов, которые включали земли в междуречье Орели и Сулы³⁸:

– 2 сотни Миргородского полка (06.09.1764)³⁹;

– 2 сотни Миргородского, 2 сотни Лубенского, 2 сотни Переяславского, а также отдельные частные имения на территории Миргородского и Черниговского полков (ориентировочно, конец 1764 – начало 1765 гг.);

– 13 сотен Полтавского полка (26.02.1765)⁴⁰;

– 2 сотни Миргородского и 5 сотен Полтавского полка (20.10. – 17.12.1775)⁴¹;

– части Градижского и Голтвянского уездов Киевского наместничества с уездными центрами включительно (13.08.1785)⁴²;

– части Градижского и Голтвянского уездов Киевского наместничества (30.04.1789)⁴³;

– Хорольский и Миргородский уезды (27.01.1795)⁴⁴.

Как следствие, Екатеринославское наместничество на момент его ликвидации в 1796 г. поглотило земли двух полков бывшей Малороссии целиком (Полтавский и Миргородский) и еще двух полков частично (юго-восточная часть Лубенского и южная часть Гадяцкого полков). Аргументация трансферов использовалась патерналистско-рационалистическая («сообразив чувствуемые жителями изнеможения, с тою пользою, каковая по пограничности оных ожидаема быть должна»⁴⁵).

«Формула поглощения» малороссийских земель была впервые зафиксирована в прошении старшины, выборных казаков и владельцев с их подданными из сотенных местечек Власовки, Кременчуга и села Рылеевки (08.1764): «Нас целыми вышеозначенными местечками к Новороссийской Губернии, оставя нас при прежних наших землях и угодиях, под единое право и команду соединить»⁴⁶. Та же установка новороссийской администрации на административно-правовую унификацию присоединенных земель была подтверждена во время

трансфера 1775 г. («остаток Полтавского полка, из которого некоторая часть под правом Новороссийской Губернии уже состоит»⁴⁷).

Однако, несмотря на (очевидно, неудачную⁴⁸) унификационную установку, новороссийская администрация сохраняет представление об обособленности присоединенных территорий («несколько Малороссийских местечек»⁴⁹, «подшедшие из Малороссии»⁵⁰, «за возвращение к Малой России отделенных уездов») вплоть до обратных трансферов⁵¹:

– 2 сотни Миргородского, 2 сотни Лубенского, 2 сотни Переяславского, а также отдельные частные имения на территории Миргородского и Черниговского полков (26.02.1765)⁵²;

– Хорольский, Миргородский, Полтавский, Градижский уезды, части Алексопольского и Константиноградского уездов (с уездными центрами) Екатеринославского наместничества (30.11.1796)⁵³;

– часть Новомосковского уезда Екатеринославской губернии (27.03.1803)⁵⁴.

Провал собственно правовой унификации присоединенных малороссийских территорий зафиксировал Высочайше утвержденный доклад Сенату от 10 сентября 1781 г., в котором «от Сената Новороссийской Губернской Канцелярии предписано, тех мест жителей дела решать по Малороссийским правам»⁵⁵. То есть вместо «нормальной» схемы апелляции: губернская канцелярия — юстиц-коллегия — 2-й департамент Сената, для населения «малороссийской» части Новороссийской губернии предлагалась иная схема (аналогичная малороссийской): губернская канцелярия — 3-й департамент Сената.

Относительно территории открытых в 1782 г. Новгород-Северского, Черниговского и Киевского наместничеств английская исследовательница И. де Мадариага высказала мысль, что с введением «Учреждения для управления губерний» 1775 г. на землях малороссийских полков «должно было исчезнуть само понятие «Малороссия». Вместо нее возникли три губернии, которые непосредственно подчинялись российской короне и не имели между собой никаких организационных взаимосвязей, хотя все три возглавлял один наместник»⁵⁶. Однако, в законодательных актах и делопроизводственных материалах не находим этому подтверждений, — напротив, в имперском законодательстве 1782–1796 гг. широко используются понятия вроде «Малороссийские судебные места»⁵⁷, «Малороссия»⁵⁸,

«Малороссийские губернии»⁵⁹. Географы и статистики того времени А. Шафонский (1786)⁶⁰ и С. Плещеев (1787)⁶¹ также широко используют понятие «Малой России» в значении территории трех наместничеств.

Выделение в отдельную территориальную единицу и, одновременно, объединение в административной практике всего комплекса земель, которые географическое воображение XVIII в. считало «малороссийскими», произошло на тех же историко-правовых основаниях, что и собственно «осознание Малороссии» — как территории бытования определенных правовых норм, поддерживаемых определенным управленческим аппаратом. Запустила этот процесс административно-территориальная реформа 1796–1797 гг., которой «даровано Малой России почти первообразное ее устройство»⁶², предусматривавшее, в частности, «быть одной Губернии в городе Чернигове, причисляя к оной отделенныя к Новороссийской, что потом названа Екатеринославскою, Губернии, Полтавский бывший полк, також от бывшаго Миргородского полка город Кременчуг с прочими местечками и селениями, а равномерно и уезды, после того к Екатеринославской же Губернии отделенные»⁶³. А завершил осуществленный по инициативе малороссийского генерал-губернатора князя А. Куракина территориальный трансфер 1803 г., который включил в состав Малороссийской Полтавской губернии «пространство между реками Берестовою и Орелю лежащее, дабы тем восстановить древние пределы Малороссии, соединить и сию издревле принадлежавшую к ней часть под единое управление и права, коими прочие обыватели ее пользуются и вместе с тем доставить Земской Полиции более удобства и средоточия в ее действии»⁶⁴.

Малороссия, концептуализация

В первой половине XIX в. понятие «Малороссия» обозначает в административной практике территорию двух губерний — Черниговской и Полтавской⁶⁵, чему находим многочисленные подтверждения в законодательных актах: «обеих Малороссийских губерний» (14.12.1826)⁶⁶, «о замене Магдебургского Права в Малороссии Литовским Статутом и общими Российскими узаконениями» (03.02.1831)⁶⁷, «Губернским Начальствам присоединенных

от Польши, также Малороссийских и Остзейских Губерний» (23.02.1831)⁶⁸, «в Губерниях Малороссийских, Полтавской и Черниговской» (06.12.1831)⁶⁹, «об уничтожении в Малороссийских губерниях должностей Подкомориев, Коморников, Возных и Хорунжих» (16.01.1834)⁷⁰, «собрать и привести совершенную ясность все древние постановления, которые на основании дарованных Малороссийскому краю Предками Нашими особых прав, сохраняют доселе в губерниях Черниговской и Полтавской свою силу и действие» (04.03.1843)⁷¹.

Следом за законодателем, представление о единстве двух малороссийских губерний и, определенным образом, отличии их от восточных (Слободско-Украинская / Харьковская губ.), южных (Екатеринославская губ.) и западных (Киевская губ.) регионов разделяли заезжие администраторы (И. Долгоруков, В. Левашов⁷²), местные помещики (С. Кочубей, В. Пассек) и отдельные российские географы (И. Павловский⁷³, К. Арсеньев⁷⁴).

Со стороны государства «вызовом» для геоконцепта «Малороссия» на сформированных в XVIII в. историко-правовых основаниях стал отказ имперской администрации от территориального принципа управления в пользу отраслевого, который повлек за собой игнорирование ведомственным делением единства и обособленности территориальной основы геоконцептов. В результате некоторые ведомственные округа равнялись отдельно Полтавской и Черниговской губерниям (медицинские управы⁷⁵), некоторые «растворяли» их в массу прочих губерний (университетские округа 1803 г.⁷⁶, округа водных и сухопутных сообщений 1809 г.⁷⁷, почтовые округа 1810 г.⁷⁸, округа лесного хозяйства 1842 г.⁷⁹), а кое-какие при этом еще и разделяли их (области временного ополчения / милиции 1806 г.⁸⁰, внутренней стражи 1817 г.⁸¹, университетские округа 1832 г.⁸²).

В свою очередь интеллектуалы начинают «переопределять» геоконцепт «Малороссия», используя при этом историко-этнографические критерии. Если раньше речь шла о подведении административных границ под сферу правовых норм (или ее рационалистическое игнорирование), то теперь начались поиски бытования этноса в разные времена, соответствие «исторической» территории бытования этноса нынешним границам его расселения и территории, которая административно «закреплена» за этим этносом. Одним словом, территориальную основу геоконцепта «Малороссия»

после рубежа XVIII–XIX вв. определяют «малороссы», а не «малороссийское право».

Для геоконцепта «Малороссия» это привело к разнонаправленным (а)синхронным процессам ретерриториализации, которые проявлялись в разделении, смещении, расширении и замещении территориальной его основы.

Разделение. Еще А. Шафонский (1786) выделял северную и южную части Малороссии, — «южная заключает в себе всю Киевскую и ту часть Черниговской губернии, которая между реками Десною, Пслон и за оным лежит; к северной ее части принадлежит вся Новгородская-Северская губерния», — которым отвечают разные климатические зоны («лес», «степь»), языковые диалекты одного «славяно-русского языка» и т. п.⁸³

В конце XVIII – первой четверти XIX вв. это разделение абсолютизируется и связывается с наличием двух разных этнографических групп. Я. Маркович (1798) и А. Лёвшин (1816) «находят» в двух частях Малороссии «литвинов» и «украинцев», а О. фон Гун — «две страны» (т. е. территориальную основу двух новых геоконцептов): «Украиною называют здесь часть, начинающуюся от реки Сейм и Десны, а та часть, лежащая между Российской границы и сих рек, называется Литвою. Но не одним только названием различаются страны сии; они различаются всем, как-то: наречием, обычаями, одеждою и самым даже видом людей, жизнью их, земледелием и кряжем земли, одним словом так, что, переехав Сейм, кажется, въедешь в другую землю»⁸⁴.

Расширение. Представление о возможной изменчивости территориальной основы геоконцепта, несоответствие пределов исторического расселения «малороссов» территории, закрепленной за ними в административной практике, приводит к поискам «исторической» Малороссии вне границ двух малороссийских губерний, определенных окончательно в 1803 г.⁸⁵ В частности, допускается, что «историческую» Малороссию составляли земли тогдашней Харьковской губернии (П. Сумароков⁸⁶, Е. Зябловский⁸⁷) или ее части (И. Павловский⁸⁸), Киевской (К. Арсеньев⁸⁹, И. Павловский⁹⁰), Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Подольской губ. (С. Кочубей⁹¹, И. Павловский⁹²).

Не исключено, что именно эта «воображаемая география» интеллектуалов приводит к административному переопределению института малороссийского генерал-губернатора, — сначала к слухам (или

даже проекту) о присоединении Киевской губернии (1831)⁹³, а потом к появлению института харьковского, черниговского и полтавского генерал-губернатора (1835–1856).

К середине XIX в. представление о территориальной основе геоконцепта «Малороссия» теряется, образ расплывается, вплоть до заявлений о том, что «в той же Малороссии, какая она теперь, [...] нет ни границ, ни литературы, ни политических идеалов, годных к осуществлению, ни отдельных от остальной России интересов, нет даже высшего класса с особенной цивилизацией, — словом не существует ничего такого, что могло бы само по себе создать, без пособия центра, даже сильную провинциальную жизнь»⁹⁴.

Смещение. Выделение «Литвы» и «Украины» в составе геоконцепта «Малороссия» приводит к отождествлению «исторической» Малороссии лишь с южной частью, т.е. «Украиной», что оставляет так называемую «Литву» вовсе за пределами геоконцепта, как, например, у И. Павловского Малороссия «простиралась от южной части губ. Черниговской, до южной границы Полтавской»⁹⁵.

Замещение. Отождествление «Малороссии» с «Украиной» имело еще одно важное последствие. Оно создавало благоприятные условия для следующей аналитической операции — постепенного отождествления «малороссийской» «Украины» (сначала ее этноса, а потом и территориальной основы) с другими, уже известными на тот момент «Украинами», причем не в далеком прошлом, а в современности — «Польской Украиной» (П. Вигель⁹⁶, К. Арсеньев⁹⁷), «Русской Украиной» (С. Кочубей⁹⁸, К. Арсеньев⁹⁹) и «Новороссийской» (Н. Корж¹⁰⁰), и последующего вытеснения геоконцепта «Малороссия» новым геоконцептом «Украина», ретерриториализация (концептуализация) которого пришлось уже на рубеж XIX–XX вв.

* * *

Наличие изменчивой территориальной основы, топонима и образа позволяет интерпретировать «Малороссию» как геоконцепт, который подлежит концептуированию и концептуализации. Процессы локализации (концептуирования) геоконцепта приходятся на XVIII в., а ретерриториализация (концептуализация) — на первую половину XIX в.

Концептуирование «Малороссии» предусматривало локализацию территории (административное и «воображаемое» отделение от

Речи Посполитой, Киевской губернии, Запорожской Сечи и Новороссии), утверждение топонима (отказ от использования альтернативного понятия «Войско Запорожское»), определение образа сферой бытования права и соответствующего администрирования.

Концептуализация «Малороссии» определялась поглощением территории бóльшими образованиями (ведомственными и генерал-губернаторскими округами), ретерриториализацией (процессы разделения, смещения, расширения и замещения территориальной основы) геоконцепта, конфликтом альтернативных топонимов («Малороссия» / «Украина»), определением образа сферой распространения этноса и (по инерции) историко-административной традицией. Именно последняя блокирует завершение концептуализации на новой (широкой) территориальной основе, что и приводит к вытеснению его на рубеже XIX–XX вв. геоконцептом «Украина»¹⁰¹.

Примечания

¹ Авторский перевод отредактированной версии статьи: *Галь Б. О.* Геоконцепт «Малоросія» на ментальних мапах XVIII — першої половини XIX ст. // *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки*. Вип. 7. Київ, 2013. С. 93–109.

² *Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова*. СПб., 1803. Ч. 1. С. 45.

³ «Карта не есть территория», 1931 г. (цит. по: *Колесник І. І.* Ментальне картографування та професія історика: між раціональним й уявленим // *Український історичний журнал*. 2012. № 5. С. 138).

⁴ *Зямятина Н. Ю.* Концептуальные основы изучения региональных образов // *Региональные исследования*. 2011. № 2(32). С. 34–35; *Калуцков В. Н.* Геоконцепты в географии // *Культурная и гуманитарная география*. 2012. Т. 1. № 1. С. 27. Текст доступен по адресу: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/27>.

⁵ *Калуцков В. Н.* Геоконцепты в географии. С. 28.

⁶ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования М.: НЛЮ, 2006. С. 73.

⁷ [*Шафонский А. Ф.*] Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России из частей коей оно наместничество составлено. Киев, 1851. XII+697 с.

⁸ [*Зябловский Е.*] Землеописание Российской империи для всех состояний, Санктпетербургского Педагогического Института Ординарного Профессора Евдокима Зябловского. СПб., 1810. Ч. III. 58 с.; [*Арсеньев К.*] Статистические очерки России. Сочинение Константина Арсеньева. СПб., 1848. 503 с.; *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Том первый. М., 1902. С. 1, 272–284; *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой

половине XIX века (1719–1858). М., 1976; *Пірко В.* Заселення Степової України в XVI–XVIII ст. Донецьк, 1998; *Галь Б. О.* Особливості адміністративного районування межиріччя Орлі і Сули (друга половина XVIII – початок XIX ст.) // *Історія і культура Придніпров'я: Невідомі та маловідомі сторінки: Науковий щорічник.* Вип. 8. Дніпропетровськ, 2011. С. 10–27. Текст доступен по адресу: <http://ikr.nmu.org.ua/pdf/2011/3.pdf>.

⁹ *Шандра В. С.* Малоросійське генерал-губернаторство, 1802–1856: функції, структура, архів. Київ, 2001. С. 14; *Мацузато К.* Ядро или периферия империи? Генерал-губернаторство и малороссийская идентичность // *Український гуманітарний огляд.* Вип. 7. Київ, 2002. С. 69–82; *Мацузато К.* Рец. на кн.: Валентина Шандра. Малоросійське генерал-губернаторство 1802–1856. Функції, структура, архів. Київ: Держ. ком. архівів України, 2001 // *Ab Imperio.* 2002. № 2. С. 605–616.

¹⁰ *Толочко П.* Русь – Мала Русь – руський народ у другій половині XIII – XVII ст. // *Київська старовина.* 1993. № 3. С. 3–14; *Яковенко Н.* Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст.) // *Міжкультурний діалог.* Т. 1: Ідентичність. Київ, 2009. С. 57–95; *Толочко П.* Україна і Русь в літописі Самовидця // *Київська старовина.* 1992. № 3. С. 7–10; *Кравченко В. В.* «Росія», «Малоросія», «Україна» в російській історіографії другої половини XVIII – 20-х років XIX ст. // *Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія.* 1995. Т. 5. С. 3–16; *Ясь О. В.* Мала Русь [Електронний ресурс] // *Енциклопедія історії України:* Т. 6: Ла-Мі. Київ, 2009. Текст доступен по адресу: http://www.history.org.ua/?termin=Mala_Rus; *Литвинова Т. Ф.* «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII – у першій половині XIX століття (ідеологічний аспект). Дніпропетровськ, 2011. С. 77–82; *Дзюба О.* «Україна» і «Малоросія»: слова і поняття в українській мемуарній літературі XVIII ст. // *Україна в Центрально-Східній Європі.* Вип. 15. Київ, 2015. С. 42–52.

¹¹ *Синицький Л.* Малороссия по рассказам путешественников конца прошлого и начала нынешнего столетия // *Киевская Старина.* 1892. Т. XXXVI. Февраль. С. 226–259; *Синицький Л.* Путешествия в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И. М. Долгорукого // *Киевская Старина.* 1893. Т. XL. Февраль. С. 274–292; Март. С. 412–441; 1893. Т. XLI. Апрель. С. 29–49; *Соловьев А. Ю.* «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011; *Ибнеева Г. В.* Путешествия Екатерины II: опыт освоения имперского пространства. Казань, 2006; *Мельцин М.* Памятные места Украины в мемуарах и путевых заметках кн. И. М. Долгорукова: знаменитое и лично значимое // *Київська старовина.* 2010. № 2. С. 133–141; *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ, 2012; *Шталлов Д. В.* Українське козацтво очима російських мандрівників початку XIX ст. // *Історія і культура Придніпров'я: Невідомі та маловідомі сторінки: наук. щорічник.* Дніпропетровськ, 2013. Вип. 10. С. 195–204.

¹² Т. е. такую, которая управляется иначе (на основе других правовых норм), чем центр и провинция.

¹³ Авторы табели губерний 1719 г. предполагали, но, похоже, не преуспели в заведении линейного деления территории: (Киевская) губерния – (Киевская) провинция – (Киевский, Переяславский, Нежинский, Черниговский, Переволочанский, Полтавский) уезды.

¹⁴ Вопрос размежевания полномочий малороссийской администрации и киевской губернской канцелярии (1708–1782), фактически, лишь поставлен в историографии,

см.: Лазарев А. Я. Проблема соотношения Киевской губернии и Гетманской Украины в годы петровских реформ в российской историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 89–98.

¹⁵ На правом берегу Днепра в состав Киевской губернии входило междуречье Ирпеня и Стугни, а также Карантин возле Василькова и околицы Триполья на правом берегу Стугни.

¹⁶ Местечко Рославль находилось почти в центре этой части Киевской губернии.

¹⁷ Правда, следующий его тезис — «главою коих был Гетман, имевший пребывание свое в городе Батурино» — ставит под сомнение корректность всего данного утверждения ([Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 73, 82).

¹⁸ Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою Великия сея Империи, старанием и трудами Императорской Академии Наук. СПб., 1745. Л. 22.

¹⁹ [Зябловский Е.] Землеописание Российской империи. С. 120–121; [Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 86, 82.

²⁰ Кабузан В. М. Заселение Новороссии. С. 52.

²¹ Исходя из данных «Месяцословов», киевская губернская канцелярия функционировала до открытия Киевского наместнического правления (1782).

²² Именной, данный Сенату. О присоединении города Киева к Малороссии. 20.10.1775 // Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. XX. № 14381. С. 223.

²³ Именной, данный Сенату. Об отдаче состоящих на границе в Губернии Малороссийской таможен, с принадлежащими к ним заставами в ведение и распоряжение тамошнего Генерал-Губернатора. 08.08.1780 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 15042. С. 969. Это едва ли не единственный случай, когда в законодательных актах упоминается Малороссийская губерния вместо Малой России. Тем не менее, в статистических описаниях того времени (Историческое и топографическое описание Киевской губернии с частным описанием городов и уездов оныя и с приложением карт как губернской, так городам и уездам, сочиненное по высочайшему повелению 1787 года генваря 20 дня // Описи Київського намісництва 70–80-х років XVIII ст.: Описово-статистичні джерела. Київ, 1989. С. 175) и в черновиках императрицы Екатерины II также встречается упоминание Малороссийской губернии (Собственноручный черновой манифест Имп. Екатерины II. (1778 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее — СИРИО). СПб., 1880. Т. 27. С. 164).

²⁴ Толочко А. Киевская Русь. С. 125–126.

²⁵ Именной, данный Сенату. О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно тамошним правам и прежним обрядам. 30.11.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. С. 213.

²⁶ Возможно, более раннего периода, на что указывает появление должности киевского военного губернатора, управляющего гражданской частью Малороссийской губернии.

²⁷ «Вся восточная граница нынешней Черниговской губернии, издавна отделившая землевладельцев, живших при разных политических условиях, не была

нарушаема в течение последних трех веков (XVII–XIX)»: ([*Русов А. А.*] Описание Черниговской губернии. Составлено по поручению Губернского Земства членом Императорского Русского Географического Общества А. А. Русовым. Т. I. Чернигов, 1898. С. 20–21).

²⁸ Сенатский. — О причислении новопоселенных Заднепровских мест Росийско-го владения к Миргородскому полку; об устройении там крепостей, и о запрещении допускать откупщиков в слободы, принадлежащие Миргородскому и Полтавскому полкам. 30.10.1843 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XI. № 8813. С. 943–944; *Пірко В.* Заселения Степової України. С. 53; *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии. С. 51, 52.

²⁹ Именной, данный генералу Кречетникову. — О распоряжениях в Польских Областях, занятых Российскими войсками. 8.12.1792 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17090. С. 388.

³⁰ Именной, данный Сенату. — Об учреждении, в Киевском и Черниговском Наместничествах уездных городов из местечек и об открытии там присутственных мест; об образе удовлетворения владельцев, коим местечки сии принадлежали; и о наполнении их потребными чиновниками. 29.10.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17526. С. 966.

³¹ Законодатель последних лет правления Екатерины II использует понятия «уезд» и «округ» как синонимичные.

³² Высочайше утвержденный доклад Сената. — О назначении границ губерниям: Новороссийской, Киевской, Минской, Волынской, Подольской и Малороссийской и о разделении их на уезды. 29.08.1797 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. № 18177. С. 706–710.

³³ *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків: У 3 т. Київ, 1990–1991. Т. 1. Київ, 1990. С. 29.

³⁴ Д. Яворницький относит к 1746 г. решение «поселить на границе Украины девять ландмилиейских полков; для чего назначалось взять от юго-восточной границы Украины вглубь линии на 40, и за линию на 30 верст земли» (*Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. С. 44).

³⁵ Цит. по: *Галь Б. О.* Особливості адміністративного районування. С. 22.

³⁶ Сохранился и введен в научный оборот соответствующий универсал переславскому полковнику С. Сулиме.

³⁷ А также созданных на этой территории Азовской губернии (1775) и Екатеринославского наместничества (1783).

³⁸ Подробнее см.: *Галь Б. О.* Особливості адміністративного районування. С. 10–27.

³⁹ Высочайше утвержденное прошение Малороссийских сотенных Старшин местечек Кременчуга и Власовки. О присоединении их местечек с жителями, землями и угодьями к ведомству Новороссийской Губернии. 06.09.1764 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVI. № 12236. С. 894–895.

⁴⁰ Именной, данный Графу Румянцову. — О возвращении в ведомство Малороссии местечек, вошедших по новому образованию в состав Новороссийской Губернии. 26.02.1765 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVII. № 12339. С. 71–72.

⁴¹ Высочайше утвержденный доклад Сената. — Об отдаче в ведомство Новороссийской Губернии Миргородского полка местечек Поток и Омельник; и о присоединении к Азовской Губернии местечка Новые и Старые Водолаги, также города Тор с уездом. 20.10.1775 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14381. С. 221–222; Сенатский. — Об отдаче в ведомство Новороссийской и Азовской Губерний Генерал-Губернатора Графа

Потемкина местечек Миргородского полка Поток, Омельник и Водолаг. 17.12.1775 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14411. С. 326–327.

⁴² Именной, данный Генерал-Фельдмаршалу Князю Потемкину. — О назначении границ Екатеринославского Наместничества и Таврической области; о построении каменной дороги и мостов при Кизикирмене; о прорытии канала от Днепра в губу при Збурьевском ретраншаменте с пристанью; о поселении в Таврической области оставшихся за штатом церковнослужителей, Ставропольских Калмык и старообрядцов, о и позволении сим последним отправлять служение по старопечатным книгам. 13.08.1785 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXII. № 16239. С. 438–440.

⁴³ Подписанный Екатериною II указ Потемкину: утверждает границы между Екатеринославской и Киевской губерниями, на основании карты 1785 г., и повелевает поставить знаки на границе, на основании указа 1781 г. (30 апреля 1789 г.) // СИРИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 8.

⁴⁴ Именной, данный Сенату. — Об учреждении Вознесенской Губернии из части, отходящей от Брацлавской Губернии из земли, от Порты приобретенной, и из трех уездов Екатеринославского Наместничества: Херсонского, Елисаветградского и Новомиргородского. 27.01.1795 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17300. С. 641–644.

⁴⁵ Высочайше утвержденный доклад Сената. — Об отдаче в ведомство Новороссийской Губернии Миргородского полка местечек Поток и Омельник; и о присоединении к Азовской Губернии местечка Новые и Старые Водолаги, также города Тор с уездом. 20.10.1775 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14381. С. 221.

⁴⁶ Высочайше утвержденное прошение Малороссийских сотенных Старшин местечек Кременчуга и Власовки. — О присоединении их местечек с жителями, землями и угодьями к ведомству Новороссийской Губернии. 06.09.1764 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVI. № 12236. С. 895; Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Вып. II. Экстракт из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материям, на девятнадцать частей. Собрано в Правительствующем Сенате по малороссийской экспедиции 1786 года. Чернигов, 1902. С. 287.

⁴⁷ Высочайше утвержденный доклад Сената. — Об отдаче в ведомство Новороссийской Губернии Миргородского полка местечек Поток и Омельник; и о присоединении к Азовской Губернии местечка Новые и Старые Водолаги, также города Тор с уездом. 20.10.1775 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14381. С. 222.

⁴⁸ В. Кабузан по поводу возможных причин указывает, что «искусственное включение каких-то частей этих районов в состав Новороссии не означало, что они сделались новороссийскими. Плотность, состав населения, его географическое размещение в Новороссии были совсем иными, чем в Малороссии или Слобожанщине» (*Кабузан В. М. Заселение Новороссии*. С. 63).

⁴⁹ Высочайше утвержденный доклад Генерал-Поручика Мельгунова. — Об учреждении, для вновь присоединенных к Новороссийской Губернии Провинций, четырех Канцелярий, и о построении моста у Кременчуга чрез реку Днепр. 26.03.1765 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVII. № 12367. С. 102.

⁵⁰ Именной, данный Екатеринославскому Губернатору Каховскому. — Об учреждении Межевой Экспедиции при Екатеринославском Наместническом Правлении. 15.02.1792 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17064. С. 353.

⁵¹ Именной, данный Сенату. — О новом разделении государства на губернии. 12.12.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17594. С. 229.

⁵² Именной, данный Графу Румянцову. — О возвращении в ведомство Малорос- сии местечек, вошедших по новому образованию в состав Новороссийской Губернии. 26.02.1765 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVII. № 12339. С. 71.

⁵³ Именной данный Сенату. — О восстановлении в Малороссии правления и су- допроизводства сообразно тамошным правам и прежним обрядам. 30.11.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17594. С. 212.

⁵⁴ Именной данный Сенату. — О новом разделении Малороссийской губернии на поветы. 27.03.1803 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20684. С. 510.

⁵⁵ Высочайше утвержденный доклад Сената. — О вносе апелляций на решения Но- вороссийской Губернской канцелярии прямо в 3-й Сената Департамент, и о сроке, для сего назначенном. 10.09.1781 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. — Т. XXI. № 15224. С. 244–245.

⁵⁶ *Мадарица И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 495.

⁵⁷ Сенатский указ. — О введении употребления гербовой бумаги в Малороссий- ских Судебных местах. 22.04.1782 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXI. № 15385. С. 493–495.

⁵⁸ Сенатский указ. — О небытии в Малороссии положенным по тамошным правам чиновникам, именуемым возными и подвойскими, поелику должность их по Учрежде- нию о Губерниях возложена на Земские Суды, Земских Исправников и Городничих. 27.07.1782 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXI. № 15478. С. 645; Именной, объявленный Гене- рал-Прокурором. — О судопроизводстве по уголовным делам в Малороссии, на основа- нии, Учреждения для управления Губерний. 19.01.1783 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXI. № 15643. С. 799; Именной, данный Генерал-Прокурору. — Об оставлении на прежнем окладе перешедших из Малороссии в Екатеринославскую Губернию разного звания лю- дей; о причислении всех Цыган, в той Губернии живущих, к поселянам казенного ведом- ства; о взискании с них поземельных денег и о незапрещении им записываться в мещан- ство и цехи. 28.05.1792 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17048. С. 337–338.

⁵⁹ Сенатский. — О дозволении Дворянам пользоваться правом винокурения и продажею вина в Малороссийских Губерниях. 07.08.1791 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 16981. С. 246–247; Сенатский. — О совершении в Малороссийских Губер- ниях крепостных актов в Уездных Судах до 100 руб., а свыше 100 руб. в Гражданских Палатах. 10.10.1791 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 16991. С. 257–258; Сенат- ский. — О порядке продажи арестованных за долги Дворянских и мещанских имений в Малороссийских Губерниях. 11.12.1791 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17003. С. 284–286; Высочайше утвержденный доклад Сената. — Об отдаче оброчных статей, находящихся внутри городов малороссийских Губерний в предместьях и на выгонной земле, во владение тем городам, с исключением оных из оклада. 08.05.1792 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17045. С. 335–336.

⁶⁰ «Малая Россия, Европейской Российской Империи западно-южная часть, граничит к востоку с Курским, Харьковским и частью Екатеринославским, к югу или полудню с Екатеринославским наместничествами и Польскою Украиную или Подолиею, к западу с Великим Княжеством Литовским и Белорусским-Могилев- ским наместничеством, а к северу с Смоленским и Орловским наместничествами». Впрочем, у А. Шафонского отразился и процесс культурной и религиозно-правовой унификации империи: «А в существе Малая Россия вся, до всею Российскою Империею, кроме губерний Рижской, Ревельской и Выборгской да некоторых обла- стей Татарских, России принадлежащих, употребляет один язык и исповедует один закон» ([Шафонский А. Ф.] Черниговского наместничества топографическое описа- ние. С. 3, 23).

⁶¹ «Новгород-Северское Наместничество <...> вместе с Черниговским и Киевским Наместничествами составляет Малороссию, и управляема одним Генерал-Губернатором» (Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии, учиненное Флота Капитана Святаго Георгия Кавалером Сергеем Плещеевым. СПб., 1787. С. 122).

⁶² [Антоновский М. И.] Малороссийские козаки (бывшие) // [Георги И. Г.]. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4-х чч. Часть четвертая. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и владычествующих россиянах, с описанием всех наименований козаков, так же История о Малой России и купно и Курляндии и Литве. СПб., 1799. С. 338.

⁶³ Именной данный Сенату. — О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно тамошним правам и прежним обрядам. 30.11.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17594. С. 212.

⁶⁴ Именной данный Сенату. — О новом разделении Малороссийской губернии на поветы. 27.03.1803 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20684. С. 510. Обратим внимание на отличное от историко-географической логики трансфера 1803 г. мнение В. Кабузана, что «Новороссия лишилась не только приобретенных ею временно частей Малороссии [...], но и территорий, которые органически могли считаться частью этого района ([...] Константиноградский уезд и т. д.)» (Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 63).

⁶⁵ Единство и обособленность двух губерний закрепляет существование института малороссийского генерал-губернатора (1801–1816) и военного губернатора (1816–1835).

⁶⁶ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату Управляющим Министерством Внутренних дел. — О учреждении при Черниговском Губернском Правлении временной Экспедиции для решения дел накопившихся по 1826 год, и о прибавке в Земские Суды Черниговской и Полтавской Губерний по одному Заседателю. 14.12.1826 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1830. Т. I. № 746. С. 1304.

⁶⁷ Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров. — О замене Магдебургского Права в Малороссии Литовским Статутом и общими Российскими узаконениями. 03.02.1831 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1832. Т. VI. Ч. I. № 4319. С. 119–122.

⁶⁸ Сенатский, по Высочайшему повелению. — Об именовании в бумагах Предводителями Дворянства всех тех лиц, которые, состоя в сих должностях, имеют в некоторых Губерниях различные названия. 23.02.1831 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1832. Т. VI. Ч. I. № 4382. С. 187.

⁶⁹ Именной, данный Сенату. — О присвоении присутственным местам Полтавской и Черниговской губерний, и лицам, в оных служащим, наименований, Учреждением о Губерниях для мест равных определенных. 06.12.1831 // ПСЗ РИ. Собрание 2-е. СПб., 1832. Т. VI. Отд. II. № 4992. С. 276.

⁷⁰ Именной, данный Сенату. — Об уничтожении в Малороссийских губерниях должностей Подкомориев, Коморников, Возных и Хорунжих. 16.01.1834 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1835. Т. IX. Отд. I. № 6718. С. 42.

⁷¹ Именной, данный Сенату, опубликованный 10 марта. — О введении в губерниях Черниговской и Полтавской общих о судопроизводстве постановлений Империи. 04.03.1843 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1844. Т. XVIII. Отд. I. № 16585. С. 115.

⁷² «Украина и Малороссия, находятся теперь не в том положении, которое бы удовлетворяло отеческому Вашему попечению» (Цит. по: Галь Б. О. Чернігівська, Полтавська та Харківська губернії середини 30-х рр. XIX ст. (за рапортами генерал-губернатора В. В. Левашова) // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 9–10: Patria. Харків, 2008. С. 203–204. Текст доступен по адресу: https://keui.files.wordpress.com/2010/12/16_gal.pdf).

⁷³ «Ныне собственно Малороссия заключает в себе губ. Черниговскую и Полтавскую; а Харьковская (прежде Слободско-Украинская) составляет так называемую Украину» [Павловский И.] География Российской Империи, составленная Иваном Павловским. Дерпт, 1843. Ч. 2. С. 8.

⁷⁴ [Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 55, 92, 135.

⁷⁵ [Зябловский Е.] Землеописание Российской империи. С. 145–146.

⁷⁶ Там же. С. 145.

⁷⁷ Учреждение. — Об управлении водяными и сухопутными сообщениями. 30.11.1809 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXX. № 23.996. С. 1330.

⁷⁸ [Зябловский Е.] Землеописание Российской империи. С. 146–147.

⁷⁹ Высочайше утвержденная докладная записка Министра Государственных Имуществ. — О разделении лесов на шесть вице-инспекций. 26 января 1842 // ПСЗ РИ. СПб., 1844. Т. XVIII. Отд. 2. Прибавление к XVII тому. С. 2.

⁸⁰ Черниговская губ. — в III-й Области, а Полтавская в VI-й (Манифест. О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции. 30.11.1806 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIX. № 22.374. С. 892–897).

⁸¹ Черниговский губернский батальон — в 4-м Округе, а Полтавский в 5-м (Указ из Военной Коллегии. О распределении Внутренних Гарнизонных батальонов на округа и бригады. Апреля // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24615. С. 631–632).

⁸² Черниговская губ. в Киевском университетском округе, а Полтавская — в Харьковском (Именной, данный Сенату. Об учреждении Киевского Учебного Округа. 14.12.1832 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1833. Т. VII. № 5825. С. 903–904.).

⁸³ [Шафонский А. Ф.] Черниговского наместничества топографическое описание. С. 13–14.

⁸⁴ Цит. по: Толочко А. Киевская Русь. С. 123–124.

⁸⁵ «Хотя древние пределы Малой России были гораздо обширнее, как из выше описанного явствует, но как сей Край России тогда не назывался так же и *Малую Россию*: то в сем наименовании, когда оное от Поляков произошло, и сколько обширности земли под оною тогда разумели, и где назначали пределы оной, и нельзя других мест, кроме настоящей Малороссийскою Губерниею объемлемых назвать *Малую Россию*, хотя судя по Народу Малороссийскому, заселяющему Губернии Слободско-Украинскую, Новороссийскую и почти все Киевскую, Вольнскую и Подольскую и можно бы подумать, что и сии Земли должны называться *Малую Россию*: но сие было бы не сходно с Истиною Историческою, а по тому *пределы настоящей Малой России суть пределы Губерний, граничащих с Малороссийскою настоящею Губерниею*» ([Антоновский М. И.] Малороссийские козаки (бывшие) // [Георги И. Г.]. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4-х ч. Ч. 4. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и владычествующих россиянах, с описанием всех наименований

козаков, так же История о Малой России и купно и Курляндии и Литве. СПб., 1799. С. 338–339).

⁸⁶ Шаталов Д. В. Українське козацтво. С. 196–197.

⁸⁷ [Зябловский Е.] Землеописание Российской империи. С. 119–121.

⁸⁸ [Павловский И.] География Российской Империи. С. 7.

⁸⁹ «Богдан Хмельницкий властвовал в обеих частях Малороссии в Приднепровской и Заднепровской» ([Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 92).

⁹⁰ [Павловский И.] География Российской Империи. С. 7.

⁹¹ «Малороссия, или коренные первоначальные жители ее, занимать могли землю по обеим сторонам Днепра: по левой стороне онаго, начиная от Переяславля, мимо Полтавы (примерно по существующему и ныне еще земляному валу или границе) и потом поворотив к вершине реки Орели, к Самаре и до Азовского моря; а по правому берегу онаго Днепра, тоже начиная, примерно, с противного берега Переяславлю и прямою линиею до устья сей реки, Днепра, протекавшего почти посредь сей земли Малороссийской, от-чего, весьма правильно назывались впоследствии начальники их, гетманы, владетелями обеих онаго берегов» (цит. за: Галь Б. О., Швидько Г. К. «Мысли мои о крае сем...» (С. М. Кочубей і його записки про Малоросію) // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. VI. Харків-Київ, 2004. С. 109–110. Текст доступен по адресу: https://keui.files.wordpress.com/2010/12/08_gal_shvidko.pdf).

⁹² «А к западу от Днепра она занимала южную половину губ. Киевской, простираясь еще западнее, до Днестра; к ней принадлежал и табор Запорожцев» ([Павловский И.] География Российской Империи. С. 7).

⁹³ Из письма малороссийского военного губернатора Н. Г. Репнина к миргородскому помещику А. Д. Хрушову от 1831 г.: «Слухи, дошедшие и до вас о присоединении Киевской губернии к Малороссии несколько вероятно, но я весьма желал бы, чтобы они не сбылись, как по ослаблению уже физических сил моих, так и по обстоятельствам вам не безызвестным» (цит. по: Павловский И. Ф. К истории Малороссии во время генерал-губернаторства кн. Н. Г. Репнина (очерки, матерьялы, переписка по архивным данным) // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1905. Вып. 1. С. 151).

⁹⁴ Лохвицкий А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения: В 2-х ч. СПб.: Тип. Бочкарева, 1864. Ч. 1. С. 17.

⁹⁵ [Павловский И.] География Российской Империи. С. 7.

⁹⁶ «Проезжая [...] через Богуслав, Корсунь, я не мог надивиться тому, что везде вижу православные церкви, везде слышу малороссийское наречие и только изредка встречаю поляков. Невежество мое, которое, впрочем, разделял я со всеми жителями внутренней России, заставляло меня думать, что все находящееся за старою нашею границею есть и было всегда настоящая Польша» (Записки Ф. Ф. Вигеля. 1891. Ч. I. С. 119. Цит. по: Толочко А. Киевская Русь. С. 125–126.)

⁹⁷ [Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 135.

⁹⁸ «Можно бы и губернии назвать: Украинскою Полтавскою и Укр. Черниговскою. Обе же губернии вместе сохранили бы название Малороссии, так как Могилевская и проч. вместе составляют Белоруссию; три губернии Новую Россию, десятки Велikorossии и проч. и проч. <...> Малороссия так же называется Украиною, что самое, при совершенном земли сей смешении с Россиею, представляет справедливый способ смешать ее в составе Генерал-Губернаторства трех губерний, всех украинских, разума третью Слободско-Украинскую, с коюю, следовательно Полтавско-Украинская

и Черниговско-Украинская образовали бы округу сию, населенную одним народом» (цит. по: Галь Б. О., Швидько Г. К. «Мысли мои о крае сем...». С. 123).

⁹⁹ [Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 92.

¹⁰⁰ «В здешней-же Украине, т. е. в Екатеринославской и Херсонской губерниях» (цит. по: Кавун М. Свидетель путешествия императрицы «Екатерининская миля» // Realnest. Недвижимость в движении. 22.12.2004. Вып. 55. Текст доступен по адресу: <http://www.realnest.com.ua/information/articles/181>).

¹⁰¹ «Термин «малороссийский народ», или «малорусский», мы заменяем словом «украинский» в виду большей общности последнего, так как под «Малороссиею» разумеются официально Черниговская и Полтавская губернии, — может быть, с небольшою частью Харьковской» (Русов А. Статистика украинского населения Европейской России // Украинский народ в его прошлом и настоящем. В 2-х тт. Петроград, 1914. Т. 2. С. 381).

*О. Б. Неменский
(Москва)*

**Политические игры с русским именем
в Австро-Венгрии
(по материалам стенограммы
судебного процесса 1882 г. над Ольгой Грабарь
и товарищами)**

Народное имя, этноним, никогда не бывает чем-то самоочевидным. Чаще всего неизвестно или спорно и его происхождение, и его значение. Хотя оно обыкновенно является важнейшей составляющей самосознания людей, границы их общности определить очень трудно даже им самим. То же можно сказать и о критериях определения того, кого можно считать «соплеменником». Этническое имя — это так или иначе просто набор звуков, всё значение которого в его историчности: в большинстве случаев никто не помнит, кто и когда себя так первым стал называть, но это и не важно, главное, что так называли себя бесчисленные поколения. Именно через этот набор звуков осуществляется ассоциация себя с предками, и именно к нему прикрепляется историческая память. Такое имя делает всех тех, кто себя им называет, воображаемым субъектом со своей судьбой-историей. И хотя в сознании этот субъект представляется цельным (на то он и имеет своё имя), в реальности эту цельность очень трудно, а иногда и невозможно уловить: общность между людьми с одним этнонимом основана на передаваемой

из поколения в поколение памяти о далёком прошлом, а не на современном положении.

В донациональную эпоху этноним переживает сложную судьбу: его значение обыкновенно сильно варьируется в зависимости от общей структуры идентичности его носителей, их социального слоя, места проживания и в целом культурной эпохи с её специфическими формами и стратегиями идентификаций. Носители одного этнонима могут отказывать друг другу в праве на него, так как этого требуют их критерии «своего». И считать ли их представителями одного «народа» — вопрос свободного выбора наблюдателя (в т. ч. исследователя), принимаемых им самим критериев, также обусловленных его культурой и теоретическими предпочтениями. Это в равной мере применимо как к историку (т. е. человеку, пытающемуся описывать что-то в прошлом), так и к их современнику, не разделяющему ту же идентичность и смотрящему на нее со стороны.

Этнические имена, даваемые другим, чужим общностям (экзоэтнонимы) отражают восприятие, которое ни по качеству, ни по объему не совпадает с самоназванием, потому что артикулируется в ином культурном контексте и встраивается в другие структуры идентичности и номинационные системы. Более того, там, где носители данного самоназвания могут видеть тождество, сторонний наблюдатель может усмотреть различие, и наоборот — вовсе не увидеть актуальные изнутри различия как не имеющие для него значения. Внешнее имя отражает как специфику культуры самого субъекта номинации, так и опыт прежних номинаций, накопленный в его общности за всю историю контактов.

В XIX и XX вв., в «век национализма», когда создание общностей на основе этнонимов стало результатом не просто событийной истории, а сознательной политики властей и культурных элит, этнонимия превратилась в один из основных инструментов создания наций. Однако у этого процесса есть не только внутреннее выражение, но и внешнее: доводя через систему образования и информационную политику до сознания людей образ своего единого народа, его истории, границ и прочих свойств, им нужно и предлагать образ соседних народов, обладающих примерно всем тем же составом характеристик плюс своеобразной оценкой их качеств. Экзонимы становятся орудием конструирования образа других, а, значит, и основой для любых дальнейших стратегий отношений с ними. При этом различные варианты номинаций могут служить основанием своего самосознания,

оправданием истории взаимоотношений или обоснованием агрессии. И эта ситуация может выходить за рамки просто «соседских отношений», когда объект номинации оказывается зависимым, по крайней мере, когда-то в прошлом и хотя бы частично. Этнонимия становится полем информационных войн, столкновения исторических политик, сферой взаимных претензий. Даже вариации имён друг друга, отдельные буквы или формы слова превращаются в предмет ожесточённых дискуссий и способ психологического воздействия. В конечном счёте, обращение с этническими / национальными именами становится составной частью этноцидных практик.

В случае с русским этнонимом ситуация оказалась особенно сложной, так как сама история его употребления, как и история восточнославянских территорий, имела очень много разрывов и вариаций. Игра с именем «Русь», его производными и его выражениями в других языках имела своё начало в вариациях употребления его грекоязычного и латиноязычного аналогов — Россия (Ρωσία) и Рутения (Ruthenia), и, соответственно, производных от них этнонимов «россияне» и «рутены»:

Отдельная тема — использование в политических целях различных грамматических вариаций русского этнонима, то есть без замены корня на грецизированные или латинизированные варианты, но с использованием тех или иных суффиксов или просто способов написания.

Политическая раздробленность территории Древней Руси после трагических событий XIII в. нашла яркое отражение в словоупотреблении у поляков¹. В польском языке жителей Московской Руси с XVI в. стало привычно называть «Moskwa» в качестве этнонима — «москва», и отсюда же «Moskale» («москали»). Этнонимы с корнем «рус-» применялся в основном к православному и униатскому населению Речи-Посполитой. Сложилось представление, что «Русь» была полностью подчинена Польшей, а за восточными границами жил другой, московский народ. Впрочем, осознание того, что «москва» тоже считает себя «русью», сохранялось и заметно проявилось в период наступательных военных кампаний начала XVII в., однако позже вновь стало малоактуальным. Номинативное разделение Руси по крайней мере на две части утвердилось в польской культуре. «Русский» этноним применялся именно к западнорусским реалиям вплоть до второй половины XX в., когда Советская Москва смогла навязать Польше употребление разделительных наименований

«Ukraińcy» и «Białorusini». Впрочем, тогда же, через повсеместное школьное изучение русского языка, в польский язык вернулось и осознание «москалей» как тоже «русских». Однако само слово «русский» и его производные (Ruscy, Rusek, guski и т.д.) к этому времени приобрели устойчивое пейоративное значение (схожую судьбу совершила в русском словоупотреблении традиционная форма этнонима «жид»). В то же время за бранным употреблением русского этнонима в современном польском языке можно увидеть и возрождённую общерусскую оптику, ведь такое наименование теперь в равной степени применялось и к русским, и к украинцам, и к белорусам. Если в прежних столетиях польская культура жёстко различала по имени восточную и западную части восточных славян, то теперь они опять стали объединяться под одним именем, однако лишь в разговорной речи, или в сознательно уничижительном словоупотреблении в публицистике и литературе (в т.ч. и в таких выражениях, как «новые русские» — «Nowi Ruscy»).

Однако с наименованием в польском языке «москалей» ещё прежде произошли большие перемены. Приблизительно в первой половине — середине XIX в. старое «Moskale» постепенно уступило место новой форме «Rosjanie» («россияне»). Слово «Россия» стало употребляться в восточнославянской среде ещё в XVI в. и распространялось как название своей страны как в Московском государстве, так и в Речи Посполитой. Даже униатские митрополиты нередко называли себя «митрополитами Киевскими и всей России». Имеющее греческое происхождение имя воспринималось как высокопарная форма самоназвания. Барочная культура побуждала к возвышенному слогу, и (особенно в XVIII в.) в области литературы и официальных документов слово «россияне» вошло в активное употребление, достигнув пика своей популярности в первой трети XIX в. Оно получило господствующее положение в тексте «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина — через эту форму этнонима историк обозначал не просто русских людей, но русский государственный народ, державных русских. Эта книга сразу приобрела значение основного синтеза русской истории и была очень быстро переведена на польский язык с сохранением формы этнонима («Rosjanie»)². Судя по всему, именно это привело к постепенной замене этнонима «Moskale» на «Rosjanie», чему также немало способствовало негативное отношение российской администрации к слову «москали» и её

положительное отношение к имени «россияне», которое воспринималось как подчеркнуто уважительное.

Такая замена произошла очень легко, так как ни в коей мере не изменяла объём того сообщества, которое обозначалось обоими именами: Карамзин интересовался только той частью русской истории, которая попадала в сферу развития государственной жизни с центром в Москве, так что западнорусская история почти не нашла у него отражения. В результате слово «Rosjanie» стало употребляться в польском языке лишь в применении к восточнорусскому населению, западнорусское же по-прежнему называлось «русским».

В польской культуре произошла несвойственная русскому словопотреблению этнотерриториальная диссоциация двух этнонимов и его производных — русский и российский. Русские и россияне представляли как разные народы, при этом россияне в этом восприятии оказались в роли агрессоров на русских землях как исторически принадлежащих Польше. Если в русском самосознании «Россия» и «Русь» бытовали как синонимы и по-прежнему господствовал общерусский взгляд на историю, запечатлённый и в самом народном самоназвании, и в докарамзинском историческом нарративе (заданный в общих чертах киевским «Синописом» 1674 г.), то в польском сознании «Ruś» и «Rosja» оказались обозначением разных стран и разных народов.

Ситуация, в которой польский и русский язык пришли к совершенно разным системам номинации русского исторического пространства, даёт обоснования польскому и русскому национальному взгляду на историю, но предоставляет большие проблемы для перевода текстов с одного языка на другой. Обычно при изучении того или другого языков даётся пояснение, что всё, что в русском языке называется «русским», на польский надо переводить как «rosyjski». В переводе же с польского на русский надо следить, идёт речь об этнонациональных реалиях или о государственных. Однако за пределами банальных текстов о современности этот принцип не работает. На деле определением «российский» на польский язык следует переводить только те случаи употребления в русских текстах, когда речь идёт о чём-то, происходившем на территории современной России (точнее, Московского царства в границах конца XVI в.). Если же речь идёт о Древней Руси или о западнорусском регионе, то необходимо либо употреблять слово «ruski», либо «ukraiński» и «bialoruski». Польская языковая культура вследствие различия этнонимических

понятий при описании чего-либо русского неизбежно конструирует образ особой российской этничности в историческом периоде начиная с XIII в. на землях волжско-окского междуречья и номинационно никак не связанной с остальным русским пространством.

Таким образом, перевод должен всегда исходить из наложения польской этнической картины мира на русскую с различением тех территориальных и культурных пространств, которые именно в польском воображении имеют «русскую» принадлежность. В воображении — потому что ни в самой русской культуре, ни в текстах соответствующих эпох такая принадлежность обыкновенно никак не выражена. Русская этническая идентичность на территории России для польского сознания просто отсутствует, а, например, фраза — «Какой процент россиян составляют русские?» — на польский язык дословно в принципе не переводима, как и почти все тексты, касающиеся русских национальных проблем и вопросов идентичности. Принципиальная неадекватность польского языка в его описании русских реалий составляет большое неудобство, иногда отмечаемое и поляками, однако служит важнейшим элементом польской национальной картины мира и патриотического самосознания, так как меняет всю историю субъектности польского пребывания на русских землях. Получается, что не поляки были историческими агрессорами на русских землях, а россияне издавна проявляли агрессию в отношении русских земель Польши.

Помимо игр с восходящим к греческому наименованию Руси слову «Россия», не менее древним является употребление имеющего латинский корень наименования «Ruthenia». С XIII в. это слово встречается в западноевропейских текстах как наименование Руси, хотя происхождение слова спорно, оно иногда употреблялось и в гораздо более ранних столетиях применительно к реалиям совсем иных территорий. Активное употребление этого экзонима связано с развитием католической миссии в Западной Руси в XVI–XVII вв., однако, использовалось оно наравне с понятием «Russia» как синоним, без особой политической нагрузки. Первые попытки политического использования этого слова связаны с национальной политикой Австрийской (позже Австро-Венгерской) империи середины — второй половины XIX в. В 1848 г. по решению губернатора Галиции графа Франца Стадиона «рутенами» были признаны восточнославянские жители провинции с тем именно основанием, что они должны

отличаться по наименованию от русских в России. Это был первый случай переименования западнорусского населения в политических целях, впоследствии воспроизведённый в украинстве. С тех пор идея отставания исторического самоназвания стала фоном общественной жизни Восточной Галиции, и вскоре этот вопрос дошёл и до судебных разбирательств.

Другой вариант политических игр с русским этнонимом — придание этнического значения различным грамматическим формам написания слова «русский». Самый частый случай здесь — различение записи его с одним или с двумя «с». В принципе, это вопрос характера нормализации — принимается ли фонетический принцип записи, существуют ли какие-то ещё специфические нормы грамматики, определяющие правильное написание (например, слияние двух одинаковых шипящих). «Русский» — это форма прилагательного с корнем «русь» и в разных языках она пишется по разным правилам. Для этимологического строя русского языка важно прописать и «с» в корне, и «с» в суффиксе; для фонетической записи украинского естественна форма «руський» (ведь в речи второе «с» не произносится) — при этом количество «с» в корне одно и то же, ведь корень тот же. При этом в текстах до утверждения обязательных литературных норм запись этого слова могла быть разной. Бывает, и на одной странице можно встретить и тот, и другой вариант. Даже в русском языке XIX в. следование одной норме иногда нарушалось. Например, одно «с» предпочитал писать в этом слове Н. М. Карамзин, причём для него важно было то, что это именно разговорная форма (это подчёркивалось просторечным окончанием «-ой» вместо «-ий» — «руской»). В. И. Даль в своём словаре «живаго великорускаго языка» настаивал на сохранении обоих вариантов, при этом с явным предпочтением более старого, с одним «с».

Идея придать различным написаниям слова «русский» этнодифференцирующий смысл вряд ли могла возникнуть в славянской языковой среде, так как отражает принципиально неславянское грамматическое мышление. Неудивительно, что первые предложения в этой области были высказаны австрийскими властями в Галиции. Форма написания «русский» с двумя «с» представлялась подозрительной и вызывающей обвинения в государственной измене именно потому, что соответствовала не польскому написанию «ruski» с одним «s», а принятому в России, в русском языке. Требование к восточным

славянам Галиции писать данный этноним сообразно с польскими, а не российскими правилами, вызвало орфографическое размежевание двух партий — русофилов, для которых оказалось идеологически значимым именно написание согласно московской норме, и местными «народовцами», украинофилами, утверждавшими этническую чуждость галичан и русских России.

Богатейший материал для истории политических игр с русским именем представляют материалы судебного дела «Ольги Грабарь и товарищей», прошедшего в 1882 г. во Львове. Это был первый организованный австрийскими властями политический судебный процесс против деятелей русофильского движения. Поводом для него стал инцидент в галицком селе Глинички, жители которого хотели получить свой приход. Отказ со стороны местных униатских властей побудил помещика, графа румынского происхождения и православного вероисповедания Иеронима Делла Скала (которому принадлежало село), посоветовать крестьянам перейти в православие с тем чтобы пригласить священника из Буковины³. Прошение, адресованное епархиальным властям обеих церквей, написал по просьбе крестьян то в время ещё униатский священник Иван Наумович — известный общественный деятель, придерживавшийся русофильских взглядов. В этом обращении православие называлось «верой наших отцов», и потому оно не могло не привлечь внимания властей Галиции. Первоначальное требование крестьян об униатском священнике быстро удовлетворили, но сама попытка перехода целого села в православие была расценена как опасный прецедент. Деятельность во Львове другого известного русофильского деятеля — Адольфа Добрянского — также вызвала обеспокоенность властей. Найденная при обыске переписка его дочери Ольги Грабарь с братом Мирославом, эмигрировавшим в Россию, стала основой для возбуждения дела по обвинению в государственной измене целого ряда деятелей русофильского движения края.

Стенограмма судебных слушаний, состоявшихся в 1882 г., была издана в том же году в типографии Ставропигийского института⁴, однако, к сожалению, до сих пор остаётся очень мало исследованной⁵. Особую ценность этому тексту придаёт то, что данный процесс был первым публичным разбирательством характера и основных идей русофильского движения, в котором рассматривались особенности

идейной жизни славянского населения края. Особенно это касалось отношения к Российской и Австро-Венгерской империям, а также общих представлений о своей истории и этничности. Многоязычный характер участников процесса требовал также уточнения основных понятий, их разъяснения. Впрочем, это касалось и таких слов, которые во всех используемых языках звучали примерно одинаково. Так, один из защитников (д-р Лубинский) даже в середине процесса считал нужным задавать свидетелям вопросы: «Обвинительный акт⁶ вменяет подсудимым, что они являются русофилами, и отмечает их дружественный настрой и симпатию к России; кто такие русофилы, разъясните, пожалуйста?»⁷.

Подсудимых обвиняли главным образом в пристрастии к «русскому панславизму», характеристике которого прокурор уделил в своей обвинительной речи особое внимание. По его словам, это была идея «славянского политического единства, т. е. российского политического панславизма». Она заключается в намерении создать «большое федеративное государство под гегемонией России, которое должно охватить все славянские племена Европы»⁸. Впрочем, политическая часть обвинения так и не была доказана, и суд присяжных смог признать подсудимых виновными только в «нарушении публичного спокойствия», за что они были приговорены к разным срокам (но не более восьми месяцев) тюремного заключения. Более того, это дело привлекло внимание общественности, что лишь способствовало росту популярности русофильских идей, став сильным толчком для многолетнего (хотя позже прерванного) процесса православного возрождения края.

Абсурдный характер обвинения подчеркивался и самими участниками процесса. Например, результаты обыска у о. Ивана Наумовича свидетельствовали, что он «занимается русской литературой и изучением православия»⁹, это трудно было признать виной подсудимого. Как указывал защитник д-р Дулемба, «симпатия к русскому народу ничего предосудительного представлять собой не может»¹⁰. Кроме того, в общественном мнении процесс представлялся как суд поляков (занимавших большинство государственных должностей в крае) над галицкими русскими активистами, то есть приобретал характер межэтнического конфликта. Прокурор вынужден был специально заявить, что идёт разбирательство именно персональных дел, а не национального вопроса: «Тут не поляк русина¹¹ судит, здесь не проводятся различия между вероисповеданиями, здесь

не политическая арена или форум, тут решает всё справедливость с завязанными глазами»¹².

Процесс активно комментировался в прессе и привлекал к себе всеобщее внимание. Ведь, по сути, от его результатов зависел дальнейший ход всей гражданской жизни края, характер межэтнических отношений в нем и пути развития национальной культуры его восточнославянского населения. Вот как выразил это на суде И. Наумович: «Весь наш письменный язык является государственной изменой, и, как я говорил, даже само имя Руси. А если и признают какую-нибудь Русь, то только такую, язык которой будет лишь русифицированным польским»¹³. Фактически этот суд стал важнейшим событием в истории формирования двух основных культурно-политических лагерей края («партий», как их называли) — русофильского и украинофильского. При этом он уже де-юре свидетельствовал о сложившемся к тому времени положении, когда именно украинофильская партия получала всестороннюю государственную поддержку. На такую тенденцию указывал Наумович: «А разве это не правда, что терпим, что всюду терпим поражение в неравной борьбе с партией, на стороне которой стоит правительство со всем своим авторитетом и силой! Разве помешало бы той партии, если бы мы имели на одного депутата больше, чем получили? Да если бы нас и больше выступило от имени народа русского, наш голос не будет услышан. Факты говорят о том, что речь идёт об уничтожении Руси»^{14, 15}.

В действительности обвинение касалось не столько идей общеславянского единения, сколько объединения всего восточнославянского населения как единого русского народа (т. е. панрусизма), а, значит, и присоединения Галичины, Буковины и Подкарпатья к России. Обвиняемые специально указывали, что их взгляды касаются вопросов не политики, а лишь культуры, и в первую очередь языкового развития. Например, редактор русофильской газеты «Слово» Венедикт Площанский оправдывался: «Вообще “Слово” редактируется в умеренном духе, и в нём нет ни одной статьи, в которой говорилось бы о политическом объединении Руси»¹⁶. Наумович настаивал, что «единая Русь» в его словоупотреблении — это лишь этнографическое понятие, в нём нет политического звучания: «Русь в этнографическом понятии едина, у неё есть свой язык образования и науки, своё поэтическое малорусское наречие и свой священный, уважаемый старославянский язык. Никогда великорус не скажет, что малорусская песня

ему чужая, что всё малорусское ему чуждо. Нельзя сказать, что церковный язык для нас иностранный, он для всех велико-, мало- и белорусов общий ... Можно ли написать историю Малой Руси, не начав её от Рюрика, они связаны и должны восприниматься как единое целое. Надлежит ли нам не любить Киева по той причине, что он за границами Австрии, хотя там наши предки приняли крещение, можем ли мы не любить давнего прошлого Новгорода, и не признавать своими все земли, о которых писал Нестор, называя земли полян, древлян и северян “русской землёй”? Он подразумевал под этим всю Русь, как же не любить всей Руси? Как поляк может не любить Варшаву; Познать? Только из-за того, что они находятся за границами Австрии? Так не может быть: он должен любить свою землю, своих людей, своё польское отечество целиком»¹⁷.

Однако в век национализма властям было уже понятно, что выбор русского языка московской нормализации в качестве литературного неизбежно подразумевает и формирование национальной общности, которая рано или поздно может заявить о своих правах на объединение. Вопросы культуры, литературы и веры в это время имели прямое политическое звучание. Так, когда защитник д-р Дулемба спросил свидетеля Евгения Желеховского — преподавателя гимназии в Станиславове — о том, в чем заключается различие между русофилами и украинофилами: «Это касается только литературы, или ещё и политики?», — тот ответил: «Я так понимаю, как и все понимают, что речь идёт о литературном языке». На уточняющий же вопрос: «А какова основа этого наименования?», был получен ответ, который трудно счесть исключительно лингвистическим: «В русской общности, в языковом различии»¹⁸. Однако строить обвинение в государственной измене на основе лишь литературных пристрастий всё же было невозможно.

Одно или два «с»

С целью различения местного восточнославянского населения, называвшего себя «русским», от восточных славян Российской империи, имевших то же самосознание, придумывались различные лексические и грамматические ухищрения, во многом нашедшие своё отражение в судебных прениях. Во-первых, это было как раз то время, когда стала внедряться идея различения одного и двух «с» («s»)

в написании русского этнонима. Например, указывается, что ежегодник «Пріятель дѣтей», «издание для народа и на народном языке», «в 1880 г. писало “ruski”, а в 1881 г. “russki”»¹⁹. Два «s» означало подражание написанию этнонима согласно русской грамматической норме, а, соответственно, приобретало своеобразный смысловой оттенок, который можно назвать панрусистским. Этот тренд проявился и в стенограмме дела Грабарь. Например, слово «русифил» почти во всех случаях записано с двумя «с» («russofil», «руссофил»), что, очевидно, подчёркивало пророссийскую смысловую нагрузку этого понятия.

У нас нет информации о стенографистах, работавших во время суда, но несомненно, что их было несколько, и в целом по их записям можно судить о грамматических веяниях того времени. Употребление двух «s» в польских словах было явным нарушением давно устоявшихся норм польского языка, а, значит, делалось сознательно (в отличие, например, от двух «s» в слове «Russophile» немецкоязычных выступлений, так как этого в любом случае требуют нормы немецкого языка²⁰). Так, в польскоязычных текстах слово «russofil» встречается почти всегда с этим нарочитым удвоением «s»²¹. Однако и из такого положения есть исключения. Например, в записи слов редактора одной из газет Аполлона Ничая это слово зафиксировано один раз с одним «s», и сразу же после — опять с двумя²². Происходит удвоение «с» и в русскоязычных записях²³, однако здесь можно сказать, что и в российской литературной норме этого времени обыкновенно употреблялись слова с корнем «русс» вместо «рус» («белорусы», «руссизм» и т. п.).

В материалах дела, относящихся к собственноручным текстам подсудимых, написание слова «ruski» через два «s» оказалось поводом для выдвижения обвинений в русофильстве. Наумович специально оправдывался по этому поводу: «В моём письме я имел в виду языковый вопрос, который послужил основой для обвинения, именно написание слова “ruski” через два “ss” сыграло здесь такую роль»²⁴. Вопросы: «Как написано?» — ставились применительно к русскому этнониму во всех сомнительных случаях в цитатах из личных писем или статей. Например, при разборе вопроса, что именно было написано в телеграмме Площанского в Москву в связи с годовщиной Пушкина, «z wielko-ruskim narodem» или «z wielkim ruskim narodem», после вопроса прокурора — «Как написано?»; и ответа председателя — «Через два “с”», следует специальное объяснение самого

Площанского: «Если пишем по-польски, то с одним “s”, так как они не придерживаются строгой этимологии, а мы затем пишем “сс”, что оно происходит от слова “Русь”, к которому мы прибавляем концовку “ский” и получаем “русский”, подобно тому как “муж” и концовка “ской” даёт “мужской”, а по-польски “męski”. Мы оставляем корень и прибавляем к нему концовку “ский”, и в этом разница. Это вопрос чисто этимологический. Подобным образом “пражский». Далее после вопроса председателя: «А, например, “пруссский”?» — и ответа Площанского: «Мы пишем через “сс”. Таков уж способ написания», — следует примечательная отметка о высказываниях с мест: «Голоса из зала: так и есть!»²⁵.

Политическое звучание удвоенного «с» особенно выразительно в характеристике свидетеля униата Владимира Янкевича об Адольфе Добрянском: «О том, чтобы он был лидером какой-нибудь партии, я не знаю. О том, что он принадлежал к партии “русских”, слышал, но не знаю, правда ли это»²⁶. При обсуждении журнала «Родимый Листок», который издавал в Черновцах обвиняемый Николай Огоновский, председатель зачитал экспертное заключение судебного переводчика, согласно которому он «пишет “русский”, смешивая малорусскую народность с русской»²⁷, — при этом под «russka» с двумя «s» в данном случае явно понимается основной народ Российской империи. На это Огоновский дал специальное разъяснение: «Что касается слова “ruski”, то удивительно, что нигде эти два “с” не вызывают таких протестов, как именно в этом слове. Написание этого слова, как и других: “пруссский”, “пражский”, “одесский” основано на этимологии. Писал так, пишу, и буду писать. А за то, что и те за границей — такие же “русские” („russcy”), так за это разве что историю надо было бы привлечь к ответственности»²⁸.

При этом этноним «русский» часто записывается и с одним «s», даже в тех случаях, когда речь явно идёт о значении «общерусский». Например, в выражениях «русский мир» («Ruski świat»), употреблённых при зачитывании председателем польского перевода статей из газеты «Слово»²⁹. Или же в таком выразительном моменте, когда Огоновский указывает, что русские в России сами называют себя «русскими»: «Цензор сказал, что я называю русскими и тамошних, и себя. Конечно, я их так называю, потому они сами себя так называют. А за то, что наша народность называет себя русской, так за это тогда весь народ следовало бы привлечь к ответственности»³⁰.

Однако в кириллических записях русский этноним почти всегда записан с двумя «с» (например, часто употребляемая фраза: «Присягаеъ на рускомъ языкѣ»). Исключение составляет пара случаев из приведённых отрывков статьи из газеты «Слово» за 1866 год³¹, а также один краткий диалог в стенограмме XIII заседания («Как вас спрашивали, по-польски или по-русски? — По-русски»)³². Такое старательное следование прописи обеих «с» несёт, возможно, идейный акцент — всё же стенограмма издана Ставропигийским институтом. Хотя можно сказать, что данное написание, вероятнее всего, соответствовало идейному настрою тех людей, чьи речи записывались.

Интересно, что при этом чаще всего одно «s» оставляется в польском языке, а в русском ставится два, то есть соблюдается различие грамматического строя двух языков с выбором этимологического принципа записи для русского. Таким образом объясняет народное самосознание известный русофильский деятель того времени Богдан Дедицкий: «Нашей задачей было прояснить, кем мы являемся и чем были на основе истории, что мы настоящие русские, потому что так уже Хроника от Нестора до сего дня нас называет. Вот если спросить даже простого крестьянина, кто он, то он ответит: “Я русин, жена русская и дети русские”. В этом можно легко убедиться. Когда, например, спрашиваем какую-либо женщину, кто она, то она ответит: “Ruski”, а муж: “ruskij”, а дети: “ruskii”»³³. То же касается и выражений типа «русский патриотъ»³⁴, «русские газеты»³⁵, «русская партія»³⁶ и т. п. Однако такое различие проведено именно в речах русофильских деятелей. В словах председателя, прокурора и других польскоязычных участников судебных слушаний нередко встречается нарочитое употребление слова «ruski» с нехарактерным для польской грамматической традиции удвоением «s». Так, например, в словах председателя о «русской национальной идее» в её восприятии газетой «Слово»³⁷.

Русские и россияне

Различение «Rusi» и «Rosji» как разных стран, вошедшее в традицию польского языка, проводится далеко не всегда. Например, российский консул в записи слов председателя обозначен как «ruski konsul»³⁸. А русско-турецкая война в одном месте обозначена как «rossyjsko-turecka» (причём, это слова Наумовича³⁹), а в другом — как «wojna rusko-turecka», притом, что это запись слов польского

свидетеля⁴⁰. То есть понимание того, что «российское» — тоже «русское», присутствует и у польских участников процесса. В основном всё же различие Руси и России довольно определённо. Так, например, свидетель говорит о Наумовиче, что тот «видит спасение Руси в том, чтобы она перешла под господство России», и что он думает «о политике русско-российской»⁴¹. Прокурор указывает, что «Слово» «вредит русскому делу, тяготея к России»⁴².

Примечательны свидетельства влияния идей польского публициста Франтишека Духинского, пытавшегося антропологически разделить «русских» и «россиян» как два народа разной расовой принадлежности. Так, защитник Дулемба задал вопрос свидетелю-поляку Весоловскому: «считаете ли вы россиян славянами или, вслед за Духинским, монголами?», — на что, правда, получил ответ: «Славянами»⁴³. Судебный присяжный Рыльский прочёл Наумовичу на эту тему целую нотацию: «Рассматривая малорусский народ в единстве с московским, обижает Малую Русь, принадлежащую к арийской расе, тогда как российский народ, как известно, принадлежит к туранской». На что получил ответ: «Я не разделяю фантазий г-на Духинского, отказывающего великорусскому народу в славянском происхождении, и, хотя я должен признать, что мы, малорусины, являемся наиболее чистым славянским народом, тем не менее и мы не без примесей чужой крови, ведь не могла она не остаться после столь многочисленных битв нашего народа с татарами, валахами и т. д. Велико-русы находятся в подобных же отношениях, в Великой Руси много народов русифицируется, но это не имеет отношения к делу»⁴⁴. Задача максимального разведения «русских» и «россиян» как абсолютно чуждых друг другу народов была актуальна, так как соответствовала открыто заявляемым целям правительственной политики.

Написание слов «Россия» и «россияне» явно ещё не устоялось в местном польском обиходе, что особенно заметно по опять же противоречащему правилам польского языка удвоению «s» («Rosyya» вместо современного «Rosja», «Rosyyanie» вместо «Rosjanie»). Наумович спрашивает: «Почему нам нельзя переписываться с россиянами-литераторами?»⁴⁵. Свидетель-униат Вл. Янкевич говорит о Добрянском, что знает его «как твёрдого (по убеждениям. — О.Н.) русина, который говорит, что русины в Галиции являются россиянами»⁴⁶ (интересно, что признание местного населения «россиянами» ассоциируется у него именно с характеристикой «твёрдого русина»).

При этом для польской стороны «россияне» — это всё же совсем другой народ. Прокурор говорит об идее «гегемонии российского племени над остальными славянами»⁴⁷ и указывает, что славянофилы ищут в простом народе «истинный корень российской народности»⁴⁸. Обвиняя Площанского, он указывает на намерение «объединить русинов с россиянами»⁴⁹. Примечательна цитата из письма А. Добрянского В. Площанскому, в котором встречается выражение «русское общество России»⁵⁰ применительно к выходцам из Галиции, живущим в России. При этом Площанский пытается сломать логику такого противопоставления и говорит об интересах «галицко-российского народа»⁵¹, то есть сознательно применяет «российское» имя к восточным славянам Галиции, как бы подчёркивая полную взаимозаменяемость двух этнонимов. Русский литературный язык в одних местах обозначается как «literacki ruski język»⁵² (о котором Площанский говорит с сожалением, что им «nasi guscy» владеют хуже, чем польским), в других же местах как «gossyiski». Так, председатель настойчиво замечает, что правительство «не допустит российского языка в школах и администрациях, только краевой»⁵³.

Употребление русского литературного языка обыкновенно подчёркивается. Осип Марков отмечает, что «было обращено внимание на то, что мы говорили по-русски, что я не считаю преступлением»⁵⁴. Письмо с точки зрения председателя «написано по-русски или по-росийски»⁵⁵. Председатель говорит, что русофилы вводят «в русскую литературу российский язык»⁵⁶, указывая, что «тенденция приближения русского языка к российскому как литературному ... является вопросом политическим, а не литературным»⁵⁷.

Примечателен шуточный рассказ А. Мазура о встрече с россиянином: «Я познакомился с Соколовым в русском кафе во Львове в прошлом году. Меня туда потянуло. Долго кричали: Соколов, Соколов из Петербурга — ну я и пошёл на него посмотреть. В кафе было множество людей, русских и польских журналистов. Показали мне Соколова издалека. На второй или третий день я снова пришёл, разговаривал с ним немного по-русски, на что он отозвался: “хорошо, но нужно немного лучше говорить по-русски”»⁵⁸. То есть гость из России сказал, что ему, Мазуру, надо учиться лучше говорить «по-русски», хотя в его восприятии он и так каждый день говорит по-русски, а с ним он говорил «по-росийски». Но для россиянина его речь казалась уже не русской. Далее в стенограмме указано, что эта история вызвала в зале «веселость».

Москали

Несколько чаще, чем слово «*gossyjski*», для обозначения российских реалий используется слово «*moskiewski*», «*Moskwa*» как наименование страны, «*Moskale*» в качестве этнонима и, соответственно, определение «*moskiewski język*». Например, речь идёт о брошюрах, «написанных так называемым московским языком» (Площанский⁵⁹), «по-московски написанных» (прокурор⁶⁰). При этом определённое тождество между «русским» и «московским» всё равно осознавалось. Например, польский свидетель Франтишек Гаргулинский об одной книге, данной ему Залусским: «Но я и той мало читал, потому что она была немного по-московски, а я по-русски слабо читаю»⁶¹.

Надо отметить, что в это время (очевидно, в связи с постепенным восприятием наименований «*Rosja*» и «*Rosjanie*»), этноним «*Moskal*» стало приобретать выраженный идеологический оттенок и общий нарицательный характер, став обозначением не только представителей России, но и местных жителей с определёнными взглядами. Защитник Дулемба, указав на характеристику, данную одним из свидетелей Исидору Трембицкому (он был «ярким москалём»), даже специально отозвался об этом слове: «Мы знаем по опыту, как неразумно разбрасываемся мы этим эпитетом»⁶². И действительно, основания для его использования даже по материалам этого дела находились самые разные.

Так, Осип Марков говорит: «А что касается слова “москаль”, так у нас каждого твёрдого русина называют “москалём”, после чего стенограф отмечает «веселость» в зале»⁶³. Свидетель Зиспер признаётся, что Залусский «читает русские газеты, и представился мне как “москаль”, потому что он один говорит по-московски “почтение”, а не как все “Слава Богу”»⁶⁴. Тот же Залусский жалуется на униатского священника Костецкого: тот его с какого-то момента начал «называть схизматиком, москалём и т. п.»⁶⁵ Связь наименования «москаль» с симпатиями к православию определённая. Свидетель-поляк Стефан Ванкевич формулирует ее так: «Кто не хотел переходить в православие, о том говорили, что он “пристал к ляхам”, а кто хотел, того называли “москалём”. Так звали и Залусского»⁶⁶. Отметим, что в этом случае выходит, что всё местное восточнославянское население разделялось в восприятии на «приставших к полякам» и «москалей».

Можно привести и такой интересный диалог председателя со свидетелем: «– Вы сказали для протокола, что о. Наумовича знаете как ярого москаля, а откуда вы это знаете? – Так, по крайней мере, все говорили, с кем я разговаривал об о. Наумовиче. – А на каких основаниях? – Потому что он не скрывал этого. – Чего не скрывал? – Что хвалил тамошние порядки. – Это из-за того, что он их хвалил, вы так решили? – Да, так»⁶⁷.

Таким образом, чтобы быть названным «москалём», можно было или проявлять интерес к православию, или употреблять иногда русские (российские) словечки, или быть «твёрдым русином», или просто хвалить российские порядки – в конечном счёте, как-либо свидетельствовать о своём нежелании быть «приставшим к ляхам». Впрочем, пейоративного оттенка слово явно ещё не имело, так как в качестве «москаля» можно было позиционировать и самого себя. Так, прокурор в обвинительной речи указал, что О. Марков «сам называет себя москалём и искренне православным и признаёт, что является сторонником литературного федеративного панславизма»⁶⁸.

Примечательна игра с этнонимами «славяне», «россияне» и «московиты» в окончательной речи прокурора, – в той её части, в которой он говорит о панславизме: «эта теория заставила их обратить своё внимание не только на народ, живущий в границах российского государства, но также и на всё славянское племя; и хотя они всегда были скорее россиянами, чем славянами, и скорее московитами, чем россиянами, они не ограничились в своих целях территорией государства, но придали своим устремлениям политический характер, направленный за границу»⁶⁹. Таким образом, можно сделать вывод, что этноним «московиты» (тжд. «москали») воспринимался (по крайней мере, в польской среде), как ещё более отдаляющий московских русских от других восточных славян. И, действительно, это во многом верно: если русское и российское наименование имело общее для всех восточных славян историческое происхождение и во многом по-прежнему общее значение, то привязка этнонима к Москве как к политическому центру как бы дополнительно ограничивало описываемое им сообщество именно границами старой «Москвы», то есть Московского государства.

Однако сама же польскоязычная среда активно вводила употребление слова «москаль» и в самой Галичине – применительно

к местным жителям. По ходу судебных слушаний многократно отмечалась роль польской прессы, причём в основном подчёркивался её неадекватный характер в этих вопросах. Например, О. Марков объясняет некоторую путаницу в понимании перевода одного его текста: «Там есть слово „russisch“, переведённое так, как это делают некоторые польские журналисты, переводя слово „русский“ на „московский“»⁷⁰, — тогда как он имел в виду местные реалии. Термин «русофилы» в польской прессе обыкновенно значит как «москалёфилы», что так же было специально отмечено⁷¹. Свидетель Алексей Щербан из Ставропигийского института говорит: «А что в том письме сказано, что „Марков настоящий москаль“, так каждого русина польская журналистика называет „москалём“»⁷². Свидетель о. Александр Стефанович, учитель семинарии во Львове, так определил главную оппозицию «партии „Слова“» (русофилов): «Против них выступает вся польская журналистика, кроме теперь только „Strażnicy“. „Дело“ (одна из русофильских газет. — *О.Н.*) за то, что выступала за права русского народа, и за то, что выступает против полонизации школ, стало тоже москалём»⁷³.

В статье «Процесс о государственной измене» из польской газеты «Gazeta Narodowa», описывающей первое заседание суда и процитированной на втором, говорилось о «московской» пропаганде⁷⁴, «московских агентах»⁷⁵ и даже о «большом движении агентов Москвы»⁷⁶. Целью этих «агентов» было убеждение «русинов, что они являются не особым народом, а частью московского, и провоцирование их на борьбу с поляками»⁷⁷. То есть общерусский взгляд в польскоязычной среде вполне мог быть описан как включение местного населения в «московский народ».

Надо понимать, что польская пресса в Галиции была абсолютно господствующей в информационной среде: польский оставался основным языком образованного слоя, и восточнославянским изданиям самой разной ориентации приходилось выдерживать большую конкурентную борьбу с польскими. На уровне интеллигенции борьба была скорее неравной, но вот в широких народных слоях у кириллической печати были особые возможности. Та система номинаций, которую устанавливала польская пресса, оказывала огромное влияние на самосознание населения края, и оппонировать ей становилось важнейшей задачей прежде всего изданий общерусской ориентации.

Малорусы и великорусы

Для обозначения «россиян» также иногда используется такой этнографический термин как «великорусы». Например, Наумович перечисляет великорусов среди других «заграничных славян»: «Для меня всё дорого, что славянское. Мой Шевченко, мой Пушкин, мой Мицкевич, мой Коженевский, мой Коллар, мой Вук Стефанович Караджич, это всё моё, потому что славянское. И нет здесь никакого страха, чтобы обнять этой любовью и славян зарубежных, великорусов, болгар и т. д. Для меня как для русского человека наиболее близко всё, что русское, потому как весь русский народ могу считать своим собственным, но это не мешает мне быть добрым австрийским подданным»⁷⁸. Богдан Дедицкий даже говорит однажды о «великорусском языке»⁷⁹, а Огоновский отмечает, что «Костомаров, товарищ Шевченко, писал по-малорусски и по-великорусски»⁸⁰. В другом месте он это повторяет: «вот тут есть портрет Костомарова, историка российского, а в то же время и русского. То есть: писавшего и по мало- и по-великорусски»⁸¹. Площанский цитирует свою телеграмму со словами о «духовном единстве с великорусским простым народом»⁸².

На фоне этого ещё ярче заявлено малорусское самосознание русофильских деятелей. Тот же Площанский пишет: «Мы тут в Галиции являемся русинами в Австрии, мы обрезок народа и принадлежим к Малой Руси, но Малая Русь очень велика, и так как есть Малая и Великая Польша, есть и Велико-Русь, а значит мы считаем себя частью южной Руси, и как здешние, русины-австрийцы, мы оторваны от Малой Руси»⁸³. Приводятся также рассуждения его же и Наумовича о малорусском языке в соотношении с «общерусским»: «Далее на вопросы г-на присяжного заседателя Рыльского отвечает свидетель — о малорусском языке, о его литературе, после чего голос взял о. Наумович и г-н Площанский — о русском языке в его литературе, опираясь на теорию Шафарика и сопоставляя общерусский и малорусский языки с немецким hochdeutsch a plattdeutsch, показывая, что немцы имеют один язык для всех, что вовсе не ограничивает прав отдельных немецких наречий, которых очень много; так же не ограничатся и права малорусского наречия, если принять общерусский язык как литературный»⁸⁴. В одном месте судебных прецедентов возник спор о том, написан ли представленный текст

на русском литературном или на местном наречии: «Марков: В этих словах, представленных как российские, я вижу малорусский язык, я бы попросил о проверке, знает ли господин переводчик галицийский народный язык, потому что может быть, что не знает, а тогда и не может судить. Д-р Искрицкий: Я бы попросил о проверке, потому что те самые тексты, которые в административных актах венской полиции были признаны как малорусские, здесь были в административных переводах признаны российскими»⁸⁵. Однако в целом можно сказать, что употребление определения «малорусский» всё же очень редко, и в основном употребляется слово «русский».

Рутены

Ещё один способ политического обыгрывания русского этнонима, получивший тогда большое распространение, было использование слова «Ruthenia» и производных от него этнических наименований. Их активное внедрение началось со времени «Весны народов» — бурных событий 1848 г. В ходе судебных слушаний по «Делу Ольги Грабарь» неоднократно обращались к истории визита в том году «русской делегации» из шести человек к губернатору Галиции графу Францу Стадиону. Была зачитана вслух с переводом на польский язык статья Ивана Наумовича из газеты «Слово» за 1866 год «Взгляд в будущее»⁸⁶, в которой описывалось в том числе и это событие⁸⁷. Уже в середине судебных разбирательств его прокомментировал Богдан Дедицкий: «Так как статья написана против рутенцов, мы их понимали как сервиллистов издавна, их практикой было вечное унижение и раболепие. Эти рутенцы пришли в 1848 году к Стадиону как депутация в составе 6 человек. Стадион спросил их: кто вы? Они на это: рутенцы. То есть представили себя такими, у которых нет ни своей истории, ни народа; потому что когда Стадион далее спросил, не являетесь ли вы тем же народом, что и в России, они на это ответили: там схизматики, мы к ним не принадлежим — и так отказались от своего рода. ... И вот такое отречение от того, что мы русины, у которых есть своё прошлое, стало причиной тому, что им было сказано: у вас нет школьных книжек, так пусть в школах будет немецкий язык, пока ваш не образуется. Они с этим согласились. Конечно, Стадион, будучи германистом, культуртрегером, опирался на правило “Drang nach Osten” и был большим противником России,

потому что в 1849 г., когда он был министром, он должен был согласиться на помощь России, так он так был этим возмущён, что тронулся умом, из-за чего и умер, как *fama fert*⁸⁸. Так вот и рутенцы были ему на руку, когда он таким способом имел гарантированный “*Drang nach Osten*”, они как аборигены имели голос и предпочли немецкий язык русскому и польскому, и даже сказали, что и нет такого (русского языка. — *О.Н.*). Поэтому эти рутенцы просто нанесли большой вред как русинам, так и полякам, и против них выступила молодая партия, к которой и я принадлежал...»⁸⁹.

Таким образом, именно акт официально признанного переименования народа виделся началом современных бед всего восточнославянского населения Галиции. И действительно, признание рутенцов как народа, не имеющего своего литературного языка и системы образования, поставило не только народные массы, но и интеллигенцию края в условия обязательной полонизации, то есть подчинения польскому образованию и фактически польской краевой политике. Примечательно, что об этом же говорил в другой день суда и д-р Лубинский — поляк, выступавший в роли защитника: «Этот принцип “*divide et impera*”, о котором упомянул г-н министр Тиша, является очень печальным, но он имел в нашем крае последствия. На силе этого принципа в 1848 г. был изобретён народ рутенцев, и так как поляк рождался согласно с представлениями того времени: “*Hochverrätegem*” (государственным изменником. — *О.Н.*), так метрика рождения рутенца была ему патентом на лояльность, и писали о нём всегда “*von erprobter Gesinnung*” (проверен по плану. — *О.Н.*). Этот народ рутенцев противопоставляли польскому народу и его устремлениям; этим народом парализовали все наши выступления. ... Как показали свидетели, был высокий сановник в Галиции, который во время польского восстания 1863 г. побуждал газету “Слово” к острым публикациям против поляков. И была убита в тех рутенцах русская мысль и русское слово, ведь к власти они писали по-немецки, а то, что рутенцы только и были наверху и на виду, так ничего удивительного, что сложилось в крае всё большее раздвоение, и антагонизм двух народов с каждым днём возрастал. И что эти рутенцы, будучи партией чисто правительственной, умели вместе внушить своим братьям русинам, что они заботой тогдашних властей смогут Русь поднять; и когда действительно некоторой пользы в то же время для Руси добились, но нет и ничего удивительного, что в руках рутенцев руль остался, и только

они всё решали. А раз много есть людей слабого духа, и расположением легко их соблазнить, то и стало, что количество рутенцев была так велико, что поляки стали отождествлять с ними русский народ. Виноваты в этом деле также и русины, и виноваты главным образом в том, что не смотрели на собственные силы, что молчали о том, что партия рутенцев предпринимала. ... В конце концов виноваты в этом деле также поляки, что вместо того, чтобы отделить рутенцев от русинов, в своих публичных текстах и разговорах заявляли, что все русины являются рутенцами, или же инструментами тогдашних властей, и в том, что устами некоторых государственных деятелей, таких как Лешек Борковский, отрицали существование русского народа, и почти без опровержения со своей стороны в нашем сейме пропускали голоса, что нет Руси, что русский язык — это наречие, как мазурский язык, ... в том, что каждое выступление русских патриотов было неоднократно подозреваемо в москфовильстве»⁹⁰.

Сложившаяся ситуация, по которой де-юре значительной части славянского населения Империи как особого народа просто не существовало, приводила к перекосам в межэтнических отношениях и дополнительным политическим проблемам. Правда, она же помогала блокировать пророссийские настроения в обществе и не допускать развития общерусского самосознания, что воспринималось, очевидно, как задача первоочередной важности. Для нас примечательно, что делалось это именно через трансформацию народного имени, а при принятой трактовке этнонима «рутены» — скорее через переименование народа, благодаря чему восточнославянские жители Австро-Венгрии оказывались как бы особым, самостоятельным народом, не имеющим прямого отношения ни ко всей русской общности, ни даже к малорусской её части.

Важнейшая фраза из статьи Наумовича 1866 г. звучала так: «Мы не Рутены зъ 1848 року, мы настоящи Русскіи»⁹¹. Она стала своего рода девизом русофильского движения. Во время судебных слушаний по «Делу Грабарь» к ней неоднократно возвращались. Представляют особенный интерес попытки перевести эту фразу на польский и немецкий языки и возникшие споры по поводу адекватности таких переводов. Так, ещё в начале процесса председатель зачитал её следующим образом: «Nie jesteśmy Rusinami z r. 1848 — my jesteśmy prawdziwymi Russkiemi», и даже повторил её по-русски: «Мы не Русины съ 1848 года, але Русскіи». То есть он заменил этноним «рутены»

на «русины», полностью изменив тем самым смысл выражения. Это заставило Площаницкого объяснять: «Это означает, что мы не рутены... Всегда были русинами и только в 1848 г. сделали из нас рутенов»⁹². По-новому фраза предстала в заключительной речи прокурора: «*my nie Rusini, ale prawdziwi Rosyjanie!*» («мы не русины, а настоящие россияне!»)⁹³, на что уже нельзя было давать опровержений. Таким образом, путём подставной игры с различными вариантами одного этнонима, из фразы-отрицания навязанного особого «рутенского» самосознания было сделано отрицание исторической идентичности в пользу той, которая в это время уже прочно ассоциировалась с Москвой. Для суда присяжных это было, наверно, убедительным доводом в пользу идеи об антигосударственном характере деятельности русофилов.

«Рутенизм», однако, тоже виделся подозрительным, так как мог представлять как форма легального существования русской идентичности. Так, обвиняемый редактор русофильского издания «Приятель детей» Исидор Трембицкий получил от коломыйского староства следующую характеристику: «По политическим взглядам он фанатичный сторонник пропагандистских принципов выходящего во Львове “Слова”, здешней “Русской рады”; страстный враг всего, что польское, работает под прикрытием рутенизма для русского дела»⁹⁴. Интересно, что в добавочном свидетельстве того же староства эта фраза несколько изменена: «под прикрытием рутенизма пропагандировал русофильство»⁹⁵. Таким образом, «рутенизм» так же оказывался под подозрением — стоит ли за ним искренний отказ от идеи общности с русскими или же это лишь форма политкорректности.

С русофильской же стороны один из важнейших упреков в адрес рутенской идеи было обвинение в сервилизме. Так, Осип Марков заявил: «мы всегда держались сервилистичной политики, которая сегодня завела нас в болото, когда хотели создать какую-то самостоятельную рутенскую культуру и литературу, а Русь видели только по Збруч, и наша привязанность к правительству не была привязанностью, а лишь сервилизмом, потому что когда правительство заявляло, что в школах по-прежнему остаётся немецкий язык преподавания, а в администрациях немецкий язык управления, мы с этим соглашались, хотя, если бы мы требовали русского языка, правительство нам бы его позволило ввести, так как в то время, в 1848 г., мы были обласканы властью. Но мы отрицали остальной русский народ,

его язык и его культуру»⁹⁶. Смена народного имени виделась русофилам важнейшей причиной народных бед.

Одним из основных актуальных тогда для Галиции языков был немецкий, поэтому важно было уточнять этнонимы и в немецком их написании. Слово «ruthenisch» было уже принято в немецкоязычных текстах для определения восточных славян Австро-Венгрии (в отличие от «russisch» — для русских России), но русофилы сознательно ломали эту молодую ещё традицию. Неудивительно, что возникали и запутанные ситуации. Например, при споре о языке одного из обсуждаемых текстов, который официальный переводчик счёл «российским», Владимиру Наумовичу (сыну Ивана Наумовича) пришлось разъяснить причину путаницы: «Это моя ошибка. Надо различать выражения “ruthenisch” и “russisch”. Ко мне пришёл д-р Spilhacek, который вовсе не понимал русской речи, только меня спрашивал, как написано»⁹⁷.

На суде обвиняемым приходилось специально доказывать, что слова «Russen» и «Russisch» прежде применялись и для обозначения галичан. Так, Площаницкий «для подтверждения своего мнения, что еще в новейшие времена галицких русских называли “Russen”, “russisch”, предлагает сочинение известного польского литератора и редактора “Przyjacieł domowy” Иполита Ступницкого “Geografie von Galizien und Lodomerien” и просит председателя о подтверждении того же»⁹⁸. Добрянский же «обращает внимание, что даже во Львове, в Успенской церкви, до сих пор сохранилась надпись “Russische Gasse”, и это обстоятельство доказывает, что даже официально нас называли в иосифовы и послеиосифовы времена “Russen”. Так же именуют галицких русских в своих сочинениях все учёные, такие как Черник, Шафарик, Дубровский и другие»⁹⁹. Наумович указывает на некорректный перевод на немецкий фраз из брошюры «Посланик св. Владимира Великого»: «Краковский корреспондент “Wiener Allgemeine Zeitung” позволил себе фальшивый перевод отрывка из этой брошюры. Он слово “Русь” перевёл как “Russland”. Там в брошюре сказано о любви к отчизне русской, так он перевёл “Liebe für Russland”. А слово “Russland” имеет политическое значение, оно означает Россию как государство. Совсем иначе это понял львовский суд, потому что не в политическом смысле, а только в народном»¹⁰⁰. При этом, когда судья попросил Наумовича предложить правильный вариант перевода, он указал на такой: «Ruś — Reussen, Czerwona Ruś — Roth-Reussen»¹⁰¹.

Однако в своих немецкоязычных текстах и заявлениях обвиняемые придерживались устоявшегося на то время употребления «рутенского» этнонима. Так, во всех зачитанных председателем суда текстах А. Добрянского на немецком применительно к галицийским реалиям встречается лишь «ruthenischen Clerus», «ruthenische Kirchen», «ruthenischen Geistlichen» и т. д. Интересно также отметить, что в зачитанном специальном письме от обер-прокурора Святейшего Синода России К. П. Победоносцева, написанном по-французски, было проведено соответствующее современной немецкоязычной практике различие между «Russie» и «Ruthénie» — о чём председатель суда при чтении специально оговорился¹⁰².

* * *

Несомненно, что материалы судебных слушаний по «Делу Ольги Грабарь и товарищей»¹⁰³ отражают не все нюансы лексических и грамматических игр с вариациями русского этнонима в Австро-Венгрии того времени. Например, в них почти не звучат голоса представителей «украинской партии», и в них почти не затрагивается положение в венгерских провинциях Империи¹⁰⁴. И тем не менее, этот богатейший материал иллюстрирует почти все основные пути политической работы с различными формами русского этнонима.

Так, мы видим, как эпоха национализма вынуждает всех участников политического процесса к грамматическим и лексическим играм вокруг этнонимов. Собственно, идея воссоздания единых общностей на основе древних этнонимов, как и выделения новых общностей на основе их частичного переименования — это и есть национализм в самом своём общем смысле. Только с созданием нации этническая идентичность приобретает институционализацию и овеществляется в конкретных документах — личных и общих, свидетельствующих об актуальном единстве на основе конкретного имени. При этом стандартизации подвергаются все сферы жизни общества — от правового положения граждан до написания имён. Выбор стандарта этнического имени становится такой же частью процесса создания нации, как и выбор стандарта литературного языка. И хотя политические игры с русским именем в Австро-Венгрии были способом удержания имперского пространства, на деле они запускали процессы нациообразования, подготавливая почву для скорого распада Империи.

Примечания

¹ По этой теме см.: *Кеґіński A.* Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa, 1990; *Dzwonkowski W.* Rosja a Polska // Warszawa, 1991; *Karpiński W.* Polska a Rosja // Z dziejów słowiańskiego sporu. Warszawa, 1994; *Tazbir J.* Mity i stereotypy w dziejach Polski. Warszawa, 1991; *Tazbir J.* Moskwicin w sarmackim zwierciadle // Polityka. 1991. Nr 48; *Giza A.* Polaczkowie i Moskale – wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle. 1800–1917 // Polskie Pismo i Książka. Szczecin, 1993; *Borkowicz J.* Ambiwalencja sąsiedztwa. Rosjanie w polskich oczach – perspektywa historyczna // Polacy i Rosjanie: 100 kluczowych pojęć. Warszawa, 2002; *Kornat M.* Między wyobraźnią a wiedzą: Rosja w Polskiej myśli historycznej XIX i XX wieku // Ibidem; *Król M.* Przejawy mentalności Polaków w stereotypach językowych (analiza kulturowo-cywilizacyjna) // Polityczne, gospodarcze i kulturowe aspekty relacji Polski z krajami byłego ZSRR. Kielce, 2011; *Прокоп Я.* Поляки о русских – два вида памяти // Polacy – Rosjanie: wzajemne relacje. Gdańsk, 2007; *Malek E.* Где лежит Россия? (Несколько замечаний о том, как поляки видели и описывали москвитов) // Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków. Warszawa, 2000; *Niewiara A.* Moskwicin – Moskal – Rosjanin w documentach prywatnych. Portret. Łódź, 2006 (Раздел «Dzieje nazywania». S. 16–54); *Niewiara A.* Procesy kategoryzacyjne a kulturowe konstruowanie obrazu «innego» (Moskwicin – Moskal – Rosjanin) // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A de Lazari. Warszawa, 2006. S. 49–72.

² См.: *Karamzin M.* История Паństwa Росыіського / Przełożona na język polski przez Grzegorza Buczyńskiego. T. 1–12. Warszawa, 1824–1830.

³ См. подр.: *Паушаева Н. М. И. Г.* Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галичины второй половины XIX века // Исторический вестник. 2001. № 1(12).

⁴ Стенографический отчет изъ судебной росправы по дѣлу Ольги Грабарь и товарищей обжалованных о преступление головной здрады изъ §. 58 бук. в. карн. зак. Львовъ, 1882.

⁵ См.: *Мончаловский О. А.* Житъе и деятельность Ивана Наумовича. Львов, 1899; *Свистун Ф. И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. Ч. II (1850–1895). Львов, 1896. С. 407–412; *Паушаева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007. Гл. IV, § 8. С. 68–70; *Соколов Л.* Большой политический процесс русских в Галиции // *Соколов Л.* Осторожно: «украинство»! М., 2009. С. 287–303. По истории русофильского движения в Галиции см. также: *Середа О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках (за матеріалами преси) // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 157–171; *Сухий О.* Від русофільства до москвофільства (російський чинник угромадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. Львів, 2003; *Аркуша О., Мудрий М.* Русофільство в Галичині на середині XIX – на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34. Львів, 1999. С. 231–269; *Moklak J.* Geneza moskalofilstwa wśród Ukraińców Galicyjskich // Зустрічі- Zustriczi. Warszawa, 1991. № 1. S. 117–125; *Kammler A.* Національний рух українців у Росії та Галичині: спроба порівняння // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Міжвідомчий зб. наук. праць. Вип. 1. К., 1994. С. 104–119; *Wendland A. V.* Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Osterreich und Russland, 1848–1915. Wien, 2000; *Клопова М. Э.* Украинское национальное движение: галицийский опыт // Украина и украинцы:

образы представления стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 322–339; Клопова М. Э. «Русское» и украинское движения в Галиции в освещении современной российской и украинской историографии // Україна та Росія: як зміцнити фундамент стратегічного партнерства. Історичні, соціокультурні та геополітичні чинники розвитку відносин між двома державами і народами. Київ, 2008. С. 39–51.

⁶ Здесь и далее цитаты на польском языке и западнорусских наречиях даются в переводе, оригиналы приводятся в ссылках.

⁷ «Akt oskarżenia zarzuca podsądnym, że są Russofilami i podnosi ich przyjaźń i sympatyę dla Rosyji; co to są Russofile, proszę nam wyjaśnić?» (Стенографический отчетъ. С. 258 — далее СО).

⁸ «Politycznej słowiańskiej jedności, t. z. rosyjskiego panslawizmu politycznego», «wielkiego federacyjnego państwa pod hegemonią Rosyji, obejmującego wszystkie plemiona słowiańskie Europy» (СО. С. 319).

⁹ «Zajmuje się literaturą rosyjską i studyum prawosławia, co dowodzą znalezione książki — i posiada wielki wpływ na część kleru ruskiego i inteligencji wiejskiej, będąc nazywanym “prorokiem i patriarchą ojczyzny”» (СО. С. 265).

¹⁰ «Sympatya do narodu rosyjskiego nic karygodnego stanowić nie może» (СО. С. 379).

¹¹ Все этнонимы и их производные в переведённых фразах даны максимально приближенными по форме к оригиналу.

¹² «Tu nie sadzi Polak Rusina, tu nie ma różnic wyznań, tu nie jest arena ani forum polityczne, tu rozstrzyga sprawiedliwość z zawiązanymi oczyma» (СО. С. 391).

¹³ «Nasz cały język piśmienny jest zdradą stanu, i jak mówiłem, i imię Rusi. A jeśli się uznaje jaką Ruś, to tylko taką, której język jest tylko zruszczoną polszczyzną» (СО. С. 319).

¹⁴ В большинстве случаев употребление слова «Русь» («Ruś») в нашем источнике имеет значение этнонима и по современным правилам русского языка должно писаться со строчной буквы — «русь». Но так как затруднительно точно определить в каждом данном случае, страна подразумевается или народ, в настоящем тексте в переводных частях это слово оставлено в написании с заглавной буквы.

¹⁵ «A czyż to nie prawda, że cierpiemy, że upadamy w nierównej walce z partją, po stronie której stoi rząd z całą swoją powagą i siłą! Cóż zaszkodziło by tej partyi, gdybyśmy mieli jednego posła więcej czybyśmy co zyskali? Czy gdyby nas i więcej wystąpiło imieniem narodu ruskiego, głos nasz nie będzie wysłuchanym. Tu mówią fakty, że idzie o zniszczenie Rusi» (СО. Там же).

¹⁶ «W ogóle “Słowo” jest redagowane w duchu umiarkowanym, i nie ma w niem ani jednego artykułu, któryby mówił o politycznem zjednoczeniu Rusi» (СО. С. 309).

¹⁷ «Ruś w etnograficznym pojęciu jedna, ma swój język naukowy wykształcony, ma swoje poetyczne narzeczce małoruskie i swój święty, poważny, starocerkiewny język. Nigdy nie powie Wieikoruś, że pieśń małoruska nie jest jej pieśnią, że wszystko małoruskie jest jej obce. Nie można powiedzieć, że język cerkiewny jest obcym dla nas, on jest wszystkim nam Wielko-Mało- i Białorusom wspólny, ... Czyż można napisać historię małej Rusi, żeby nie zacząć od Ruryka, to wiąże się razem i musi jako całość być pojęte. Czy należy nam nie kochać Kijowa, dla tego, że jest za granicą Austrii, chociaż tam nasi przodkowie przyjęli chrzest, czy możemy nie kochać starej przeszłości Nowgorodu, nie uważać za swoje wszystkie ziemie, o których pisał Nestor, nazywając ziemię i Polan i Drewlan i Siwieran “русская земля?» On rozumiał pod tem całą Ruś, jakżeż nie kochać tej całej Rusi? Jak Polak nie ma kochać Warszawy,

Poznania? Czy tylko dla tego, że one leżą za granicą Austrii? To być nie może, on musi kochać swoją ziemię, swoich ludzi, swoją polską ojczyznę całą» (CO. C. 318–319).

¹⁸ «Czy to się odnosi tylko do literatury, czy i polityki?», «Я так понимаю, якъ и всѣ понимаютъ, то есть о литературный языкъ», «А подстава той назвы?», «Въ русской суспольности, языкови рожницѣ» (CO. C. 297).

¹⁹ «Pismo ludowe w języku ludowym», «w r. 1880 pisało „ruski»a 1881 „ruski»» (CO. C. 281).

²⁰ CO. C. 76, 302.

²¹ CO. C. 6, 8, 23, 143, 258, 273, 297, 339, 340, 358, 369, 386.

²² «Co do słowa: „panslawizm” podano w akcie oskarżenia, że charakter jego jest niebezpieczny. Nazywanie kogoś „moskalofilem” lub „rusofilem” oznacza, że on należy do pewnej partii, która wyznaje jakieś zasady. Jeżeli mię kto nazywał „moskalofilem”, to nie dlatego, bym należał do Rosyi, tylko dlatego, że mam zasady różne od innych partii. Gdyby panslawizm i russofilizm był nawet aż tak niebezpieczną rzeczą, jak przedstawiono w akcie oskarżenia, to sądzę, że jako człowiek z rozsądkiem, wiem, jak się mam zastosować w charakterze obywatela państwa austryjackiego i wiem, że muszę postępować tak, jak mi każą prawa istniejące. Zresztą na polu politycznym wolno każdemu myśleć jak chce, byle zachował się jak ustawa wymaga, — a ja przeciw tejże nigdy nie występowałem» (CO. C. 23).

²³ CO. C. 297, 298, 335.

²⁴ «W moim liście miałem na myśli sprawę językową, która posłużyła za podstawę oskarżenia, skoro pisanie wyrazu ruski przez dwa „ss” taką tu rolę odegrało» (CO. C. 325).

²⁵ «Jeśli po polsku się pisze to piszą jedno s, bo nie trzymają się ściśle etymologii a my dla tego piszemy ss bo to pochodzi od słowa „Ruś” do którego dodawsz końcówkę „ski” otrzymujemy „ruski»” podobnie jak „мужъ” i końcówka „скійъ” зтад „мужскійъ” a w polskim męski. My zostawiamy korzeń (źródłosłów) i dodajemy końcówkę „ski” i w tem różnica. To jest kwestya czysto etymologiczna. Podobnieз „пражскійъ”. «А np. пруски?», «Мы пишемъ przez ss. To już taki sposób pisania», «Голосы въ сали: такъ есть» (CO. C. 55).

²⁶ «O tem, by był przewodnikiem jakiej partii, nie wiem. O tem, że należał do stronnictwa „ruskich”, slysziałem, ale nie wiem, czy to prawda» (CO. C. 290–291).

²⁷ «Pisze „ruski», mieszając narodowość małoruską z ruską» (CO. C. 291).

²⁸ «Co do wyrazu ruski, to dziwna, że nigdzie owe dwa ss nie wywołują takich protestów, jak w tem właśnie słowie. Pisownia i tego wyrazu, jak i innych: pruski, prasski, odesski oparta na etymologii. Pisałem tak, piszę i pisać będę. że i tamci za granicą są także ruscy, to za to chyba historię należałoby pociągnąć do odpowiedzialności» (CO. C. 291–292).

²⁹ «Ruś jest czem raz bardziej przyciskana do muru i utraciwszy już nadzieję w sprawiedliwość austryackiego rządu, podniosła rozpaczliwy głos o swej narodowej i literackiej jedności z całym dalszym ruskim światem» (Стенографический отчет. C. 304); «... nie możemy w względzie językowym literackim, kościelnym, narodowym odłączać się dłużej od reszty naszego ruskiego świata» (CO. C. 46–47).

³⁰ «Powiada cenzor, że ja nazywam tamtych ruskimi i siebie. Oczewista, ja ich tak nazywam, jak się sami nazywają. że nasza narodowość nazywa się ruską, więc za to cały naród trzebaby pociągnąć do odpowiedzialności» (CO. C. 292).

³¹ Там же. C. 78.

³² «Якъ васъ пытали, чи по польски, чи по руски» — «По руски» (CO. C. 168).

³³ «Naszem zadaniem było wyświecić, czem my jesteśmy i czem byliśmy na podstawie historii, że jesteśmy prawdziwymi ruskimi, bo tak już kronika od Nestora do dziś dnia nas

nazywa. Zapytać się nawet chłopca, czemu on, to powie: “я Русинь, я жѣнка русская а дѣти рускїи”. O tem łatwo przeświadczyć się można. Gdy n.p. zapytam się jaką kobietę, kto ona, to powie: Ruski, a mąż: ruskij, a dzieci: ruskii» (CO. C. 253–254).

³⁴ Там же. С. 237.

³⁵ Там же. С. 240.

³⁶ «... ruskiej idei narodowej» (CO. C. 260).

³⁷ Там же. С. 48.

³⁸ Там же. С. 9.

³⁹ Там же. С. 180.

⁴⁰ Там же. С. 225.

⁴¹ «Widzi zbawienie Rusi w tem, żeby ona przyszła pod panowanie Rosyji», «o polityce rusko-rosyjskiej» (CO. C. 223).

⁴² «Szkodzi sprawie ruskiej, grawitując ku Rosyji» (CO. C. 366).

⁴³ «Czy pan liczysz Rosyjanów do Słowian, czy jak to Duszyński robi, do Mongołów», «Do Słowian» (CO. C. 224).

⁴⁴ «Biorąc naród mało-ruski jako w całości z moskiewskim, krzywdzi ks. proboszcz Małą-Ruś, należącą do szczepu aryjskiego, gdy rosyjski naród, jak wiadomo, należy do szczepu turańskiego». «Ja nie podzielam fantazyi p. Duchinińskiego, odmawiającego szczepowi wielkoruskiemu słowiańskiego pochodzenia i chociaż przyznać muszę, że my Małorusini jesteśmy najczystszy szczepem słowiańskim, to nie jesteśmy także bez przymieszek obcej krwi, albowiem nie mogła ona nie pozostać po tylokrotnych walkach naszego narodu z Tatarami, Wołochami i t. d. Wielkorusowie są w podobnych stosunkach, w Wielkiej Rusi dużo narodów turańskich ruszczy się, lecz to nie ma nic do rzeczy» (CO. C. 321).

⁴⁵ «Dla czegoż nam nie wolno, by korespondować z Rosyjanami literatami?» (CO. C. 204).

⁴⁶ «Jako twardego Rusina, który mówi, że Rusini w Galicyi są Rosyjanami» (Там же. С. 291).

⁴⁷ «Hegemonii plemienia rosyjskiego nad resztą Słowian» (CO. C. 356).

⁴⁸ «Prawdziwy pierwiastek rosyjskiej narodowości» (CO. C. 355).

⁴⁹ «Złączyć Rusinów z Rosyjanami» (CO. C. 47).

⁵⁰ «Ruskie społeczeństwo Rosyji» (CO. C. 50).

⁵¹ «Galicyjsko rosyjskiego narodu» (CO. C. 49).

⁵² Там же. С. 50.

⁵³ «Nnie dopuści języka rosyjskiego tylko krajowy w szkołach i urzędach» (CO. C. 47).

⁵⁴ «Zwracano także uwagę dla tego żeśmy mówili po rosyjsku, co ja nie uważam za przestępstwo» (CO. C. 89).

⁵⁵ (List) «pisany po rusku czy po rosyjsku» (CO. C. 33).

⁵⁶ «Do literatury ruskiej język rosyjski» (CO. C. 357).

⁵⁷ «Tendencje zbliżenia języka ruskiego do rosyjskiego jako literaturnego ... to przedstawi się kwestyą polityczną, nie literaturną» (CO. C. 320).

⁵⁸ «Sokolowa poznałem w ruskiej kawiarni we Lwowie, zeszłego roku. Zaciągnięto mię tam. Krzyczano ciągle: Sokolów, Sokolów z Petersburga — więc poszedłem zobaczyć go. Było mnóstwo ludzi, dziennikarzy ruskich i polskich w kawiarni. Pokazano mi tam z daleka Sokolowa. Na drugi czy trzeci dzień znowu przyszedłem, rozmawiałem z nim nieco po rosyjsku, na co zrobił mi uwagę “charaszo” — ale jeszcze potrzeba trochę lepiej mówić po rusku» (CO. C. 327).

⁵⁹ «Pisanych tak zwanym moskiewskim językiem», «po moskiewsku pisanych» (CO. C. 159).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ «Ale ja i tej nie czytałem wiele, bo była trochę po moskiewsku, a ja po rusku słabo czytam» (CO. C. 209).

⁶² «Zajadłym moskałem», «Wiemy z doświadczenia, jak nierozważnie szafujemy tym epitetem» (CO. C. 385).

⁶³ «A co do wyrazu "Moskal", to u nas każdego twardego Rusina nazywają "Moskałem"» (CO. C. 83).

⁶⁴ «... czyta ruskie gazety, przedstawił mi się jako "moskal", bo on jeden mówi po moskiewsku "pocztenie"; a nie jak wszyscy "Sława Bohu"» (CO. C. 288).

⁶⁵ «Ганьбити и называти мене, ты шизматикъ, москаль и т. п.» (CO. C. 149).

⁶⁶ «Kto nie chciał na prawosławie, mówiono o nim, że "приставъ до Ляховъ", a kto chciał, to zwano go Moskałem. Tak nazywano Załuskiego» (CO. C. 210).

⁶⁷ «← Powiedział pan do protokołu, że ks. Naumowicza znasz pan jako zagorzałego Moskala, z kąd pan to wie? — Tak przynajmniej każdy powiedział, z kim mówiłem o ks. Naumowicza. — Na jakiej podstawie? — Bo nie tał się z tym objawem. — Z jakim objawem? — Jak chwalił tamtejsze stosunki. — Dla tego, że chwalił, pan wnosił? — Tak, tak» (CO. C. 225).

⁶⁸ «Sam nazywa się Moskałem i szczerze prawosławnym i przyznaje, że jest zwolennikiem literackiego federacyjnego panslawizmu» (CO. C. 366).

⁶⁹ «Ta teoria zniewoliła ich zwrócić uwagę swą nie tylko na naród w granicach państwa rosyjskiego istniejący, ale także i na całe plemię słowiańskie, a chociaż oni zawsze byli raczej Rosyanami, aniżeli Słowianami, raczej Moskwitami aniżeli Rosyanami, nie ograniczyli swych celów na obszarze państwa, ale nadali swym dążnościom charakter polityczny, poza granice sięgający» (CO. C. 366).

⁷⁰ «Jest tam ten wyraz russisch przetłumaczony tak, jak sobie tłumaczą niektórzy polscy dziennikarze, tłumacząc wyraz "рускій" na "moskiewski"» (CO. C. 76).

⁷¹ CO, см. с. 99.

⁷² «А що въ томъ письмѣ сказано, що "Марковъ настоящій Москаль", то кожного Русина польская журналистика называеъ "Москалемъ"» (CO. C. 231–232).

⁷³ «Противъ нихъ выступаеъ цѣла журналистика польска, кромѣ, теперь, одной "Стражницы". "Дѣло" за то, що упоминалося за правами русскаго народа, що выступаеъ противъ полонизации школь, зостало также москалемъ» (CO. C. 249).

⁷⁴ «propaganda moskiewska» (См. CO. C. 15 и др.).

⁷⁵ «We Lwowie Zubrzycki był pierwszym agentem moskiewskim» (Там же).

⁷⁶ «Wielki ruch agentów Moskwy» (Там же).

⁷⁷ «Rusinów, iż nie są odrębnym narodem, lecz moskiewskim, i pobudzenie do walki przeciw Polakom» (Там же).

⁷⁸ «Dla mnie wszystko jest drogiem, co jest słowiańskie. Mój Szewczenko, mój Puszkino, mój Mickiewicz, mój Korzeniowski, mój Kollar, mój Wuk Stefanovic Karadzie, to wszystko moje, bo to słowiańskie. I nie ma tu żadnego strachu, objąć tą miłością i Słowian zagranicznych, Wielkorusów, Bułgarów i t. p. Dla mnie, jako ruskiego człowieka, najbliższe wszystko ruskie, bo cały ruski naród muszę uważać za mój własny, ale to nie przeszkadza mi być dobrym austriackim obywatelem» (CO. C. 203).

⁷⁹ «Wielkoruskim języku» (CO. C. 254).

⁸⁰ «Kostomarov, towarzysz Szewczenki, pisał po małorusku i wielkorusku» (CO. C. 300).

⁸¹ «Oto tu jest portret Kostomarowa, historyka rossyjskiego, ale zarazem ruskiego. To jest: писавшого по мало- и по великорусски» (СО. С. 291). См. также «великорусский язык» в речи одного из свидетелей (Там же. С. 260).

⁸² «Duchowej jedności z ludem wielkoruskim» (СО. С. 44).

⁸³ «My tutaj w Galicyi jesteśmy Rusinami w Austrii, jesteśmy okrawkiem narodu i należemy do Małej Rusi, ale Mała Ruś jest bardzo wielką, i tak jak jest Mała i Wielka Polska jest i Wielko-Ruś więc uważamy się jako część południowej Rusi i jako tutejsi, Rusini austryaccy, jesteśmy oderwani od Małej Rusi» (СО. С. 46–47).

⁸⁴ «Дальше на вопросы г. присяжного судьи Рыльского отвѣчает свидѣтель о малорусскомъ языкѣ, о его литературѣ, послѣ чего забралъ голосъ о. Наумовичъ и г. Площаяскій о русскомъ языкѣ в его литературѣ, опираючись на теоріи Шафарика, сопоставляючи общерусскій и малорусскій языкъ съ нѣмецки съ hochdeutsch a plattdeutsch, подносячи, що Нѣмцы имють одинъ языкъ для всѣхъ, а совсѣмъ по обмежають правъ поодинокихъ нѣмецкихъ нарѣчій, которыхъ есть дуже много, такъ само не обмежитъ правъ малорусского нарѣчія, принимаючи общерусскій языкъ яко литературный» (СО. С. 260).

⁸⁵ «Марковъ: W tych słowach naprowadzonych jako rossyjskie, ja widzę język małopolski, prosiłbym o skonstatowanie, czy pan tłumacz zna galicyjski ludowy język, bo być może, że nie zna, a wtedy nie może sądzić. Д-р Искрицкий: Jabym prosił o skonstatowanie, że te same pisma, które w urzędowych aktach wiedeńskiej policyi uznane zostały jako małopolskie, tu zostały w tłumaczeniach urzędowych uznane jako rossyjskie» (СО. С. 282).

⁸⁶ Погляд в будущее // Слово. № 59. 27.07.1866.

⁸⁷ Вот краткая выдержка из текста статьи: «Въ 1848 році впрошали васъ, що мы? Мы сказали, що мы всемирнѣйшии Ruthenen. (Господи! если бы праотцы наши узнали, що мы сами прозвали себе тымъ именемъ, якимъ окрестили насъ во время гоненія наши найлюбѣйшии вороги, они въ гробахъ зашевелили-бъ ся.) И якаяжъ зъ того вышла конвенція? Ото така, що выписалъ намъ Вѣднѣнскій жидъ-гумориста Сафиръ: Seit der Erfindung der Ruthenen zwei Jahre, а що потому сами Поляки ругались Rutensam, Ruteńczykam. — А може вы русскіи? допрошалъ насъ Стадіонъ. Мы кляли душу-тѣло, що мы не русскіи, не Russen, но що мы таки собѣ Ruthenen, що граница наша на Збручѣ, що мы отвращаемся отъ такъ званыхъ Russen, яко отъ окаянныхъ шизматиковъ, съ которыми ничего вполного имѣти не хочемъ. Яковъ ваше письмо? допрошали насъ далѣй. Мы сказали, що письмо наше тое, що въ церковныхъ книгахъ, и знову кляли душу-тѣло отъ гражданки, що то serbisch-russische Zivilschrift, которой мы отрицаемся, яко чужой. Такъ вовсе удивляти не можетъ никого, если намъ Рутенямъ не позволено въ певномъ времени употребляти ни выражений русскихъ ни гражданки русской, ни русской скорописи, но допущено лишь то, чтобы намъ яко Рутенямъ свободно было поданья до урядовъ и судовъ писати-друковати церковною кириллицею, а языкомъ такимъ, якимъ бесѣдуется по окрестныхъ того уряда торгахъ и корчмахъ. И для чогожъ мы не сказали въ 1848р., що мы русскіи, що границею нашею народною есть Збручъ но що она дальше Днѣпра?» (СО. С. 79).

⁸⁸ «Если верить молве» (лат.)

⁸⁹ «Ten bowiem artykuł jest napisany przeciwko Ruteńców, myśmy ich rozumieli jako serwilistów z dawnych czasów, których studium było wieczne upokarzanie się i służalstwo. Ci Ruteńcy przyszedli w 1848 roku do Stadyona, jako deputacya złożona z 6 członków. Stadyon zapytał ich, kto wy? Oni na to: Rutency. Przedstawili się więc takimi, którzy nie mają historyi, narodu; bo gdy Stadyon dalej zapytał, czy wy, nie jesteście takim narodem jak w Rossyi, oni na

to: tamci szymatycy, my do nich nie należymy – otóż wyparli się swego rodu. ... Takie więc wyparcie się, że jesteście Rusinami, którzy mają przeszłość, spowodowało, że powiedziano im: wy nie macie książek, szkolnych, otóż niech będzie w szkołach język niemiecki, aż wasz się wykształci. Oni na to przystali. Oczywista Stadyon, germanista, Kulturträger, opierał się na prawidle "Drang nach Osten" i był wielkim przeciwnikiem Rossyi, bo w roku 1849, gdy będąc ministrem, musiał się zgodzić na pomoc od Rossyi, tak się tem zgorszył, że dostał pomieszaną zmysłów, na co też umarł, jak fama fert. Otóż ci Ruteńcy byli mu na rękę, gdyż on w ten sposób miał zagwarantowany "Drang nach Osten", oni jako aborigines mieli głos i uznali lepszym język niemiecki nad ruski i polski, a nawet powiedzieli, że nie ma takiego. Ci Ruteńcy przeto zrobili krzywdę tak Rusinom, jak Polakom i przeciw nim wystąpiła młodsza partya, do której i ja należałem i zwaliśmy ich "schwarzgelberami" i "świątojurcami", lecz nie w tym sensie, jak to jest tłómaczone w polskich gazetach» (CO. C. 253–254).

⁹⁰ «Zasada owa "divide et impera", o której wspomniał p. minister Tisza najsmutniejsze, jednak sprowadziła w naszym kraju skutki. Na mocy tej zasady w roku 1848 wynaleziono naród Ruteńców i tak jak Polak rodził się wedle ówczesnych wyobrażeń, "Hochverräterem" tak metryka urodzenia Ruteńca była mu patentem na lojalność i pisano o nim zawsze "von erprobter Gesinnung". Ten naród Ruteńców przeciwstawiono narodowi polskiemu i jego dążeniom; tym narodem paraliżowano wszystkie nasze wystąpienia. ... Jak zeznali świądkowie zaprzysiężeni, był wysoki dygnitarz w Galicyi, który w czasie powstania polskiego w 1863 roku zachęcał dziennik "Słowo" do ostrego pisania przeciw Polakom. I zabito w tych Ruteńcach myśl ruską i ruskie słowo, bo pisywali oni do władzy po niemiecku, a że Ruteńcy tylko byli u góry i na widoku, więc nic dziwnego, że powstawało rozdwojenie w kraju coraz większe i antagonizm obydwóch narodów z każdym dniem ... wzrastał. Że zaś owi Ruteńcy umieli równocześnie, będąc partją czysto rządową, wmówić w swoich braci Rusinów, iż oni łaskami ówczesnych rządów Ruś podniosą i gdy rzeczywistość pewne korzyści równocześnie dla Rusi uzyskali, więc nic dziwnego, że w rękę Ruteńców ster pozostał i oni tylko w sprawie decydowali. A że wielu ludzi jest słabego ducha, a także pieszczoty łatwo uwodzą, więc stało się, że liczba Ruteńców była tak wielką, iż Polacy identyfikowali z nimi naród ruski. Winni są w tej sprawie także Rusini, a winni są głównie temu, że nie patrzyli na własne siły, że milczeli wobec tego, co partją Ruteńców przedsiębrała... W końcu winni są tej sprawy także Polacy, że zamiast rozróżnić Ruteńców od Rusinów, w swoich pismach publicznych i przemówieniach, sądzili, iż wszyscy Rusini są Ruteńcami, czyli narzędziami rządów ówczesnych, że zaprzeczali przez usta niektórych mężów stanu, jak Leszka hr. Borkowskiego, istnienia narodu ruskiego, i prawie bez zaprzeczenia ze swojej strony w naszym sejmie przepuszczali głosy, że nie ma Rusi, że język ruski jest takim narzęciem, jak język mazurski, a literackie języki są tylko dwa: polski lub rossyjski, że pisma nasze publiczne nie tylko nie karcily jednostki za wykroczenia, lecz błędy jednostek bardzo często generalizowały, że każde żywsze wystąpienie patryotów ruskich było nieraz podejrzywane o moskalofilstwo» (CO. C. 373–374).

⁹¹ «Для того есть мнѣніемъ нашимъ, що время уже переступити нашъ Рубиконъ и сказати откровенно въ слухъ всѣмъ: Не можемъ отдѣлитися хиньскимъ муромъ отъ братей нашихъ, и отстояти отъ языковой, литературной, церковной и народной связи со всѣмъ русскимъ міромъ! Мы не Рутены зъ 1848 року, мы настоящи Рускии; но якъ всегда были, такъ осьмо и останемъ въ будуще непоколибимо вѣрны нашому августѣйшому австрійскому Монарху и свѣтлѣйшой династїи Габсбурговъ!» (CO. C. 80).

⁹² «То значы, że nie jesteście Ruthenami... Zawsze byliście Rusinami a dopiero w 1848 roku zrobiono nas Ruthenami» (CO. C. 46–47).

⁹³ CO. C. 357.

⁹⁴ «Pod względem politycznym jest on fanatycznym wyznawcą zasad propagowanych przez wychodzące we Lwowie "Słowo", tutejszą "Radę ruską"; namiętnym nieprzyjacielem wszystkiego, co polskie i pracującym pod płaszczkiem rutenizmu dla sprawy rossyjskiej» (CO. C. 266).

⁹⁵ «Pod pokrywką rutenizmu propagował russofilizm» (CO. C. 340).

⁹⁶ «Myśmy zawsze trzymali się serwilistycznej polityki, która dziś zaprowadziła nas w błoto, że chcieliśmy wyrobić jakąś samoistną ruteńską kulturę i literaturę, że widzieliśmy Ruś tylko po Zbrucz, i że nasze przywiązanie ku rządowi nie było przywiązaniem, lecz serwilizmem, bo, gdy rząd powiedział, żeby nadal w szkołach został niemiecki język wykładowy i w urzędach urzędowy, my na to przystali, chociaż, gdybyśmy byli żądali ruskiego, byłby nam takowy wprowadził, bo w ówczas, w roku 1848 myśmy byli u rządu w łaskach. Myśmy zaparli się reszty ruskiego narodu, jego literatury i kultury» (CO. C. 309).

⁹⁷ «Ta pomyłka z mojej przyczyny. Rozchodzi się o wyrażenie "ruthenisch" i "russisch". Do mnie przyszedł dr. Spilhacek, który nie rozumiał wcale ruskiej mowy, tylko mnie się pytał, jak pisano» (CO. C. 282).

⁹⁸ CO. C. 313. Оставлено в оригинале.

⁹⁹ Там же. Оставлено в оригинале.

¹⁰⁰ «Korespondent krakowski do "Wiener Allgemeine Zeitung" pozwolił sobie fałszywie przetłumaczyć ustępy z tej broszurki. On wyraz "Ruś" przełożył na Russland. Tam w broszurce jest powiedzianem o miłości ojczyzny ruskiej, a on przetłumaczył "Liebe für Russland". A wyraz Russland ma polityczne znaczenia, ono oznacza Rosyję jako państwo. Całkiem inaczej pojął znów to sąd lwowski, bo nie w znaczeniu politycznym, lecz tylko w narodowym, z tej przyczyny wyszły te niejednakowe urzeczenia» (CO. C. 318).

¹⁰¹ CO. C. 321.

¹⁰² CO. C. 343.

¹⁰³ Дело в своей политической части было провалено, государственная измена не доказана.

¹⁰⁴ Впрочем, в одном месте А. Добрянский специально указывает, что венгерское правительство «официально называет русский язык — русняцким» (CO. C. 313), ссылаясь при этом на недавно изданный «русский букварь», одобренный министерством. Действительно, использование суффикса «ак», распространённого в Подкарпатской Руси, и по сей день является одним из способов выражения местных отличий, особенно распространённым в среде бачко-сремских русинов (в Воеводине).

*И. В. Орлевич
(Львов)*

Названия «русский», «малорусский», «российский» у галицийских русофилов (вторая половина XIX — начало XX в.)

В самоназваниях (этнонимах) народа отражается сложность этнонациональных процессов, поиск собственной идентичности, этапы создания нации. Динамика развития этих наименований отражает особенности социально-политической и этнокультурной ситуации в истории каждого народа. Символом заключительной стадии формирования народа становится его общее самоназвание.

XIX в. для галицийских украинцев, проживавших на территории Австро-Венгерской монархии, стал временем формирования современной нации. Во второй половине столетия права галичан в Австро-Венгрии пытались отстаивать и защищать два общественно-политических течения: русофилы и украинофилы («народовцы»). Взаимоотношения представителей этих двух политических лагерей прошли путь от поисков взаимопонимания и компромиссов до открытого противостояния. Причиной конфликта между двумя группами стали различные идеологические ориентиры и противоположные взгляды на пути формирования современной нации. Украинофилы признавали за украинским народом право на самостоятельное культурно-политическое существование, русофилы же, наоборот,

отказывали ему в этом. Эти противоречия, в частности, проявились и в выборе названия для самоидентификации. Речь идет о терминах «Русь», «русины», «русский» и «украинский», «малорусский».

Русофильство было доминирующим течением в среде галицийских украинцев до 1870-х гг. Благодаря представителям старшего поколения русофилов (в украинской историографии они часто именуется «старорусинами» или «святоюрцами»¹), началась институционализация общественно-политических принципов украинского движения в целом (в период национального подъема 1848–1849 гг. («весны народов») они основали первое культурно-просветительское общество «Галицко-русская матица» (1848), «Народный дом» и др.). Мировоззренческие позиции этих деятелей определялись ориентацией на Австрийскую империю, которая воспринималась ими как естественный защитник галицийского украинства, верностью Греко-католической церкви и антипольской направленностью².

Русофильство как общественно-политическое течение начало формироваться после поражения революции 1848–1849 гг., когда надежды галицких украинцев на поддержку со стороны австрийских властей не оправдались. Декларируя свою верность австрийскому престолу, украинские деятели надеялись взамен на защиту от своих «внутренних» врагов — поляков, а также на признание народных прав³. Однако предпочтение, оказываемое полякам со стороны правительства, быстро развеяло австрофильские настроения среди старорусинов, которые вскоре обратили свои взгляды в сторону давнего соперника Польши — России⁴. Кроме того, значительно ослабло идейное влияние Надднепрянской Украины (той части Украины, которая входила тогда в состав России) на Галичину после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества и антиукраинских репрессий в России с конца 1840-х гг.⁵

Одним из факторов, влияющих на самоидентификацию народа, являются его представления о собственной истории. Наиболее популярным историком Галиции в первой половине XIX в. был Д. Зубрицкий, исследования которого по истории Ставропигийского братства, львовских типографий, Галицкого княжества и т. д., пробуждали у галицийских украинцев интерес к своему прошлому⁶.

В своих произведениях Д. Зубрицкий обосновывал идею об этническом единстве «русского народа» и Киевской Руси как государстве всех восточных славян. Ученый называл Киев «матерью городов

русских» и «средоточием русского мира». Прошлое современной ему Галиции Зубрицкий воспринимал как продолжение древнерусского периода, считая галицийских русинов («галицко-русских») наследниками древних русичей⁷. Последователи Д. Зубрицкого — историки Я. Головацкий, Е. Петрушевич, И. Шараневич, Б. Дедицкий и др. продолжали развивать эти идеи. Воплотившаяся в исторических трудах концепция единства «русского народа» служила идеологическим основанием для становления русофильского течения в Галиции, его теоретической базой; не менявшейся в течение всего времени существования этой общественно-политической силы.

Происхождение «русского народа» русофилы связывали с периодом Киевской Руси, который заложил основы восточной (византийско-русской) цивилизации (ее противопоставляли цивилизации западной, которую представляли поляки, немцы и австрийцы). Украинский (малорусский) народ, согласно русофильской концепции, стоял у истоков этой цивилизации и вместе с великороссами и белорусами создал «русский» народ.

Русофилы рассматривали украинский (малорусский), великорусский и белорусский народы как составные элементы («ветви») единого «русского» народа, а галицких украинцев — как часть малороссов, а, значит, и целого «русского народа»⁸; «малорусский» (украинский) язык, соответственно, выступал как диалект «русского». Такой вариант поиска национальной идентичности отрицал качественный характер различий между велико- и малорусами, а также белорусами, объединяя их всех в единую этническую общность⁹. Защита идеи единства «русского народа» была основной целью русофилов, что отражают их программные документы.

Одной из своих важнейших задач сторонники русофильства считали сохранение культурной общности со всем «русским миром», то есть с «Русью Малой» (малороссами) (частью тогдашних украинских земель, которые входили в состав России) и «Русью Великой» (великороссами). При этом они (особенно представители старшего поколения) как подданные Австрийской, а затем Австро-Венгерской монархии, демонстрировали лояльность по отношению к властям. Присоединение Восточной Галиции к Австрии они считали «возрождением новой Руси» (имелась в виду «Галицкая Русь», т.е. Восточная Галиция). Русофильская газета «Слово» утверждала, что народ «русский» четыреста лет назад утратил свою самостоятельность,

а ожила Русь только под властью Австрии¹⁰. Эту Новую Русь, возрожденную во времена Австрии, русофилы называли наследницей Древней Руси, величие которой они постоянно воспевали¹¹.

В 1866 г. галицийские украинцы добивались административного и политического раздела Галиции. Вопреки их протестам, сейм отказал им в этом. Таким образом, австрийское правительство отдало предпочтение полякам в управлении краем. Это был тяжелый удар для украинского представительства, он вызвал глубокое разочарование, что привело к усилению прорусофильских настроений. 8 августа 1866 г. в русофильской газете «Слово» вышла статья «Взгляд в будущее» («Погляд в Будучність»), в которой автор (И. Наумович) заявил о принадлежности галицийских украинцев к «русскому народу», отметив, что «границею нашею народною ни Збручъ, но дальше Дніпра?...»¹².

Правомерна оценка таких заявлений, данная представителем национально-демократических сил К. Левицким, который писал, что в очередной раз русофильское объединение выступило как защитник против посягательств поляков, но в то же время это был акт недоверия к австрийскому правительству и проявление собственного бессилия¹³. Это дало очередной повод полякам говорить о симпатиях русофилов к России. Аналогично оценивала ситуацию и германоязычная австрийская пресса, которая распространяла информацию о манифесте в эмоциональных сообщениях¹⁴. В ответ редактор «Слова» Б. Дедицкий заявил, что к этому русинов вынудило правительство, намеревающееся реорганизовать Галицию согласно условиям польского сеймового большинства, чтобы отдать управление Галиции в руки поляков¹⁵. Если до этого времени в данном издании термин «рускій» использовался как с двумя, так и с одним «с», то после 1866 г. стал писаться преимущественно с двумя.

Младшее поколение украинской интеллигенции Галиции, вышедшее на политическую арену в 1860-е гг., сделало свой выбор в пользу обособленности галицийского украинства в культурном и национальном аспектах. Оно ориентировалось на украинское движение в Надднепрянской Украине¹⁶. В 1861 г. во Львове было основано первое русинское (украинское) общество, именуемое громадой (так называли и кружки, в которые они организовывались) «Молода Русь», которая проповедовала целостность и самостоятельность русинского (украинского) народа. Ими было создано общество «Руська

беседа» (Украинская беседа) во Львове (1864), которое стало центром формирования украинской национальной мысли. Постепенная институционализация украинофильского движения вызвала беспокойство со стороны русофилов. Такие действия «молодых» (среди представителей этого направления преобладала молодежь) были подвергнуты русофилами критике, ведь они воспринимали такую позицию как угрозу единству «русского народа», а в украинофильском движении видели «несамостоятельный» проект, активное участие в котором принимал «польский элемент»¹⁷.

Тем не менее, подпитки обеих ориентаций понимали необходимость создания единого политического общества, целью которого было эффективное противостояние укрепившимся позициям поляков. Представитель украинофильского лагеря Ю. Лавривский выступил в 1869 г. с инициативой сплочения украинских политиков для создания нового политического объединения, поскольку существующие институты (газета «Слово», «Руський клуб» («Русинский клуб») в Галицком сейме) не справлялись с ролью общенациональных представительных органов¹⁸. Деятели украинофильской ориентации надеялись получить в новообразованном обществе большинство. Русофилы, желавшие доминировать в созданном обществе, не приняли народовцев¹⁹.

Возглавил его о. Феофил Павликов, активными членами были о. Я. Шведзицкий, В. Ковальский, А. Петрушевич, И. Гушалевич, М. Малиновский, А. Яновский, И. Добрянский, В. Дудикевич и др. В 1870 и 1876 гг. Созданная в 1871 г. организация русофилов «Русская рада» — политический орган русофилов, — руководил предвыборной агитацией галицких украинцев в Галицкий сейм. Украинофилы таким образом остались без политического представительства (свою политическую партию — «Народную раду» — им удалось создать в 1885 г.). Целью «Русской рады» была защита прав «русского народа», они намеревались инициировать и подписывать петиции и меморандумы к правительству, проводить выборные кампании, народные собрания и т.п.²⁰ В названии общества, в его уставных документах и отчетах²¹ фигурирует термин «руска», «русская» — с двумя «с», как и в русофильской периодике. В «Программе политического общества русинов “Русская Рада” во Львове»²² ее авторы идентифицируют себя как «русины Галиции». Согласно статуту «Русской Рады» членом этого общества может стать каждый австрийский

подданный «русской» народности (в упомянутых отчетах это «галицко-русский народ»²³). В 1880 г., в связи с приездом австрийского императора в Галицию глава общества Я. Шведицкий написал обращение «Русский (русский) народе!» (так, без уточнения «галицко-», термин «русский» русофилы использовали довольно часто — в тех случаях, когда было понятно, что речь идет о галичанах). В воззвании Шведицкого обнаруживаем обращение «русский (русские) братья» (он призывает галичан продемонстрировать свою благодарность австрийскому монарху, как гаранту осуществления мечтаний и надежд галицких украинцев²⁴).

Украинофилы также употребляли термин «русский», «русский» (отождествляя с термином «украинский») с одним «с». В конце XIX в. они начали отдавать предпочтение терминам «украинский», «Украина», а 1 ноября 1898 г. приняли решение изменить названия «русский», «Русин», «Русь» на «украинец» и «Украина» и «украинский»²⁵. Такая смена этнонимов крайне возмутила русофилов²⁶, ведь пока терминологические отличия существовали только в названиях партий, а определение народа оставалось общим, существовала возможность примирения. Например: общество «Русинская беседа» («Руська бесіда»), 1864, Русинско-украинская (Русько-українська) радикальная партия, 1890 и др.). Это было весьма показательно, ведь, по словам теоретика национализма Э. Смита «вновь присвоенное или унаследованное из прошлого собственное имя призвано отражать национальную самобытность, героизм и осознание общей судьбы»²⁷. Введение новых определений национальной самоидентификации привело к еще более заметному расхождению и даже противостоянию двух политических сил.

Процессы трансформации украинского движения в Галиции в течение 1890-х гг. сопровождалась падением политического влияния и снижением популярности в обществе русофильского направления и кризисом русофильской идеологии в целом. Симпатии к российскому царизму закрывали русофилам путь к контактам с интеллигенцией Приднепровской Украины, которая все больше заявляла о себе на этапе украинского национального возрождения. Антипольское направление и консерватизм не позволяли сотрудничать с польскими либеральными и политическими кругами. Существенно сужали базу галицкого русофильства стабилизация и улучшение австро-российских отношений, особенно заметные во время пребывания на посту

министра иностранных дел Австро-Венгрии графа А. Голуховского (1895–1906)²⁸. Задачи всеукраинского национального движения, которые с усилением антиукраинской политики российского самодержавия перелagали на Галичину обязанности центра национальной жизни, требовали от галицких политиков немедленной модернизации мышления в национально-политической плоскости и не оставляли им времени для завершения реформ правописания и исторических дискуссий на галицкой почве. Это заставляло украинофилов решительно отмежеваться от русофильской идеологии и всех ее представителей в Галиции²⁹.

В 1909 г. в русофильском направлении произошел раскол на старо- и новокурсников. Среди его причин: увлечение младшего поколения русофилов социалистическими идеями; желание придать программе партии социальную направленность, обратив внимание на проблемы крестьянства, стремление отказаться от любых компромиссов с властью (за что они критиковали старшее поколение), намерение вести партийную деятельность и защищать «русскую» идею более решительно и т. п. В названии обеих (вновь созданных в результате этого раскола) партий сохранился этноним «русский».

19 октября (1 ноября) 1909 г. состоялся съезд «Русско-народной партии» (РНП), на котором ее переименовали в «Русскую народную организацию» (РНО). По уставу РНО, ее членом может стать тот, кто «сознает национальное и культурное единство всего русского народа, признает всю Прикарпатскую Русь — Галичину, Буковину и Угорскую Русь — составною частью русского мира», а главным условием успешного развития «русского народа» в пределах Австро-Венгрии считает «его приобщение к общерусской культуре». Для расширения и углубления просвещения среди народных масс было решено пользоваться в народно-просветительской деятельности местными диалектами «русского языка», т. е. украинским языком. Руководящим органом съезда был избран Русский Народный Совет («Руский Народний Совет»). РНО стала партией «новокурсников», председателем которой выбрали Владимира Дудыкевича.

«Старокурсников» возглавил о. И. Костецкий. 2 февраля 1910 г. ими было провозглашено создание политического общества «Галицко-русская Рада»³⁰, а 3-ноября 1910 г. ее организаторы сформировали свой временный комитет, председателем которого (а со временем и всего общества) стал И. Костецкий³¹.

Ближайшие цели обеих групп русофилов были одинаковы: восстановление этимологической орфографии, предоставление прав «русскому языку», основание кафедр во Львовском и Черновицком университетах с «русским» языком преподавания, прием в греко-католические семинарии молодежи РНП и признание культурной общности галичан со всеми племенами «русского народа»³².

Знаковой в процессе раскола стала дискуссия в сейме между лидером «новокурсников» В. Дудыкевичем и «старокурсником» М. Королем. Отождествление терминов «русский» и «российский» позволило историкам говорить о склонности к русской идентичности В. Дудыкевича и о большей симпатии к украинской одного из руководителей «старокурсников» — М. Короля. Показательно, впрочем, что В. Дудыкевич различал понятия «русский» и «российский» и признавал принадлежность галичан к малорусскому народу. В сеймовых дебатах с М. Королем он отмечал: «Смешно, действительно чрезвычайно смешно, обвинять нас в том, что мы называем или чувствуем себя “россиянами” или великороссами: Это могут говорить или злые люди или люди, которые (...) понятия не имеют об этнографической структуре славянства. В том не может быть ни малейшего сомнения, что мы малороссы, и тем самым “великороссами” быть не можем, уже потому, что мы ими не родились. Если же кто говорит о “великорусском” народе, то я на это скажу, что “великорусского” народа в мире нет, “великорусского” народа не было, нет и, даст Бог, не будет, так как есть лишь один “русский” народ и в нем есть племена: “великорусское, малорусское и белорусское” (великорусское, малорусское и белорусское)»³³.

Признавал идею «русского» народа и ведущий деятель «старокурсников» М. Король. На заседании сейма 11 (24) октября 1908 г. он выступил с речью, в которой констатировал, что поддерживает культурное единство «русского» народа, однако вопрос о возможности существования малороссов как самостоятельного народа оставляет на суд будущего³⁴. Самоидентификацию М. Короля можно определить как малорусскую, поскольку термина «украинский» он не признавал: «Я признаю единство “русского” народа, однако единство только культурное, что, однако, не исключает совсем того, что я чувствую себе “малороссом”, что чувствую себя “русином”. Я никогда не был и не буду “великороссом” или — как это обычно называют — “россиянином” или “москалем”», или: «мы “малороссы”, мы “русины”, как не хотим называть себе “украинцами”, потому что это название

не наше, оно нам чужое (...). Мы не противники и “великорусского” языка, мы не противимся ему и будем стремиться к тому, чтоб “великорусский” язык изучали у нас в средних школах как необязательный предмет, чтобы открыть в львовском университете кафедру этого языка и его литературы...»³⁵.

Против отождествления терминов «російський» (российский) и «русский» (русский) выступал один из лидеров русофильского движения В. Курилович: «мы народ “русский”, не “російський”: Мы не знаем народа “російського”, как и украинского». Далее он говорил об общем историческом прошлом «русского» народа, делая акцент на более раннем происхождении малороссов: «Мы сыновья той тысячелетней Руси, которую политическая борьба разъединила и разделила. Мы “малороси” (малороссы), старая и сильная ветвь того дерева, от которого выросла более крепкая, хоть и младшая “великоруская” ветвь, или как ее кто-то хочет называть — “російська”»³⁶. При этом В. Курилович призывал не смешивать историю с политикой и не переносить «галицько-русский» (галицко-русский) народ за границу, то есть в пределы России. До начала Первой мировой войны русофилы отстаивали исключительно культурно-историческое единство галичан с «русским» народом.

О потребности развития малорусского языка и культуры как составной части «русской» говорилось и в среде просоциалистически ориентированного течения, существовавшего среди русофилов-новокурсников. Среди его представителей — М. Стасевич, М. Глушкевич, И. Процьк и др. Они основали собственное издание «Новая жизнь» (1908). Упрекая «старокурсников» за «какой-то туманный “общерусский” патриотизм, принявший окраску великорусизма», они видели в нем причину утраты влияния русофилов. Сторонники «Новой жизни» считали, что русофильское движение должно признать, что кроме «общерусской» культурной жизни существует и должна существовать местная культурная жизнь, а вместе они создают «русскую» культуру. Они критиковали украинофилов за отрицание «общерусской» культуры, а русофилов за боязнь развития «малорусского» языка и культуры. Оптимальным решением, по их мнению, было бы объединение местного и «общерусского»³⁷, и пока крестьянство не созрело для восприятия «русского» языка, в периодике и в изданиях для народа надо использовать «галицько-русский» диалект³⁸ (то есть украинский язык).

Идею единства «русского» народа русофилы (как уже было сказано) отстаивали и развивали в продолжение всей своей деятельности, при этом отстаивая «малорусский патриотизм»: настаивали на более древнем происхождении малорусов и на их главенствующей роли в развитии «русского» языка и т. п.

Языковой вопрос, как известно, тесно связан с вопросом национальной самоидентификации. Украинофилы считали, что литературный язык должен образоваться на народной основе³⁹. Русофилы же настаивали на развитии языка на основе церковнославянской с элементами современного русского языка, который, по их мнению, в условиях российской государственности не подвергался внешнему влиянию. Свою приверженность «малорусскому диалекту» русофилы трактовали в качестве первого шага на пути изучения «русского» языка: согласно их убеждениям, новейшая педагогика признает за диалектами важную воспитательную роль, благодаря чему можно успешно влиять на сердца и умы народных масс⁴⁰.

Сложные исторические обстоятельства, такие как княжеские междоусобицы, татаро-монгольское нашествие, по утверждению русофильских историков, привели к упадку Древнерусского государства, вследствие чего «русский» народ оказался в составе иных государственных образований: «Мы сыны той тысячелетней Руси, которую политическая борьба разъединила и разделила»⁴¹. Русофилы различали понятия «большое отечество» (так они называли все «русское» пространство, где жили малороссы, великороссы и белорусы) и «малая родина» — Восточная Галиция, где жили галицийские украинцы («галицко-русски»). Газета «Слово» писала: «Великороссы, малороссы и белорусы — все они без исключения “русски”, и хотя на большом пространстве нашей отчины под разными политическими и историческими условиями появились некоторые отличия в характере и обычаях, все же нет между нами такой разницы, чтоб не могли они понять друг друга как по языку, так и по душевному расположению»⁴².

Перенос политического центра из Киева во Владимир, а потом в Москву привел к утрате позиций Киева: «Сохрани Киев в средний период характер средоточия Русской Земли, что, однако выпало на долю Москвы, наш общерусский язык носил бы на себе киевский, а не московский отпечаток, в силу чего мы сегодня с восхищением читали бы какого-то Пушкиненка»⁴³, — говорилось в русофильском периодическом издании. Соответственно, и «русский» язык лучше всего

сохранился в Москве, которая стала политическим центром «русского мира»⁴⁴. В формировании «русского» языка главная роль отводилась малороссам: «язык, созданный гением всего русского народа, в продолжение тысячелетней его исторической и культурной жизни усилиями всех русских племен и главным образом малороссами, образовавшийся в русской церкви, образованный киевской академией и южнорусскими учеными XVIII-го столетия, доведенный до своего нынешнего совершенства гениями слова всей русской земли при самом деятельном участии лучших писателей южной Руси — малороссами»⁴⁵. В XIX в., по убеждению русофилов, русский язык был приближен к великорусскому, т. к. Россия как независимое государство смогла перенять и сохранить язык казацкой эпохи, Киево-Могилянской академии и т. д.

Именно эти сходные взгляды на культурную общность галичан со всем «русским миром»; т. е. с «Русью Малой» (малороссами) и «Русью Великой» (великороссами), и дали возможность русофилам обоих направлений («старо-» и «новокурникам»), как только настал подходящий момент во время Первой мировой войны, вновь объединиться (под руководством В. Дудыкевича). В июне 1917 г. РНО приняла резолюцию, в которой подчеркивалось общее историческое прошлое «русского» народа, который образовался еще в Киевской Руси, но вследствие неблагоприятных политических условий оказался в составе различных государств. Теперь, по утверждению авторов документа, сложились необходимые условия для того, чтобы «значительная часть Русской Земли, колыбель русского народа — древняя Червонная Русь с прилежащими областями: Галичина, Буковина и Угорская Русь с более чем четырехмиллионным населением, называющим себя русским и язык свой русским»⁴⁶, объединилась с Россией, или «державной Русью»⁴⁷.

Термином «Червонная Русь» русофилы называли древнее Галицкое княжество, а все земли «южнорусского племени» предлагали обозначать словом «Малая Русь». В будущем административном устройстве России они надеялись на территориальную автономию, указывая на экономические и культурно-бытовые особенности в разных регионах Империи. Такими автономными единицами должны были стать наряду с Восточной Галицией и Холмщиной, также Вольнь, Подолье, Буковина (с примыкающей к ней частью Бессарабской губернии) и Угорская Русь. Украиной, по мнению русофилов, следовало именовать только территорию Поднепровья (Киевская, Черниговская и Полтавская губернии)⁴⁸.

13 декабря 1918 г. исполнительный орган РНО — «Русский Исполнительный комитет» (Русский Исполнительный комитет) — издал манифест с требованием включить «Русскую Галицию» в состав России. Эту декларацию впоследствии объясняли игнорированием украинатофилами русофильского политического лагеря в процессе создания Украинской Народной Республики (УНР) и Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР)⁴⁹.

Идентичность русофилов можно определить как цивилизационную: доказывая свою принадлежность к «русскому миру», они тем самым доказывали принадлежность к восточной (византийско-русской, православно-славянской) цивилизации, в противовес западной. Любые другие ориентиры воспринимались как «безусловное служение Риму, то есть католицизму, правительству и западной цивилизации»; что грозило «опасностью перестать быть “русскими” и стать поляками, а уже потом вместе с ними, конечно, немцами»⁵⁰. Будущее галичан русофилы видели в принадлежности к славянской цивилизации, лидерство в которой принадлежит России, единственному в то время независимому славянскому государству.

Итак, разграничивая термины «малорусский», «російський» (росийский) и «русский», русофилы признавали этнические различия между малороссами, великороссами и белорусами, однако считали, что эти «народности» вместе создают единый «русский» народ. Консерватизм, приверженность средневековым религиозным, культурным и политическим традициям мешали представителям русофильства принять новые веяния времени и избрать модель современного национального строительства (как это сделали представители украинского национального лагеря — народовцы), что в результате и привело это общественно-политическое течение к утрате влияния в народе. Их место заняли украинофильские партии, которые признавали за украинским народом право на самостоятельное существование.

(Перевод О. А. Остапчук и М. Э. Клоповой)

Примечания

¹ К «старорусинам» или «святоюрцам» принадлежали представители высшей греко-католической иерархии, которые объединялись вокруг митрополичьей кафедры церкви св. Юра во Львове, а также светские деятели, главным образом члены Ставропигийского института. Подр. об этом: Орлевич І. Поняття «святоюрці» в українській історії // Вісник Львівського музею історії релігії. Ч. 9. С. 96–97. Львів, 2011.

² *Середа О.* Українські народовці та польські повстанці в Східній Галичині (1863–1864): таємні контакти та публічні дискусії // *Galicja a powstanie styczniowe*. Warszawa-Rzeszów, 2013. S. 125–134.

³ Слово. 1869. Ч. 91. 19 ноября (1 декабря).

⁴ О формировании русофильских настроений подр. см.: *Аркуша О, Мудрий М.* Русофіліство в Галичині в середині XIX — на початку XX ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // *Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34.* Львів, 1999. С. 231–268; *Киричук О.* Львівський Ставропігійський інститут у громадському житті Галичини другої половини XIX — початку XX ст. Львів, 2001; *Сухий О.* Від русофіліства до москвофіліства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. Львів, 2003; *Макарчук С.* Москвофіліство: витоки та еволюція ідеї (середина XIX — 1914 р.) // *Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 32.* Львів, 1997. С. 82–92; *Орлевич І.* Ставропігійський інститут у Львові (кінець XVIII — 60-і рр. XIX ст.) Львів, 2001; *Середа О.* Національна свідомість і політична програма раних народовців у Східній Галичині (1861–1867) // *Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 34.* Львів, 1999. С. 199–214.

⁵ *Райківський І.* Ідея української національної єдності в громадському житті Галичини XIX ст. Івано-Франківськ. 2012. С. 386.

⁶ *Орлевич І.* Ставропігійський інститут у Львові (кінець XVIII — 60-і рр. XIX ст.). С. 150.

⁷ *Зубрицкий Д.* История древнего Галичско-русского княжества. Львов, 1852. С. 1–2.

⁸ Современное украинофильство // Слово. 1875. Ч. 44. 24 апреля (6 мая).

⁹ *Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000. С. 23.

¹⁰ Наш програм // Слово. 1861. Ч. 1. 25 января.

¹¹ Русь и ее отношение к соседям // Слово. 1861. Ч. 1.

¹² Слово. 1866. № 59. 27 липня (8 серпня).

¹³ *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914. Львів, 1926. С. 92.

¹⁴ *Вендланд А.-В.* Русофіли Галичини. Українські консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915. Львів, 2015. С. 172.

¹⁵ Слово. 1866. № 64. (25 серпня).

¹⁶ См.: *Райківський І.* Ідея української національної єдності в громадському житті Галичини XIX ст. Івано-Франківськ. 2012.

¹⁷ Слово. 1869. Ч. 91. 19 ноября (1 декабря).

¹⁸ *Сухий О.* Від русофіліства до москвофіліства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. С. 131.

¹⁹ *Вендланд А.-В.* Русофіли Галичини. Українські консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915. С. 182.

²⁰ Наши дела. Русская Рада // Слово. 1870. Ч. 32. 25 апреля (7 мая).

²¹ Отчет о деятельности Комитета политического Общества «Русская Рада» за время от 17 (29) ноября до 30 октября (11 ноября) 1885 г., составленный и в новейшем генеральном Собрании отчитанный Венедиктом М. Площанским. Львов, 1885. С. 3.

²² Програма политического общества русинов «Русская Рада» во Львове. Львов, 1871. С. 1.

- ²³ Статуты политического общества «Русская Рада». Львов, 1901. С. 1.
- ²⁴ Русскій народ! Львов, 1880.
- ²⁵ *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. С. 311.
- ²⁶ Объявления общества «Русская Рада» во Львове // Прикарпатская Русь. 1909. № 9. 7 (20) декабря.
- ²⁷ *Сміт Ентоні Д.* Націоналізм: теорія, ідеологія, історія. Київ, 2004. С. 15.
- ²⁸ *Киричук О.* Львівський Ставропільський інститут у громадському житті. С. 60.
- ²⁹ Там же. С. 59–60.
- ³⁰ Галицко-русская Рада // Галичанин. 1910. № 153. 11 (24) июля.
- ³¹ *Мельник В.* Розкол у рядах «Русско-народной» партії (1909 р.) // Вісник Прикарпатського університету. Історія. Івано-Франківськ, 2007. Вип. XII–XIII. С. 203.
- ³² По важным национальным вопросам // Галичанин. 1909. № 262. 21 ноября (4 декабря).
- ³³ Речь д-ра В. О. Дудыкевича // Галичанин. 1908. Ч. 239. 21 октября (3 ноября).
- ³⁴ Речь д-ра М. П. Короля // Галичанин. 1908. Ч. 236. 17 (30) октября.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ На прямой путь // Галичанин. 1908. Ч. 236. 4 (17) октября.
- ³⁷ Национальное сredo // Новая жизнь. 1909. № 8. С. 2–3.
- ³⁸ Новая Жизнь. 1908. № 1. С. 5.
- ³⁹ Современное украинофильство // Слово. 1875. Ч. 44. 24 апреля (6 мая).
- ⁴⁰ Наши идеалы // Слово. 1877. Ч. 13. 5 (17) февраля.
- ⁴¹ На прямой путь.
- ⁴² Современное украинофильство // Слово. 1875. Ч. 93. 28 августа (9 сентября).
- ⁴³ Живая мысль. 1903. Вып. 3-й. С. 268, 270.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Речь д-ра В. О. Дудыкевича.
- ⁴⁶ Іольскія резолюції Русскаго Народнаго Совѣта Прикарпатской Руси 1917 г. Ростов-на-Дону, 1917. С. 3.
- ⁴⁷ ЦДІА України у м. Львові. Ф. 506. Оп. 1. Спр. 107. Арк. 31–32, 48.
- ⁴⁸ Там же. С. 10.
- ⁴⁹ Докладная записка делегата Русского Исполнительного Комитета во Львове д-ра Э. Вальницкаго. Одесса, 1919. С. 3.
- ⁵⁰ *Дудыкевич В.* Взгляд на прошлое и настоящее Австро-Угорской Руси (Беседа с В. Ф. Дудыкевичем) / Из №№ 337 и 345 Московских Ведомостей. М., 1892. С. 14.

М. В. Лескинен
(Москва)

«Южноруссы», «малороссияне», «малороссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российском этногеографическом дискурсе XIX в.*

Исследуя этнонимию восточнославянских народов, мы сталкиваемся со специфическим типом наименований — а именно с топоэтнонимами или этнонимами «с топографическим значением основы». Они, как утверждают лингвисты, редко являются самоназваниями¹, и потому либо могут навсегда остаться экзонимами (как произошло с названием «малороссы/малорусы»), либо постепенно преобразуются в эндонимы (как случилось с определением «украинцы»). Поэтому, исследуя наименования народа, мы не можем игнорировать представления (на разных исторических этапах сильно различающиеся) как о географическом, так и о ментальном пространстве Малой Руси/ Малой России/ Украины. Кроме того, в случае с понятиями малороссы/украинцы и др. мы обращаемся к наименованиям, имеющим не только внешнее (данное извне), но и книжное

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а — «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»)

происхождение, поскольку изначально они были созданы интеллектуальной элитой². Потому, анализируя имена одной из «отраслей» русского народа в XVIII–XIX вв., мы в действительности реконструируем прежде всего представления этой самой элиты как о географическом, так и о ментальном пространстве Малой Руси/Малороссии/Украины и о ее жителях. Очевидны и другие сложности, которые необходимо учитывать исследователю: в частности, важно установить соотношение территориальных границ региона с ареалами расселения этнических групп — так, как оно понималось на разных исторических этапах. Эта задача не так легко разрешима, как иногда кажется, потому что трактовка этничности и установление этнической принадлежности в XIX в. не совпадают с современными методами ее научной идентификации, и в каждом случае определение этнической принадлежности следует оценивать как в первую очередь точку зрения автора. Его позиция, в свою очередь, зависела от этнокультурной принадлежности, политических и научных взглядов, биографии и, конечно же, самоидентификации. Таким образом, изучение эволюции топонимов трех восточнославянских народов возможно реализовать только в поле междисциплинарного исследования — т.е. обращаясь к методам этнолингвистики, истории этнографии, языка, этнопсихологии и др. Интерпретация этнических номинаций в период складывания национального самосознания и национальной идеологии — всегда процесс субъективно-оценочный и манипулятивный. «Зафиксированные в письменных памятниках имена народов, — как точно подчеркивает современный этнолог С.В. Соколовский, — один из самых сильных аргументов в пользу “надвременного” характера этничности, ее неустраимости из картины мира любых исторических эпох... Соотнесение имени с телом, пребывающем в мире, позволяет ... совершать операции со своими объектами исследования — этносами... Этноним маскирует более существенную нетождественность соотносимых с ним в разные исторические эпохи референтов»³. И в этом смысле нет и не может быть «верного» или «ошибочного» понимания этнонимов, есть только смена интерпретационных стратегий, которая не может освободиться от «власти номинаций».

Определение этнической принадлежности — как собственной, так и описываемого объекта, — в имперский период происходило во многом произвольно, в опоре на имевшийся арсенал знаний

и ожиданий, а самоопределение этнической группы не учитывалось (за исключением самоназвания и его интерпретации)⁴. По этой причине в анализе «малороссийской» этнонимии следует жестко разделять различные дискурсы и контексты словоупотребления и дефиниций, с неременным учетом индивидуальных лексиконов.

Разбор этнонимии в предметном поле истории языка и научного тезауруса предпринимается сегодня в рамках того научного направления, которое оперирует методами современной лингвистики, — это, в частности, т.н. «история понятий»⁵. Особенно результативными представляются попытки воссоздать имперский политический лексикон через эволюцию значений его ключевых концептов⁶. Так, в сборнике «Понятия о России» была опубликована одна из важнейших с точки зрения методики реконструкции этнонимов «малоросс»/«украинец» и топонимов «Малороссия»/«Украина» коллективная статья «Малоросс»⁷. Следует подчеркнуть, что авторы рассматривают данный экзоним именно в системном разборе исторической семантики *понятий* имперского периода русской культуры. Поэтому во введении ими подчеркивается необходимость разделять содержание этого ряда наименований в соответствии с границами различных дискурсов. Исследователи избрали для анализа «внутренний» дискурс («в той среде, которая идентифицирует и репрезентирует себя с помощью понятия *малоросс*») и несколько «внешних» («о *малороссах* извне»); — это великорусский (высказывания тех, которые «идентифицировали себя как великорусов»), украинский и польский⁸. Такое методологически корректное разграничение полей, основанное на этнической самоидентификации (когда в основе лежит этнокультурное самоопределение или отношение к украинскому проекту — т.е. не исключительно языковой дискурс) убедительно лишь на первый взгляд. Применительно к реалиям XIX в. мы неизбежно сталкиваемся с чрезвычайно сложной и уже упомянутой проблемой понимания эпохой этнической идентификации, — даже в избираемых социальных границах. Во-первых, индивидуальное самоопределение и саморепрезентация опираются на идентификационную иерархию различных уровней или видов, каждый из которых актуализируется ситуативно. Во-вторых, в полиэтнической Империи этническая идентичность может по-разному трактоваться или меняться в течение жизни⁹. Наконец, в-третьих, если даже брать в качестве критерия только внешнюю идентификацию (например,

определив признаковое поле великорусской и малорусской принадлежности), или, наоборот, только индивидуальную, то с точностью ее зачастую будет почти невозможно доказать. Ведь тогда в каждом конкретном случае следует установить интеллектуальную процедуру выявления этничности: как отдельный автор осуществлял идентификацию вообще и собственную в частности, как он понимал этничность в целом, как им констатировалась или выявлялась в этот момент этноспецифика (т. е. в каких случаях отличительные особенности трактовались именно как этнические, а не как, допустим, региональные, сословно-культурные или какие-либо иные). Что позволяет с большей или меньшей степенью адекватности определить принадлежность того или иного автора к общерусскому, великорусскому или малороссийскому дискурсам? На мой взгляд, это реконструкция индивидуального лексикона на основании создания словаря языка отдельных авторов.

Поэтому на сегодняшний день кажется более результативным (учитывая, конечно же, происхождение и взгляды каждого), разделять тексты по типам адресата, по жанровой специфике и по их вкладу в формирование научного тезауруса гуманитарных (в современной их классификации) наук. В данной статье будут представлены некоторые заключения на основании анализа текстов *этногеографического характера*¹⁰, которые признавались сообществом *научными* описаниями именно этнической специфики малорусов/украинцев, с учетом эволюции теории и практики народоведения/этнографии в России. Несмотря на то, что среди тех, кто создавал или интерпретировал этногеографический дискурс, было очень много выходцев из Малороссии, ее горячих патриотов и хранителей традиций, языка, устоев, мы не выделяем их работы в отдельную группу, поскольку в данном дисциплинарном контексте они являлись и признавались органической частью российского общенаучного поля (независимо от политических оценок их убеждений и идей).

Восточнославянская этнонимия на начальном этапе изучения «русского народа»

Обращаясь к источникам XIX в., в которых отразилась этногеографическая номенклатура, вполне обоснованным будет соотнести их с двумя периодами истории этнографии в России — с 1820-х

до 1840-х и с 1840-х до 1890-х гг. На первом этапе этнография как отдельная научная отрасль и этнография «русского народа» (т. е. восточнославянских племен) только зарождалась, в романтической историографии воплощаясь главным образом в фольклористических штудиях¹¹. На втором этапе исследования малорусов/украинцев органически вписывались в масштабные описания народов Российской империи, создаваемые по универсальной программе-вопроснику. При этом вплоть до 1880-х гг. самоидентификация этнических групп полностью игнорировалась. Во всех описаниях и характеристиках объективно-научной признавалась только внешняя идентификация, опиравшаяся на мнение и позицию наблюдателя/исследователя/интервьюера.

Необходимо упомянуть еще одну особенность народоведческого дискурса XIX в.: характеристики родственных этнических групп всегда давались в сравнении. Поэтому т. н. племена/поколения/отрасли/ветви¹² русского (т. е. восточнославянского) народа описывались в сопоставлении, при этом в очерках о малорусах и великорусах, особенно после программной статьи Н. И. Надеждина¹³ это стало почти обязательным условием — только так выявлялись специфические особенности облика, быта, нравов, а также языка и мышления этих двух «оттенков» русского народа. Современным исследователям хорошо известно, что концептуализация понятий «великоросс/великорус» и «малоросс/малорус» проходила не только одновременно, но и в органической связи друг с другом, поскольку они осмыслялись и формулировались в отношении к теории «единой русской нации» (независимо от того, принималась или отвергалась данная концепция). В этногеографическом дискурсе эпохи такая корреляция доминировала в качестве главного дескриптивного принципа народоописания восточных славян.

В эпоху романтизма, еще до формирования этнографии как научной дисциплины, в изображении этнокультурной специфики разных племен и народов Российской империи активно использовались приемы архаических типологизаций¹⁴, восходящие еще к античности и получившие теоретическое обоснование в трудах немецких и французских просветителей (например; Гердера и Монтескье). Это, в частности, деление на северные и южные племена/народы. Вплоть до конца XIX столетия господствовала идея о том, что географические условия обуславливают этнокультурную специфику,

поэтому образ жизни, внешний облик, характер и т. н. «склонности» различных групп людей напрямую зависят прежде всего от природных факторов, а социально-исторические обстоятельства воздействуют лишь отчасти. Согласно этой антропогеографической теории северные и южные народы рассматривались как типы-антиподы: северян якобы отличает сангвинический темперамент, суровость, мужество, склонность к военному делу, выносливость и выдержка, а эмоциональные и страстные южане, изнеженные благоприятным климатом, ленивы, медлительны, хитры, но склонны к искусствам, одарены творческими способностями¹⁵. При этом смена масштаба или позиции наблюдателя не меняла закономерности противопоставления: кардинальные отличия северян и южан легко обнаруживались как в европейском культурном пространстве, так и в границах стран, их отдельных регионов, и даже в пределах административных единиц (вплоть до уезда). Оппозиция север/юг легко менялась на запад/восток с полным сохранением оценок и содержания. Так, например, качествами северян наделялись германские народы — в сопоставлении с южными романскими, и те же германцы выступали как представители запада в сравнении со славянами. Поэтому определения «южный» и «северный» по отношению к этнической группе являлись не столько географической номинацией, сколько этнокультурной характеристикой.

В первой половине столетия описатели «отраслей» русского народа постоянно апеллировали к этой дихотомии. Малороссы (малорусы) именовались *южнороссами/южноруссами* и противопоставлялись *северноруссам*, т. е. *великороссам/великорусам* и их отличия рассматривались в соответствии с предписанными оценками. Исследования восточнославянского фольклора 1820-х — 1830-х гг. привели ученых к выводу о том, что «южнорусская» народная поэзия представляет совершенную противоположность поэзии «северно-русской»¹⁶ именно по этой причине. Аналогичным образом в рассуждениях о русских (общерусских) наречиях, о различиях между великороссийским и малороссийским его вариантами чаще всего использовалась именно эта формула — севернорусское/южнорусское наречие¹⁷. В сочинении Ю. Венелина 1847 г. восточнославянские этнические группы назывались русскими *северянами* и *южанами*, хотя автор также использовал этнонимы «украинцы», «малороссы», «украинский русак»¹⁸.

В программной статье того же года Н. И. Надеждина, одного из основоположников отечественной этнографии, велико- и малороссы весьма предсказуемо именовались «*восточнорусским* (великороссийским) и *западнорусским* — т. е. *малороссийским* племенами»¹⁹ и «квалифицировались» как «два оттенка народности общерусской»²⁰. При этом северное (великорусское) могло рассматриваться как восточное по отношению к белорусскому: «Давни, но не исконны черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное — великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившие на севере наречия восточное — собственно великорусское и западное — белорусское...»²¹.

Различия в характере «южного и северного народонаселения Руси», вызванные природой страны, фиксировались в статьях К. Д. Кавелина конца 1840-х гг.²², и в «Истории России» С. М. Соловьева (1851)²³, позже — и в лекциях В. О. Ключевского: «Рубежной» в использовании этнонимов «южнорусы»/«южнороссы»/«южные руссы» можно считать статью Н. И. Костомарова «Две русские народности» (1861), в которой он использовал этнонимы «малороссияне», «малороссы» и «южноруссы» как синонимы, а также их дериваты, однако в тексте в количественном отношении абсолютно преобладают «южноруссы»²⁴. Обращаясь к вопросу об их происхождении, Костомаров пишет, что «... выдуманное в последнее время название *южноруссов* остается пока книжным, если не навсегда останется таким, потому что, даже по своему сложному виду, как-то неусвоительно для обыденной народной речи...»²⁵. Костомаров полагал, что южноруссы постепенно переняли насмешливое прозвище «хохлов», данное им великороссами, и оно стало самоназванием²⁶. Точка зрения Н. И. Костомарова о «книжном» происхождении термина «южноруссы», как и его трактовка этнонима «хохол» как простонародного эндонима (которая не может восприниматься «всерьез») стали общепринятыми, вошли в российский этнографический дискурс, и позже неоднократно воспроизводились в научной литературе. В программной для русской этнографии статье для Энциклопедии Брокгауза и Ефрона Д. Н. Анучин (1892) выдвигал предположение о том, что этноним «южноруссы» возникает позже топонимических этнонимов, в качестве альтернативы определениям «малороссияне» и «малороссы» в творчестве малороссийских патриотов и имеет патриотически-идеологическую мотивацию.

Он писал: «Название “южноруссы”, введенное, впрочем, несколько ранее Костомарова, писателями малороссийского происхождения, имело, очевидно, целью, устранив понятие о “малости” или “великости”, ввести более определенные обозначения, основанные на различии географического распространения. К этому присоединилось еще представление, развитое Максимовичем, Костомаровым и другими, что теперешние малоруссы составляют прямых потомков, и по крови, и по языку, древних южнорусских славянских племен...»²⁷.

Интересно, что Д. Н. Анучин «возлагал ответственность» за распространение этнонима «малорусы» (использовавшегося, подчеркнем еще раз, начиная с 1840-х гг.), именно на Н. И. Костомарова: «Эти ... обозначения (малоруссы/великоруссы. — М.Л.) стали употребляться сравнительно недавно, с пятидесятих и шестидесятих годов, отчасти ... по примеру Костомарова, который пользовался наименованиями то “северно”- и “южно-руссы”, то “велико”- и “мало-руссы”»²⁸.

Однако, на наш взгляд, в народоописательной и географическо-статистической литературе первой половины XIX в. в качестве нормативного этнонима выступало все же другое наименование, восходящее к словоупотреблению еще XVIII в. Это *малороссиянин/ малороссияне*, но не «малороссы»/«малорусы». В описаниях Малороссии и языка ее жителей явно доминировал этноним «малороссияне» и его дериват прилагательное «малороссийский» — притом только в этой форме. (в «Малороссийской грамматике» А. П. Павловского (1818)²⁹, в «Письмах из Малороссии» А. И. Левшина (1816)³⁰ и в «Живописном путешествии» П. П. Свиньина (1830)³¹, в учебниках географии и И. Павловского (1843)³², и А. Ободовского (1852)³³). Безальтернативное наименование двух «русских народов» как «малороссиян» и «великороссиян» (не малорусов и великорусов) использовалось в этнографических описаниях (входившим в раздел «Жители») малороссийских губерний Военно-статистического обозрения Российской империи, издаваемом в 1840-е — 1850-е гг.³⁴, в неоднократно переиздаваемой детской географической игре Константина Грибанова³⁵ и в других географических изданиях.

Но допустим, следуя предлагаемой коллегами-историками дискурсивной дифференциации, что в трудах исследователей, отождествлявших себя с малороссийской или украинской (во всяком

случае, не с великороссийской) народностью, или малороссийских патриотов-украинофилов, этнонимический ряд будет другим. Проверим. М. А. Максимович в 1827 г. издал «Малороссийские песни», и в предисловии к этому тексту он ни разу не использовал понятия «украинец» и «украинский»³⁶. Второе издание песен выходит в свет в 1834 г. под названием «Украинские народные песни», но и здесь для автора наиболее частотным этнонимом по-прежнему остается «малороссиянин», который создал малороссийские, или украинские, или южнорусские песни, а наименование «украинец» не использовано ни разу³⁷. В предисловии и комментариях к текстам дум и песен П. А. Лукашевича (1836) встречается только этноним «малороссияне» и прилагательные «малороссийский» и «украинский», но отчетливо преобладает первое определение³⁸. В «Старине малороссийской, запорожской и донской» (1846) Н. М. Сементовского упоминается только пара «малороссиянин» — «малороссийский»³⁹. В авторском тексте «Записок о Южной Руси» П. П. Кулиша (1856) фигурируют «северный и южный русский народ», «малороссияне», «малороссийская этнография», «малороссийский или южнорусский народ» или племя, «малороссийские думы», «южнорусская речь» и «малороссийский язык». Ни разу не использованы этнонимы «малорус» и «украинец»⁴⁰. В этнографической работе Н. Маркевича (1860) мы обнаруживаем исключительно этнонимы «малороссиянин», «малороссиянка» и прилагательное «малороссийский»⁴¹.

Однако есть и исключения из этой тенденции. Так, в предисловии сборника запорожских песен и дум, собранных И. И. Срезневским и изданных в 1833 г., встречается определение «запорожско-украинское» наречие и язык, а также этноним «украинцы»⁴². Правда, довольно трудно установить без анализа индивидуального словоупотребления Срезневского в этот период жизни, выделяет ли он Украину как отдельный регион Малороссии, или же это определенная синонимия к паре «малороссийский — малороссиянин».

А в этнографической статье М. А. Максимовича уже середины столетия (1856) ни разу не встречается прилагательное «малороссийский», лишь однажды — «южнорусский», а доминируют этноним «украинец» и определение «украинский», даже в тех разделах, где речь идет об обычаях и песнях⁴³. В то же время в сочинениях о языке/

наречии Максимович употребляет прилагательное «малороссийский» и этноним «малорусы»⁴⁴.

Итак, несмотря на параллельное бытование нескольких этнонимов для обозначения представителей малороссийского племени, используемых в качестве эквивалентов, следует констатировать, что в этногеографическом дискурсе первой половины столетия наиболее частотными оказываются этнонимы: а) «южноруссы» и его варианты («южнороссы», «южные русы» и др.) и прилагательные («южнорусский»; «южноросский») и б) малороссияне (и его дериваты). Этноним «украинец» и определение «украинский» также встречаются в этом комплексе источников, но они значительно и явно уступают по частотности первым двум, а по своему содержанию им тождественны. При этом многие авторы прямо указывают на то, что «южноруссы», «малороссы» и «украинцы» — это одно и то же племя. Эта констатация ими отрефлексирована: они либо дают специальный комментарий, либо помещают этнонимы в скобки, либо используют союз «или». Например, в работе О. М. Бодянского активно задействован целый ряд этнонимов в качестве синонимов: южные россы, южнорусские славяне, малороссияне, украинцы, малорусы, а также прилагательные (южнорусские, украинские, малорусские песни)⁴⁵, но автор указывает: «... поэзия же *южных руссов (украинцев, малороссиян)*...»⁴⁶. В географическом очерке в журнале «Основа» неоднократно подчеркивалось (и в названии, и в тексте), что «южноруссы», «украинцы» и «малороссы» — разные наименования одного племени⁴⁷. Впрочем, следует признать, что в некоторых работах этнонимический ряд применяется настолько бессистемно и без преобладания какого-либо из наименований, что без специальных лингвистических методов невозможно установить ни предпочтений авторов, ни соотнесения их с каким-либо контекстом.

«Малоросс» сменяет «малороссиянина»

Обратимся теперь к этнонимам «малоросс»/«малорус», который, появившись в текстах в 1840-х гг., использовался вначале довольно редко и всегда в качестве синонима слова «малороссиянин». Но в 1850-е — 1860-е гг. его частотность возрастает, а с конца 1860-х он становится доминирующим, вытесняя наименование «малороссиянин»/«малороссияне» из народоописательных

текстов о Малороссии. Наиболее последовательно этнонимы «малорусы» (в паре к «великорусам») употреблены в переводе на русский язык сочинения П. Шафарика, выполненного О. М. Бодянским (1843)⁴⁸ и в книге И. И. Срезневского (1849)⁴⁹. При этом обратим внимание, что обе работы были посвящены вопросам истории славянских языков/наречий в целом. Переходную тенденцию иллюстрирует, в частности, этнографический очерк из широко известного и активно цитируемого современниками двухтомника А. С. Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию»⁵⁰ (сама поездка и первые записи относятся к 1856 г., так как осуществлялись Афанасьевым по проекту знаменитой «литературной экспедиции» «Морского сборника»⁵¹). В этой части преобладают исключительно лексемы «малорус» и «малорусский», лишь один раз — слово «украинец» как синоним «хохла» («великорус называл украинца хохлом»⁵²). Так «малорус» постепенно входит в научный оборот как нормативный этноним, на первом этапе — в одном ряду с прежними названиями «малороссиянин», «украинец» — как, например, в публикации и комментариях Н. В. Закревского к малороссийским и галицким песням и думам⁵³ («малороссияне или украинцы в России»⁵⁴ и даже прямо констатируется: «областные особенности названия южноруссов суть в России: малороссияне, украинцы»⁵⁵). В его предисловиях к разным фольклорным произведениям использованы прилагательные «малороссийский» и «южнорусский», а также «украинский» и «малорусский» применительно к наречию и фольклору, при этом он оговаривает их синонимично («наречие малороссийское или украинское»⁵⁶; «малороссийское или южнорусское наречие»⁵⁷; «малорусское или, по-древнему, украинское наречие»⁵⁸). Он активно использует этнонимы «малороссиянин» и «украинец» как синонимы, изредка включая в текст этноним «малоруссы» и прилагательное «малорусский»⁵⁹. По различиям наречий он разделяет «южнорусские песни на малороссийские (украинские) в России и галицкие или все равно что карпато-русские, иначе Чермно (Червоно-, Красно-) русские...»⁶⁰, носителей этих говоров Закревский именует «малороссианами» и «галичанами». Аналогичным образом в статьях В. И. Даля конца 1850-х — начала 1860-х гг. использован этноним «малорус» наряду с прилагательным «малороссийский»⁶¹.

В 1870-е — 1890-е гг. в этногеографической номенклатуре по частотности абсолютно доминируют этнонимы «малорусс»/«малоросс» и соответствующие прилагательные «малорусский» и (чуть

реже) «малоросский», строгое правописание которых, правда, еще не установилось: могли писать с одной или двумя «с», как, впрочем, и слова «русский» и даже «Россия»⁶². Интересно, что дериваты этнонима «малороссиянин» (главным образом прилагательное «малороссийский»), в отличие от него самого, продолжают активно функционировать в языке научных описаний, причем в одной области они явно количественно преобладают — когда дается характеристика явлений т. н. «духовной культуры» — в определениях языка, наречия, а также словесности и жанров фольклора (думы, поэзия, лирика, песни и т. п.).

Кроме того, отчетливо выделяется предпочтение употребления слова «малороссиянка» для обозначения женской ипостаси этнического типа или в характеристиках женщин Малороссии (реже — украинка, единичные случаи — «малоруска»).

В немногих этнографических классификациях народов России (которые содержат довольно краткие их описания, так как их целью является обзор номенклатуры языков или народов с объяснениями критериев классификации, и они не вписаны, в отличие от большинства этнографических текстов, в географический контекст) используются все этнонимы как синонимичные с приблизительно одинаковой частотностью: малороссияне, малорусы и южнорусы⁶³ (в различных способах написания). Но и среди них встречаются и такие, в которых доминирует использование единственного этнонима «малорусы»/«малороссы» как нормативной этногеографической номинации⁶⁴.

Малороссия и Украина: территория и дефиниции

В употреблении понятий «украинец» и «малорусс», несмотря на преобладание вплоть до 1890-х гг. последнего, во второй половине столетия не наблюдалось жесткой закономерности еще и потому, что не было однозначности в трактовке географических понятий «Украина» и «Малороссия». Но если в первой половине столетия, как уже подчеркивалось, этноспецифика активно изучалась прежде всего на материалах фольклора, то с созданием в 1845 г. Русского Географического Общества началась институционализация этнографии, которая стала важной «отраслью» географической науки, и каталогизация народов Империи опиралась на полевые исследования; следовательно,

научный интерес сместился в сторону материальной культуры, быта, веры, обрядности и т. п. Включение этнографических описаний в географические дескрипции Российской империи — так же, как и прямолинейно трактуемая примордиалистская интерпретация этноса и этничности (своеобразие человеческих общностей любого уровня эволюции рассматривалось как «продукт» природы в ряду «мира» растений и животных), а также теория антропогеографической концепции в географии — привели к тому, что этнографические разделы помещались в описания отдельных территорий Империи (по регионам, областям, речным системам, климатическим зонам или губерниям — в зависимости от того, какой принцип членения пространства страны выбирали географы). Такое «инкорпорирование» на структурном уровне приводило к тому, что этническая группа должна была быть строго локализована на карте, никакие рассуждения о «духе», «нраве» или характере народа не должны были остаться несвязанными с конкретными границами и климатическими зонами. Иначе говоря, возобладала географическая модель этничности. Это повлекло за собой необходимость точнее определиться с топонимами «Малороссия» и «Украина», так как теперь малороссов и украинцев логично было «искать» на соответственно называемых землях.

Авторы научных очерков и статей второй половины XIX в. вполне отчетливо осознавали неустойчивость этногеографической номенклатуры и фиксировали ее. Так, А. Редров писал в 1867 г., что «слова *Малороссия, Украина, малоросс, украинец* вообще употребляются у нас в очень неопределенном значении»⁶⁵. Но и тридцатью годами позже Д. Л. Мордовцев в очерке «Малороссийское племя», которым открывался том фундаментального описания Российской империи «Живописной России»⁶⁶ (1897), также указывал, что «само понятие *Малороссия* не вполне уловимо, так как в государственном смысле оно выражает собою нечто неполное, неопределенное, и в смысле этнографическом осложняется тем, что *малоруссами* признают себя и те этнографические разветвления малорусского племени, которые территориально почти не связаны с Малороссией; как, например, малоруссы черноморские, донские и даже турецкие (Добруджа)»⁶⁷.

Причины зафиксированной «неопределенности», а, точнее, многозначности, на наш взгляд, кроются в следующем. Во-первых, во вполне естественной семантической неустойчивости языковых

эквивалентов для обозначения элементов этногеографической номенклатуры на этапе становления. Во-вторых, в несовпадении трех контекстов функционирования этнонимов в научной литературе. Они могли рассматриваться в формально-административных определениях пространств Малороссии (которые, впрочем, постоянно менялись), в которых она непременно соотносилась с теми границами губерний, которые сложились в XIX в.⁶⁸ Этнонимы использовались и в очерках племенной истории, в той или иной степени освещающей процессы этногенеза — именно в этом аспекте возникает проблема соотношения Украины и Малороссии как сменяющих друг друга образований⁶⁹. И, наконец, в этнографо-антропологических классификациях; для них характерна обратная зависимость в соотношении территориального и этнографического факторов: Малороссией именуется земля и территория, на которых проживает малороссийская/малорусская «отрасль» русского племени. И в этом последнем случае ее границы неизбежно трактуются весьма расширительно. Но говорить о полном единодушии внутри этих трех семантических полей было бы преувеличением. Его не наблюдалось даже в административно-географической терминологии.

Наиболее распространенными можно считать два главных определения Малороссии — широкое и узкое — как региона и как административной единицы. В учебнике по географии 1843 г. сказано, что «Малороссию составляли прежде земли по обеим сторонам Днепра ... Ныне собственно Малороссия заключает в себе губернии Черниговскую и Полтавскую»⁷⁰. Аналогичным образом строится определение и в словаре 1863 г.: сначала дается более общее определение исторического региона в целом, а затем приводится формально-административное, узкое значение: «страна от Словечны до Днестра, от Клевена до Орели и от Галича до северного Донца»⁷¹.

Малороссией в узком смысле именуется четко ограниченное формальной номенклатурой губерний пространство, включающее малороссийские (в административной системе номинаций) губернии. Если в 1843 г. их было только две — Черниговская и Полтавская, то в формальном губернском делении в конце 1840-е — 1850-е гг. к ним присоединяется Харьковская⁷². Эти три губернии почти всегда вписаны в состав малороссийских губерний, а начиная с 1870-х гг. к ним относят группу т.н. «Юго-Западных губерний» в составе Киевской,

Подольской и Волынской⁷³. Именно эти шесть губерний в различных вариациях «претендовали» чаще всего на то, чтобы включаться в состав Малороссии в широком смысле на протяжении второй половины XIX столетия.

В 1870-е — 1880-е гг. список малороссийских губерний подвергается пересмотру и демонстрирует наибольшее разнообразие вариантов. Например, в очерках России 1866 г. в Малороссию включаются только четыре «среднеднепровских губернии» (Киевская, Черниговская, Полтавская и Харьковская)⁷⁴, хотя и оговаривается, что пространства, заселенные малороссами, гораздо более обширны. В учебнике 1867 г. территория Малороссии в номинально-административном отношении и малороссийские земли как исторические заселенные южнорусами, различаются: «Собственно Малороссию составляют губернии: Киевская, Черниговская, Полтавская и Харьковская, а население занимает обширную страну, простирающуюся от Днестра и Южного Буга до Дона и Крыма»⁷⁵. Так определяется состав «собственно Малороссии» в составе региона «Западная Русь»⁷⁶.

В нормативной географической справочно-энциклопедической литературе второй половины столетия наблюдаются те же тенденции. В Географическо-статистическом словаре (1867), в словаре Н. И. Березина (1874) и в учебнике Зуева к Малороссии относят три приднепровские губернии — Киевскую, Черниговскую и Полтавскую⁷⁷. Существовали и более общие описания границ Малороссии — неизбежно, хотя и в обратной зависимости, связываемые с административной структурой. Так, например, к 1890-м гг. в составе Малороссии (в этнографических очерках) вновь Киевская, Подольская, Черниговская и Волынская губернии⁷⁸ или те же с добавлением Полтавской и Харьковской⁷⁹. Следует подчеркнуть, что такое максимальное «расширение» состава губерний встречается именно в этнографических описаниях — когда этнические границы проживания малорусов определяют пределы самой Малороссии, что и объясняет их несоответствие административно-географическим определениям — и в этом случае малорусское население определяет состав Малороссии, а не наоборот⁸⁰.

А в словаре Брокгауза и Ефрона (1896) административное и историческое содержание топонима «Малороссия» корректно разделены: к Малороссии относят («разумеются обыкновенно»)

нынешнюю Черниговскую и Полтавскую губернии, но подчеркивается, что в «историческом смысле понятие ... гораздо шире: она обнимала собою сверх того теперешний Юго-Западный край (т. е. губернии Киевскую, Подольскую и Волынскую, заходя порой и в теперешнюю Галицию, Бесарабию, Херсонщину»⁸¹). В первом издании словаря Гранат (1897) в состав Малороссии вновь включены только три губернии: Киевская, Полтавская, Черниговская⁸², в то время как в словаре С. Н. Южакова разделены этнографическая территория (Малороссия в «широком смысле») и административные границы («в узком смысле»): Киевская, Черниговская, Полтавская и Харьковская губернии «или даже только три из них»⁸³. На рубеже столетий в народоописательных очерках Малороссии утвердился именно этнографический принцип определения ее границ: «Под именем Малороссии разумеется область на юге России, сплошь населенная малороссами»⁸⁴.

О соотношении понятий Малороссия и Украина (Украина) авторы этнографо-географических очерков 1840-х — 1890-х гг. упоминают достаточно редко — для подавляющего большинства из них этот вопрос, видимо, не представлялся принципиальным, что само по себе значимо, если учесть, что речь идет о нормативных текстах. Проблема соотношения наименований малоросс (малорус)/украинец для текстов данного жанра не актуальна вплоть до 1890-х гг.

В той или иной степени пытаются дать дефиниции этих терминов составители общих и специальных словарей. В авторитетном словаре под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского присутствуют оба названия, но в статье «Украина» подчеркивается, что это — видовое понятие, используемое «в старину» для обозначения «пограничных областей, преимущественно малозаселенных». Историческое же название «Украины усвоено малороссийским областям, преимущественно лежащим по левую сторону Днепра (Гетманщина), вошедшим в состав Московского государства с половины XVII в.»⁸⁵.

И для авторов словарных статей 1864 г.⁸⁶ и 1865 гг.⁸⁷, и для автора очерков о Малороссии 1876 г. значения этих терминов совпадают: «Малороссия называется также Украиною, потому что прежде она была действительно крайней областью русского государства на юго-западе»⁸⁸. Но и четверть века спустя в словаре Гранат в статье «Малороссия» помещена аналогичная интерпретация: «Ныне забытый термин Украина сохранился в народном названии

Малороссии»⁸⁹. Важно отметить, что такая же презентация соотношения данных топонимов характерна для географических трудов и учебников начиная еще с XVIII в.⁹⁰ Подобная синонимия неизменно трактуется как книжная и обыденная вариации названия одного региона: историко-административного наименования (Малороссия) и разговорно-бытового обозначения региона (Украина, Украйна).

Начиная с 1890-х гг. и далее, в первых десятилетиях XX в. в текстах этногеографических описаний возникает новая тенденция: происходит синонимизация, а, точнее, отождествление понятий «Малороссия» и «Украина» и этнонимов малорус/украинец. «Малороссия» и «малоросс/малорус» просто заменяются на слова «Украина» и «украинец». Это нашло отражение, например, в поздних очерках Н. И. Березина⁹¹, ранее использовавшего наименование «малоруссы». Здесь важно обратить внимание на то, что этноним определяется регионом заселения и номинацию осуществляет сам наблюдатель-исследователь, не апеллируя к самоидентификации народа.

Внедряясь в нормативные тексты с начала 1890-х, этноним «украинец» вначале использовался совсем непоследовательно, чаще он выступал в качестве полного эквивалента «малорусс»/«малоросс». Например, в этнографическом очерке «Живописной России» употребляются понятия «малоруссы», «малороссы» и «южноруссы», однако встречается наименование «украинка» — в разделе о женских типах, не для обозначения регионального малорусского типа, а как синоним «малороссиянки»⁹² и в описании темперамента⁹³. Сознательный выбор этнонима «украинец» можно усмотреть только в последнем разделе статьи, где дается описание различных «этнографических типов» малоруссов. Со ссылкой на фундаментальное исследование П. П. Чубинского их обычно выделялось три: украинский (*украинец*), полешский (*полешук*) и подольско-галицкий (*подолянин*), внешний облик, язык, быт и нравы которых демонстрировали очевидное своеобразие⁹⁴. В данном случае этноним «украинец» выступает не как синоним «малоросса», а как наименование одной из этнических групп малорусов, критерием выделения которого становится диалект. В основе такого деления лежала классификация языков профессора Вл. Дибольда⁹⁵. Согласно ей существует три этнические разновидности *малороссов*, выделяющиеся

на основании языковых и культурно-этнографических особенностей: это — *украинские малороссы* (малороссияне восточного берега Днепра и Киевской губернии), т.н. «подольская группа», представленная малороссиянами Подольской, южной части Воложской губернии и теми, которые населяют Австрийскую Галицию и Буковину. Третья, полесская группа — это *полещуки*⁹⁶. В некоторых случаях вместо подольской указывается группа, состоящая из русинов и галичан⁹⁷.

Важно подчеркнуть, что лингвистическая классификация, служащая в данном случае основанием для выделения региональных этнических групп, складывалась на протяжении 1830-х.—1860-х гг., и в эти десятилетия претерпевала изменения. При этом точное соотношение двух этноязыковых единиц (украинского и малороссийского говоров/наречий/языков и соответствующих им субэтносов) следует устанавливать в каждом конкретном случае; теоретической генерализации они почти не поддаются. Для обозначения тенденции не станет ошибочным утверждение о том, что украинское наречие/говор как подвид малороссийского языка/наречия чаще упоминается в ранних классификациях. Не останавливаясь на отдельной важной проблеме теоретических оснований этих иерархий, приведем несколько примеров. М. А. Максимович в работе 1838 г. в южнорусском языке выделял малороссийское (украинское) наречие и червонорусское (галицкое)⁹⁸ — как восточное и западное; в 1845 г. он корректирует свою классификацию: теперь южнорусская речь разделяется у него на украинское и северское наречия⁹⁹. И. П. Сахаров усматривал в русском языке две его разновидности: северную и южную; в южной «преимуществовало», по его словам, «киевское наречие», постепенно выработавшее два варианта: малорусское и червонорусское¹⁰⁰. Концепция Дибольда окончательно закрепила тождество лингвистического и этнографического делений: украинское наречие и украинцы стали рассматриваться как региональный диалект и этнический тип малоруса, соответственно. Основываясь на новейших научных изысканиях, П. Н. Милюков (1896) определял наречие жителей Малороссии как южнорусское или малороссийское, подразделяемое на четыре говора (червонорусский и три «оттенка» украинского (северный, южный, средний) — по географическому признаку). Он использует этнонимы «малороссы» и «малорусский люд»,

и также, как предшественники, отождествляя говор с этнографической группой, именует их носителей по наречию: северными украинцами, украинцами южной полосы и т. п.¹⁰¹, сохраняя, таким образом, соотношение малоросс/ украинец как родового и видового уровней понятий.

По этой же причине в этнографическом очерке «Живописной России» малорусы украинской группы или украинцы описываются как носители эталонной внешности и обладатели «правильного малороссийского говора»¹⁰² — иначе говоря, именно эта подгруппа репрезентирует черты малорусского этнического типа в целом. Ранее использовалась и более простая территориальная классификация малорусов по «языку и отчасти народному характеру», о которой писал А. Редров. Он выделял «собственно малороссов или малороссов восточных, населяющих бассейн Днепра» и «малороссов западных или червонноруссов или русинов, проживающих в бассейне Днестра и обеих Бугов (т.е. Червонную Русь)»¹⁰³.

Потому в очерке из «Живописной России» украинец описывается отдельно — как главный представитель и выразитель специфически-этнических свойств малороссийского племени в целом: «украинец — это афинянин южнорусских земель, и ум его — глубже, и речь — не без аттической соли. Украинец — это главный кочегар, который управлял всем процессом исторического горения южнорусской земли»¹⁰⁴. В связи с этим прилагательные «украинское» («народное мирозерцание») ¹⁰⁵ и «украинская» («песня») ¹⁰⁶, вводимые автором в текст после упоминаний вариаций малорусского типа, уже имеют логически-обоснованный характер, что отмечено во фразе «объезжая Украину и (подчеркнуто мной. — М.Л.) Малороссию»¹⁰⁷.

Наконец, этноним «хохол»¹⁰⁸ после статьи Н.И. Костомарова 1861 г. встречается в очень многих этнографических текстах, он трактуется как простонародное наименование-экзоним, данное малороссиянам великорусами (так же, как «кацапы» русским — малорусами). Объясняется как кличка, воспринимаемая большинством авторов как нейтральная или шутливая (в пейоративном смысле трактовал ее А. С. Афанасьев-Чужбинский, а этот фрагмент его «Поездки» вошел в очерки «Живописной России»), чаще помещается в исторической части этнографического очерка, посвященной этногенезу народа.

Таким образом, этногеографическая номенклатура, используемая в описаниях Малороссии и малорусов второй половины столетия, демонстрирует в период 1860-х — 1890-х гг. большую, чем ранее, стандартизированность, проявляя тенденцию к смене нормативного топонима и этнонима в 1890-х. С другой стороны, сама дисциплина находится на стадии формирования тезауруса и таксономии, что определяет семантическую неустойчивость терминологической сферы. Однако, когда, начиная с 1890-х гг. происходит процесс преобразования понятий «малороссиянин», «южнорусс» и «малорус» в «украинца», а в начале XX в. «Украина» и «украинец» полностью, но безо всяких содержательных изменений, заменяют «Малороссию» и «малоросса/малоруса», причины такой эволюции следует искать не только в сугубо научных, но и в политических процессах Российской империи.

Примечания

¹ Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 4–32, С. 22; Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005. С. 112.

² Впервые на это обратил внимание еще Н. И. Надеждин, обращаясь к вопросу о происхождении топонимов Малая и Великая Русь / Россия (Н. И. Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н. И. Греча и О. И. Сенковского. Изд. А. А. Плюшара. В 17-ти тт. (не окончено). СПб., 1834–1841. Т. IX. СПб., 1837. С. 261–276).

³ Соколовский С. В. Этничность как память. Парадигмы этнологического знания // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М., 1994. С. 13–14.

⁴ Необходимо подчеркнуть, что вплоть до 1870-х — 1880-х гг. российская (как, впрочем, и европейская), этнографическая наука, статистика и даже политика, обращаясь к изучению племен и народов, не учитывали самоидентификацию.

⁵ Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XIX вв. СПб., 2006.

⁶ Напр., в: Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010; реконструкции понятия «Малороссия» как концепта: Галь Б. Геоконцепт «Малоросія» на ментальных мапах XVIII — первой половины XIX ст. // Ейдос. 2013. № 7. С. 93–109. (Выражаю признательность д.и.н. О. В. Хавановой за информацию о работах украинского коллеги.)

⁷ Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. Малоросс // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2-х тт. М., 2012. Т. II. С. 392–443.

⁸ Там же. С. 392.

⁹ Современный исследователь П. С. Куприянов, рассматривая описания народов в текстах путешествий начала XIX в., убедительно показал, что «универсальной, разделяемой всеми концепции этноса» не существовало, но наиболее распространенными оказались две модели — условно обозначаемые им как «этническая» и «географическая», отличающиеся различной трактовкой понятия «народ». Первая определяла его как племенную общность, вторая — как территориальную, и, следовательно, «методы»

их обнаружения кардинально различались. «Географическая модель» репрезентации этноса явно превалировала в европейских научных народоописаниях и более ранней эпохи — конца XVIII в., поскольку именно пространственный критерий обуславливал предмет и методы описания (*Куприянов П. С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // *Этнографическое обозрение.* 2004. № 2. С. 34–35). Применительно к нашему предмету исследования это означает, что в Малороссии естественно «обнаруживать» малороссов как отличающееся определенным набором особенностей племя.

¹⁰ Автор считает принципиальным и важным не включать в этногеографический дискурс исторические сочинения и учебники по истории, даже если в них (правда, это не было типичным) включались фрагменты описания этнокультурной специфики разных племен, в том числе и русских. Этнография был органической частью географии, а не истории, они расходились по своим задачам (в том числе и тем, которые можно расценивать как идеологические) и мотивации, особенно когда речь шла об острых «национальных вопросах» имперской внутренней политики, к которым, безусловно, относился и «малороссийский вопрос». Об этом, в частности: *Лескинен М. В.* *Национальное: наука и политика в Российской империи второй половины XIX в.* // *Вопросы национализма.* 2013. № 3(15). С. 190–217; подр. о содержательном и методическом различении исторического и этнографического дискурсов эпохи на примере реконструкции образов поляков и финнов, см. в частности: *Лескинен М. В.* *Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности.* М., 2010. Гл. 8.

¹¹ *Азадовский М. К.* *История русской фольклористики.* В 2-х тт. М., 1958–1963. Т. 1. М., 1958.

¹² Понятия, которые использовались в научной литературе для классификации групп, составляющих триединый русский народ.

¹³ *Надеждин Н. И.* Об этнографическом изучении народности русской // *Записки Императорского Русского Географического Общества.* 1847. Кн. 2. С. 61–115.

¹⁴ *Лескинен М. В.* Поляки и финны. С. 114–129.

¹⁵ *Лескинен М. В.* От «натуры» к «гению»: традиции нравоописаний европейских народов XVI–XVIII вв. // *Текст славянской культуры. Сборник в честь юбилея Л. А. Софроновой.* М., 2011. С. 433; *Лескинен М. В.* Поляки и финны. С. 98–102.

¹⁶ См.: *Максимович М. А.* О малороссийских народных песнях. Предисловие // *Собр. соч.* В 3-х тт. Киев, 1876–1880. Т. 2. Киев, 1877. С. 443–444; *Бодянский О. М.* О народной поэзии славянских племен. М., 1837. С. 122–123.

¹⁷ Важным для интерпретации является трактовка каждого из авторов пары понятий язык / наречие — либо как синонима, либо в качестве родовой и видовой единиц лингвистической таксономии. В данной статье мы не имеем возможности подробно рассматривать сами номинации, концентрируя внимание только на определениях. Подр. о языке и наречии см. в: *Александровский И. С., Лескинен М. В.* Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // *Русские об Украине и украинцах.* СПб., 2012. С. 172–243.

¹⁸ *Венелин Ю.* О споре между южанами и северянами насчет их россизма // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* 1847. Год 3-й. № 4. С. 1–16.

¹⁹ *Надеждин Н. И.* Об этнографическом изучении. С. 101.

²⁰ Там же.

- ²¹ *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка и других славянских наречий (1849). СПб., 1887. С. 34.
- ²² *Кавелин К. Д.* Мысли и замечания о русской истории // *Кавелин К. Д.* Соч. В 4-х тт. СПб., 1897–1900. Т. 1. СПб., 1897. С. 583–676.
- ²³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1988–1995. Т. 1. М., 1988. С. 73.
- ²⁴ *Костомаров Н. И.* Две русские народности // *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. В 20-ти тт. СПб., 1863–1889. Т. 1. СПб., 1863. С. 223–287.
- ²⁵ Там же. С. 233.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Великоруссы* // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. В ХІ тт. (82 полутт.) / Под ред. Е. И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. Va (п/т. 10). СПб., 1892 (автор – *Д. Анучин*). С. 829.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Павловский А.* Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818.
- ³⁰ *Левшин А. И.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816.
- ³¹ *Свиньин П. П.* (Из живописного путешествия по России). Полтава // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. (№ 120). С. 1–45. Позже вошла в книгу: *Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П. П. Свиньина*. СПб., 1839.
- ³² *Павловский И.* География Российской империи. В 2-х ч. Дерпт, 1843. Ч. 1. С. 189, 190 и др.; *Павловский И.* Руководство к географии Российской империи. СПб., 1858. С. 56; 57–59.
- ³³ *Российская империя* // *Ободовский А.* Краткая всеобщая география. СПб., 1852. С. 74.
- ³⁴ Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при Первом Отделении Департамента Генерального Штаба. В 18-ти тт. СПб., 1837–1854. Описание малороссийских губерний содержится в многотомных томах 2, 3, 4, 5, 6 и др.
- ³⁵ Первое издание вышло в 1830-м г. под названием: *География России*. Собрание карт. СПб., 1830, второе издание: *Альбом географических карт России, расположенных на 80-ти листках по бассейнам морей или замечательный и поучительный детский гранпасьянс, составленный К. Грибановым*. СПб, 1857. Были и следующие переиздания – 1859 и др. Подробное описание см.: *Афанасьев О. Е.* Географические игральные карты Константина Грибанова XIX в. и их учебно-просветительская роль в распространении знаний о родной стране // *Псковский регионологический журнал*. 2010. № 9. С. 125–135.
- ³⁶ *Максимович М. А.* О малороссийских народных песнях. Предисловие // *Максимович М. А.* Собр. соч. В 3-х тт. Т. 2. С. 439–451.
- ³⁷ *Максимович М. А.* [Предисловие к «Украинским народным песням»] // Там же. С. 452–455.
- ³⁸ *Лукашевич П. А.* Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836.
- ³⁹ *Сементовский Н. М.* Старина малороссийская, запорожская и донская. СПб., 1846.
- ⁴⁰ *Кулиш П. П.* Записки о Южной Руси. В 2-х тт. СПб., 1856.
- ⁴¹ *Маркевич Н.* Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860.

- ⁴² Срезневский И.И. Предисловие // Срезневский И.И. Запорожская старина. Песни и думы о лицах и событиях до Богдана Хмельницкого. Т. 1. Харьков, 1833.
- ⁴³ Максимович М.А. Дни и месяцы русского селянина // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х тт. Т. 2. С. 463–524.
- ⁴⁴ Максимович М.А. Начатки русской филологии // Максимович М.А. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. Киев, 1880. С. 25–155.
- ⁴⁵ Бодянский О.М. Указ. соч. С. 122, 136 и далее.
- ⁴⁶ Там же. С. 114.
- ⁴⁷ См.: Краткое географическое обозрение края, населенного южнорусским (украинским или малороссийским) народом // Основа. 1861. № 5, 7, 11–12.
- ⁴⁸ Шафарик П.И. Славянское народописание / Пер. с чеш. О. Бодянского. М., 1843.
- ⁴⁹ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887.
- ⁵⁰ Афанасьев-Чужбинский А.С. Общий взгляд на приднепровское крестьянство // Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. В 2-х тт. СПб., 1861–1863. Т. 1. Очерки Днепра. СПб., 1861. С. 1–52.
- ⁵¹ Подр. о ней: Максимов С.В. Литературная экспедиция. По архивным документам и личным воспоминаниям // Русская мысль. 1890. № 2. С. 17–50.
- ⁵² Афанасьев-Чужбинский А.С. Общий взгляд. С. 6.
- ⁵³ [Закревский Н.В.] Введение // [Закревский Н.В.] Старосветский бандуриста. В 3-х кн. М., 1860–1861. Кн. 2. Нечто о сочинениях на малороссийском наречии. М., 1860. С. I–VIII; [Закревский Н.В.] Введение // Там же. Кн. 3. Словарь малороссийских идиомов. М., 1861. С. 247–254.
- ⁵⁴ [Закревский Н.В.] Введение // [Закревский Н.В.] Старосветский бандуриста. Кн. 3. С. 247.
- ⁵⁵ Там же. С. 248.
- ⁵⁶ [Закревский Н.В.] Введение // [Закревский Н.В.] Старосветский бандуриста. Кн. 2. С. I.
- ⁵⁷ [Закревский Н.В.] Введение // Там же. Кн. 3. С. 247.
- ⁵⁸ Там же. С. 249.
- ⁵⁹ Там же. С. 248, 249.
- ⁶⁰ [Закревский Н.В.] Введение // Там же. Кн. 2. С. VI.
- ⁶¹ Даль В.И. О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук (1852) // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. СПб.–М., 1880–1882. Т. 1. СПб.–М., 1880. С. XLI–LXXXV; Даль В.И. О русском словаре (1860) // Там же. С. XXX–XL.
- ⁶² Как, например, в статьях В.И. Даля.
- ⁶³ Мостовский М. Этнографические очерки России. М., 1874. С. 9–18.
- ⁶⁴ Чубинский П.П. Малоруссы (статистика, сельский быт, язык) // Чубинский П.П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. В 7-ми тт. СПб., 1877–1878. Т. 7. СПб., 1877. С. 342–360; Малороссы Характер жилища, одежда и пища // Народы России. Живописный альбом. Вып. 1. Славянское племя. СПб., 1878. С. 18–23; Народы России. Малоруссы // Природа и люди. 1878. № 2. С. 1–50; Очерки Малороссии // Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения. В 10-ти тт. / Сост. Я.И. Руднев. СПб., 1899–1909; Т. V. СПб., 189 и др.

⁶⁵ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского-Буданова сост. и издал преподаватель гимназии во Владимирской киевской военной гимназии А. Редров. Киев, 1867. С. 318.

⁶⁶ Каждый том готовился к печати своей редакционной коллегией, поэтому последовательность географо-этнографического описания каждого из регионов империи не подчинена единой структуре или плану изложения. Однако даже при этом довольно необычным представляется начинать характеристику (в двух томах) Малороссии и Новороссии именно с очерка о нраве народа, хотя и доминирующего в регионе в формальном — количественном отношении.

⁶⁷ Очерк I. Малороссийское племя // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей редакцией П. П. Семенова, вице-председателя Императорского Русского Географического Общества. В 12-ти тт. (19 кн.). СПб.—М., 1881—1901. Т. V. Ч. 1. Малороссия, Подолия и Вольты (Полтавская, Черниговская, Вольтинская, Херсонская и Киевская губернии). СПб.—М., 1897. С. 1—62 (автор — Д. Мордовцев). С. 4.

⁶⁸ Как известно, в 1801 г. Малороссийская губерния была разделена на Черниговскую и Полтавскую, но впоследствии соотношение отдельных губерний с Малороссией не было зафиксировано столь точно.

⁶⁹ Не имея возможности отдельно остановиться на особенностях исторического дискурса (это выходит за рамки данной статьи), приведем лишь одну характерную цитату из очерка 1865 г., в котором четко связаны наименования Малороссии и Украина, будучи помещенными в разные исторические периоды. По мнению автора, Малая Русь или Малороссия стала именоваться Украиной («т.е. крайней русскою областью»), «после татарского погрома» (Очерки Малороссии. СПб., 1865. С. 3). В очерке П. П. Кулиши для «Живописной России» говорится: «Южные области русской земли назывались Малороссиею еще во времена варяжские, имя Украина дано некоторым из них поляками ... Но со второй половины XVII столетия под именем Украины стали у нас разумеать земли, по которым селились отпавшие от Польши малорусские казаки ... Имя Малороссии в историческом смысле должно простираться на всю территорию, в которой малорусский элемент не подчиняется ни ее административному, ни административному делению» (Очерк III. Киевская Русь после татарского погрома // Живописная Россия. Т. 5. Ч. 1. СПб. —М., 1897 (автор — П. Кулиш). С. 121.

⁷⁰ Павловский И. География Российской Империи. Ч. II. Дерпт, 1843. С. 7—8.

⁷¹ Этот текст помещен в словарную статью о Малороссии и два словаря: Малороссия // Справочный энциклопедический словарь, издающийся под ред. А. Старчевского: В 12-ти тт. (13-ти кн.). СПб., 1847—1855. Т. 7. СПб., 1853. С. 416; Малороссия // Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон). В 3-х тт., составленный под ред. Ф. Толля. СПб., 1863—1866. (Т. 3. СПб., 1866 — под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля). Т. 2. СПб., 1863. С. 779.

⁷² Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при Первом Отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XII. Малороссийские губернии. В 3-х ч. СПб., 1849—1851.

⁷³ Там же. Т. X. Юго-Западные губернии. В 3-х ч. СПб., 1849—1851.

⁷⁴ Сергеев А. Географические очерки России. В 3-х вып. СПб., 1866. Вып. 2. Малороссы и Малороссия. С. 29.

⁷⁵ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. С. 318. То же — на с. 276.

- ⁷⁶ Там же. С. 311.
- ⁷⁷ Малороссия // Географическо-статистический словарь Российской империи. В 5-ти тт. СПб., 1863–1885. Под ред. П. П. Семенова (Тян-Шанского). Т. 3. СПб., 1867. С. 152; Малороссия // Русский энциклопедический словарь / Под ред. И. Н. Березина. В 16-ти тт. СПб., 1873–1879. Отдел 3. Т. 1. СПб., 1874. С. 643; *Зуев Н. И.* География Российской империи. СПб., 1887. С. 104–105.
- ⁷⁸ В очерках соответствующих томов «Живописной России».
- ⁷⁹ Русские народы. С. 14, Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения. В 10-ти тт. / Сост. Я. И. Руднев. СПб., 1899. Т. VI. СПб., 1899. С. 5.
- ⁸⁰ Очерк I. Малороссийское племя. С. 4–5.
- ⁸¹ Россия. История. Малороссия: Территория // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. Т. XVIIIа. СПб., 1896. С. 492–493.
- ⁸² Малороссия // Настольный энциклопедический словарь. Издательство Бр. А. и И. Гранат и К. 1-е изд. В 8-ми тт. М., 1891–1903. Т. V. М., 1897. С. 2959.
- ⁸³ Малороссия // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. В 20-ти тт. СПб., Лейпциг, 1900–1907. Т. 12. СПб., 1903. С. 554.
- ⁸⁴ Очерки Малороссии // Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения. В 10-ти тт. / Сост. Я. И. Руднев. СПб., 1899. Т. V. СПб., 1899. С. 5.
- ⁸⁵ Украина // Географическо-статистический словарь. Т. 5. СПб., 1885. С. 310.
- ⁸⁶ Украина // Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Т. 3. СПб., 1864. С. 763.
- ⁸⁷ Очерки Малороссии. СПб., 1865. С. 3.
- ⁸⁸ Малороссия. Описание края в историческом, географическом и этнографическом отношении. СПб., 1876. С. 3–4. «Украина — также название Малороссии» (Украина // Настольный словарь для справок. Т. 3. СПб., 1864. С. 763.)
- ⁸⁹ Малороссия // Настольный энциклопедический словарь. С. 2959.
- ⁹⁰ См., например: Краткая география Российской империи // Календарь или месяцевел географический на 1767 г. СПб., 1767. С. 65–85. С. 102, 399; Географическое методическое описание Российской империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще, для наставления обучающегося при Императорском Московском университете из лучших новейших и достоверных писателей, собранное Х. Чеботаревым. М., 1776. С. 102; Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. СПб., 1795. С. 6 и др.
- ⁹¹ Украинцы (Россия. Народы России) // Народы Земли. Географические очерки жизни человека на Земле / Под ред. А. Острогорского. В 3-х кн., 4-х тт. СПб., 1901–1903. Кн. 3. Т. 4. Россия. СПб., 1903. С. 49–60 (автор — *Н. Березин*).
- ⁹² Очерк I. Малороссийское племя. С. 6.
- ⁹³ Там же. С. 8.
- ⁹⁴ Там же. С. 20.
- ⁹⁵ *Diebold W.* Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Дерпт, 1886.
- ⁹⁶ Русские народы. Наброски пером и карандашом. Тексты под ред. проф. Н. Ю. Зографа. В 3-х чт. М., 1894. Ч. I. Европейская Россия. Вып. 2. С. 16.

⁹⁷ Россия. Племенной состав // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. Т. 16. СПб., 1904. С. 459.

⁹⁸ Максимович М. А. Критико-историческое исследование о русском языке // Собр. соч. В 3-х тт. Т. 3. С. 3–24.

⁹⁹ Максимович М. А. Начатки русской филологии. Статья первая. О системе славянских наречий. С. 46–48.

¹⁰⁰ Сахаров И. О составлении русского словаря // Сахаров И. Сказания русского народа. В 2-х тт., 8-ми кн. 3-е изд. 1841–1849. Т. II. Кн. V–VIII. СПб., 1849. Кн. V. Словари русского языка. С. I–XX. С. I.

¹⁰¹ Милуков П. Н. Очерки истории русской культуры. В 4-х чч. СПб., 1896–1903. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб, 1896. С. 43–44.

¹⁰² Русские народы. С. 16.

¹⁰³ Руководство к изучению русской земли. С. 278, 312.

¹⁰⁴ Русские народы. С. 20.

¹⁰⁵ Там же. С. 28.

¹⁰⁶ Там же. С. 32.

¹⁰⁷ Там же. С. 33.

¹⁰⁸ «Хохол — украинец, малоросс» (Хохол // Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. СПб.–М., 1882. С. 563.)

*К. С. Дроздов
(Москва)*

Украинское население России / РСФСР

в конце XIX — XX в.:

«малороссы», «хохлы», «украинцы»*

В конце XVI — середине XVIII столетия великороссы называли «черкасами» выходцев с Правобережной и Левобережной Украины, которые селились в пределах Московского государства (а затем Российской империи). Так, современное украинское население Центрально-Черноземного региона (прежде всего Белгородской, Воронежской и Курской областей) является потомками казаков («черкас») слободских полков, которые просуществовали до реформ Екатерины Великой¹. Не случайно, что в это время на огромном пространстве от Сейма, Ворсклы, Северского Донца и до Волги и ее притоков появилось множество селений с характерными названиями «Черкасское», «Черкаская», «Черкасский» — село, слобода, острог. Так, только в Курской губернии можно найти целый ряд сел, названия которых связаны с данным этнонимом: «Черкасское», «Черкасские Тишки», «Черкасская Лозовая», «Поречье Черкасское» и т.д. В связи с этим, на наш взгляд, применительно

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а — «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»)

к периоду XVII–XVIII вв. в качестве синонима «украинцев» России вполне справедливо употреблять экзотным «черкасы»².

Но уже в конце XVIII столетия это наименование постепенно выходит из официального употребления, и за потомками казаков слободских полков, проживавших в великороссийских губерниях, закрепляется название «малороссы» / «малороссияне»³. Оно широко употреблялось в официальном делопроизводстве на протяжении длительного времени, вплоть до конца 1920-х гг. Поэтому в качестве определения украинцев России для периода XIX — начала XX в. целесообразно было бы использовать этноним «малороссы». Авторы первых научных публикаций по этнографии Центрально-Черноземного края — воронежские и курские краеведы XIX в. предпочитали в своих работах этноним «малороссияне»: «Жители подгородних слобод г. Суджи — малороссияне, но находясь в частых сношениях с русскими, изменили язык, только у стариков сохранились прямые формы малороссийского наречия, у молодых смесь малороссийского с великорусским». В г. Грайвороне «большая часть малороссиян говорят языком, смешанным из великорусских и малороссийских слов». В Бирючинском уезде «язык употребляют малороссийский, смешанный с великорусским»⁴. В историко-статистическом очерке А. М. Дренякина «Белгород с уездом» (1882), изданном в Харькове, в описании белгородских малороссиян автор применял понятие «черкасы»: Он писал, что с юга и запада Белгородский уезд заселен малороссиянами, потомками казаков, переселившихся сюда из-за Днепра во времена Богдана Хмельницкого: «В этнографическом отношении белгородские черкасы, несмотря, что предки их три уже столетия как вынуждены были покинуть Заднепровье, — резко отличаются от великоруссов. Они сохранили свое малороссийское наречие, костюм, набожность, добросердечие, опрятность, любовь к огородничеству, обрабатывание земли быками. У них и хаты и вся внутри обстановка тоже отличаются похвальными особенностями»⁵.

Однако длительный период совместного проживания русских и украинцев, (потомков слободских, малороссийских и запорожских казаков) в границах одного государства, процессы унификации их социально-политической и экономической жизни, а также начавшийся процесс естественной ассимиляции с великорусами («обрусение») привели к тому, что уже в середине XIX в. среди украинского населения России, главным образом Центрально-Черноземных губерний,

широкое распространение в качестве самоназвания получил этноним «хохлы». Поэтому не случайно, что во второй половине XIX в. в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля был помещен этноним «хохол» в качестве синонима «украинца» и «малоросса»⁶. В публицистике того времени можно обнаружить выражение, например, «воронежские хохлы». «В воронежской губернии великорусские поселенцы называют малороссов хохлами и их жен хохлушками, а малороссы в свою очередь зовут великоруссов москалями и великорусских женщин московками»; — так пояснял читателям журнала «Киевская старина» название своего очерка «Воронежские хохлы» (1885) Б.С. Познанский. Вот как вспоминал он свою первую встречу с ними в г. Павловске двадцатью годами ранее, в 1866 г.: «Наскоро приодевшись; я поспешил к берегу и тут сразу попал в кучку малороссиян, — по-воронежскому хохлов. Какими же родными показались они мне тогда!... Подстриженные в кружок чубы, очипки, жупаны, лица родственные, крестятся без отмахивания головою нависающих на глаза волос... Ну, как есть свои, родные украинцы». И далее: «Воронежский хохол не похож на украинца: он живее, поворотливее, нет в нем украинской недоверчивости, угрюмости, не глядит он исподлобья, как поднепровец (...) Здесь в южных уездах воронежской губернии торговля вся и вся промышленность в руках хохлов. Великоросс преимущественно пахарь. Это отчетливо выражается тем, что здесь на юге торговых промышленных великорусских сел нет, а торгуют хохлацкие слободы, разумеется, не все, есть и хохлы пахари, торговых же русских сел в южных уездах воронежской губернии нет положительно. Но этот торгаш-хохол значительно обрусел. Обрусел он все-таки не по здешнему, а по общерусскому образцу. Он, можно сказать, обрусел, но не обмосковился (...) Он ничего общего не имеет со своим великорусским сопосельником пахарем; он говорит языком русским, но не языком своего соседа, наречие которого он передразнивает; он не брачится с великороссами, между ними есть какой-то особый антагонизм. Он вообще на пути к такому обрусению, какому подпали мы, люди книжные (...) Между собою, а особенно в семьях, они говорят по-малорусски, ругаются, если в меру, тоже по-малорусски: «бисов сын, побила б тебе лиха година» и т. п.; под чаркою у хохла вы тоже слышите родную речь; но если нужно говорить с чужаком, нужно превозноситься, если нужно всласть выругаться, тогда уж начинается говорение по-россейскому. Забогатевший купец-торговец усваивает себе все приемы русского купца, у него уже не челядь,

а молодцы, у него уже речь русская звучит при обращении к мелкой сошке, он уже выражается о сером хохле: «хохла необразованна» (...)»⁷.

Обрусение выражалось в разговорной речи, в изменении украинских фамилий на русские, в замене национальной одежды городским костюмом, в утрате украинских обрядовых традиций («молодежь не посеваает, не колядует»), в распространении русских песен, включении в старинную украинскую песню русских слов и оборотов и, наконец, в изменении национального самосознания. «...Положим, что мы не великороссы, но уж и малороссами, простыми хохлами нас нельзя назвать», — говорили жители украинских слобод⁸.

Как полагал дореволюционный исследователь великорусских говоров Д. К. Зеленин, в слободе Велико-Михайловка Новооскольского уезда Курской губернии можно было наблюдать говор «хохлов-перевертней», т. е. обрусевших малорусов. Он сообщает о том, что в этой слободе живут хохлы, вышедшие из Малороссии лет 200–250 тому назад, они сильно обрусели, почему их и называют попросту «перевертнями». Таких же малорусов много живет и в окрестностях слободы Велико-Михайловка: в слободе Барсук, Анновка, Сидоровка, Богдановка, Халань, Ольшанка и в ряде хуторов Велико-Михайловской, Булановской и Чернянской волостей⁹.

Воронежский историк В. П. Загоровский в своей работе «Историческая топонимика Воронежского края», анализируя название сел «Хохол» в Хохольском районе и «Хохол-Тростянка» в Острогожском районе, пришел к интересному заключению. Первое село возникло в 1680-х гг., тогда же упоминается «новопоселенная деревня Хохол». Деревня была названа по речке Хохлу. Точно объяснить происхождение названия речки пока не удастся. Но, по мнению Загоровского, связать название речки и села с иронически-пренебрежительным прозвищем украинцев «хохлы» нельзя. Так как в XVII в., когда впервые упоминаются речка и деревня с названием «Хохол», такого прозвища не было, а украинцев русские называли черкасами.

С другой стороны, село Хохол-Тростянка в Острогожском районе было основано также в XVII в. на небольшой речке Тростянке и заселено было украинскими переселенцами. И первое название этого села — Черкасская Тростянка. Так как русские называли тогда украинцев черкасами, отсюда произошло и название села. Соседнее село, заселенное русскими, получило название Русской Тростянки. В XIX в. распространилось прозвище украинцев — «хохлы», и село,

населенное украинцами, превратилось из Черкасской Тростянки в Хохол-Тростянку. Это произошло уже в XX в.¹⁰

Постепенно этноним «хохлы» стал все шире употребляться в качестве самоназвания для той части украинского населения России, которое уже длительное время проживало компактным анклавом среди большинства русского («великорусского») населения в Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке и которое было затронуто процессом естественной ассимиляции («обрусения»). М. Марунчак в своей монографии 1974 г., посвященной украинцам, проживавшим на территории РСФСР и других союзных республик СССР, излагая историю освоения украинцами земель Нижнего Поволжья, приходит к заключению, что название «хохлы» в Поволжье не имело никакого обидного негативного значения для местного населения. Не случайно во второй половине XVIII в. недалеко от Царицына возникла слобода Хохловка-Бекетовка, а вблизи Астрахани — Хохлацкая-Карантинная¹¹.

Схожая ситуация наблюдалась и на Кубани. «Следует иметь в виду, что в дореволюционное время названия “русский” и “украинец” на Кубани были малоупотребительны. Большинство населения западных станиц и менее значительная часть населения восточных станиц — выходцев из украинских губерний называли себя “хохлами”. Во многих станицах Кубани, как и в некоторых других районах (например, на территории Ростовской области), термин “хохол” вовсе не употреблялся в качестве обидной клички, а служил самоназванием определенной части населения», — к такому заключению пришли советские этнографы, авторы коллективной монографии «Кубанские станицы»¹².

Аналогичные процессы происходили и в Сибири, где «хохлами» называли не только выходцев из Украины, но и белорусов, и русских переселенцев из южных районов европейской части России, и на Дальнем Востоке. Так, например, в Хабаровске в начале XX в. появилась «Хохлацкая слободка», заселенная почти полностью украинскими переселенцами¹³.

По мнению советского этнографа Л. Н. Чижиковой во многих районах смешанного русско-украинского расселения (Центральное Черноземье, Кубань, область Войска Донского) украинцев называли «хохлами», а русских — «москалями», «кацапами» еще с дореволюционного времени. «Некоторые названия в данных районах превратились благодаря их широкому распространению и устойчивому бытованию в своеобразные

этнонимы, потеряв характер обидного прозвища»¹⁴. При этом следует иметь в виду, что этноним «украинцы» в отношении потомков казачьего населения, проживавшего в великороссийских губерниях Центрального Черноземья, на Кубани, в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке практически не использовался вплоть до революции 1917 г.

В конце XIX — начале XX столетия бурное социально-экономическое развитие на путях капиталистической модернизации привело к значительным сдвигам в социальной структуре и политической системе российского общества, затронув также процессы национально-культурного развития и национальной самоидентификации народов Российской империи. К этому времени на территории великорусских губерний, где проживало многочисленное «малороссийское» население обозначилось соперничество двух «проектов» национального строительства: «проекта» триединой русской нации, включавшей в себя великороссов, малороссов и белорусов, а также украинского «проекта», который выступал с позиций существования отдельного от русских-украинского народа, украинского языка и украинской культуры. Оба «проекта» стремились утвердить среди местных «малороссов»/«хохлов» свои ценности и свою национальную идентичность.

По мере того, как усиливалось противостояние двух «проектов» нациестроительства, начались процессы семантической трансформации данных этнонимов, все больше они стали приобретать ярко выраженную идеологическую направленность. Для активистов украинского национального движения малороссы были, прежде всего жертвами русификации и несознательными украинцами, теми, кого надо было «спасти» для украинской нации. Украинские националисты верили, что с развитием собственной прессы и начальной школы на родном языке «все эти русины, малороссы и хохлы станут национально сознательными украинцами на территории от Сяна до Дона»¹⁵.

Для многих русских националистов русскость малоросса воспринималась как естественное состояние: «В настоящее время малороссийский крестьянин совершенно не знает слова “малоросс”. Если вы спросите малоросса о его национальном происхождении, он всегда и неизменно отвечает: “Я — русский”. Представление о полном единстве русского народа глубоко внедрилось в умы южнороссов»¹⁶. В 1908 г. в служебной записке министр народного просвещения А. Н. Шварц писал: «Как ни много еще малорусского у астраханских, саратовских, ставропольских, сибирских малороссов, но судьба их

ясна: процесс ассимиляции не может остановиться и не может идти в их пользу»¹⁷.

Процессы ассимиляции затронули также и малороссийское население Дальнего Востока, прибывшее сюда всего несколько десятилетий назад из Украины. «Нигде, кажется, нет такой темноты и национальной несознательности, как у нас на Дальнем Востоке, в Уссурийщине», — писал один из сторонников украинского национального движения в 1911 г. По его мнению, здесь, так же, как и на Украине, украинский крестьянин «по указкам попа, учителя, писаря, переселенческого чиновника, искренне был уверен в том, что он — “русский”, “православный”, только что из “хохлов” или наибольшее — “из малороссов” и язык свой считал “русским”, только — “мужицким”», стремясь в меру потребности «“выправлять” его, когда приходится говорить с кем-то из внешнего мира». Поэтому «разве только отдельные единицы имели какое-нибудь представление о том, какой они национальности и на каком языке говорят»¹⁸.

Несмотря на то, что к началу XX в. украинская идентичность и украинское национальное самосознание только начали проникать в широкие народные массы, уже спустя всего два десятилетия украинский «проект» нашел свое воплощение на государственном уровне в политике «украинизации», которая активно проводилась здесь после Февральской революции и вплоть до середины 1930-х гг. Именно в это время бывшее малороссийское население РСФСР было признано украинским национальным меньшинством, наряду с другими народами, а этноним «малоросс» был заменен этнонимом «украинец».

Государственная политика «украинизации» в РСФСР (1922/23–1932/33 гг.) представляла собой новый большевистский метод национал-строительства, опиравшийся главным образом на административный ресурс советского государства. Советская украинизация являлась мощным фактором, стимулировавшим формирование «украинского» национального самосознания среди малороссийского населения.

Активными сторонниками государственной политики советской украинизации в России выступали сотрудники Украинского бюро Совета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, Отдела Национальностей ВЦИКА, а также сельские учителя, представлявшие формирующуюся новую украинскую интеллигенцию. В одном из дел за 1922 год сохранились проекты циркулярных писем и распоряжений Совнацмена Наркомпроса РСФСР областным

и губернским отделам народного образования по вопросам перевода обучения украинцев, проживающих на территории РСФСР, на украинский язык. В одном из них говорилось: «Необходимость перехода на родной язык обучения в местностях, населенных национальными меньшинствами, (основной принцип советской власти в области соцвоста), встречается вследствие отрицательного отношения, непонимания и даже игнорирования местными органами НКПроса в своем развитии большие препятствия (...) Культурно-просветительные стремления украинского населения считаются шовинизмом, сепаратизмом и пр. Ввиду вышеизложенного НКП считает себя обязанным указать областным и губернским отделам народного образования, в пределах которых живут украинцы (под названием хохлов, малороссов, казаков), на необходимость устранения отрицательного отношения к культурно-просветительным нуждам украинского населения и принять меры к созданию нормально-правильных условий работы»¹⁹.

В одном из директивных писем за 1923 г. заведующий Украинским бюро Совнацмена НКП В. Гадзинский так сформулировал конечную цель украинизации: «В течение нескольких лет наши силы истощатся, и необходимо подготовить для этой этнографической массы украинского крестьянства кадр людей не с отсталой хохлацкой или малороссийской психикой, а боевых, стойких работников, которые, не забывая своего народа, сумели бы его связать кровью с кровью, костью с костью с тем могучим движением современного периода цивилизации, который называется борьбой за коммунизм и оканчивается уничтожением экономического, классового, культурного и национального рабства, которое создает основу будущего, действительно свободного, человека»²⁰.

По словам учительницы Л. М. Василик из Воронежской губернии, ученики богучарской школы украинский язык изучали с охотой, кроме одного человека, который сказал, что «хохлацкой мовы ему не нужно, что и без нее он перейдет в старшую группу». Как пишет в своем докладе Василик, мне его жаль, так как «свидомый украинец» отказываться от своего родного языка не будет. «Я знаю только, — пишет она далее, — что на него имела влияние одна учительница, которая враждебно относится к украинскому языку, называя его “холопским”»²¹.

В сентябре 1925 г. в Нижнее Поволжье был направлен заведующий Центральным украинским бюро Совнацмена НКП П. С. Шафран. По его инициативе при Саратовском и Царицынском губисполкомах были созданы специальные комиссии по изучению украинского

вопроса. Практически во всех населенных пунктах, в которых работали комиссии, местное население высказывалось за необходимость перехода школ и учреждений на украинский язык. В ходе работы комиссия во главе с Шафраном «открыла глаза» губернским властям на то, что «малороссы это и есть украинцы», а, следовательно необходимо проводить украинизацию. На совещании Красноярского волисполкома Саратовской губернии Шафран выступил с докладом, в котором указал, что « украинцы или малороссы являются также национальным меньшинством на территории РСФСР», «тот взгляд, который существует, что украинцы на Украине, ошибочен, и что украинцы живут не только на Украине, но, в частности, и в Саратовской губернии»²².

Данная политика проходила на фоне начавшегося с конца XIX в. процесса формирования украинской нации и украинского национального самосознания. Однако этот процесс был еще очень далек от своего завершения. Политический «проект» общерусской нации, который стал активно продвигаться российской бюрократией еще с середины XIX в., не сошел со сцены даже после победы большевиков и начала осуществления ими политики украинизации в 1920-е гг. Инерция была особенно сильна на территории РСФСР, где местное население, проживавшее в русских губерниях, упорно отказывалось признавать себя «украинцами». Оно именовало себя «хохлами», «малороссами», «перевертнями», «суржиками». Здесь процессы естественной ассимиляции среди малороссов/ «хохлов» проявились ярче всего.

Так, заведующий Сталинградским ГубОНО на вопрос украинского инспектора о дальнейшей судьбе украинизации ответил следующим образом: «Да, сообщу для Вас печальную новость: среди хохлов работы не вести, не нужно хохлов учить на их хохлацком языке». А заведующий Сталинградским Губсовнацменом, злорадствуя, говорил украинскому инспектору: «Вас забьют, даром приехали работать, работы не поведешь, потому что я знаю, что решено провести плебисцит, который похоронит украинскую работу вообще, это не на Украине, и не я с тобой буду вести плебисцит. А книги [на украинском языке], их 6 тысяч или больше, нужно будет продать на базаре, селедку заматывать»²³.

Аналогичная ситуация складывалась и в Курской губернии. Когда летом 1925 г. заведующий подотделом губсовнацмена при Курском ГубОНО товарищ Голубятников, назначенный на эту должность в конце апреля того же года, попытался наладить просветительную работу среди украинского нацменьшинства Курской губернии, то услышал

от инспектора губернского отдела народного образования Яньшина следующее: «Что ты хочешь по всей Курской губернии Хохляндию разводить!»²⁴. В своем письме в Отдел национальностей ВЦИКа Голубятников писал: «Слово “нацмен” казалось им (имеются в виду противники украинизации из руководства Курского ГубОНО. — К.Д.) тем, с чего только можно было посмеяться, и они это делали, и иронизировали, и смеялись на деловые вопросы по работе нацмен»²⁵.

Отказ от украинизации Прохоровской волости Белгородского уезда Курской губернии, где по переписи 1926 г. 49,39% населения числились украинцами, уездные власти объясняли тем, что украинцы эти числятся таковыми только лишь на бумаге, «фактически же все они настолько обрусели и из поколения в поколение настолько свыклись с русской речью, что последняя каждому украинцу стала родной речью, тогда как чисто украинская литературная речь совершенно чужда и непонятна»²⁶. Так же в мае 1930 г. в докладной записке областной комиссии, проводившей проверку выполнения директив о ходе украинизации в ЦЧО, было указано, что нередки случаи, когда граждане, украинцы по происхождению, выносят постановления против проведения украинизации (село Богдановское Новохоперского района) или относятся к этому вопросу с иронией, считая себя суржиками или перевертнями, которые ничего общего не имеют с украинцами²⁷.

Инспектор отдела национальностей ВЦИК Моравский, побывавший с проверкой в Курской губернии в 1925 г., в своей докладной записке отмечал: «Местные работники смотрят недоброжелательно на работу среди нацменьшинств вообще и, в частности, по отношению к украинцам, считая, что “хохлы” более знают русский язык и поэтому выгоднее для них самих учиться и впредь на русском языке»²⁸.

Крестьяне с. Толстый Луг Суджанской волости Курской губернии в принятой ими резолюции об отказе от украинизации сельсоветов указывали, в частности, следующее: «В виду того, что украинский язык совершенно не подходит к нашему местному языку и при переходе на украинский язык внесет много тормоза в работу, от украинизации сельского совета категорически отказаться». Они подчеркивали, что «украинский язык больше подходит галицийскому», а «дети, учащиеся в школе, не только не перенимают этот язык, а даже его не понимают»²⁹.

Когда летом 1926 г. вопрос о проведении украинизации школы обсуждался на сельских сходах в Воронежской губернии, то в ходе

обсуждения многие крестьяне высказывались по поводу того, как они понимают национальный вопрос, как именно они себя идентифицируют — как «украинцы», «хохлы» или «малороссы», на каком языке говорят, на каком языке следует проводить обучение их детей в школе и т. д. В частности, 7 июня 1926 г. уездный уполномоченный Нечепуренко выступал с докладом на сходе Тюниковского сельского общества Верхне-Архангельской волости Новохоперского уезда. В своем выступлении он сказал, что «раньше при капиталистическом строе буржуазия всегда выдвигала на высший пост русь для своих выгодных целей и тем самым каballила нации народов, как-то: украинцев, грузин, армян и т. д.»; «При возрождении соввласти Украина перешла на свой родной язык (...) В настоящее время государство стремиться дать свободу каждой нации, кому какой язык лучше»³⁰. Затем начались прения. Штанько говорил о том, что «нас трудно переиспытать на украинский язык». Таранцов сказал, что это историческое движение, и оно будет идти вперед своим темпом. Пятаченко подчеркнул, что «мы не похожи на великороссов». Сологуб высказался против доводов Таранцова и указал на то, что если начать переходить на украинский язык, то «нас будут обучать по-украински, а это большое затруднение, так как наш советский аппарат еще не очень мощный». Патока высказался в защиту украинизации. По его мнению, с малых лет легче выучить украинский язык. Пятаченко в подтверждение слов Патоки говорит: «Наша гордость, что мы украинцы». Патока утверждает, что при царизме над ними просто издевались, не считали хохла за человека³¹.

10 июня 1926 г. Нечепуренко выступал перед жителями слободы Макогоновой Верхне-Архангельской волости. Он говорил о том, что «старое царское правительство в своих интересах использовало национальную рознь населяющих народностей старой царской России», и всякое недовольство рабочих своими притеснителями оно направляло в русло той или иной национальной розни (как, например, еврейские погромы). «Грамотность в старой России направлена была только на обучение русскому языку, тогда как свой язык, своя культура угнетались. Октябрьская революция, как никто, дала свободное самоопределение национальностям, дав возможность строить свою национальную культуру. В настоящее время Воронежским губисполкомом проводится вот эта широкая разъяснительная кампания. Если волость, состоящая из малороссов, пожелает провести во всех своих местных учреждениях переход на украинский язык, то эта просьба будет удовлетворена».

Затем последовали вопросы к докладчику и прения по докладу. Крестьяне спрашивали Нечепуренко о том, какова цель украинизации; кто будет руководить учреждениями при переходе к их украинизации; будут ли в школах, которые переходят на украинский язык, изучать закон Божий; будут ли подготавливать из местных крестьян советских работников, владеющих украинским языком; не подорожает ли госаппарат при переходе на украинский язык. В ходе прений Неровный обратил внимание на то, что «наше сельское хозяйство довольно бедное, крестьянство только начинает знакомиться с агрономией», а с переходом на украинский язык и вовсе ничего не поймет. Фелезняк сказал, что не стоит отказываться от своего родного языка. «Советское правительство старается соединить народ, родственный по своему языку». Литвищенко утверждал, что «мы — хохлы и правильного украинского литературного языка не поймем»³².

В 1928 г. была опубликована статья Б. Полякова «Проблемы украинизации на Дальнем Востоке РСФСР» (в журнале «Новым шляхом» № 4–5). «Наши малороссы ни в какой украинской культуре и языке не нуждаются, великолепно ассимилируются с старожилами амурцами и другими народностями», — говорили в беседах автору статьи партийные, государственные и общественные деятели разного уровня, которые отказывались проводить политику украинизации в Приморье и Приамурье³³.

Как уже говорилось выше, довольно большая часть населения Кубани также воспринимала свою этническую идентичность как промежуточную между русской и украинской: многие жители черноморских станиц называли себя «хохлами»; «кубанскими хохлами». «Мы все хохлы. Не то русские, не то украинцы»³⁴. В 1931 г. в Краснодаре проводилось обследование предприятий города «на предмет выявления украинцев». По данным обследования рабочие некоторых заводов говорили, что они «кубанские хохлы»³⁵. На Кубани в районах, в которых преобладало украинское по происхождению население, формировался говор с украинской основой; в районах, где русских оказалось больше, — с южнорусской основой. Однако часто даже в пределах одной станицы складывались разные говоры. Так, например, преобладающую часть населения станицы Ново-Рождественской всегда составляли выходцы из южнорусских районов. Но были и выходцы из украинских губерний, которые селились первоначально за рекой, поэтому эта часть станицы долгое время называлась Хохловкой. Украинцы,

жившие в Хохловке, довольно долго сохраняли украинский язык. Но в результате частых смешанных браков русских и украинцев доминирующим оказался русский язык. Уже по данным переписи 1926 г. русские составляли 96,1 % всего населения станицы, а украинцы — 3,6%³⁶.

Даже в 1920-е–1930-е гг., когда на территории РСФСР проводилась политика украинизации, достаточно часто местное население выступало за обучение на родном языке, но не на «украинском», а на понятном ему «хохлацком», «слобожанском», «кубанском», который вполне можно было рассматривать в качестве одного из диалектов русского языка³⁷. Но в таком случае под вопрос ставилась сама необходимость дальнейшей политики украинизации в отношении этого населения.

Тем не менее, в ходе советской украинизации к началу 1930-х гг. в РСФСР была впервые создана государственная украинская школа, украинская печать, формировалась, хотя и с трудом, новая советская интеллигенция из украинцев-селян, государственная власть стала строиться во многом по этнократическому принципу, что нарочито противопоставлялось тем процессам унификации и русификации, которые происходили здесь в рамках Российской империи в начале XX в.

В 1932/33 гг. по инициативе сталинского руководства из-за угрозы распространения украинского национализма на внутренние области России произошел отказ от политики украинизации РСФСР. Существовавшие украинские районы, украинские школы были ликвидированы, делопроизводство и преподавание было вновь переведено на русский язык. С этого времени (и вплоть до конца XX в.) на русско-украинском пограничье возобновился процесс естественной ассимиляции украинского населения, под воздействием административной русификации территории РСФСР начался процесс смены национальной идентичности с украинской на русскую. И хотя в это же время произошло упразднение дореволюционного этнонима «малоросс» и закрепился новый — «украинец», это никоим образом не повлияло на процессы естественной ассимиляции, которые продолжались уже среди «украинцев» РСФСР в течение всего двадцатого столетия, что привело, в конце концов, к почти полному слиянию их с русскими. Так, например, если в середине 1920-х гг. в Воронежской и Курской губерниях насчитывалось около 1,5 млн. украинцев, то в 2010 г. численность украинского населения в Центральном Черноземье

не достигла даже и 100 тыс. человек: в Воронежской области проживало 43054, в Белгородской — 41914 и в Курской — 13643³⁸.

Процесс продолжавшейся трансформации национального самосознания украинских групп населения Центрального Черноземья нашел свое отражение во всех Всесоюзных переписях второй половины XX в. Вот как определяли свою национальную принадлежность потомки украинских переселенцев в некоторых селах Белгородской области в 1960–1970-е гг. «Мы хохлами назывались, а фактически мы русские, потому что живем на территории РСФСР. По-украински читать мы не можем, так как в школе учили русский язык. Когда по телевизору идет Харьковская программа на украинском языке, мы многих слов не понимаем» (Н. Е. Петенко, 1890 г. рожд., с. Березовка). «Теперь все называют себя русскими, и я считаю себя русским, родился в Курской губернии, через 15 км — хутор Казачок Харьковской области, там — украинцы. Точнее, мы — перевертни, не знаем хорошо ни русского, ни украинского языка» (А. Т. Безродный, 1910 г. рожд., с. Березовка). «В официальных документах мы давно пишемся русскими, но вернее мы — хохлы, перевертни. Рядом хутор Лукашовка Сумской области, там — украинцы. Я могу читать украинские книги, но легче мне читать на русском языке. Песни поют у нас и русские, и украинские. Разговор смешанный». (Ф. Е. Головки, 1897 г. рожд., с. Козинка). «Мы пишемся русскими, а 15 км отсюда г. Волчанск, там — украинцы. Мы русские, только — хохлы, перевертни». (Я. В. Безбенко, 1916 г. рожд., с. Архангельское). Одновременно многие информанты из русских сел подчеркивали влияние на их быт и говор украинских этнических особенностей. «Наше село Климово окружают украинские села. Мы с соседями играем одни и те же песни, понимаем их говор, если наша женщина выходит замуж в украинское село, она перенимает их разговор и обычаи. В нашем селе больше хохлацкого духа, чем в русских селах севернее г. Грайворона, те даже москали. Но и в тех селах строят те же беленые хаты, играют одинаковые с нами свадьбы». (И. С. Мальцев, 1893 г. рожд., с. Климово)³⁹.

Аналогичные процессы изменения национального самосознания активно развивались и на юго-западе Воронежской области — в компактной зоне украинских поселений. Так, например, одна из сотрудниц Подгоренского райисполкома 1923 г. рождения сказала следующее: «В нашем районе все население — хохлы, а официально они записывают свою национальность по-разному: одни — украинцами,

другие — русскими. В селе Белогорье большинство населения по происхождению украинское, а пишутся они русскими. Рядом село Сергеевка — почти все записаны украинцами». Киномеханик Сергеевского Дома культуры А. Литвинов, 1955 г. рожд., так выразил свое понимание современной этноязыковой ситуации: «Мы здесь все по паспорту числимся украинцами. В школе у нас обучение на русском языке, и поэтому русские книги нам читать легче, чем украинские. Но в быту — говор украинский, “хохлацкий” и у молодых и у старых (...)»⁴⁰.

Довольно часто в областях Центрального Черноземья встречается также и самоназвание «перевертень», «перевертыш». «Мы не русские и не украинцы, мы перевертни», — можно было услышать еще в 1960–1970-е гг. от жителей старшего поколения. Термин “перевертень” чаще употреблялся в районах дисперсного расселения русских и украинцев, его применяли также в тех случаях, когда затруднялись определить национальность того или иного лица⁴¹.

В 1999 г. в воронежской газете «Берег» (№ 22 от 28 мая) была опубликована статья В. Костыгова и Ю. Петренко «Страна Хохляндия», в которой авторы писали следующее: «Хохлы — часть украинского народа. Но часть своеобразная, необычная. И эта необычность происходит от того, что уже несколько столетий украинцы Черноземья живут бок о бок с русскими, в теснейшем контакте с ними. Правомерен вопрос — а стоит ли узаконивать термин “хохлы”? То, что существует, имеет право так или иначе называться. Раз существуют украинцы Черноземья и многие из них сами себя называют хохлами, это наименование вполне оправданно»⁴².

Схожая ситуация во второй половине XX в. наблюдалась и в других регионах РСФСР, где проживали многочисленные потомки выходцев из Украины, например, на Кубани, в Поволжье и в Сибири. Большой наплыв на Кубань переселенцев из различных районов страны в тридцатые и в послевоенные годы, со значительным преобладанием русских, нахождение региона в составе Российской Федерации еще более усилили сближение русских и украинских групп населения. При определении национальности решающим для жителей Кубанской области стало место рождения или район длительного их проживания. «Мои отец и мать родом с Украины, а я считаю себя русским, так как родился на Кубани; еще называю себя кубанцем; сыны мои русские», — рассказывал И. К. Литвинов, 1874 г. рождения, из станицы Кирпильской. «Я родом из Полтавской

губернии, — рассказывал Г. М. Губенко, 1883 г. рождения, из г. Кореновска. — Отец привез меня на Кубань восьми лет. По паспорту я сейчас пишу русским. Я не считаю себя украинцем, так как много лет живу на Кубани»⁴³.

Традиционная культура Еланско-Терсинского украинского анклава на территории Самойловского района Саратовской области (девять украинских сел численностью около 12 тыс. чел.) стала объектом полевого обследования этнолингвистической экспедиции Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ в 2012–2013 гг. По мнению Е. Е. Левкиевской, жители данного анклава сохраняют локальную идентичность (самоназвание «хохлы») и местный диалект, так называемый “хохлячий язык”: «К механизмам, позволяющим сохранять локальную идентичность, относится поддержание в коллективной памяти поведенческих норм, вещего кода, этических особенностей, противопоставляющих “хохлов” “москалям”. В число таких маркированных элементов могут входить как действительно существующие реалии, в частности обычай носить кожаную обувь (“лапти только москали носили, хохлы лаптей не носили, а носили черевики”), так и декларируемые, но не соблюдаемые нормы (например, некоторые информанты отрицают факт исполнения украинцами частушек, считая их “москальским” жанром, хотя в действительности поют частушки во время застолий)»⁴⁴.

Е. Е. Левкиевская подчеркивает особую роль языкового диалекта, который выступает как символ самоидентификации украинского анклава (наряду с культурной традицией). Не случайно, что одним из важных аспектов локальной самоидентификации местных жителей является осмысление ими границ своего языкового пространства. «Вот хохлы, вот даже у нас ... наша Заселянка, вот эта вот Песчанка и, значить, Еловатка, Олышанка — это вот в основном наши залесяне, ... не то что залесяне, а вот хохлы вот эти вот, по этому говорят... Это вот действительно язык наш — Олышанка, Заселянка. Мы ж це ж так и баемо. А вот дальше там — Святославка, там Николаевка — это уже... Полтавка — это уже их называе москали, это они уже говорят там по-руськи (Володченко О. В., 1957 г.р., с. Заселянка)»⁴⁵.

Аналогичные процессы были зафиксированы и среди украинцев Алтайского края. Согласно полевым материалам современной исследовательницы Е. А. Прохоровой, проводившей в 2013 г. опрос среди жителей с. Романово, в селах Алтайского края переселенцы

из Украины употребляли два этнонима в качестве самоназвания — «хохлы» и «украинцы». (Использование названия «малороссы» в отношении родителей и дедов информантов на территории Алтайского края ею не зафиксировано.) В селах, относящихся к ядру русско-украинской этноконтактной зоны, например, в Романовском районе, переселенцы первые два десятилетия после прихода на территорию Алтайского округа в конце XIX в. продолжали называть себя украинцами. Так, Н. Г. Солод рассказывала: «Чистые украинцы они ведь какие? За Полтавою жили, приехал дед мой в 1883 г., да и мог балакать по украинщине — вот тебе и украинец!» По мнению Прохоровой, основанием для употребления названия «украинец» служила традиционная одежда и питание, но в первую очередь язык, который в то время мало отличался от языка, какой употребляли жители Полтавской, Киевской, Черниговской губерний.

Но уже информанты 1917–1945 гг. рождения, рассказывая о своих родителях, которые родились в начале XX в., употребляют одновременно два этнонима — «украинцы» и «хохлы». Отмечено, что на данном этапе этноним «украинец» использовалось в официальных документах (переписи, похозяйственные книги), а этноним «хохол» — в быту. Основанием для употребления и того и другого этнонима служил украинский язык в его диалектной форме — «хохлацкий». Он, по словам информантов, до 1940-х гг. был более близок украинскому языку⁴⁶.

Информанты, рожденные в 1930–40-е гг., отмечали, что «украинцами» они называют тех, кто приехал с Украины, а родившихся на территории Романовского района зовут «хохлами». Объясняют информанты это тем, что «Украинцы — это и есть Украина, а “хохлы” — они то и жизни той не видывали». По мнению Прохоровой, материалы интервьюирования показывают, что после окончания Великой Отечественной войны «хохлацкий» язык стал больше похож на русский язык: «Тогда все границы слились в одно, вот и балакали, балакали, и вдруг говорить стали».

Рожденные после 1950-х гг. жители с. Романово отмечают, что употребление двух этнонимов сохраняется до настоящего времени. Однако большее распространение в качестве самоназвания получает слово «хохол». «Украинцами» они называют себя все реже и реже. Это подтверждают и статистические данные, отраженные в похозяйственных книгах. Так, в книгах за 1952–1954 гг. 71 % жителей

с. Романово названы «украинцами», в 1973–1975 гг. — 56 %. В 1991–1996 гг. доля украинского населения составила только 30 % от общего числа жителей. «Раньше все писались украинцы, 90-й год пришел и сейчас мы все русские — в России живем, нету украинцев уже». Информанты 1970–1980-х гг. рождения отмечают, что слово «русский» характеризует их национальную принадлежность⁴⁷.

Как полагает Прохорова, этноним «хохол» указывает на самобытность культурных традиций, которые в семьях украинских переселенцев продолжают сохраняться до настоящего времени. При этом этноним «хохол» употребляется в устной речи независимо от того, к какому этносу официально причисляет себя потомок украинских переселенцев — русскому или украинскому: «По национальности я русская, а так вообще хохлушка»; «По паспорту я русский, а вот, когда старше становишься, начинаешь корни свои искать, так вот, в душе хохлом остаюсь». Следовательно, считает Е. А. Прохорова, данные, полученные в ходе исследования, позволяют сделать вывод о том, что этнонимы «украинец» и «хохол», первоначально употреблявшиеся как синонимы, с 1950-х гг. получают разные смысловые оттенки. Этноним «хохол» остается более устойчивым, по сравнению с этнонимом «украинец», в силу того, что в большей степени в представлении населения связан с их современным языком и этнической культурой⁴⁸.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы. На наш взгляд, «хохлы» представляют собой смешанную / переходную / пограничную часть населения между великороссами / русскими и малороссами / украинцами, своеобразный субэтнос⁴⁹. Представляется вполне очевидным, что с середины XIX в. в отношении украинского населения России / РСФСР, на протяжении длительного времени проживавшего среди русского окружения, наряду с официальным этнонимом «малороссы» стал все чаще и чаще употребляться и неофициальный этноним «хохлы». Причем, самоназвание «хохлы» сохранялось на всем протяжении XX в., несмотря даже на то, что в конце 1920-х гг. в ходе активного проведения политики украинизации прежнее название «малороссы» вышло из употребления и было заменено этнонимом «украинцы», который стал официальным названием не только для титульной нации в УССР, но и для национального меньшинства, проживавшего компактной массой на территории РСФСР и других союзных республик. Основой для локальной самоидентификации «хохлов» служат, во-первых, их

диалект — так называемый «хохлячий язык», отличный, как от русского, так и от украинского языка, а, во-вторых, сохранение и воспроизводство культурной традиции, которая противопоставляет «хохлов» «москалям», «кацапам». В связи с этим нам представляется справедливым выделить «хохлов» в отдельный субэтнос, несхожий ни с русскими, ни с украинцами. Вместе с тем, длительный исторический процесс совместного проживания с русским населением в рамках одного государства привел к тому, что среди украинцев России естественная ассимиляция («обрусение») стала необратимой (особенно после прекращения государственной политики украинизации на территории РСФСР в начале 1930-х гг.). А это привело к тому, что уже в конце XX в. их численность резко сократилась, и сегодня в России большая часть украинского по своему происхождению групп населения считает себя русскими и не отделяет себя от русской национальности.

Примечания

¹ Со второй половины XVIII в. после учреждения Слободско-Украинской (затем Харьковской) губернии и преобразования казачьих полков в регулярные гусарские полки в составе Белгородской (затем Курской) губернии осталась лишь небольшая часть территории бывшего Сумского и Ахтырского полков, а в составе Воронежской губернии — вся территория бывшего Острогожского полка. Гораздо позже, в конце XIX в., в некоторых исторических исследованиях (например, Д. И. Багаля) территорию слободских казачьих полков стали именовать Слободской Украиной.

² «Широкое употребление в XVI–XVII вв. названия черкасы по отношению к украинцам Поднепровья — исторический факт. Черкасами называл население Поднепровья Герберштейн, проезжавший через Украину во время своих путешествий в Россию в 1516–1518 гг. и 1526–1527 гг.; правда, он оговаривался, что это “черкасы русские”, т.е. украинцы. Черкасами официально именовались украинцы указанной территории в актах Русского государства, начиная с XVI и вплоть до первой половины XVIII в. При этом в России существовало представление и об определенной, только для них характерной культуре и обычаях — “старочеркасская обыкность”. Дабы не смешивать их с черкасами Кавказа, к названию прибавлялось часто слово “запорожские” (“черкасы запорожские”). Следует при этом указать, что черкасами называли не всех украинцев, как это склонны считать некоторые исследователи. Этническим черкасы никогда не применялись, например, к украинцам Западной Украины, Волыни. Употребление его зафиксировано главным образом в двух значениях и формах: первоначально, узком, относившемся к населению сравнительно ограниченной территории, преимущественно Запорожья (черкасы запорожские) и более позднем, широком, относившемся ко всему населению Среднего Поднепровья и Левобережной Украины (черкасы)». См.: Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половине XIX // Советская этнография. 1982. № 3. С. 104. В своей исследовательской

работе В. Ф. Горленко, анализируя историю возникновения этнонима «черкасы», опирается на суждения многих авторитетных историков первой половины XIX в. Так, он пишет, что историк Д. Н. Бантыш-Каменский отмечал, что в архивных документах «запорожцы и донские фигурируют под именем “черкас”». Н. А. Полевой писал, что «малороссиян называют и черкасами». Украинский историк и этнограф М. А. Максимович возникновение этнонима черкасы связывал с названием города. «Черкасы, — утверждал он, — до гетманства Богданова были главным городом казацкой Украины, по которому и казаки и самая Украина звались у москвитяц “черкасами”». Цит. по: Горленко В. Ф. Указ. соч. С. 101–103. В многотомной «Украинской советской энциклопедии» об этнониме «черкасы» сказано следующее: «Черкасы — название украинских казаков в официальных актах и документах Русского государства во второй половине XVI — первой половине XVII вв. Происхождение названия, вероятно, связано с г. Черкасы, близ которого было в то время немало казацких поселений. После воссоединения Украины с Россией 1654 г. название “черкасы” заменил термин “малороссийские казаки”» (Украинская советская энциклопедия. 2-е изд. Киев, 1974–1085. Т. 12. Функционализм — яшур. Киев, 1985. С. 207).

³ Как справедливо замечает Горленко, по мере изменения политической, социально-экономической и этнической ситуации на юго-западных рубежах Русской державы к XVIII в. «этническое представление» об украинцах изменилось, и термин черкасы исчезает как нечеткий и не принятый украинцами, которые называли себя в XVI–XVII вв. «козаками», «козацким шародом». Вместо термина черкасы к XVIII в. за населением Поднепровья утверждается название «запорожцы», «запорожские казаки» (по топониму «Запорожье»), а за населением воссоединившейся с Россией Левобережной Украины — «малороссияне» или «малороссийские казаки» (по официальному названию этой части Украины — «Малороссия»). (Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы. С. 107). Следует отметить, что авторы фундаментального исследования «Украинцы» рассматривают именно казачество в качестве носителя украинской идентичности. «Самоназвание “казак”, наиболее распространенное в XIV–XVII вв., выступало в качестве не только этнонима, но и символа защитника национальных интересов. Роль казачества во всей социально-политической жизни Украины была настолько велика, а его связи с народом так прочны, что украинцев, судя по документам XVI–XVIII вв., стали называть нацией казаков или “украинской казацкой нацией”, а Украину — “страной казаков”. (“Cosacogium”). Ранее (до XVII в.) за рубежом ее называли “Русью» (Украинцы. М., 2000. С. 20). В указанной книге отмечается, что среди переселенцев на Слобожанщине преобладали украинские казаки («черкасы») и бежавшие от польской шляхты крестьяне, также обычно становившиеся казаками («бо треба було боронити землю від татар»). (Там же. С. 43). В материалах Белгородского стола Разрядного приказа можно обнаружить массу упоминаний о «черкасах»-казаках, которые несли службу по охране границ Московского государства в городах-крепостях Белгородской черты. См., например, следующую запись: «Белгородского полку черкасской (выделено нами. — К.Д.) сумской полковник Герасим Кондратьев “приходец из за Днепра, и со 7166-го [1657/58] году живет в Сумах и полку своего с казаками служил великим государем всякие их государские службы верно безо всякие измены и шатости и ранен тяжелыми рапы. У него ж Герасима большой его сын Иван служил полковую службу и ранен и от ран умре”» (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1031. Л. 388). Первые российские подушные ревизии (I–V) отдельно фиксировали украинское население, которое до 1780-х гг. уплачивало

специальные налоги в пользу государства. В документах украинцы именовались жителями «малороссийской нации», «малороссийской породы», «малороссиянами», «черкасами». Лишь в первой половине XIX в. ревизский учет перестал давать полные сведения об этническом составе населения России, хотя в материалах VI и VII ревизий еще встречаются некоторые сведения об украинцах: в них выделялись такие социально-словные категории, как «малороссийские казаки», «войсковые обыватели», «подданные черкасы» и др. (Украинцы. С. 75).

⁴ Цит. по: *Чижикова Л. Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., Наука, 1988. С. 53.

⁵ *Дренякин А. М.* Белгород с уездом. Харьков, 1882. С. 29–30.

⁶ *Хохол // Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. СПб.–М., 1880–1882. Т. IV: СПб.–М., 1882. С. 563.

⁷ *Познанский Б. С.* Воронежские хохлы // Киевская старина. 1885. Т. XI (апрель). С. 632–634. Познанский Б. С. (1841–1906) — один из видных участников украинского национального движения в 1860-е–1870-е гг., общественный деятель, этнограф, мемуарист. Учился на медицинском факультете Киевского университета, состоял членом украинского просветительского общества «Киевская громада». В 1866 г. был выслан под надзор полиции в Воронежскую губернию. Жил и работал в слободе Бутурлиновка Бобровского уезда, в уездном городе Павловске, а затем поселился в Острогожске. Вел этнографические исследования среди украинцев Воронежской губернии. Печатался в журналах «Основа», «Зоря», «Природа и охота», «Киевская старина», «Вестник Европы». Его очерк «Воронежские хохлы» носит мемуарный характер. В 1913 г. в журнале «Украинская жизнь» были посмертно изданы его «Воспоминания».

⁸ Там же. С. 634.

⁹ *Зеленин Д. К.* Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 141.

¹⁰ *Загоровский В. П.* Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973. С. 123–124.

¹¹ *Марунчак М.* Українці в СССР поза межами УРСР, Вінніпег, 1974. С. 80.

¹² См.: Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 31–32. «В восточных станицах потомков переселенцев из русских губерний называли “кацапами”. Эти определения отчасти еще помнят местные жители старшего поколения. Не менее важно и то, что в отдельных станицах термины “хохол” и “кацап” определяли также сословное положение человека. В некоторых линейных станицах всех иногородних, вне зависимости от их происхождения и говора, называли “хохлами”. В некоторых черноморских станицах, наоборот, всех казаков называли “хохлами” и “иногородних” — “кацапами”. Еще шире употреблялись самоназвания “казак” и “кубанец”. Представители старшего поколения, казаки по происхождению, иногда еще и сейчас на вопрос о его национальной принадлежности отвечают “я кубанец” или “я казак”». (Там же.)

¹³ *Черномаз В. А.* Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 71.

¹⁴ *Чижикова Л. Н.* Русско-украинское пограничье. С. 49.

¹⁵ Цит. по: *Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И.* Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х тт. М., Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 435.

¹⁶ Там же. С. 436.

¹⁷ Цит. по: *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., Новое литературное обозрение, 2008. С. 74.

¹⁸ Цит. по: *Черномаз В. А.* Украинское национальное движение. С. 110–111.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 30. Л. 3–Зоб.

²⁰ Государственный архив Воронежской области (ГА ВО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 675. Л. 46 об – 47.

²¹ Там же. Д. 1244. Л. 16.

²² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 204.

²³ Цит. по: *Шульга И. И.* «Украинский вопрос» и большевицкая власть в Нижнем Поволжье (1923–1933 гг.) // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции. Киев-Москва-Уфа, Изд-во Уфимского филиала МГУ им. М. А. Шолохова, 2010. С. 141.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 265.

²⁵ Там же. Л. 265.

²⁶ Там же. Оп. 122. Д. 55. Л. 159 об.

²⁷ Там же. Оп. 123. Д. 199. Л. 215 об; Л. 67.

²⁸ Там же. Оп. 120. Д. 36. Л. 263.

²⁹ Там же. Л. 231. Вместе с тем документы отражают и противоположную точку зрения селян-украинцев на проблему украинизации в губерниях Центрального Черноземья, многие из которых были ее активными сторонниками. Так, крестьянский сход сл. Заолешенки Суджанской волости в ноябре 1924 г. постановил начать ликвидацию неграмотности своего населения на украинском языке: «В виду того, что население сл. Заолешеньки преимущественно украинцы, просит в самый ближайший срок снабжать ликпункты учебниками на украинском языке и, по возможности, прислать учителя, который бы проводил обучение неграмотных только на украинском языке» (Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 151. Л. 2 об.)

³⁰ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1620. Л. 51.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 52.

³³ Цит. по: *Ковальчук О. О.* Національно-культурне відродження українців на теренах СРСР за межами республіки (кінець 20-х – початок 30-х років ХХ ст.) // Міжнародний науковий форум: соціологія, психологія, педагогіка, менеджмент. Вип. 4. Збірник наукових праць. Київ, 2010. С. 18.

³⁴ *Васильев И. Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, изд-во «Кубанькино», 2010. С. 90.

³⁵ Там же.

³⁶ Кубанские станицы. С. 29–30.

³⁷ Подробнее об этом см.: ГА РФ. Ф. Р.–1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 215 об., 67, 30; Оп. 122. Д. 55. Л. 159 об.; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост.: Гатагова Л. С., Кошелева Л. П., Роговая Л. А. М., 2005. С. 572. Кубанский диалект – типичный диалект южнорусского наречия, однако его нельзя отнести ни к одной известной подгруппе южнорусского наречия: в нем есть свои особенности, которые ясно ощущает местное население, называя его «кубанским языком», «казачьим языком». *Васильев И. Ю.* Указ. соч. С. 38–39.

³⁸ См.: Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 г. Информационные материалы об окончательных итогах переписи. Т. 4. Национальный состав

и владение языками, гражданство. [Электронный ресурс:] http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

³⁹ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. С. 51–52.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 49. Как показало обследование сел русско-украинского пограничья, предпринятое Л. Н. Чижиковой в 1966–1980 гг. на территории Курской, Белгородской и Воронежской областей, процессы изменения национального самосознания ярче были выражены в районах РСФСР, где значительная часть групп населения украинского происхождения к этому времени стала называть себя русскими. (Там же. С. 61–62).

⁴² Костыгов В., Петренко Ю. Страна Хохляндия // Берег. 28 мая 1999 г. № 22. С. 12.

⁴³ См.: Кубанские станицы. С. 33.

⁴⁴ Левкиевская Е. Е. Проблемы описания локальных традиций и возможные методы их изучения (на примере украинского анклава Саратовской обл.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 38–39.

⁴⁵ Там же. С. 40.

⁴⁶ Прохорова Е. А. Употребление этнонимов «хохол» и «украинец» в семьях украинского населения Алтайского края // Ломоносовские чтения на Алтае: материалы международной школы-семинара. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. С. 957–961. [Электронный ресурс:] <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=373>

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ По всей видимости, к этому же выводу приходит и современный российский исследователь этнодемографических процессов С. Я. Суцкий. Он полагает, что в регионах со сложной этнической структурой, например, на Юге России, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими национальными сообществами (русскими и украинцами), а также их многочисленным смешанным потомством, лобовой вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину. В таких регионах «смешанную» биэтническую группу населения, по его мнению, следовало бы выделять в качестве самостоятельной этнокультурной группы. См.: Суцкий С. Я. Украинцы Юга России — демографическая история одного регионального сообщества. Ростов-на-Дону, 2013. С. 27–28.

Е. В. Байдалова
(Москва)

**«Хохол», «малоросс», «украинец»
в ранних романах В. К. Винниченко
(диалогия «По местам!»¹ — «Божки», «Хочу!»)**

В начале XX в. имя Владимира Кирилловича Винниченко (1880–1951) было хорошо известно широкому кругу читателей: он являлся одним из самых популярных украинских писателей того времени. В настоящее время ни одна серьезная монография об украинской литературе прошлого века не выходит без солидной главы о творчестве Винниченко, в то время как еще тридцать лет назад его имя, если упоминалось в такого рода изданиях, то исключительно в негативном освещении, и иначе, чем «идеологом украинского буржуазного национализма»², его называли крайне редко. Причины такого отношения — и в политической позиции писателя (как яркого противника советской власти), и в его творчестве, которое было совершенно не созвучно эпохе социализма. В современной же Украине имя Владимира Кирилловича Винниченко, как пишет один из его биографов, «в первую очередь ассоциируется с независимостью Украины»³.

Реабилитация литературного наследия Винниченко началась в декабре 1987 г., когда в журнале «Киев» были напечатаны девять из его ранних рассказов. Предвестниками этого события стали частые

упоминания имени писателя и политика украинскими общественно-политическими деятелями-сторонниками гласности. Позднее, в декабре 1989 г., в «Киеве» начал публиковаться один из наиболее популярных в свое время романов Винниченко — фантастический роман-антиутопия «Солнечная машина» (1924). После того, как в 1991 г. Украина стала независимым государством, Винниченко, как и многие другие писатели, чье творчество было запрещено изучать в Советском Союзе, вернулся к читателям, как непрофессиональным, так и профессиональным, в более полном объеме. Из спецхранов перевели в общие хранилища многотомные издания его произведений, выпущенные на Украине до 1930-х годов, началась непростая работа по изданию как прежде напечатанных произведений писателя, так и никогда ранее не публиковавшихся. Весомый вклад в эту работу внесли и вносят литературоведы-текстологи, поскольку многие пьесы и романы Винниченко существуют в нескольких редакциях. Однако архив Винниченко до сих пор не возвращен на родину, в рукописях остаются многие его поздние работы, дневники, письма⁴, так что для большинства исследователей все еще недоступны материалы, которые могли бы помочь в создании более объективного представления об этой масштабной фигуре украинской истории и культуры. Необходимо также отметить, что до сих пор не переизданы многие произведения, напечатанные при жизни писателя. Это касается и ранних романов Винниченко, из которых лишь роман «Хочу!» был переиздан в 2002 г.⁵

В конце минувшего века появляются многочисленные исследования жизни и творчества писателя, защищаются кандидатские и докторские диссертации по филологии, истории, политологии, философии, материалом для которых служит творчество Винниченко. Этот научный раздел в филологических исследованиях представляют как работы авторитетных литературоведов, таких как Тамара Гундорова⁶, Владимир Панченко⁷, Галина Сиваченко⁸, Валентина Хархун⁹, Людмила Мороз¹⁰, так и более молодых ученых Галины Баран¹¹, Александра Брайко¹², Ростислава Чопыка¹³ и др. В целом, необходимо отметить, что большая часть литературоведческих и критических исследований посвящена именно мировоззрению Винниченко; а также идейно-тематической составляющей его творчества, в то время как поэтике произведений Винниченко уделяется весьма скудное внимание. Ею занимаются в основном представители более младшего

поколения (В. Хархун, А. Брайко и др.). При этом политическая позиция Винниченко нередко замалчивается, особенно в учебных пособиях. Винниченко — политик, писатель, мыслитель — во всех своих проявлениях принципиальный и непредсказуемый, противоречивый и бескомпромиссный — в первую очередь непросто для восприятия, благодаря своей яркой и во многом парадоксальной биографии, в которой творческая деятельность неотделима от политической. Как политик Винниченко еще более «неудобен» для исследователей: он не устраивал многих, когда был при власти, раздражал, когда власть покинул. Выходец из крестьянской семьи, сумевший поступить в университет, стать одним из основателей Украинской социал-демократической рабочей партии, занять пост главы Директории Украинской Народной Республики, начал свою политическую деятельность почти в одно время с деятельностью литературной. Политическая деятельность украинского писателя получила противоречивые оценки как его, так и наших современников: Винниченко называли то деспотичным правителем, то слабохарактерным романтиком, то борцом с коммунистическим режимом, то сторонником советской власти. Как иронично писал о политическом мышлении Винниченко историк Яков Пеленский, это «внебрачный ребенок Карла Маркса с красивой и темпераментной украинской молодухой»¹⁴. Неоднозначна оценка в современной Украине создания им в эмиграции западной группы Украинской коммунистической партии, попытки его сотрудничества с советской властью, когда Винниченко в 1920 г. приезжал в Москву и фактически согласился занять пост заместителя председателя Совнаркома Украинской Советской Социалистической Республики, от которого отказался через несколько дней, так как его не ввели в состав Политбюро и тем самым, как он считал, лишили реальной возможности влиять на политическую ситуацию на Украине. При этом в настоящее время Винниченко становится символом украинской независимости, поскольку абсолютно бескомпромиссным он был именно в вопросе самостоятельности родной страны, Украины, про которую, по довольно патетичному высказыванию Михаила Наненко, «он не переставал думать ни на миг, во имя которой загубил собственную жизнь, зато в духовную жизнь Украины вписал одну из наиболее ярких страниц»¹⁵. Неудивительно, что художественное творчество этого писателя тесно связано с его политической деятельностью.

Романы Винниченко 1910-х гг. принято называть «ранними». Не все они равноценны с художественной точки зрения. Эти романы получили неоднозначную характеристику современников. По верному замечанию Григория Костюка, «у произведений Винниченко своеобразная история: ими или безоговорочно восхищались, или их также безоговорочно отрицали, ругали и даже порочили»¹⁶. Однако в творчестве писателя они занимают особое место: в это время Винниченко постепенно отказывается от малой прозы, с которой он с успехом вошел в украинскую литературу в начале века, и сосредотачивает свое внимание на драматургии и крупной прозе. Именно жанр романа позволяет автору более свободно воплотить в художественном виде свою находящуюся в стадии формирования идейно-философскую концепцию устройства мира и «переустройства» человека, в которой социальные, национальные и морально-этические начала неразрывно связаны. Существенно и то, что именно в процессе создания романов эта концепция была окончательно сформирована. С 1911 по 1917 гг. Винниченко создал семь романов; затем писатель полностью посвятил себя политике и до вынужденной эмиграции в 1920-х гг. не занимался художественным творчеством. «Новаторские, во многом провокационные романы Винниченко 1910-х гг. отличаются экспериментальность, глубокий психологизм, основанный, как правило, на жизненных парадоксах и противоречиях, поиск нового героя и новых, нетрадиционных для украинской литературы художественных средств»¹⁷.

Три романа раннего периода составляют особую группу. Это диалогия «По местам!» (1913) — «Божки» (1914), а также роман «Хочу!» (1916)¹⁸, — все они (хотя в большей мере диалогия) раскрывают некоторые черты общественно-политической жизни эпохи, которая наступила после поражения революции 1905 г. Главный герой диалогии украинский поэт Вадим Стельмашенко возвращается в родной город из ссылки. Из его дневника мы узнаем, что в Сибири в течение двух лет он находился в полной изоляции от общества: сначала вынужденной (товарищи объявили ему бойкот за отказ жениться на девушке, которая ждала от него ребенка, хотя и обещала Вадиму, что детей от их связи не будет), потом добровольной (он сам уже не желал ни с кем общаться). В результате украинский поэт в ссылке создал собственную философскую концепцию «ничего не чувствования», которую можно назвать теорией абсолютного экзистенциального

индивидуализма. Согласно ей свободным от общественной морали человека делает только способность находиться вне любых чувств. В этом Стельмашенко видит отличие своей идеи от идей Ницше, который, по мысли поэта, не был имморалистом, так как «каждая страница его произведений пылала то гневом, то злостью, то презрением»¹⁹. Сам поэт, как ему кажется, действительно находится «по ту сторону добра и зла», поскольку ничего не чувствует по отношению к людям и абсолютно не зависит от их мнения. Так, например, при общении с семьей Миккульских, «глаза его смотрели просто, ясно, все впитывая, но ни на что не откликаясь»²⁰. Однако и в этом романе, и во второй части дилогии индивидуалистические идеи героя терпят крах, когда Вадиму приходится взаимодействовать с иной общностью — своим родом, своей семьей, к судьбе каждого из которой он не может остаться равнодушным и непричастным. Именно чувство возрождает его к жизни, превращает в человека, способного вновь на безусловную любовь к отцу, матери, брату, сестре, племянникам, а затем и к женщине, детям, «униженным и оскорбленным». Любовь эта становится деятельной: во втором романе Вадим из созерцателя превращается в активного деятеля, который устраивает жизнь не только всех своих близких, но и помогает бастующим рабочим (среди которых, правда, его брат и муж сестры) победить в борьбе против жестокого фабриканта (родного дяди Вадима), жертвуя ради них и любовью, и даже своей собственной свободой. Понятие семейной, родовой общности соотносится у Винниченко с понятием национальной общности. При этом, как и в других своих произведениях, Винниченко высмеивает показной украинский патриотизм тех, кто спекулирует на национальном вопросе: в дилогии многие герои часто и бурно обсуждают «українську справу»; но главный герой всегда остается в стороне от этих вопросов: он просто живет на украинской земле, он украинец и украинский поэт, и в итоге он оказывается среди тех, кто не говорит, но делает.

Национальный вопрос довольно иронично представлен Винниченко в дилогии «По местам!» — «Божки»: Вадим Стельмашенко возвращается из ссылки и сталкивается с тем, что почти все его бывшие товарищи по революционной работе отошли от нее. Вот как объясняет этот факт в прошлом близкий товарищ Стельмашенко по подпольной деятельности, ставший более-менее удачным адвокатом Клим Поддубный: «У нас тут, если хочешь знать, теперь господствует на-

циональный вопрос²¹. Это, брат, тоже идейность и как раз под наше время. Много не стоит, в Сибирь за него не зашлют, а все-таки буд-то и страдалец за правду, за добро, за прогресс»²². Вадим знакомится с разными представителями «национального возрождения»: семьей Микульских-укаинофилов, которые мечутся между общественным долгом поддерживать национальное движение и материальными интересами семьи; представителями движения «Відродженства» Водосвятским (с ним Вадим был знаком раньше) и Савчуком, ищущими исключительно собственной выгоды и лишь прикрывающимися национальным вопросом; фанатиком-Пампушенко, который изображен карикатурным героем, принципиально не читающим ни на каком языке, кроме украинского, и общающимся исключительно с украинцами; миллионером-Скалозубом, выставляющим напоказ свою «европейскость» и подражающим галичанам; болезненно-тщеславным редактором украинского «убогого журнальчика»²³ Ганжулой, пышущим ненавистью ко всем русскому; Иваном Михайловичем Серединским, наивно верящим в то, что все украинское приносит добро и из тактичности читающим всю прессу, выходящую на родном языке, какой бы гадкой она ни была. Галерея таких героев, связанных с национальным возрождением, наглядно демонстрирует явно скептическое отношение Винниченко к быстрому и эффективному решению национального вопроса на современной ему Украине.

Появление романа «Хочу!» во многом связано, как указывает Владимир Панченко²⁴, с многочисленными дискуссиями 1913–1914 гг. по национальному вопросу. Точку зрения, с которой солидаризировался Винниченко, высказал Левко Юркевич в журнале «Дзвін» (одним из основателей которого был писатель). Юркевич писал, что, хоть русские марксисты и признают «необходимость бороться против национальных притеснений, но вместе с тем сами являются участниками этих притеснений; когда выступают против национальных форм рабочего движения подневольных народов»²⁵. Ряд исследователей считает²⁶, что роман «Хочу!» написан как ответ на драму Леси Украинки «Оргия» (1913), в которой поэтесса в аллегорической форме выступила с критикой тех представителей творческой элиты, которые трудятся на ниве не своей национальной культуры, а культуры господствующей. Причем, как написал в своих воспоминаниях муж Леси Украинки Климентий Квитка, «происхождение этой вещи имело непосредственную связь с поведением

Винниченко»²⁷. По-видимому, речь шла о намерении Винниченко, огорченного нелестными рецензиями в украинской прессе и скромными гонорарами на родине, начать писать исключительно по-русски и тем самым перейти в русскую литературу, где его уже ждали контракты на издание новых драм и романов. От этого шага его предостерегал Михаил Коцюбинский: «Я уверен, что если Вы перейдете на российскую почву, то только себе во вред... Писатель (поэт, беллетрист) не может безнаказанно сменить язык: он отомстит. Не сердитесь на меня за откровенно сказанное слово; мне кажется, что я имею право на это как человек, который, может, больше всего ценит Ваш талант и любуется им, как дорогим сокровищем нашего народа»²⁸.

Главный герой романа «Хочу!» с говорящей фамилией Халепа²⁹ — русский поэт среднего уровня, украинец по происхождению, разочаровавшись в жизни и не видя больше в ней смысла, в начале сюжета неудачно стреляется, но остается жив. За раненым в гостинице, где он пытался расквитаться с жизнью, начинают ухаживать соседи-украинцы Сосненко (отец и дочь), открывают ему глаза на его принадлежность к старинному казачьему роду и, заразив его идеей возрождения 35-миллионного украинского народа, уезжают домой³⁰. Через какое-то время в их украинский город приезжает теперь уже начинающий украинский поэт Андрей Халепа с идеей стать настоящим украинцем и преобразовать окружающую действительность в справедливое устройство общества с помощью предприятий «свободного труда», о которых он узнал от умирающего от туберкулеза сына Сосненко Петра. За сердце поэта одновременно сражаются две женщины: настоящая красавица-украинка, привлекающая Халепу своим богатым внутренним миром, и роковая русская красавица из его прошлой богемной жизни, крайне физически соблазнительная для героя. Несмотря на то, что в романе многие события национального «возрождения» поэта изображены проникновенно, с тонким лиризмом (особенно те моменты, когда поэт слушает украинские народные песни в исполнении семьи Сосненко), он вполне иронично изображен как типичный неопит, планы которого обречены на неудачу. По-украински Андрей говорит с трудом, тщательно подбирая слова и делая ошибки, предприятия «свободного труда» не создаются, потому что на их создание нет средств, и даже избавиться от соблазна роковой красавицей не помогают ни гипноз, ни медитация — лишь банальное бегство спасает поэта. Финал романа открыт:

начинается Первая мировая война, Халепа мобилизован в армию, вопрос о его дальнейшей судьбе остается неясен. Такое откровенно игровое, пародийное содержание романа является исключительным для всей романистики Винниченко, хотя и встречается в его малой прозе³¹. В отличие от других ранних романов в романе «Хочу!» Винниченко не использует принцип отражения, зеркальности, структура романа линейна, максимально упрощена. Именно такая конструкция произведения и наличие анти-мотивов (относительно диалогии «По местам!» — «Божки»)³² являются одними из принципиальных средств создания иронического дискурса романа, высмеивания утопических идей быстрого искусственного возрождения национального самосознания личности и социального преобразования мира, не укорененного в родовом начале.

Заслуживает внимания особое употребление «шевченковского текста» в романе «Хочу!». В иронический дискурс произведения «шевченковский текст» и вписывается, и не вписывается. Связан он, безусловно, с темой «национального возрождения» главного героя. В романе существует три типа такого текста. Первый тип — это аллюзии на поэзию Шевченко. Как правило, это упоминание Оксаны, простой крестьянской девочки-девушки, как первой любви, или вишневого садика и вообще вишневых деревьев — все это возникает в сознании Андрея Халепы как воспоминания прошлого, которые как раз подталкивают его к осознанию собственной национальной идентичности: «Со дна памяти встали забытые, заваленные мусором прежней жизни картины отцовского хутора, солнечных, пахнущих вишневым листом дней, первой моей любви к сероокой, скромной Оксане и много всего другого»³³. Таким образом, в этом контексте «шевченковский текст» оказывается уже «записанным» в подсознании героя.

Второй тип — это прямые цитаты из стихотворений Шевченко. Практически все из них, кроме одной, вложены в уста активного деятеля национального возрождения Андрея Степановича Сосенко, персонажа, который вызывает у читателя симпатию, но вместе с тем показанного как фанатика, вся жизнь которого сосредоточилась лишь на одной национальной идее. В этом случае строчки из стихотворений Шевченко становятся готовыми речевыми формулами, для понимания и употребления которых не надо знать всего текста стихотворения великого украинского поэта. Цитаты могут быть обозначены самим персонажем, как цитаты из Шевченко: «Славних

прадів правнук поганий”, как сказал когда-то про таких правнуков наш Шевченко»³⁴, «на нашей, не своей земле, как выразился незабвенный Великий Кобзарь»³⁵, — или употреблены как прецедентный текст. Так, например, в одну из своих самых страстных речей Сосненко включает слова Шевченко без указания на авторство: «Придет время и всех вас народ заставит ответить. Да, да, предатели, народопродавцы, заставит! Не вас, так детей ваших, так внуков ваших. Кровь отомстит! Не удастся вам убить голос крови. Нет, не удастся, заговорит он. Заставит он вас самих себя спросить: “Чиїх батьків, чиї ми діти?” Заставит, малороссы вы, паршивцы, безотцовщина!»³⁶ Комический эффект этой сцены заключается в том, что на эту речь находящегося в аффекте Сосненко Андрей Халепа, чтобы его как-то успокоить, мямлит, что он ничего такого не имел ввиду, что если и есть его вина в чем-то, то целиком не сознательная, тем более, что малороссы и русские, собственно говоря, это один народ... После чего наставляющий Халепу в национальном вопросе в другое время спокойный и обходительный Сосненко чуть ли не хватает его за горло, чтобы задушить и заставить замолчать.

Совершенно особое место в романе занимает эпизод, когда Андрей Халепа читает томик стихов Шевченко. Если в начале эпизода в описании героя преобладает ирония, когда он, еще не читая, кладет томик себе на грудь и замирает в мистическом ожидании чуда, то, по мере чтения стихов, меняется и сам Халепа, и тон, которым он описывается: «Сначала чтение не шло: как-то странно были напечатаны слова, совсем не так, как он помнил их с детства. Наконец он понял, что правописание чем-то отличается от русского, что некоторые буквы, очевидно, нужно было произносить не так, как они произносятся по-русски. Дело сдвинулось с мертвой точки, и через какое-то время он уже не замечал ни букв, ни слов, ни времени, ни пространства. Он часто, не замечая боли, крутил, как раньше, шейю, будто освобождаясь от чего-то; нервно проводил рукой по стулу, не отрывая глаз от книжки, в поисках сигарет; нетерпеливо закуривал и хватался снова за книжку»³⁷. А вскоре до того потерявший смысл жизни Халепа начнет «счастливо улыбаться». Оказывается, что решительный шаг в сторону приближения к своей украинской национальной идентичности главный герой делает не под влиянием пылких речей Сосненко и непонятных ему цитат из Шевченко, а во многом под влиянием настоящей поэзии, с которой он знакомится сам, без посредников.

Таким образом, несмотря на то, что в целом в этом романе иронически изображена возможность быстрого искусственного возрождения национального самосознания личности, реальная возможность такого возрождения строится не на мифологизированном, агитационном, заидеологизированном, разобранном на цитаты Шевченко, а на непосредственном творческом восприятии его поэзии.

Национальный вопрос еще до создания романов 1910-х годов нередко освещался писателем в ироническом ключе. Принципиальной позицией Винниченко была оппозиционность по отношению к предыдущему, «старшему» поколению писателей не только в художественной форме произведений, но и в их идейно-тематическом наполнении и, естественно, в национальном вопросе. Как писал его современник О. Гермайзе, «старое украинофильство давно уже стало архаичным пережитком. На кон активного действия украинской общественной мыслью давно уже выступили новые радикальные элементы. Выдвигая туманный демократизм на народнической основе, эти элементы всю свою энергию направляют на возвышение идеи украинского национального возрождения. Однако вместе с этими радикальными элементами появляются и формируются молодые революционные элементы»³⁸. И далее: «Гринченко и Самойленко сатиричным бичем бичевали украинофилов, Винниченко идет дальше. Он внимательно вглядывается в окружающую украинскую жизнь и внимательным наблюдающим взглядом сатирика-художника отмечает в ней то, что до этого времени лениво воспринималось как определенное национальное достижение, как важное завоевание»³⁹. Одним из ярких примеров иронически изображенного образа «украинца-малоросса» стал антрепренер Гаркун-Задунайский из одноименного рассказа (1903). Имя этого персонажа стало нарицательным и активно использовалось, например, Николаем Хвyleвым в ходе литературной дискуссии 1925–1926 гг. в качестве символа «малороссийства», понимаемого Хвyleвым как провинциальность, зависимость от господствующей (русской) культуры, невозможность создания полноценного национального интеллектуального и культурного продукта. Однако не менее иронично, даже сатирично, изображен Недоторканный из рассказа «Уміркованний» та «щирий» (1907), фанатично выступающий против «малороссов-приспособленцев» и «кацапов», мешающих Украине стать самостоятельным государством. Таким образом, очевидно, что, несмотря на важность

национального вопроса для самого украинского писателя, симпатии его находятся не на стороне «малороссов-приспособленцев» и не на стороне фанатично настроенных «щирых» украинцев.

Поскольку национальный вопрос является одним из наиболее значительных в диалогии и центральным в романе «Хочу!», этнонимы «хохол», «малоросс», «украинец» и производные от них довольно часто употребляются в этих произведениях. Интересно не только их значение, но и частотность употребления. Так, в диалогии «По местам!» — «Божки» «хохол» и производные от него «хохляк», «хохломанство», «хохлатчина», «по-хохлацкому», «хохлацке» употребляются 12 раз; «малорос», «малоросейський», «по-малоросійському», «малоросійські» — 34 раза; «українець», «Україна», «по-українські», «український», «українство», «українофіл», «всеукраїнське», «українізм», «українсьтво», «по-українському» — 146 раз.

В романе «Хочу!» «хохол» и производные от него «хохлушка», «хохлацький», «по-хохлацкому», «хохлатчина» используются в тексте 17 раз; «малорос», «Малоросія», «по-малоросійські», «малоруська» — 31 раз; зато «українець», «Україна», «по-українські», «українська», «українка», «українство», «українофільське» — 122 раза.

Помимо названных этнонимов для обозначения украинцев в романе «Божки» используются также слова «галичанин» и «мазепинец». «Галичанин», а также «Галичина», «галицький», «галицизм», «галичанізм» употребляются в тексте вышеназванного произведения 18 раз — чаще, чем употребляется этноним «хохол». Однако, в тексте романа «галичане» — это совершенно особые представители украинской нации, со своей отдельной историей, своим особым языком, внешним видом и поведением.

Среди «российских украинцев»⁴⁰ в «Божках» к галичанам наблюдается прямо противоположное отношение: одних персонажей они восхищают, другие к ним относятся с презрением. Так, украинец-миллионер Скалозуб «говорил как галичанин, хотя сам был в Галичине раза два и то не очень долго»⁴¹, причем говорил он так и старался по внешнему виду походить на европейца (галичанина) из принципа: так как украинцев считают мужичьей, грубой нацией (как говорят сами крестьяне, когда хотят определить свою национальность, «это русский, а я хахол-мужик. Ми, мужики, не умеем по-барски разговаривать»; то есть по-русски»⁴²), он взял на себя

обязанность всем своим видом показывать, что украинцы — «не только мужики, что есть даже и такие по-европейски одетые, воспитанные люди, говорящие на украинском языке, который хоть и украинский, но не мужичий»⁴³. Иное отношение к галичанам в произведении транслирует Пампущенко, получивший прозвище «Антипод» за свою полную противоположность Скалозубу: насколько украинец-миллионер любил галичан, настолько же Пампущенко их не любил. «"Не українці, а якісь вишкребки", — говорил он с враждебным презрением. — "Ще вчить нас їдуть. Загилить би їх усіх звідділя, щоб аж зашуміли!"»⁴⁴ При этом «Антипод» принципиально одевается по-мужичьи в вышитые сорочки и говорит на чисто крестьянском языке, употребляя даже жаргонные слова, такие как «пошти що», «знаця», «восхищеніє» и др., старательно избегая в своей речи галлицизмов.

Единственный представитель галичан в романе — Сриблук — изображен как поклонник развития национального капитала, который должен стать фундаментом прогресса современной украинской нации. Для Винниченко-социал-демократа это однозначно негативная характеристика персонажа: Сриблук превращается в тающего от умиления человека при одном появлении Скалозуба-миллионера. Однако сами галичане-демократы получают высокую авторскую оценку в романе, отмечается, что они «героично вытягивали массы забитого польской шляхтой крестьянства к культурной, человеческой жизни»⁴⁵, а интеллигенция Галичины, «живя в наиболее трудных, как кажется, во всем мире условиях, могла порождать настоящих героев, подобных героям первого времени российского освободительного движения»⁴⁶.

Определения «мазепинец», «мазепня», «мазепинский», «мазепинство» используются в «Божках» 12 раз и, как правило, звучат из уст черносотенцев или шовинистически настроенных русских. Так, например, люди в масках, ворвавшиеся на благотворительный украинский вечер и устроившие там погром, кричали: «Бей мазепинцев! Ура! Бей мазепню!»⁴⁷, — а племянник главного героя — маленький Зинь — был выгнан «за мазепинство»⁴⁸ учителем-черносотенцем из класса за то, что не знал, как по-русски будет «жменя»⁴⁹, в коридор, где простудился, из-за чего впоследствии тяжело заболел. Таким образом, если в романах Винниченко все остальные этнонимы используются представителями украинского этноса по отношению

к себе как самоназвания, то «мазепинец» используется, как правило, представителями русского этноса, враждебно настроенными к стремлениям украинцев заявить о самостоятельности и отдельности своего этноса от русского.

Вместе с тем, интересно отметить, что этноним «русский» и «российский» и производные от них «Русь», «Росія», «росіяне», «російський», «русифікатор», «руська», «по-руськи» используются в текстах диалогии 60 раз, в романе «Хочу!» 69 раз, в то время как этноним «кацап» и производные от него «кацапщина», «кацапчук», «кацапцкий», «покацапистее», «по-кацапському», «кацапня», «по-кацапські» в диалогии употребляются 15 раз, в романе «Хочу!» — 7 раз и имеют резко негативную окраску. Так, например, глава семьи Сосненко говорит, что не потерпит «кацапщины» в своем доме и что лучше его дочерям совсем не иметь детей, чем иметь их от «кацапчуков»⁵⁰.

Этноним «хохол» и производные от него в диалогии чаще всего употребляются в косвенной речи шовинистически настроенного русского населения. Так, например, представитель украинского национального движения «Возрождение» Водосвятский (изображенный в романе беспринципным человеком, легко отказывающимся от своих прежних взглядов), рассказывая об отношении социал-демократов к представителям украинского движения, говорит: «Да у меня со стыда уши горят, когда я вспоминаю, как они, эти “товарищи” издевались надо мной за мое “хохломанство”. Еще смеют, не учи паршивые, намекать на науку! Сами шовинисты до кончиков ногтей, а нам смеют высказывать. А как же: если хохлы отделятся, великий русский народ не будет уже таким великим»⁵¹. Используют этноним «хохол» в романах и сами украинцы, скептически настроенные по отношению к национальному вопросу. Так, Анатолий Миккульский, которого главным образом заботит благосостояние семьи, а не ее национальная идентичность, с презрением замечает, что книга, которую читает его племянник (сын брата Модеста), тоже «хохлатчина»⁵².

Этноним «малоросс» и производные от него в диалогии чаще всего используются русскими (наряду с понятием «хохол»), причем нередко «малоросс» для них означает деревенский житель. В этой связи показателен разговор в гостинице Вадима Стельмашенко с лакеем, у которого из-под жилетки «по-кацапски свисала вниз розовая рубашка»⁵³.

«— А вы, барин, видно, не из городских? — вдруг доброжелательно и фамильярно усмехнулся парубок.

— А почему вы так думаете?

— Так разговор у вас малороссийский. Правда, теперь везде и по городам заводится мода на это малороссийское. Ну, больше так говорят, кто из деревенских. Вот у нас стоит один батюшка, так тот слова не скажет по-благородному, все это “але” и “що”»⁵⁴.

Различие в употреблении понятий «малоросс» и «украинец» в диалогии самими украинцами, как правило, зависит от того, «сознательный»⁵⁵ (то есть осознающий свою национальную идентичность) или «несознательный» украинец их употребляет. Так, например, родители Николая Водосвятского все время путают эти понятия, стремятся говорить «украинский», но вместо этого говорят «малороссийский» или даже «хохляцкий» и «мазепинский». Отец Водосвятского — Антон Антонович — спрашивает у галичанина Сриблюка про ситуацию в Галичине: «А скажите, пожалуйста, правда ли, что там иначе и не говорят как по-малороссийски, то есть — по-украински? <...> И в гимназиях учат по-мало...то есть — по-украински?»⁵⁶ Далее Антон Антонович, услышав, что его собеседник даже не умеет говорить по-русски, «разошелся и начал рассказывать, как у них в уезде распространилось теперь это малороссийство, то есть — украинство»⁵⁷. В ходе рассказа он восклицает: «Да я сам из чистокровных малороссов!» И далее замечает, что отец его иначе и не умел говорить, как «по-хахляцкому»⁵⁸. В продолжении беседы отец Водосвятского повествует о перерождении земского лекаря: «Человек седой, как голубь, от трех сыновей уже внуки у него, никогда ничем политическим не грешил, на, на старости лет в мазепинцы записался, хе-хе-хе! Таким малороссом, то есть украинцем сделался, что прямо не подступиться. На земских собраниях иначе, чем по-украински, и не желает говорить. Слышать не хочет, когда с ним по-русски говоришь. “Що? Га? Не розумію!»»⁵⁹»⁶⁰. В речи же «сознательных» украинцев четко и последовательно прослеживается употребление этнонима «украинец», который заменяется на «малоросс» или «хохол» лишь в косвенной речи или в разговоре с русскими.

Этноним «хохол» и производные от него, как правило, в тексте романа «Хочу!» употребляются русскими. Так, Андрей Халепа до своего «национального возрождения» считает, что его соседи говорят «на каком-то чудном языке: не то хохлячком, не то польском»⁶¹,

а Лидия — русская богемная красавица — украинок называет исключительно «хохлушками» и предупреждает Андрея, что тот «у хохлов славы не добьется»⁶². В речи русских «хохляцкий» и «малороссийский», «хохлы» и «малороссы» зачастую выступают синонимами: например, Андрей просит старика Сосненко «разговаривать с ним по хохляцки, то есть по-малороссийски»⁶³. Однако почти сразу Андрей, уже понимая, что может задеть национальные чувства Сосненко, поправляется и говорит, что ему самому будет приятно «слышать малороссийский, то есть украинский язык»⁶⁴. Однако из уст украинцев «хохлы» и «хохляцкий» звучат, как правило, лишь в устойчивых выражениях (например, «Мы все упертые, как настоящие хохлы!»⁶⁵).

Употребление понятия «малоросс» различается в тексте романа в зависимости от того, кто его использует: русские или украинцы. Для русских в романе не существует понятия «украинец», вместо него они используют понятие «малоросс», которое, как указывалось выше, иногда заменяется на «хохол». Примечателен разговор между Андреем Халепой и его бывшими близкими знакомыми — столичной богемной молодежью. На ироничное замечание Лидии, что всем надо быть осторожнее в высказываниях, потому что они находятся за границей, Халепа в ответ на недоуменные возгласы поясняет, что «за границей» означает, будто бы украинцы хотят отделиться от России. И далее происходит следующий диалог:

«— Украинцы? Какие украинцы? Малороссы? — удивилась Катя.

Андрусевич снова хотел захихикать, но сдержал себя и наклонил голову к тарелке.

— Ну, малороссы, хохлы... — усмехнулся Халепа.

— Так малороссы хотят отделиться?! Зачем? Вы не смейтесь, я ничего не понимаю»⁶⁶.

Однако в устах украинцев в романе «малоросс» и «украинец» имеют разное значение. Наиболее ярко значение понятия «малоросс» выражено в пылкой речи самого главного энтузиаста «украинской идеи» — старшего Сосненко: «Знаете что такое малоросс? Нет? Паршивец, просто говоря ни то, ни се. Он, видите, по происхождению себе — украинец, по воспитанию — русский, по убеждениям — невежда во всем, что касается родного народа, по нраву — трус, себялюб, раб. Вот это малоросс»⁶⁷. Не отстает в негативной характеристике «малороссов» старшая дочь Сосненко Олена. Когда Халепа говорит ей, что он по происхождению не русский, а малоросс, она отвечает:

«Ну, это почти то же самое! <...> Даже еще хуже...»⁶⁸. То есть малороссом в романе оказывается человек, изменивший своей национальной украинской идентичности.

В романе «Хочу!» национальный вопрос, как уже отмечалось выше, является центральным. По верному замечанию Богдана Пастуха, «нациотворческая специфика романа проявляется, собственно, в том, что так называемое перерождение Халепы происходит после его национального возрождения»⁶⁹. Это так, однако национальный вопрос — принципиально важный для Винниченко как политика — все-таки получает в тексте данного романа ироническое звучание: главный его идеолог (старший Сосненко) изображен в романе, хоть и трогательным, но заиклившимся на национальной идее стариком, способным ради нее разбить семейное счастье собственных детей. Идеи же Андрея Халепы, со страстью неопита принявшего свою новую (давно забытую) национальную (украинскую) и социальную идентичность, не получают развития, так как одного «хотения» (личного индивидуального стремления, онтологически не укорененного) оказывается недостаточно не только для изменения мира, но даже и для изменения себя самого. Однако, несмотря на ироничное отношение автора к возможности стремительного изменения своей национальной идентичности, текст романа и, в первую очередь, различие в употреблении этнонимов «хохол», «малоросс», «украинец» очевидно демонстрируют определенную тенденцию в формировании смыслового различия данных понятий.

Так что нельзя не согласиться с Еленой Юрьевной Борисёнок, что «для многих сторонников «украинской идеи» понятия «украинец» и «малоросс» отнюдь не идентичны»⁷⁰. В подтверждение этому отметим, что в своем мемуарно-публицистическом трехтомнике «Возрождение нации» (1920) Винниченко четко отделяет «сознательных украинцев» от «малороссов», «югороссов», евреев и русских⁷¹, а также пишет об удивлении русских людей, когда «человек, который даже не двигался, когда его истязали, который был похож на русского, который официально называл себя “малороссом” и не отличался от рязанца, когда этот человек, почувствовав, что на нем нет пут, вдруг поднялся и заговорил, закричал, замахал кулаком, начал требовать. И заговорил совсем не по-рязански, даже не по-малороссийски, а по-украински, на том языке, которого “не было, нет и не будет”»⁷².

Примечания

¹ В укр. оригинале «По-свій!».

² Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978. Текст доступен по адресу: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/159058/Винниченко> (дата последнего обращения — 20.04.2015).

³ Балабако О. З Ніцци до Мужена. Від Башкирцевої до Винниченка. Київ, 2007. С. 129.

⁴ Архив Винниченко был сохранен в целостности и не стал собственностью какого-либо государства (хотя Франция, где Винниченко провел последние почти тридцать лет жизни и где умер в 1951 г., хотела стать собственником этого архива) благодаря усилиям первого винниченковед украинского эмигранта Григория Костюка и представителей русской эмиграции, которые помогли сохранить архив на тех условиях, на которых настаивала вдова писателя. В результате, все документы, рукописи, письма, дневники, а также библиотека были завещаны вдовой Винниченко безвозмездно Архиву Русской и Восточно-Европейской Истории и Культуры при Колумбийском университете с условием, что все материалы будут возвращены на Украину, когда она станет свободным и независимым демократическим государством. Однако архив до сих пор остается в США.

⁵ Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Оргія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!» / Упорядник В. Панченко. Київ, 2002.

⁶ Гундорова Т. Проявлення слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація. Львів, 1997.

⁷ Панченко В. Будипок з химерами. Творчість Володимира Винниченка в 1900–1920 рр. у європейському літературному контексті. Кіровоград, 1998; Панченко В. Володимир Винниченко: парадокси долі і творчості. Книга розвідок та мандрівок. Київ, 2004.

⁸ Сиваченко Г. Пророк не своєї Вітчизни. Експатріантський «метароман» Володимира Винниченка: текст і контекст. Київ, 2003.

⁹ Хархун В. Поетика роману В. Винниченка «Записки Кирпатого Мефістофеля». Автореф. дис. ... канд. філол. наук. н. Київ, 2000.

¹⁰ Мороз Л. «Сто рівноцінних правд»: парадокси драматургії В. Винниченка. Київ, 1994.

¹¹ Баран Г. Роман-пантопія В. Винниченка «Сонаячна машина»: проблематика, особливості поетики. Дрогобич, 2001.

¹² Брайко О. Поетика прози Володимира Винниченка 1900–1910-х років. Київ, 2002.

¹³ Чотик Р. Переступний вік. Українське письменство на зламі ХІХ–ХХ ст. Львів; Івано-Франківськ, 1998.

¹⁴ Пеленський Я. Чому так мало думаємо? // Українська літературна газета. 1960. Ч. 4(58), квітень. Цит. по: Панченко В. Володимир Винниченко: парадокси долі і творчості. Київ, 2004. С. 45.

¹⁵ Наєнко М. Художня література України. Від міфів до модерної реальності. Київ, 2008. С. 646.

¹⁶ Костюк Г. Деякі проблеми наукового вивчення В. Винниченка // Сучасність. 1997. № 11. С. 79.

¹⁷ Байдалова Е. В. Політика і поетика, или О роли сюжетных мотивов в романах В. К. Винниченко 1910-х гг. («По местам!», «Божки», «Хочу!») // Славянський альманах. 2013. М., 2014. С. 283.

¹⁸ Подробнее об истории создания дилогии см.: *Байдалова Е.В.* Политика и поэтика.

¹⁹ *Винниченко В.* По-свій! // *Винниченко В.* Твори. У 23 т. Київ, 1924–1928. Т. 18. Київ, 1927. С. 34.

²⁰ Там же. С. 36.

²¹ В тексте романа — «національна справа».

²² *Винниченко В.* Божки // *Винниченко В.* Твори. Т. 19. Київ, 1928. С. 52.

²³ Там же. С. 267.

²⁴ *Панченко В.* «Занадто рано я родився...» (Роман В. Винниченка «Хочу!» на тлі «Відродження нації») // *Дзеркало*. С. 309–311.

²⁵ *Юркевич Л.* Російські марксистки і український робітничий рух // *Дзвін*. 1913. № 7–8. С. 85.

²⁶ См., например: *Бабишкін О.* Драматургія Лесі Українки. Київ, 1963. С. 322–323; *Панченко В.* «Я не буду загрозувати переходом в чужу літературу...» (Загадка генези драматичної поеми Лесі Українки «Орґія») // *Дзеркало*. С. 5–19; *Хархун В.* «Задзеркалля» модерністської літератури, або Текстуальний діалог Лесі Українки з Володимиром Винниченком // *Слово і час*. 2003. № 5. С. 85–87.

²⁷ *Квітка К.* На роковини смерті Лесі Українки // *Спогади про Лесю Українку*. Київ, 1963. С. 234.

²⁸ Цит. по: *Гнідан О.Д., Дем'янівська Л.С.* Володимир Винниченко: Життя, діяльність, творчість. Київ, 1996. С. 68.

²⁹ Беда, напасть, неприятность, передрыга (укр.).

³⁰ Интересно отметить, что толчком к осознанию собственной национальной идентичности для героя становится тот факт, что он узнает о принадлежности своей семьи к знатному казачьему роду. Тот же мотив встречается в дилогии «По местам!» — «Божки»: Миккульский-старший увлекает всю семью (кроме старшего сына Анатолия) идеей «украинства» после того, как ему кто-то сообщает, что его прадед был особой, близкой к гетману Дорошенко.

³¹ См., например, рассказ Винниченко В.К. «Уміркований та щирий».

³² Подр. см. *Байдалова Е.В.* Политика и поэтика.

³³ *Винниченко В.* «Хочу!» // *Дзеркало*. С. 113.

³⁴ Там же. С. 132.

³⁵ Там же. С. 188.

³⁶ Там же. С. 129.

³⁷ Там же. С. 148.

³⁸ *Гермайзе О.* Ранняя творчість Винниченка на тлі громадського життя // *Винниченко В.* Вибрані твори. Київ, 1929. С. 7.

³⁹ Там же. С. 9.

⁴⁰ *Винниченко В.* Божки. С. 245.

⁴¹ Там же. С. 244.

⁴² Там же. С. 245.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 253.

⁴⁵ Там же. С. 246.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 343.

⁴⁸ Там же. С. 177.

- ⁴⁹ Горсть (русск.)
- ⁵⁰ Винниченко В. «Хочу!» // Дзеркало. С. 128.
- ⁵¹ Винниченко В. По-свій. С. 14.
- ⁵² Там же. С. 82.
- ⁵³ Там же. С. 171.
- ⁵⁴ Там же. С. 172.
- ⁵⁵ По-укр. — «свідомий».
- ⁵⁶ Винниченко В. Божки. С. 232.
- ⁵⁷ Там же. С. 233.
- ⁵⁸ Там же. С. 234.
- ⁵⁹ Не понимаю (укр.)
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Винниченко В. «Хочу!» // Дзеркало С. 96.
- ⁶² Там же. С. 166.
- ⁶³ Там же. С. 120.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 138.
- ⁶⁶ Там же. С. 260.
- ⁶⁷ Там же. С. 126.
- ⁶⁸ Там же. С. 145.
- ⁶⁹ Пастух Б. Ранні романи Володимира Винниченка. Львів, 2009. С. 112.
- ⁷⁰ Борисенко Е. Ю. Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. М., 2014. С. 179.
- ⁷¹ Винниченко В. Відродження нації. В трьох частинах. Част. 1. Репринтне відтворення видання 1920 року: Київ, 1990. С. 49.
- ⁷² Там же. С. 63.

*М. Э. Клопова
(Москва)*

Восточная Галиция и ее население на страницах российской прессы (август–сентябрь 1914 г.)*

«Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, Земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России. Да поможет Господь Царственному своему помазаннику Императору НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ. Вся Русь завершить дело Великого князя Ивана Калиты»¹, — такими словами приветствовал Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич начало наступления русской армии в Галиции.

Галицийская битва, начавшаяся 5 (18) августа 1914 г., стала одной из наиболее успешных для России военных операций за все годы Первой мировой войны. В ходе наступления 3-я армия под командованием генерала Н. В. Рузского 21 августа (3 сентября) заняла Львов, 8-я армия под командованием генерала А. А. Брусилова 20 августа (2 сентября) заняла Галич. После тяжелого Городокского сражения в ночь на 30 августа (12 сентября) австрийцы начали отводить свои войска за Сан. К 8 сентября русские войска заняли всю территорию

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а — «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»)

Галиции и начали осаду крепости Перемышль. На фоне катастрофической Восточно-пруссской операции победы в Галиции выглядели еще внушительнее. Они не только изменили стратегическое положение России, но и наполнили сугубо национальным смыслом само ее участие в войне. «Освобождение Червонной Руси», «исконных русских земель», «завершение дела собирания русских земель» — эти слова из воззвания Верховного главнокомандующего нашли отклик в душах многих подданных Российской империи.

При этом для значительной части «читающей публики» в России Галиция, как и другие «русские» земли Австро-Венгрии (Буковина, Угорская Русь), освобождение которых из-под иноземного гнета воспринималось как историческая миссия русской армии, фактически оставались terra incognita. До войны более или менее регулярно о Галиции писали лишь немногие крупные издания, например, «Вестник Европы», «Новое время». Чаще интерес к проблемам этих земель проявляли представители славянофильских общественных кругов: участники Санкт-Петербургского Славянского благотворительного Общества, Галицко-русского общества и т.д. Постоянно к галицийской проблематике обращались авторы журнала «Украинская жизнь». Однако, в целом Галиция оставалась вне поля зрения российских читателей.

Теперь же ситуация изменилась коренным образом: Галиция оказалась в центре внимания всех ведущих изданий Российской империи. Первые публикации отражали настроение, заданное воззванием Николая Николаевича. «Новое время» уже 4 августа опубликовало обращение Карпато-русского освободительного комитета к населению Галиции: «Славное воинство русского царя ступило на галицийскую землю, чтобы принести ее несчастному народу волю и счастье и чтобы принять его в просторный дом одной неразделенной русской родины. Поэтому все русское население Галиции призывается с крестом и хоругвями встречать православное русское воинство, несущее ему веру предков и свободу русского человека на его родной русской земле»². Журнал «Летопись войны», созданный в 1914 г. с целью «отметить беспристрастно все сообщения о великой борьбе России»³, писал: «нет более подъяремной Руси и вовеки не бывать, пока нерушимо стоит на страже свободы славянства столько раз обнажавшая меч в пользу своих меньших братьев великая и могучая Россия»⁴. «Искры» (иллюстрированное приложение к газете «Русская

мысль»), в номере, посвященном завоеванию Галиции, помещая фотографии Львова, сопровождали их такими словами: «... русские воины снова вступили на ту русскую землю у подножия Карпат, которую они оставили еще в 1349 году, истощив силы в неравном споре с Польшей и Литвой. То, о чем грезили целые поколения русских людей, что год назад казалось бы сказкой, сном — наяву совершается на наших глазах»⁵. Акцент на исторической значимости события не раз еще повторялся как в периодической печати, так и в многочисленных изданиях, носивших научно-популярный характер и призванных просветить русское общество относительно прошлого приобретенных земель.

Несмотря на важность события и безусловный энтузиазм общества по поводу занятия русской армией «исконных русских земель» непосредственной информации о ходе боевых действий и о положении дел на занятых землях было крайне мало. Это объяснялось в первую очередь позицией властей, политика которых в вопросе формирования общественного мнения, да и просто информирования российского общества была достаточно пассивной. Фактически она свелась к введению военной цензуры и закрытию всех антиправительственных газет. В сообщении Военного министерства говорилось, что осведомление населения о ходе ведения боевых действий будет вестись в пределах возможного, и «общество должно мириться с краткостью и вероятной скудностью тех сведений, которые ему будут сообщаться»⁶. Несмотря на то, что положение о военных корреспондентах в действующей армии было разработано еще до войны⁷, отношение командования к присутствию на фронтах представителей прессы определялось фразой начальника Генерального штаба Н. Н. Янушкевича: «Корреспонденты в армию допущены не будут»⁸. В августе 1914 г. на передовые позиции хотели отправиться журналисты из «Русских ведомостей», «Нового времени», «Вечернего времени», газеты «Копейка», «Русского слова», но все они получили отказ. Официально в газетах публиковалась лишь информация от Главного управления Генерального Штаба, отличавшаяся сухостью изложения. Ситуация изменилась лишь в конце сентября 1914 г. Издатели и редакторы ведущих российских газет, однако, не были удовлетворены таким положением вещей. Вопреки негативному отношению военных властей к поездкам на линию фронта многие журналисты выехали в Галицию самостоятельно.

Скудость интересующих сведений не могла удовлетворить ни интереса читающей публики, ни профессиональных амбиций издателей и журналистов. Вакуум издания восполняли разными способами. Во многих изданиях перепечатывались публикации из печатных органов военного ведомства, таких как «Русский инвалид», «Армейский вестник», более других информированных о ходе боевых действий. Невозможность отправить на театр военных действий профессиональных журналистов многие издания компенсировали, помещая известия, присылаемые самими участниками событий. В них содержались описания и ход боевых действий («обозначилось наше наступление в Галицию на широком фронте, свыше 200 верст. Наступление идет к западной Галиции. Насколько можно судить по данной обстановке, главнейшей целью наступления должен служить Львов»⁹), так и первые контакты с местным населением («при появлении наших разъездов на австрийской границе русские и галичане торопливо идут навстречу, радушно беседуют»¹⁰). Публикация сообщений таких добровольных корреспондентов на страницах русских газет вызвала негативную реакцию командования, осознавшего важность продуманной информационной политики. Тогда, в конце сентября 1914 г. согласно распоряжению Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в действующую армию были направлены корреспонденты ряда российских и иностранных газет¹¹.

В качестве корреспондентов побывали в местах недавних сражений многие известные представители литературных кругов: М. М. Пришвин, В. Я. Брюсов, А. Н. Толстой, а также профессиональные журналисты. Все они выехали в направлении фронта, не имея официального статуса военного корреспондента, хотя и являлись сотрудниками печатных изданий. Отсутствие легального статуса существенно затрудняло достижение желаемой цели — мест недавних боев. Не сразу удалось пробиться в действующую армию В. Я. Брюсову, отправившемуся на фронт в качестве корреспондента сразу трех изданий: «Русских ведомостей», ярославского «Голоса» и иркутской «Сибири». Брюсов выехал сначала в Варшаву, а уже оттуда — в недавно занятый галицийский город Ярослав. Несмотря на то, что уже в конце августа 1914 г. на страницах газет появились его первые корреспонденции, сам Брюсов жаловался на то, что материала у него недостаточно и что его

не пускают далее к местам сражений¹². А. Н. Толстой присоединился к санитарному поезду Земского союза и вместе с группой врачей и сестер выехал в Галицию. Серия его статей под общим названием «Письма с пути» публиковалась также в «Русских ведомостях», затем, в 1916 г. вышли отдельным изданием под названием «На войне»¹³. Нелегко добирался до фронта и М. М. Пришвин: «у меня было письмо к коменданту Волочиска от одной влиятельной особы, я был уверен, что меня пропустят в Львов по железной дороге»¹⁴. Однако комендант отказался пропускать писателя, ссылаясь на недавние распоряжения. В конце концов Пришвин покинул Волочиск на телеге. Его оказавшийся трудным путь лежал во Львов, через районы, недавно занятые русской армией, он видел, «как теперь там по теплым местам сеют хлеб, и слышал, как говорят нам, приезжим, вместо нашего “здравствуйте” — “слава Богу”»¹⁵. Очерки Пришвина под общим названием «На братскую линию» были опубликованы в газете «Речь». Так же самостоятельно добирался до Львова и корреспондент «Русского слова» А. Саввич (настоящее имя — Александр Саввич Панкратов) которому, однако, удалось доехать до Львова на поезде.

Галиция предстала перед проезжавшими разоренной войной землей. «Видел я поля, покрытые большими ямами от бризантных снарядов, теперь залитые водой; однажды все поле было покрыто озерками, словно большими глазами. Тут люди еще не пахали землю, а только, бродя между озерками, собирали картошку и зывали к нам: “Соли, соли!” — места соляного голода»¹⁶, — писал в очерке «На братскую линию», опубликованном в газете «Речь», М. М. Пришвин: «Впечатление какого-то ужасного стихийного разрушения. Большинство городов и местечек разрушены до основания. Посреди этого ужаса бродят крестьяне, оставшиеся без хлеба и крова. Нужда ужасная», — вторил ему другой корреспондент «Речи»¹⁷.

Среди многих публикаций выделяется серия очерков под общим названием «По завоеванному краю», помещенная на страницах газеты «Русское слово»: Газета, которую называли «фабрикой новостей», оперативно откликнулась на читательский запрос и уже в конце сентября 1914 г. ее корреспондент А. Саввич выехал в Галицию. По дороге он видел разоренные войной города и местечки; сгоревшие железнодорожные станции, жителей, в одночасье оставшихся

без пропитания: «... В стороне группа женщин и детей. Это несчастные русинские семьи. Они приходят сюда из деревни каждый день и просят хлеба. Но никто им ничего не дает. Утром я отправился в город. Это был, видимо, живой, чистенький городок. Множество вывесок говорило о бойкой торговле. Теперь все это сметено. Сгорело много построек»¹⁸. Бедность Галиции отмечали многие очевидцы. В том же «Русском слове» в корреспонденции «Край-мученик» отмечалось, что «деревни имеют захудалый, запущенный вид. Хаты раскиданы как-то клочками. Клочковатые какие-то и крыши изб, часто соломенные. Где черепица; она вся в заплатах, в дырах; шершавая, как шершаво все галицийское крестьянство. У крестьянства Галиции словно мода такая — ходить в заплатах»¹⁹. При этом автор статьи отмечал, что «поля обработаны прекрасно. Земля дает богатые урожаи». Однако не все писавшие о галицийском крестьянине отмечали его бедность. Так, еще один корреспондент «Русского слова» С. Матов (Сергей Саввич Мамонтов) отмечал, что «галицийские крестьяне не имеют того мужицкого вида, который присущ нашим приграничным полякам. Они одеты “по-немецки”, вежливо кланяются офицерским погонам»²⁰. Интересно, что русские солдаты воспринимали галичан скорее как людей зажиточных; о чем писал журналист «Биржевых ведомостей» К. Шумский: «зажиточность местных крестьян вызывает оригинальные замечания со стороны солдат: “земли у них много, надо и нашему народу отдать”»²¹.

Иначе, поэтически, описал свои первые впечатления о Галиции Брюсов: «Страна с неисчерпаемыми естественными богатствами. Знаменитые галицийские леса, со столетними деревьями, иногда подходят к самому шоссе. А таких лесных сокровищ я не видел даже на севере России. Многоводные реки удобны для перегонки плотов. Поля дают превосходный урожай, несмотря на опустошения войны, еще зыблются всюду поля кукурузы выше человеческого роста, видны обширнейшие пространства возделанной земли, хмель свисает с трехсаженных жердей. В Карпатах — залежи разнообразных минералов и ломка великолепного камня. Там же местности и курорты, соперничающие по красоте видов с самыми прославленными уголками Швейцарии, Тироля и Пиренеев. Все это стало теперь русским, принадлежит нам, может и должно обогатить Россию»²². А. Н. Толстой, как и Брюсов, был восхищен красотой местности, хотя и отмечал бедность местного населения: «Русинские селения кажутся

живописными и уютными, но нищета в них теперь убожество несказанные»²³. В поздних очерках Толстой усилил впечатление бедности в галицийских селах: «На севере Галиции — скудная земля, частые дробные деревеньки, убогое забитое население»²⁴.

Почти все корреспонденты российских газет, проехавшие по Галиции, отмечали доброжелательное отношение местного населения к русским. А. Саввич, добираясь до Львова по железной дороге, «попал в товарный вагон. Там уже сидели двое: русский и русин. Они оказались людьми приветливыми и разговорчивыми»²⁵. Русин при этом ругал австрийцев: «Налоги брали большие, а русинам ничем не помогали»²⁶. Говоря об отношении местного населения к России и русским, Брюсов подчеркивал, что «население с открытой душой готово войти в состав народов России. Столько лет русинов угнетали немцы и отчасти местные поляки (составляющие высший слой городского населения), что галичане будут рады даже небольшому, сравнительно, улучшению своего положения»²⁷.

М. М. Пришвин писал: «... то, что встретил на первых порах даже в “мазепинском” краю, меня поразило: так охотно, так просто беседовал со мной этот мазепинец, почти нигде не было войск, даже разъездов, патрулей, и везде было так, будто едешь по родной земле, способной нести крест татарского и всякого ига»²⁸. В этом же очерке Пришвин отмечал, что в разговорах с местными жителями он никогда не слышал «неправильного прилагательного “русинский”, хотя подвозивший его до Львова старый русин пояснил, что понимает “по-русски, я русский... по-российски — нет”»²⁹. При этом Пришвин жителей Галиции называл русинами, а прибывших из Малороссии — хохлами. В своем дневнике он также подчеркнул это различие: «До Тернополя хохол, а после — русин; разговор с ними на волапуке»³⁰.

Вопрос языковой близости русинов Галиции и русского населения Российской империи был одним из наиболее часто поднимаемых в репортажах о Галиции. Брюсов, например, замечал сходство местного наречия с русским языком: «Я, по крайней мере, лучше понимаю галичан, чем понимал украинцев. Сами галичане легко понимают русский разговорный язык»³¹. Описывая общение местных жителей с русскими солдатами он обратил внимание на то, что «простой народ говорил на своем языке, т. е. по-украински. Но, как я уже указывал, благодаря, должно быть, выговору, этот язык был достаточно понятен даже для наших солдат из внутренних губерний. Во всяком

случае, солдаты превосходно договаривались с местными жителями»³². В целом Брюсов был убежден, что «русинский язык много понятнее для русского, чем не только польский, но даже украинский нашей Малороссии»³³. Сходство языка «руських» жителей Галиции с малороссийским было весьма распространено: «Парень говорит типичным малорусским языком, хотя на вопрос, понимает ли он по-русски, отвечает — нет. Конечно, здесь говорят не на русском языке, но на наречии, почти не отличающемся от Подольской губернии, только с большой примесью польских слов»³⁴.

Сравнения галичан с малороссами встречаются на страницах газет достаточно часто. Так, В. Ардов (Владимир Геннадьевич Тардов), журналист «Утра России», делился на ее страницах воспоминаниями о Львове довоенном: «на Рыночной площади [...] можно видеть русский народ. Площадь пестрит тогда “малороссийскими” чумарками, платками, широкими шароварами, плахтами, совсем как где-нибудь в Киеве. Такая же мягкая “хохлацкая” речь, те же типичные усатые “хохлацкие” лица, те же люльки в зубах у “чоловиков”. Это — “русины”; та Прикарпатская Русь, что и составляет собственно народ Галиции, целые века живший “под гнетом Польши”»³⁵. Интересно, что в этой статье названия «украинцы», «русины» и «хохлы» используются как синонимы. А. Н. Толстой население Волыни и Галиции описывал как «хохлов в серых свитках, русинов и поляков»³⁶. «Русины» и «хохлы» на страницах его очерков встречались неоднократно, причем нередко в качестве синонимов, однако почему автор использовал оба этнонима в отношении представителей восточнославянского населения Галиции и различал ли он эти понятия, остается неясным.

Непрерывной темой большинства публикаций этого времени стало описание «зверств противника» — прежде всего разрушений населенных пунктов и мародерства. Это было характерно и для материалов о Галиции. Тот же Брюсов противопоставлял поведение русских солдат и офицеров действиям австрийцев в занятом Ярославле. Прежде всего он отмечал, что сам город не подвергся разрушению: «Ярослав был сдан без боя. Поэтому город не пострадал вовсе. Мы не мстили на нем австрийцам за разрушение Красностава, Замостья, Томашова — не мстили, может быть, и потому, что уже считали Ярослав своим»³⁷. Писал он и о том, что наши солдаты и офицеры всегда расплачиваются за покупки в местных лавках, чего, якобы, не делали австрийцы. Подобные свидетельства приводились в большинстве

публикаций. Однако реальные репрессии, которым подверглись русофилы со стороны австрийских властей с началом войны, освещались сравнительно сдержанно. Наиболее последовательно о трагической судьбе русофилов в Австро-Венгрии писало «Новое время». Его сотрудник, активный участник Галицко-русского общества Дмитрий Вергун задолго до событий 1914 г. привлекал внимание читателей влиятельного издания к положению австрийских русинов. С началом войны он много писал о судьбах как родного края, Галиции, так и своих единомышленников, галицийских русофилов. В конце августа 1914 г. он сообщал в статье «Славянские заметки» о том, что «много видных русских деятелей из Галиции уже освобождены, [...] через Цюрих приходят известия, что в Львовский тюрьме был найден и освобожден известный русский депутат Д. А. Марков»³⁸. Однако эта информация оказалась ложной: Маркова содержали в венской тюрьме до конца войны. «Новое время» неоднократно писало о судьбах арестованных русофилов или же заподозренных в русофильстве: «Еще неизвестна судьба матери и сестры братьев Геровских, которые, счастливо бежав из черновицкой тюрьмы, своим побегом обличили истинное настроение многих австрийских тюремщиков»³⁹. С первых дней войны на страницах газеты публиковались обращения Карпато-русского освободительного комитета, созданного в начале войны галичанами-русофилами (В. Ф. Дудыкевичем, Ю. Я. Яворским) оказавшимися в начале войны в России. Одним из основных источников информации о ситуации в Галиции стала газета «Прикарпатская Русь» — орган пророссийски ориентированной Русско-народной организации в Австро-Венгрии. В начале войны газета прекратила свое издание во Львове⁴⁰, возобновив деятельность в августе 1914 г. в Киеве усилиями Карпато-русского освободительного комитета. Именно на страницах «Прикарпатской Руси» впервые появились сведения о репрессиях австрийских властей по отношению к сторонникам русофильского движения в Галиции: «в момент объявления мобилизации были произведены многочисленные аресты. В Бродях арестовано около 120 человек. Руководители бродской уездной Русской народной организации, бродские мещане Полищук и Носевич расстреляны»⁴¹. Здесь же сообщалось, что «остальные арестованные, в том числе судившийся недавно православный священник И. Гудима, оставались в бродской тюрьме до начала августа. В этот день их должны были отправить в Львовскую тюрьму, но в Броды нагрянул

отряд казаков. Из числа освобожденных пять человек уехали вместе с казаками, остальных же поймали подоспевшие австрийцы. Судьба их, в том числе священника Гудимы, неизвестна»⁴². Эти сведения были перепечатаны «Новым временем»⁴³ и «Русским словом»⁴⁴.

О репрессиях в отношении русофилов написали и «Русские ведомости», также ссылаясь на публикацию в «Прикарпатской Руси». В распоряжении газеты оказались директивы уездных галицийских начальников: «всех арестованных политических, заподозренных в неблагонадежности русофилов, поскольку они еще не преданы военному суду, выслать немедленно в Львовскую тюрьму и арестовать всех, кто только кажется подозрительным». Газета сообщала, что телеграммы содержат сведения об аресте сотен русских, о переполненных тюрьмах, издевательствах над ними⁴⁵.

Если Галиция представляла перед читателями разоренной войной провинцией, то в описаниях Львова, напротив, постоянно подчеркивалось, что город не только не пострадал в ходе боевых действий, но и жизнь его жителей быстро вернулась в мирное русло. Как писала газета «Речь», «после целого ряда блестящих побед русские войска заняли Львов. Австрийская армия не защищала город и наш любимый древний Львов [...] не будет подвергнут ужасам борьбы. Население встретило русские войска с спокойным достоинством и доверием»⁴⁶. «Утро России» перепечатало статью, опубликованную ранее в газете «Киевлянин» с подробностями занятия Львова русской армией: «Австрийские войска покинули город в 12 часов ночи. Ровно через полсуток — в 12 часов дня — вошли русские передовые отряды, тем не менее, в течение ночи городская чернь и окрестное население успели жестоко разграбить город. Убытки от этих грабежей определяются, по меньшей мере, в 10 млн. крон. В первые три дня по занятии города русскими было разрешено продавать вино. Шампанское лилось рекой, но никаких недоразумений на этой почве не было. Польско-еврейское население особенно оценило это отношение русских и проявляет к ним самую искреннюю предупредительность»⁴⁷. Оказавшиеся во Львове в первые дни после занятия его русскими войсками отмечали, что город войной совершенно не затронут: «Даже не верится, что так недавно это было: замерла жизнь в городе, бежали кто мог, грохотали пушки под Львовом, лилась кровь. Оказывается, перед взятием города бежали, главным образом, немцы и мадьяры. Но большинство — славянское население Львова только попряталось во время

бомбардировки... Всего неделя прошла, и словно ничего не было. Ходят трамваи, по вечерам город залит электричеством. А сколько народа на улицах!»⁴⁸. Отмечалось также, что в городе «работает кинематограф». А. Н. Толстой описывал Львов как «богатый, красивый, благоустроенный город, расположенный в котловине. Богатое население покинуло Львов, но все же на улицах много местных жителей, одетые нарядно в польские меховые свитки. Повсюду слышна польская речь»⁴⁹. Толстой отметил, что в основном польское население города относится к русским положительно, хотя встречал он и злые усмешки.

Частыми были сравнения Львова с городами Российской империи: «Если бы меня перенесли сюда с закрытыми глазами и не сказали бы, что это Львов, вряд ли я смог бы представить, что нахожусь в столице только что завоеванной неприятельской провинции. Я бы сказал, что это Варшава или Вильна. На улицах рядом с польскими встречаются новенькие русские вывески. Объясняться приходится на своеобразном жаргоне, который будет уместно назвать славянским эсперанто»⁵⁰. Сравнение с городами западной части Российской империи стало настолько частым, что и император Николай II при посещении Львова весной 1915 г. сравнил его со знакомой ему Варшавой. В целом, ситуация во Львове характеризовалась следующим образом: «С подчинением Галиции русскому владычеству решительно все в Галиции преобразилось. Начиная с внешнего вида станций и кончая штатом служащих; — все приняло русскую внешность, даже не напоминая о недавнем австрийском господстве»⁵¹. О восстановлении порядка в городе писало и «Русское слово»: «Жизнь в Галиции понемногу налаживается: Из различных мест получают известия, что с назначением русских восстанавливается порядок и оживает торговля. Крестьяне приступили к запашке под озимые»⁵². В публикациях не раз подчеркивалось доброжелательное отношение населения города к русской администрации: Сообщалось, например, о том, что «24 августа вечером исполняющий обязанности президента города доктор Рутковский представил русским властям членов муниципалитета»⁵³ и заверил представителей военной комендатуры в своей готовности сотрудничать с русской администрацией города.

Однако внимательный наблюдатель обнаруживал и приметы военного времени. А. Саввич писал: «Вся Львовская жизнь такая странная, необычайная. Наружно, внешне, цельная, а внутри — щели.

Жизнь не остановилась: горит электричество, звенят трамваи, торгуют магазины. Но идет эта жизнь с перебоями»⁵⁴. Его корреспонденции полны интереснейших подробностей жизни Львова в первые недели пребывания в нем русской армии и администрации. Журналист писал об одиночных выстрелах, раздающихся с крыш домов, о сложностях с организацией продовольственного снабжения, о том, как выглядят городские улицы: «Огромные заборы... имеют теперь любопытный вид. Объявления теперь заклеены белыми простынями военных указов и обязательных постановлений на польском и русском языках. Есть частные предостережения "украинцам г. Львова": Просимо всех задержати повный супокой и достоинство»⁵⁵.

Одной из острейших проблем, с которой столкнулась русская администрация города, стал наплыв крестьян из окрестных деревень, чьи хозяйства пострадали в ходе боев. Проблема усугублялась еще и тем, что именно это население снабжало Львов продовольствием в мирное время: «Крестьянское население, питавшее Львов, разорено. Оно бродит голодными толпами около наших интендантских пекарен и Христом Богом просит дать им хлеба»⁵⁶. «Недостаток в съестных припасах. Остро ощущается недостаток соли»⁵⁷, — писал корреспондент «Утра России». От дефицита товаров первой необходимости страдали и приезжавшие во Львов в надежде найти что-либо окрестные жители: «Ежедневно прибывают во Львов из разных местностей галичане-крестьяне, жалающие, главным образом, купить соли и спичек. Крестьяне рассказывают, что из-за недостатка спичек не могут варить пищу. Приходится есть сырую картошку, свеклу и брюкву. В последнее время иссякли запасы керосина во Львове. Склады керосина закрылись. В последнее время во Львов доставляют партии пленных германцев и австрийцев для пересылки в Россию»⁵⁸. Чуть позднее возникла проблема нехватки дров для отопления, население вынуждено было искать топливо в самых неожиданных местах. Русской администрации предстояло решить и вопрос о денежном довольствии для многочисленных австрийских отставных чиновников, проживавших во Львове. О нищете, постигшей местное население, писал и А. Н. Толстой: «Все эти девицы первым делом, голодные, среди них есть и жены австрийских чиновников. Что поделаешь, в квартире бархатные занавески, ковры и прочее, а печи не топлены. Нищета на голову свалилась»⁵⁹.

Приметой войны были и брошенные бежавшими из города жителями, преимущественно поляками, дома, в которых были расквартированы сотрудники русской администрации, офицеры, другие приехавшие из России лица. Одним из них был Илья Львович Толстой, в годы войны сотрудник Красного Креста, прибывший во Львов с санитарным поездом. Квартира, в которой он остановился, принадлежала некоему поляку, вместе с семьей спешно покинувшему Львов. А. Саввич отмечал многочисленные предметы семейного быта: открытый рояль, брошенные детские штанишки. Журналист несколько иронично описывает страх населения перед «варварами», тем более что в роли «варвара» оказался человек, крайне щепетильно относящийся к своему положению: «И. Л. Толстой каждый день беспокойно оглядывает комнаты: “Цели ли вещи? Все ли на своем месте?” Это его забота, его мука. Пропадет что-нибудь, скажут: русские грабители. А узнают, что я тут жил, на весь мир прославят “сын Толстого разграбил квартиру”»⁶⁰. Интересно, что об этом упоминал в своих дневниках и М. М. Пришвин.

На страницах печатных изданий освещались и вопросы взаимоотношения русской администрации и местного населения. В «Утре России» был опубликован материал «Львовские разъяснения», в котором подробно освещались встречи назначенного исполняющим обязанности генерал-губернатора Галиции графа Г. А. Бобринского с представителями различных групп населения Львова. Депутацию русских «... гр. Бобринский призвал приложить все усилия к духовному и материальному объединению Галицкой Руси с остальной Россией. Дело воссоздания Червонной Руси не должно вызывать насильственной ломки»⁶¹. В то же время Бобринский в ходе встречи с представителями львовских поляков «счел полезным точно определить отношению русской власти к полякам в Восточной Галиции»⁶². Отвечая на высказанные Рутковским, президентом Львова, опасения, генерал-губернатор «напомнил полякам, что Восточная Галиция — “искони коренная часть единой Руси великой”, что коренное население в этом крае всегда было русское, и что устройство воссоединенного с Россией края должно основываться на общерусских началах»⁶³. Пресса не оставила без внимания и проблему возвращения галичан-униатов в лоно православной церкви: требовалось «проявлять полную терпимость ко всем вероисповеданиям, не допуская насильственных обращений. Все униаты, желающие перейти

в православие, будут приняты с распростертыми объятиями, но насильственные обращения недопустимы»⁶⁴.

В конце сентября, как уже говорилось, по распоряжению Верховного главнокомандующего в действующую армию были допущены корреспонденты отечественных и зарубежных изданий. Об этом сообщили как центральные российские издания (в частности, «Биржевые ведомости»), так и львовские газеты; русские («Прикарпатская Русь») и польские. Их приезд означал начало нового этапа в информационной политике российского командования.

Таким образом, в подавляющем большинстве первых репортажей, опубликованных в русских газетах в первые месяцы Первой мировой войны, Восточная Галиция и ее столица Львов представляли как край, готовый и даже стремящийся войти состав России. Исторический «русский характер» города служил своего рода гарантией безболезненности и органичности такового вхождения. При этом в большинстве публикаций не говорилось об этническом составе жителей, которые именовались «горожанами» или «жителями Львова». Упоминания о львовских поляках и евреях встречаются относительно редко. Сельское население Восточной Галиции большинство корреспондентов определяло как «русинское». Нередко при этом акцентировали его родство (как этническое, так и языковое) с малороссийским населением Российской империи. При этом журналисты подчеркивали именно родство местного населения с жителями малороссийских губерний, а не их единство. В заметках встречаются этнонимы «хохол», «украинец», «русский», «галичанин» применительно к восточнославянскому населению Галиции, однако определение «русин» на данном хронологическом этапе использовалось чаще всего.

Примечания

¹ Воззвание Великого князя Николая Николаевича, Верховного Главнокомандующего // Летопись войны 1914 года № 1. С. 24.

² От Карпато-русского освободительного комитета // Новое время. 4(17) августа 1914 г.

³ От редакции // Летопись войны 1914 года. № 1. С. 2.

⁴ Обзорение войны // Летопись войны 1914 года. № 3. 6 (19) сентября 1914.

⁵ Червоная Русь // Искры. 31 августа (12 сентября) 1914 г. (№ 34)

⁶ Гужва Д. Г. Военная цензура русской периодической печати в годы Первой мировой войны // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 524–537.

- ⁷ *Бережной А. Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. С. 26.
- ⁸ *Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 133.
- ⁹ Утро России. 6 (19) августа 1914 г.
- ¹⁰ Утро России. 3(16) августа 1914 г.
- ¹¹ *Бережной А. Ф.* Русская легальная печать. С. 26; *Гужва Д. Г.* Военная цензура русской периодической печати. С. 537.
- ¹² *Мурзо Г. В.* В Брюсов — военный корреспондент ярославского «Голоса» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 331.
- ¹³ *Толстой А. Н.* По Галиции // *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч. В 15-ти тт. М., 1946–1953. Т. 3. На войне. Рассказы (1914–1916). М., 1949. С. 43–93.
- ¹⁴ *Пришвин М. М.* На братскую линию // *Пришвин М. М.* Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 гг. СПб., 2004. С. 154.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Речь. 2(15) сентября 1914 г.
- ¹⁸ *А. Саввич.* Картины войны. Рава-Русская // Русское слово. 26 сентября (9 октября) 1914 г.
- ¹⁹ Русское слово. 26 сентября (9 октября) 1914 г.
- ²⁰ Русское слово. 17 (30) сентября 1914 г.
- ²¹ Биржевые ведомости. 5 (18) октября 1914 г.
- ²² *Брюсов В.* В русской Галиции // Голос 1(14) октября 1914 г.
- ²³ *Толстой А. Н.* По Галиции. С. 65.
- ²⁴ Там же. С. 85.
- ²⁵ *А. Саввич.* По завоеванному краю // Русское слово. 25 сентября (7 октября) 1914 г.
- ²⁶ *А. Саввич.* По завоеванному краю // Там же. 26 сентября (8 октября) 1914 г.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Пришвин М. М.* На братскую линию. С. 155.
- ²⁹ Там же. С. 156.
- ³⁰ *Пришвин М. М.* Дневники. 1914–1917. СПб., 2007. С. 99.
- ³¹ *Брюсов В. Я.* Из Варшавы в Ярослав // Русские ведомости. 28 сентября (11 октября) 1914 г.
- ³² Там же.
- ³³ *Брюсов В.* В Русской Галиции // Голос. 1(14) октября 1914 г.
- ³⁴ Утро России. 10 (23) сентября 1914 г.
- ³⁵ Утро России. 23 августа (5 сентября) 1914 г.
- ³⁶ *Толстой А. Н.* По Галиции. С. 20.
- ³⁷ *Брюсов В. Я.* Из Варшавы в Ярослав.
- ³⁸ Новое время. 28 августа (10 сентября) 1914 г.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Орлевич І. В.* Галицьке русофільство підчас Першої світової війни // Вісник Львівської комерційної академії: збірник наукових праць. Львів, 2011. В. 10. С. 235–249.
- ⁴¹ Прикарпатская Русь. 17 (30) августа 1914 г.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Новое время. 2(15) сентября 1914 г. С. 235–249.

- 44 Русское слово. 25 августа (7 сентября) 1914 г.
- 45 В Галиции // Русские ведомости. 28 сентября (11 октября) 1914 г.
- 46 Речь. 26 августа (8 сентября) 1914 г.
- 47 Львов // Утро России. 12 (25) сентября 1914 г.
- 48 Львов // Утро России. 28 августа (10 сентября) 1914 г.
- 49 Толстой А. Н. По Галиции. С. 58.
- 50 Во Львове // Утро России. 11 (24) сентября 1914 г.
- 51 Львов // Утро России. 10 (23) сентября 1914 г.
- 52 Русское слово. 26 сентября (9 октября) 1914 г.
- 53 Русское слово. 2 (15) сентября 1914 г.
- 54 А. Саввич. Во Львове // Русское слово. 25 сентября (8 октября) 1914 г.
- 55 Там же.
- 56 Там же.
- 57 Во Львове // Утро России. 11 (24) сентября 1914 г.
- 58 Русское слово. 29 сентября (12 октября) 1914 г.
- 59 Толстой А. Н. По Галиции. С. 61.
- 60 А. Саввич. Во Львове // Русское слово. 25 сентября (8 октября) 1914 г.
- 61 Львовские разъяснения // Утро России. 17 (30) сентября 1914 г.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 Русское слово. 24 сентября (7 октября) 1914 г.

*Е.А. Прошина
(Москва)*

Этногеографическая терминология польских документов по украинскому вопросу на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.

Верховный Совет союзных и присоединившихся к ним держав подтвердил в своей Декларации от 8 декабря 1919 г., что признает право польского правительства, определенное еще согласно положениям ранее подписанного договора союзников с Польшей от 28 июня 1919 г., организовывать регулярное управление на западных окраинах бывшей Российской империи, включая территорию Восточной Галиции; районы Подолии и Волыни, а также западные районы Белоруссии¹. В декларации подробно описывалось прохождение границы на местности с приложением карты, при этом подчеркивалось, что вопрос о будущей восточной границе Польши еще только предстоит решить, а обозначенная в документе граница является временной, призванной положить конец ситуации политической неопределенности, в которой находилась польская нация.

Данное решение не могло удовлетворить Польшу, рассматривавшую, в частности, Восточную Галицию как часть своей национальной территории. Более того, польское правительство стремилось включить в состав второй Речи Посполитой обширные

литовско-белорусские и украинские земли². Поэтому одной из основных задач польской делегации на Парижской мирной конференции являлось добиться от союзных стран признания права Польши на часть территорий, входивших в состав Речи Посполитой до разделов 1772 г.³

Здесь следует отметить, что главой польской делегации на Парижской мирной делегации являлся Роман Дмовский, лидер национальных демократов⁴. Партия эндеков являлась сторонницей инкорпорационной программы в отношении восточных кресов, как в Польше называли западные окраины Российской империи, предполагавшей непосредственное включение данных земель в состав польского государства.

Польская сторона доказывала, что необходимо не просто восстановить Польшу, но также вернуть польскому народу принадлежащее ему место в семье европейских народов, для чего Польша и должна вернуться к своим историческим границам 1772 г. Разделы Речи Посполитой являлись преступлением, которое должно быть компенсировано возвращением ее бывших территорий на востоке⁵. Принимая решение касательно границ возрожденного польского государства, невозможно не учитывать его тысячелетней истории. Поэтому историческая территория Польши должна братья за основу ее теперешних границ⁶. Однако прошедшие 150 лет со времени разделов не могли не повлиять на нацию, поэтому при принятии решения касательно польских границ также должны учитываться новые реалии.

Проблема определения границ Польши формулировалась на Парижской мирной конференции как польская проблема. Польская делегация старалась доказать, что для ее решения необходимо обращаться не столько к статистике или этнографии, но главным образом к истории. До разделов вся правобережная Украина, за исключением Киева, этнографическая Литва, часть Ливонии, вся Белоруссия принадлежали Речи Посполитой. Более того этот обширный край, включающий Великое Княжество Литовское, Волынь, Подолию и Украину, не был покорен Польшей. Ища защиты от немецкой опасности, он добровольно объединился с Польшей в конце XIV в.

Соответственно, по мнению польской делегации на Парижской мирной конференции, с этого времени в политическом отношении этот край являлся польским. Польская история разворачивалась на этих землях, в течение веков проходило здесь формирование

общей с польской общности, языка, религии и культуры. Находясь под управлением Речи Посполитой, белорусы и украинцы развивались в лоне западной цивилизации. Тогда восточная ветвь «русского народа, москвитяне», в оправдание своих завоевательных походов на запад перенесли общее имя «русские» на название своей страны, Российского государства⁷. Несмотря на русификацию, которой подверглись польские провинции Литвы, Белоруссии, Вольни, Подолии и Украины после разделов Польши, они, тем не менее, продемонстрировали в ходе национальных революций в 1830–1831 гг. и 1863 г. свое желание оставаться вместе с Польшей.

Польские эксперты признавали, что будет трудно провести разделительную линию на востоке между территориями, в большей и меньшей степени подвергшимися влиянию польской цивилизации и с преимущественно польским населением. Также, принимая во внимание то обстоятельство, что Польша должна быть консолидированным национальным государством, она может согласиться на сужение своих восточных границ при условии, что спорные земли будут находиться под управлением Лиги Наций.

Особое внимание следует уделить терминологии, используемой в текстах, подготовленных польскими экспертами для обоснования своей позиции. В частности, в документе «Меморандум о северо-восточной и юго-восточной границах возрожденной Польши»⁸, составленном на английском языке и датированном июнем 1919 г., территории современных Белоруссии и Украины обозначались термином рутенские территории (Ruthenian territories), среди которых польские авторы отдельно выделяли Белую Рутению (White Ruthenia) и собственно Рутению (Ruthenia), которая, в свою очередь, включает в себя Красную Рутению (Red Ruthenia), или Восточную Галицию, Вольнь, Подолию и Украину. Соответственно от понятия Рутения было образовано определение рутенский (Ruthenian) и этноним рутены (The Ruthenians)⁹. Подобная терминология употребляется в документе, составленном польскими экспертами на французском языке, под названием «Восточные границы Польши»¹⁰. Что касается документов на польском языке, то в них термину Рутения соответствует название Русь (Ruś), а жители данных территорий называются руськими (ludność ruska); либо русинами (rusini)¹¹.

К рутенским территориям, по мнению авторов записки, не может быть применен принцип права наций на самоопределение, поскольку

там, собственно, не сложились гомогенные нации. Далее в документе утверждалось, что ни Белая Рутения, ни собственно Рутения не образовывали своих национальных государств, несмотря на множество искажающих факты исследований, появившихся в последнее время, и пытающихся доказать обратное¹². Что же касается двух независимых политических образований, существовавших на рутенских землях, а именно Великого Княжества Киевского, достигшего своего могущества в X и XI вв.; но потерявшего свое значение после монгольского вторжения в XIII в., и Галицко-Владимирского княжества, влиятельного в XIII–XIV вв.¹³, то они ничем не отличались от других подобных им княжеств в Польше, многочисленных во времена феодальной раздробленности периода XII–XIV вв. Эти государственные объединения не просуществовали долго, и с XIV в. с момента включения рутенских земель в польское государство здесь, по мнению польской делегации, разворачивалась польская история.

В исследовании «О восточных границах Польши», подготовленном польскими экспертами на французском языке для Парижской мирной конференции, особая глава посвящена разъяснению того, что следует понимать под названием «Украина»¹⁴. Прежде всего в документе было заявлено, что совершенно неправомерно применять названия «украинцы» для обозначения всего русского народа и «Украина» — для территории его проживания. Несоответствующими исторической правде являются утверждения, что Украина существовала на протяжении столетий как великое единое и независимое государство, которое необходимо восстановить после длительного периода, когда оно находилось под польско-русским господством. Данная теория поддерживалась Германией и Австро-Венгрией и являлась основанием для концепции Восточной Европы, подчиненной немецкому влиянию.

Далее в документе признавался тот факт, что название «Украина» появляется в древнерусских летописях с 1187 г. Однако этот термин не относился собственно к территориям современных Белоруссии и Украины, а использовался как понятие географическое, обозначающее лимитрофные пограничные территории. После вхождения части русских земель в состав польского государства, но не ранее второй половины XVI в., название «Украина» применялось для обозначения военного приграничного региона, без четко очерченных границ на юго-восточных рубежах Речи Посполитой, региона, на земли которого претендовало и Крымского ханство, и вследствие чего

там происходили постоянные вооруженные столкновения между двумя государствами.

Название «Украина» применялось главным образом к трем провинциям: Киевской, Брацлавской, находящейся в восточной Подолии, и Черниговской, которые составляли лишь малую часть всех руських земель, входящих в состав Речи Посполитой. Польские эксперты утверждали, что термин «Украина» никогда не имел официального характера употребления, оставаясь понятием расплывчатым, относящимся к территориям на границах со степью на берегах нижнего Днепра. «Украина» являлась понятием военным и географическим, и не имело этнографического содержания¹⁵.

Для обеспечения украинским или лимитрофным территориям защиту от татар польское правительство образовало из казаков, местного военного населения, небольшую регулярную привилегированную армию. Казаки в 1648 г. под предводительством Богдана Хмельницкого подняли восстание с целью отделить украинские провинции от Польши. Однако они не смогли создать собственного независимого государства и отделились под власть российского государства в 1654 г. Это решение не позволило реализовать план по дальнейшей федерализации Речи Посполитой, предполагавшей превращение трех украинских палатинов в третий автономный субъект федеративной Польско-Литовской республики под именем Великого Княжества Руского, что было предусмотрено Гадячским польско-украинским договором 1658 г. Украина, колеблясь в своем выборе между Польшей и Россией, кончила тем, что была разделена на польскую Украину на правом берегу Днепра и российскую левобережную Украину¹⁶.

К началу XX в. название «Украина», по мнению польской делегации, было произвольно выбрано для обозначения не только вышеперечисленных территорий, но и других руських земель, входящих до разделов в состав польского государства и затем отошедших к Австрийской и Российской империям, а именно Восточной Галиции, Подолии и Волыни. Соответственно, к жителям данных регионов стали применять этноним украинцы, который призван был подчеркнуть отличие местного населения от русского племени.

В меморандуме о северо-восточной и юго-восточной границах возрожденной Польши польские эксперты подчеркивали, что Красная Рутения, или Восточная Галиция, также как Волынь и Подолия не являлись Украиной¹⁷. Крестьяне Волыни и Подолии не называли

себя украинцами. Украина для них — это неопределенная страна без четких границ на востоке от их земель, простирающаяся от р. Дон к Днепру и далее за Днепр. На Украине, как и на других восточных кресах Речи Посполитой в 1919 г., население не было готово к созданию независимого государства, ему было присуще скорее классово-социальное, нежели национальное самосознание¹⁸, которое привлекало их к борьбе за новый социально-экономический порядок. Однако эта борьба носила характер грабежей, опустошающих и разоряющих их собственную страну¹⁹. Жители Рутении, по мнению польской стороны, еще не являлись нацией в политическом смысле слова, по этой причине к этой области не мог быть применен принцип права наций на самоопределение. Следовательно, и требования украинских лидеров расширить территорию страны Украина от р. Саны в Галиции до р. Дона в Южной России, не опирались ни на историю, ни на географию, ни на этнографический характер рутенского населения.

Обширные территории Рутении и Белой Рутении, по мнению польских экспертов, являлись пограничными землями между западной и восточной цивилизациями. Если допустить, что нельзя вернуть границы 1772 г. до разделов, то трудно было бы найти другой принцип для проведения линии демаркации между западом и востоком. Влияние польской цивилизации проникло в самые восточные части данного региона. Этнография также не окажется полезной в вопросе разграничения цивилизаций. Местное население представляло собой сложный этнический сплав, благодаря интенсивной колонизации. Даже русский язык довольно сильно отличался на западе и востоке рутенских земель.

Однако руководствуясь историческим, географическим и этнографическим принципами, представлялось возможным установить различия между западными и восточными регионами Рутении. При этом представлялось возможным создание буферного края, включающего территории бывшей польской Украины²⁰. Следует отметить, что правительство Польши стремилось к тому, чтобы оторвать от России ее западные окраины с тем, чтобы в новой возрожденной России не оказалось украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев и финнов. Далее предполагалось, что молодые государства Литвы, Украины и Белоруссии объединятся с Польшей в федерацию²¹.

Западная часть Белой Рутении и Рутении с городами Гродно, Вильно, Минск, Полоцк, Каменец-Подольский, Проскурров, и вся Красная Рутения, нынешняя Восточная Галиция, по мнению авторов документов, находились под влиянием польской цивилизации, которая превосходила в моральном и других отношениях население земель, лежащих к востоку от нее. По этой причине Польша заявляла свои претензии на данные территории, как интегральные части восстановленного польского государства.

Доказывая принадлежность указанных областей к польскому культурному кругу, делалась ссылка на язык, использовавшийся здесь. Признавалось, что теоретически местное население говорило на языке, относящемся к группе русских языков, но далее подчеркивалось, что он подвергся значительному влиянию со стороны польского языка, что выразилось в многочисленных заимствованиях польских слов. Это привело к тому, что в этих регионах местный язык ближе к польскому, чем к русскому языку.

Тот факт, что большая часть населения на рутенских землях пользовалась местным языком, а не польским, не будет препятствием к тому, чтобы оно успешно интегрировалось и стало частью национального польского государства, поскольку разница языков здесь не являлась указанием на отличную расу или национальность. Этнографический состав населения в Рутении являлся настолько смешанным, что представлялось затруднительным определить национальность местного крестьянина. На близость рутенского населения польской культуре указывало также то, что большинство жителей региона свободно говорило по-польски, и все понимали польский язык в совершенстве²².

Поляки, проживающие в Рутении, являлись, по мнению польских экспертов, такими же автохтонами здешних мест, как и рутены. После монгольского вторжения, превратившего эти земли в пустыню, поляки вместе с другими колонистами русскими, литовцами, москвитянами, валахами заново заселяли местные равнины. Неоднократно впоследствии этот край подвергался опустошительным набегам со стороны татар и украинских казаков, и каждый раз именно поляки восстанавливали порядок и экономическую жизнь здесь. Поэтому, доказывали польские эксперты, поляки имели полное право чувствовать себя дома на рутенских территориях²³.

В документе подчеркивалось интеллектуальное, моральное и национальное превосходство поляков по отношению к своим

руськоговорящим соотечественникам. При этом отвергалось то положение, что поляки на этих землях, представляли господствующий класс землевладельцев и крупных промышленников. Утверждалось, что основная масса поляков принадлежала к крестьянскому и рабочему классу.

Ссылаясь на то, что русская статистика ненадежна, польские эксперты считали, что невозможно назвать точное число поляков, проживающих в Рутении. Официальная статистика Российской империи подавала более низкие цифры количества поляков по сравнению с количеством католиков в Рутении, тогда как, по мнению авторов меморандума, на Волыни, в Подолии и польской Украине все без исключения римо-католики являлись поляками. На основании косвенных расчетов польская сторона насчитала 6 млн 307 тыс. римских католиков в Рутении и Белой Рутении, которые были поляками, либо белорусами, но и последние пользовались польским языком при богослужениях и в школах и, следовательно, считали себя поляками²⁴.

Затем составители документа, ссылаясь на перепись населения, проведенную немцами во время оккупации ими территорий Белоруссии и Украины в 1918 г., заявляли, что во многих районах поляки являлись большинством, а не меньшинством населения. Таким образом, отказывая местному рутенскому населению в праве на реализацию принципа национальностей, польская сторона считала, что правом наций на самоопределение должны воспользоваться миллионы поляков, проживающих восточнее рек Буга и Саны, поскольку последние обладали развитым национальным самосознанием²⁵.

Вновь оценивая политику Российской империи в отношении земель Речи Посполитой, полученных ею по итогам разделов, подчеркивалось, что установленная здесь система подавления и насилия изменила нормальный ход жизни в крае. Так в частности 1 млн 665 тыс. униатов были возвращены в православие еще во времена императрицы Екатерины II, 100 тыс. поляков из мелкой шляхты были депортированы в степи Новороссии и Крыма, проходили конфискации земель поляков, был закрыт Виленский университет, а край подвергся интенсивной русификации²⁶.

Вследствие этого потери, понесенные польской цивилизацией с 1772 г., явились огромными, что в свою очередь вызвало упадок всей культурной жизни в крае. Поляки выполняли цивилизационную миссию на данных территориях, обеспечивали порядок и развитие

интеллектуальной культуры здесь, и поэтому борьба с преобладающим польским началом привела к моральному упадку всего населения. Особенно плачевным являлось состояние низших классов, среди которых повсеместно было распространено варварство и грубость, связанная с их неграмотностью.

Однако в конце XVIII — начале XIX вв. благодаря усилиям поляков под руководством князя Адама Чарторыйского польские школы в Литве и Рутении приобщали народные массы к сокровищам западной цивилизации. Российская же империя не смогла сделать свои западные окраины процветающими, и даже, несмотря на все свои усилия, не преуспела в уничтожении польского духа на этих землях, где поляки остались фактором прогресса и культуры, продолжая выполнять свою цивилизаторскую миссию.

После революции 1917 г., свергнувшей деспотический царский режим и давший дорогу анархии, поляки нашли в себе достаточно сил для возобновления своей цивилизационной миссии. В условиях кровавого хаоса поляки в Литве и Рутении смогли организовать и начали проводить работу по налаживанию нормальной жизни в крае. В 1918 г. было основано более одной тысячи начальных и средних польских школ на Волыни, Подолии и Украине, а также польский университет в Киеве, и это несмотря на препятствия, чинимые украинскими властями²⁷.

Территории Литвы, Белой Рутении и Рутении серьезно пострадали в результате политики, проводимой Российской империей на их территориях на протяжении всех 150 лет. Вред, им нанесенный, может быть возмещен только в случае их воссоединения с Польшей, что позволило бы распространить на них режим свободы и ценности западной цивилизации.

Очевидно, что польская делегация на Парижской мирной конференции намеренно использовала термин «Рутения» и «Белая Рутения» для обозначения территорий западных окраин бывшей Российской империи, входивших в состав Речи Посполитой до ее раздела в 1772 г. Понятие «Рутения», являющееся латинским вариантом слова «Русь», призвано было опровергнуть утверждения украинских деятелей, что рутенские земли являются украинскими землями. Польские представители, приводя исторические и этнографические аргументы, доказывали, что Украина является лишь географическим нечетким понятием, одной из частей Рутении. Политического

же образования с таким названием никогда не существовало. Что же касается украинцев, то местное население Восточной Галиции, Подолии и Волыни с ними себя не идентифицировали. Таким образом, польская делегация в том числе с помощью этнографической терминологии, ссылаясь на неразвитость национального самосознания рутенов, доказывала на Парижской мирной конференции историческое право Польши на земли, находившиеся в пределах восточной границы Речи Посполитой до ее первого раздела 1772 г.

Примечания

- ¹ Archiwum Akt Nowych (AAN). Zespól 40. Sygn.73. K. 3–7.
- ² Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). Warszawa, 1969. S. 5–6.
- ³ Sierpowski S. Polityka zagraniczna Polski międzywojennej // Dzieje narodu i państwa polskiego. T. III / Pod redakcją naukową: J. Buszki, A. Garlickiego. Warszawa, 1994. S. 3.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ AAN. Zespól 40. Sygn. 86. K. 2.
- ⁶ Deruga A. Polityka wschodnia Polski. S. 15–16.
- ⁷ AAN. Zespól 40. Sygn. 86. K. 3–4.
- ⁸ Ibid. K.1.
- ⁹ Ibid. K. 6–7.
- ¹⁰ AAN. Zespól 40. Sygn. 153. K. 19–36.
- ¹¹ AAN. Zespól 45. Sygn. 37. K. 3–20.
- ¹² AAN. Zespól 40. Sygn. 86. K. 3.
- ¹³ Гл. 1. Вместо введения. О задачах книги // Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 16–17.
- ¹⁴ AAN. Zespól 40. Sygn. 153. K. 34–36.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ AAN. Zespól 40. Sygn. 86. K. 7–8.
- ¹⁸ Федевич К.К. Интеграция галицийских украинцев в польское государство в 1920–1930-е гг. Дисс. на соискание степени к.и.н. М., 2005. С. 21.
- ¹⁹ Kossak Z. Pożoga. Kraków, 2010. S. 29–57.
- ²⁰ AAN. Zespól 40. Sygn. 86. K. 8–9.
- ²¹ Deruga A. Polityka wschodnia Polski. S. 18–19.
- ²² AAN. Zespól 40. Sygn. 86. K. 10.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Ibid. K. 11.
- ²⁵ Deruga A. Polityka wschodnia Polski. S. 15–16.
- ²⁶ AAN. Zespól 40. Sygn. 86. K. 12–13.
- ²⁷ Ibid. K. 14–15.

*Ч. Фединец
(Будапешт)*

Славянское население Закарпатья в венгерской политической риторике периода ревизии

Подписанием 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора Центральные державы, среди них и Австро-Венгрия, признали формирующееся украинское государство, но только на территориях, которые раньше входили в состав Российской империи. С целью защиты собственных границ Австро-Венгрия, препятствуя стремлениям к независимости других украинских земель, поддержала возрождение Польши. В это самое время на территории Венгрии правительство Михая Каройи, придавая исключительное значение русинскому вопросу, создало единственную в государстве автономию, которую признала и советская Венгрия. Правительство Шандора Гарбаи даже выступало посредником в вопросе объединения ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики) и УНР (Украинской Народной Республики), чему воспрепятствовали интервенция Советской России и утверждение большевистской власти на территории, названной Советской Украиной¹.

На рубеже 1918–1919 гг. всего за два с половиной месяца было принято три закона об автономии национальных меньшинств в Венгрии: № X «О национальной автономии русинов (рутенгов),

проживающих в Венгрии» от 21 декабря 1918 г., № VI «Об осуществлении прав на самоопределение немцев Венгрии» от 28 января 1919 г. и № XXX «О самоуправлении Словацкого края» от 11 марта 1919 г.² Законопроекты разработало Национальное министерство, возглавляемое Оскаром Яси, но приняты они были — за исключением первого — уже после его отставки без каких-либо шансов на их вступление в силу. В то время словаки уже вошли в состав Чехословацкой Республики, провозглашенной в октябре 1918 г., а с разницей в несколько дней после принятия закона о русинской автономии президент Чехословакии Т. Г. Масарик в новогоднем обращении заявил, что подкарпатские русины присоединятся к Чехословацкой Республике³. Вскоре после этого земли Ужанского комитата попали под юрисдикцию чехословацких военных и началось внедрение чехословацкого административного управления еще за месяцы до подписания Сен-Жерменского мирного договора.

О. Яси считал русинскую автономию особенно важной. В своем письме к Имре Чечи, написанном 20 ноября 1938 г. в Оберлине (США), он отметил: «Автономия русского края имела в моих глазах больше моральное, нежели практическое значение. Видя, что словаки и румыны уже были связаны международными договорами, я хотел заключить соглашение хотя бы с самой слабой стороной, чтобы засвидетельствовать серьезные и честные намерения народной республики касательно национального самоуправления. Ведь тогда при подписании мирного договора мы могли бы показать Антанте, что серьезно относимся к своим обещаниям и можем решить проблемы в пределах старых границ. Конечно, я знал и то, что наше расчленение тогда уже было предпринято»⁴.

Закон № X состоял из десяти параграфов и уже в названии указывал, что «русинской (рутенской) нации, живущей в Венгрии», гарантируется автономия, а в § 10 шла речь о «русинской политической нации». В законе О. Яси — в отличие от предыдущей традиции — вместо латинского этнонима «рутены» последовательно используется славянское «русины», что можно считать неким жестом доброй воли, признанием «славянскости» русинов и отказом от их насильственной мадьяризации.

Коммунисты, придя к власти в Венгрии, уже в Постановлении № XXVI от 2 апреля 1919 г. — так называемой временной конституции — обратились к вопросу о национальных меньшинствах.

В конституции, принятой Венгерской Советской Республикой 23 июня и вступившей в силу 28 июня, речь идет о «всех нациях», живущих в государстве, а отдельные права предусмотрены для немцев и русинов: «Округа, где большинство составляют немцы и русины, Конституция Советской Республики признает немецким и русинским национальными округами» (§ 87)⁵.

После смены власти министром по вопросам нацменьшинств в новом правительстве стал Якоб Блеер, проработавший на этом посту вплоть до расформирования министерства⁶. На заседании правительства 19 августа 1919 г. он заявил, что «не является сторонником территориальной автономии [...] но права национальных меньшинств надо зафиксировать постановлением правительства». На этом же заседании Блеер представил постановление о равных правах меньшинств, опубликованное несколькими днями позже 21 августа (постановление № 4 044 канцелярии премьер-министра от 1919 г.). Министр убеждал, что постановление «в некоторых аспектах делает более реалистичным закон о национальностях 1868 г.», а также заявил, что не воспринимает и не «включает» в постановление то, что в законе Яси меньшинства названы «нациями»⁷. В этот период однозначным является возвращение к этнониму «рутены».

На протяжении нескольких месяцев после подписания Трианонского мирного договора рутенский вопрос был часто обсуждаемой темой. На заседании правительства 12 июня 1920 г. министр иностранных дел Пал Телеки ссылаясь на экономические доводы (как и позднее, осенью 1938 г.): «Как известно, урожая зерновых, выращенного на рутенских землях, недостаточно для покрытия нужд местного населения. Как следствие, и об этом сообщают достоверные источники, население Верховины имеет серьезные продовольственные трудности [...] На торговые пути, ведущие к равнинной Венгрии, и на возможность с их помощью обеспечить продовольственные запросы рутенского населения, максимальное внимание обратилось бы в том случае, если венгерское правительство построило вдоль венгерско-рутенской границы, определенной в мирном договоре, продовольственные и зерновые склады. На этих складах население за сильную плату смогло бы приобрести в первую очередь кукурузу и сало. Если чешское правительство воспрепятствует покупке продуктов питания на складах, население несомненно будет этим возмущено. Таким образом, цель акции будет достигнута». Министр был

убежден: «Несомненно, акция усилила бы историческую приверженность рутенского народа к Венгрии, стала бы эффективным противовесом чешской агитации и повлияла бы на позицию, которую рутенское население имеет касательно автономии»⁸.

Показательно, что даже на заседании правительства, где ратифицировались положения Трианонского мирного договора, обсуждался «рутенский» вопрос. Вот повестка дня от 13 ноября 1920 г., где председательствовал Пал Телеки: ратификация Трианонского мирного договора, дело Русского края и — при таких обстоятельствах — отставка правительства (последнюю регент Миклош Хорти не принял)⁹.

«Самый несправедливый мир» Версальской системы — Трианонский мирный договор — обесценил все предыдущие внешнеполитические усилия Венгрии и, начиная с этого момента, политика Венгрии была подчинена единственной цели — ревизионизму. С этим был связан и вопрос Закарпатья. На международной арене Венгрия искала союзников для политики реванша. В 1920-х гг. против Версальской системы выступила Италия, а с начала 1930-х гг. — Германия. Поворот в германской дипломатии стал особенно заметным после прихода к власти в 1933 г. Адольфа Гитлера. После подписания советско-французского договора в 1935 г. и заключения Антикоминтерновского пакта в 1936 г. в Европе и мире снова начали формироваться два противостоящих больших блока. В 1936 г. немецкие отряды вступили на территорию рейнской демилитаризованной зоны, а Гитлер в том же году выбрал новую цель: Австрию и Чехословакию.

После Мюнхенского соглашения, параллельно с предоставлением автономии словакам, 11 октября в Подкарпатской Руси было создано автономное правительство во главе с Андреем Броди. В соответствии с приложениями к Мюнхенским соглашениям на венгерско-чехословацких переговорах в Комарно 9–13 октября 1938 г. уже присутствовал представитель Подкарпатской Руси. После безуспешных переговоров в Комарно, 2 ноября 1938 г. Германия и Италия в Вене приняли решение о пересмотре государственной границы между Словакией и Венгрией на этнической основе. Согласно решениям Первого Венского арбитража венгерская армия вошла 9 ноября в Берегово, а 10 ноября — в Мукачево и Ужгород. Правительство Подкарпатской Руси переехало из Ужгорода в Хуст.

Записи в дневнике известного общественного деятеля того времени Василия Гренджи-Донского между 1 и 9 ноября позволяют

представить, что пережил близкий к правительству человек в период эвакуации из Ужгорода и дороги в Хуст: 1 ноября: никто не знает, как Венский арбитраж закончится; но одно точно, что линия Чоп-Берегово-Вилок потеряна. Председатель береговской Просвиты Василий Гримут прибыл в Ужгород: куда эвакуировать, как и чем? А бежать должен, поскольку береговские венгры «смертью грозят». 2 ноября: в канцелярии смонтировали радиоприемник, чтобы ловить вести «вражеской пропаганды» и побыстрее услышать об исторических решениях. Голос венгерского диктора пессимистический, что дает надежду. Наконец по радио выступил премьер-министр Бела Имреди. Гренджа-Донский докладывает об услышанном министру Юлиану Реваи. После этого они вместе слушают новости пражского радио. За закрытыми дверями Реваи и генерал Олег Сватек советуются, куда эвакуировать столицу.

3 ноября: цены сразу очень выросли. За один грузовой автомобиль в Чехию экспедитор требовал сумму, за которую раньше можно было купить небольшой домик. Крестьяне с близлежащих сел, преимущественно венгры, злоупотребляют несчастным положением украинских служащих, приходят и за бесценок покупают вещи и мебель. Часть дорогой мебели в канцелярии некоторые служащие разбивают на куски топором или выносят во двор, обливают бензином и сжигают. В городе полный запрет на продажу алкоголя. Но венгры пьют, собираются в группы и бродят по городу.

4 ноября: к министру Реваи пришла венгерская делегация, чтобы для поддержания порядка разрешил венграм организовать Венгерскую Гарду [Гвардию], а также разрешить венграм свободно носить кокарды в их национальных цветах. Разрешение они получили, но ношение оружия для Гарды запрещено. Грустно, что некоторые из русинов также ходят по городу с венгерскими кокардами на груди.

5 ноября: двое венгров напали на солдата в городе, а тот выхватил свой кинжал и заколол одного из них. Виновника не нашли. Такого бы не случилось, если бы ситуация настолько не накалилась. Правительство хочет эвакуировать также типографию, а венгры препятствуют, говоря, что это государственная (а значит венгерская) собственность.

6 ноября: телефонировали с Праги, что возвращается Волошин; члены правительства просили, чтобы не возвращался в Ужгород, а прямо в Хуст, поскольку город теперь для него небезопасен.

Причина: позорное выступление по венгерскому радио земляка Александра Бонкало, который заявил, что если бы не Волошин, «северно-восточная Венгрия» (так венгры называют Карпатскую Украину) уже бы принадлежала короне св. Иштвана (Стефана).

7 ноября: ценою невероятных усилий удалось найти грузовик, чтобы вывезти библиотеку Просвиты в Хуст; студенты грузят книги, когда прибыли сторонники Броди и Фенцика и напали на юношей, чтобы воспрепятствовать вывозу имущества с Ужгорода.

8 ноября: Гренджа-Донский выезжает в Хуст; едет через Мукачево, которое уже не Мукачево, а Мункач, грязный город; напоминает восток, жители в большинстве евреи; зашел в один ресторан, но официантка венгерка не хочет с ним говорить по-украински; Берегово тоже уже Берегсас.

9 ноября: Гренджа-Донский удивляется, что министр Бачинский разговаривает не по-украински, а сельским говором. Волошин рассказал, что лично разговаривал с Риббентропом, который сказал: 20 лет назад вы потеряли Украину, а теперь вам жаль двух городов. Ответ Волошина: засучим рукава и будем работать дальше¹⁰.

В ходе переговоров в Комарно Венгрия в качестве переговорной стороны рассматривала лишь Словакию, а для Подкарпатъя требовала референдум, с чем согласился и премьер-министр Броди¹¹. 21 октября Первая украинская центральная народная рада в своем воззвании протестует против концепции Броди, согласно которой Подкарпатъя вернется под юрисдикцию Венгрии путем референдума. В подготовке воззвания принял участие будущий премьер-министр Августин Волошин, но лично его не подписал, поскольку считал, что для него как члена правительства Броди это неэтично¹². 26 октября Броди был задержан и обвинен в измене родине, а чехословацкое правительство вместе с ним отправило в отставку и министра Иштвана Фенцика.

До назначения премьер-министром Броди был председателем Автономного земледельческого союза. Эта партия уже во времена предыдущего председателя Ивана Куртяка регулярно получала материальную поддержку от венгерского правительства взамен на лояльность к политике Венгрии и постоянную поддержку требований автономии¹³. В секретном отчете от 24 ноября 1934 г., составленном для венгерского премьер-министра Д. Гёмбёша, ситуация оценивалась так: «Со смертью рутенского депутата с Хуста Ивана Куртяка

[2 января 1933 г. — Ч. Ф.] идея присоединения к Венгрии среди рутенского народа ослабла. На “рутенской земле” существуют три движения. 1. “Православное великорусское движение”. Им управляют “православные священники” и “русские эмигранты”. Они объединяют молодежь в военно-патриотическую организацию наподобие нашей “Левенте”*, а среди руководителей много бывших царских офицеров. Их главная цель — присоединение к России. 2. “Украинское — малорусское движение”. Больше всего распространено среди интеллигенции и студентов. Цель — объединить всех “малороссов” в едином независимом украинском государстве. 3. “Коммунистическое движение”, наиболее распространено среди бедных слоев населения [...] В случае проведения в будущем референдума население, симпатизирующее Венгрии, может оказаться в меньшинстве»¹⁴. Броди до конца открыто отстаивал идею ревизионизма; еще в апреле 1933 г. в своем заявлении он отметил: «Мы, русины [...] желаем пересмотра границ, потому что никогда не откажемся от долины Тисы и Марамарошсигета**». У нас нет причин нападать на венгров, венгерскую культуру, поскольку в Подкарпатской Руси они так же борются за реализацию прав автономии, как и мы»¹⁵. На посту премьер-министра Броди последовательно придерживался своей позиции и считал, что решение о будущем края нужно принять на референдуме.

Назначение Броди на пост премьер-министра не стало неожиданностью; ведь в период между двумя мировыми войнами его партия на всех парламентских выборах добивалась хороших результатов¹⁶. Его связь с Венгрией была давно известна, но его отставку в первую очередь обусловило публичное требование референдума, включенное в программу правительства: в решении, принятом на третьем, последнем, заседании правительства, говорилось, что территория края «единая» и «неделимая», а о его присоединении нужно принять решение путем референдума. Требования А. Броди вписывались в венгерскую пропаганду, усилившуюся после Мюнхена. Идея референдума была неприемлема ни для Праги, ни для представителей украинского движения. Последние через Юлиана Ревай предупреждали министра иностранных дел Чехословакии Франтишека Хвалковского о связях

* «Левенте» — движение, ставившее целью организацию обязательной военной подготовки среди молодежи.

** Марамарошсигет — совр. Сигету-Мармацией в Румынии.

Броди с Венгрией, предполагали, что он имеет отношение к инцидентам на границе (подрывной деятельности нерегулярных войск, т. н. Гвардии оборванцев), а также обвиняли Броди, что он ничего не делает для прекращения этих провокаций¹⁷.

Преемником Броди стал Августин Волошин, который идее политического русинства противопоставил идею единства карпатского автохтонного славянского населения с этническими украинцами. Чехословацкая демократия способствовала развитию гражданского общества, политического плюрализма, реализации национальных интересов, но при этом исключала возможность автономии. Обеспечив плюралистическую демократию и экономический рост, начиная с конца 1920-х годов, чехословацкая государственность стремилась к централизации. Но именно промедление с автономией привело к радикализации политической жизни; усилению оппозиционных к правительству сил, что проявилось уже на парламентских выборах 1935 г.¹⁸ Усиление украинского национального движения шло вразрез с чехословацкими государственными интересами. В период правительства Волошина усилившееся украинское влияние значительно осложнило отношения между Хустом и Прагой. В середине марта 1939 г. еще до введения венгерской армии между Карпатской Сечью и чехословацкой армией возник вооруженный конфликт, что окончательно сделало невозможным их совместные действия против наступления венгерских войск. Советский Союз осудил расчленение Чехословакии Германией и Венгрией, но позже, при согласии немецкого руководства, оккупировал Галичину¹⁹.

Августин Волошин в составе делегации Йозефа Тисо лично присутствовал 2 ноября в Бельведерском дворце Вены, где были оглашены результаты Первого Венского арбитража. Для карпатоукраинского правительства Волошина эти решения стали шоком, но оно надеялось, что таким образом Германия и Италия выступят гарантами, а Венгрия будет соблюдать новые границы Подкарпатья²⁰. В отношении Подкарпатья Венгрию не удовлетворял принцип этнического ревизионизма, т. е. возвращение лишь тех территорий, на которых проживали венгры. Было очевидно: она не сможет требовать оставшуюся часть региона, не заселенную венграми, ссылаясь на этнический принцип. Один из руководителей венгерской делегации на переговорах в Комарно П. Телеки (с 16 февраля 1939 г. — премьер-министр) после ноября 1938 г. считал, что доказать великим

держavam необходимость присоединения остальных земель можно не историческими доводами (тысячелетняя совместная жизнь русинов и венгров, не предоставленная чехами автономия, топоним «самой верной нации»), но «модерными» экономическими и политическими, географическими аргументами, которые корректируют односторонность этнического формирования границ²¹.

Современная венгерская историография, описывая тогдашние изменения границ Венгрии, использует термин «законы ревизии». В данных законах²² № XXXIV «Объединение возвращенных территорий Фелвидека* с Венгерской Святой Коронай» от 1938 г., № VI «Объединение возвращенных территорий Подкарпатья с Венгерской Святой Коронай» от 1939 г., № XXVI «Объединение освобожденных из-под власти румынского режима и возвращенных восточных и трансильванских территорий с Венгерской Святой Коронай» от 1940 г., № XX «Объединение занятых и возвращенных территорий Делвидека** с Венгерской Святой Коронай» от 1941 г. — Фелвидек, Закарпатье, Восточная Венгрия и Трансильвания (область в современной Румынии), а также Делвидек — это «оторванные территории», часть которых вследствие Венского арбитража была «объединена с государством» мирным путем («возвращена»), а часть возвращена вследствие военной операции («оккупирована»). Этническая принадлежность жителей регионов ни в одном законе не учитывалась, но звучат мотивы кровных связей и верности родине, которые одинаково могут касаться и венгров, и не венгров.

Протоколы правительства свидетельствуют, что принятие постановлений, касающихся названных территорий, началось до их «возвращения». На заседании 27 октября, кроме обсуждения венгерско-чехословацкого обмена нотами «на предмет возвращения территорий Фелвидека, заселенных венграми», были приняты решения

* Фелвидек (венг. *Felvidék*, дословно — «Верхний Край») — области на севере и северо-востоке Венгерского королевства, по Трианонскому мирному договору переданные Чехословакии (из них, собственно была создана Словакия). Часто не вполне точно отождествляется с Верхней Венгрией (венг. *Felső Magyarország*) — исторической областью на тех же территориях, восходящей к военно-административному округу периода войн с Османской империей XVI–XVII вв.

** Делвидек (венг. *Délvidék*, дословно — «Южный Край») — области на юге Венгерского королевства — прежде всего Воеводина), по Трианонскому мирному договору переданные Югославии.

о выделении аванса в размере 200 тыс. пенге* «без предварительной статьи в бюджете» «для финансового обеспечения организации гражданской администрации на освобожденных территориях Фелвидека», а также для оплаты «выполняющих работу государственных служащих» на «территориях, находящихся под руководством военной администрации». ²³ А 28 октября обсуждался вопрос обеспечения учебниками «территорий, что будут освобождены из-под чешской оккупации», ведь на этих землях «в первую очередь среди культурных вопросов надо решить вопрос с учебниками. К этому нужно подготовиться уже сейчас, чтобы необходимую замену учебников можно было произвести незамедлительно, сразу после возвращения этих территорий», учитывая, что «с заменой учебников связаны жизненно важные национальные интересы» ²⁴. Начиная с 3 ноября, обсуждались и решались вопросы «освобожденных» и «возвращенных» территорий. На заседании правительства 3 ноября был заслушан министр иностранных дел Калман Канья и министр по вопросам религии и образования Пал Телеки об арбитраже, состоявшемся накануне. Также присутствующие были ознакомлены с содержанием Первого Венского арбитража, с вопросами созданных комиссий.

Канья среди прочего рассказал, что «после решения министр иностранных дел Чехословакии Франтишек Хвалковский попросил, чтобы при подписании присутствовали премьер-министр Йозеф Тисо и премьер-министр Подкарпатья. Но министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп посчитал это излишним и не согласился». Затем, со слов Канья, обсуждался вопрос «занятия присужденных нам территорий», в связи с чем начальник Генштаба Генрик Верт проинформировал о «порядке вступления войск» ²⁵.

Вопрос русинского Подкарпатья рассматривается отдельно от венгерского Фелвидека, начиная с заседания правительства 8 октября 1938 г. На этом заседании премьер-министр Бейла Имреди в секретном докладе сообщил, что «организация акции в Подкарпатье поручена директору Венгерского телеграфного агентства, министру внутренних дел в отставке Миклошу Козме» ²⁶. На закрытом внеочередном заседании 21 ноября обсуждалась ситуация с «возвращенными северно-восточными территориями» и «пограничным Подкарпатьем — русинским государством». Министр иностранных дел Калман

* Пенге — денежная единица Венгрии в период с 1 января 1927 по 31 июля 1946 г.

Канья в частности заявил, что «касательно Подкарпатья — русинского государства мы предлагали и просили о референдуме [...] Все наши информаторы до сих пор утверждали, что 90% местного населения поддерживает нас и выступает за присоединение к Венгрии как автономной территории». Заседание правительства по этому вопросу с участием начальника Генштаба Генрика Верта «объявляется конфиденциальным и его содержание в протокол вноситься не будет»²⁷. 25 ноября Канья снова отметил, что «русинская ситуация» — это не венгерско-польская, а германо-польская проблема: польские регулярные войска вмешиваться не будут, но параллельно с Гвардией оборванцев польские добровольческие отряды примут участие в дестабилизации подкарпатской ситуации, — поскольку Германия планирует поднять «целый комплекс германо-польских проблем (вопрос Гданьска, инициирование акции с целью “создания самостоятельного украинского государства” и т. д.)»²⁸. 3 декабря госсекретарь Тибор Потоки докладывал: «Из разных источников поступают сообщения, что на русинских территориях, возвращенных Венгрии, в среде заинтересованных русинов неудовлетворение вызывает то обстоятельство, что в разных государственных службах, учреждениях и школах на службе было оставлено очень мало чиновников русинского происхождения. Много жалоб поступает также в связи с выселением»²⁹.

В украинской научной литературе считается, что первое нападение Гвардии оборванцев произошло на рассвете с 9 на 10 октября возле Боржавы³⁰. Гренджа-Донский в своем дневнике 11 октября писал: «Вчера, в 4 часа утра, в нашей стране появились венгерские террористы. Возле станции Бене экранитом повредили боржавский железнодорожный мост; убили одного солдата, стоявшего на страже, а также убили начальника станции. Вслед за этим венгерское радио пустило вранье, что это: местные повстанцы»³¹. Премьер-министр Венгрии Б. Имреди 29 сентября дал принципиальное согласие на введение добровольческих отрядов; 2 октября поручил Миклошу Козме «политическое руководство» операцией, а военное руководство было в компетенции Генштаба³². 5 октября было принято постановление правительства по этому поводу, но 9 октября все еще не было согласия Имреди на начало операции. Газета «Kárpáti Magyar Hírlap» («Карпатский венгерский вестник»), выходявшая в Ужгороде, писала о «террористах», сделавших «общественную ситуацию невыносимой»: Русский народный совет решил, «учитывая невыносимую

ситуацию, обратиться с просьбой ввести венгерские войска в Хуст для защиты от терактов»³³. В газете печаталось много заметок о терактах, осуществленных «неизвестными», например, «о подрыве ясианянского железнодорожного моста».³⁴

Согласно информации министерства иностранных дел Польши, Иштван Фенцик, занимавший пост министра в правительстве Броди, был одной из ключевых фигур в планах Венгрии и Польши касательно Подкарпатья. Большое количество украинского населения в Галиции усиливало интерес Польши к созданию совместной польско-венгерской границы. Именно поэтому она считала опасным иметь по соседству автономную украинскую территорию, помогала Венгрии в дестабилизации подкарпатской ситуации и даже провоцировала Венгрию на открытое военное вмешательство. Ужгородское польское консульство завербовало Фенцика (кодовое имя «Доктор Русин»), который получал от поляков деньги для издания газет, финансирования Русской народной автономной партии, а также для проведения избирательной кампании. Подобным образом Венгрия финансировала Броди (кодовое имя «Бертолон») и Автономный земледельческий союз. Но личная неприязнь двух политиков усложнила взаимодействие, поэтому польский консул в Ужгороде Мицислав Халупчински 13 июля 1938 г. сообщил Фенцику, что он и его партия переходят к Будапешту. Внутреннюю информацию, необходимую для проведения польских диверсионных акций, через ужгородское польское консульство передавал Дюла Марина³⁵.

Вторжение Гвардии оборванцев венгерское правительство приостановило, но инциденты на границе продолжались³⁶. 14 января 1939 г. после доклада министра иностранных дел Иштвана Чаки правительство «единогласно постановило, что общественное мнение страны желает возвращения Русинии и это желание постоянно. Решение этого вопроса было бы выигранным с политической точки зрения. С точки зрения экономики мы получим лес и соль. Поднятие этого вопроса, искреннее желание его решить свидетельствует о нашей добросовестности. Это приведет к усилению авторитета власти и росту доверия к ней. Поэтому нельзя не «напомнить» об этом вопросе немцам»³⁷. 20 января 1939 г. Чаки докладывал правительству о своем пребывании в Берлине. Он рассказал, что канцлер Адольф Гитлер напомнил «осеннюю критическую ситуацию», когда «он и его союзники решили расчитаться с Чехословакией», но оказалось, что «он

один»: «Венгры колебались идти за ним [Гитлером. — Ч.Ф.]. Тогда немцы поняли, что венгры заняли следующую позицию: пусть немцы проливают кровь, а венгры потом войдут на территорию Словакии и Русинии». Но «сейчас в отношениях между Германией и Венгрией начинается новая эра», при этом Гитлер напомнил: что мы бы ни планировали в будущем, об этих планах нужно сообщать Германии.³⁸

3 марта министр иностранных дел Йштван Чаки поручил послу Дёме Стояи сообщить Берлину: «Страны оси зажаты оборонительной тактикой, что чувствуется и у нас. Экономически обе страны оси находятся в затруднительном положении, последствия чего Венгрия также ощущает. При таких обстоятельствах необходим определенный предварительный жест со стороны Германии, чтобы сделать возможным развитие дальнейших самых близких отношений со стороны венгерского правительства. Такой жест является возможным в отношении Русинии, конечно, если решение будет принято не слишком поздно. При этом важно напомнить Берлину, что Русиния важна для нас не в связи с совместной границей с поляками, а потому, чтобы так называемое украинское правительство не вырубало лес. То есть мы не стремимся завладеть хребтом Карпат, а хотим, чтобы Русиния была нашей по верхнюю границу лесов»³⁹. 12 марта Чаки поручил венгерскому послу Фридешу Виллони сообщить Риму, что если Германия любым способом расширит свое политическое влияние на Словакию, венгерская армия оккупирует Подкарпатье: «...если словаки попадут под власть немцев, Венгрия, беря на себя все риски, для восстановления равновесия власти, невзирая на венский арбитраж, нарушенный другими, незамедлительно оккупирует русинские земли. Со стратегической точки зрения венгерские войска,двигающиеся в спину словакам, могут ослабить военный или политический натиск, идущий с запада»⁴⁰.

Из литографий, хранящихся в Венгерском Национальном архиве, можно реконструировать главные события 14–15 марта 1939 г. 14 марта 1939 г. Венгерское телеграфное агентство (ВТА) сообщило, что «вдоль всей венгерско-русинской границы слышно стрельбу». 16 марта, ссылаясь на Чешское телеграфное агентство, ВТА сообщило, что министерство иностранных дел Карпатской Украины направило телеграмму всем аккредитованным в Берлине послам: «...на украинской границе четыре дня продолжается необъявленная война». Министерство просит содействовать в дипломатическом

решении проблемы с правительством Венгрии. Утром 15 марта А. Волошин обратился к Берлину с вопросом: Рейх продал Карпатскую Украину или все же нет? После обеда из министерства иностранных дел пришел ответ: советуем не противостоять венгерскому военному вмешательству, поскольку Германия в данной ситуации не может распространить свой протекторат на Карпатскую Украину. Тем временем министр иностранных дел Венгрии И. Чаки обратился к Волошину, чтобы он «для предотвращения кровопролития передал власть венгерскому военному командованию».

На размышления министр дал время до 20 часов. ВТА сообщило, что премьер Карпатской Украины дал незамедлительный ответ. Он поставил в известность венгерское правительство, что отправил в Будапешт делегацию и просит прекратить военную операцию. Чаки сообщил Волошину, что ожидает делегацию, но прекращение военной операции невозможно по техническим причинам, поскольку солдаты уже на марше. Министр высказал надежду, что Волошин как церковный деятель сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать ненужному кровопролитию. Параллельно 15 марта в 15 часов 20 минут в Хусте начал работу первый и последний сойм. Принятый на заседании Закон № 1 гласил: территория края является независимым государством под названием Карпатская Украина, форма правления — республика, государственный язык — украинский. После закрытия сойма премьер Волошин созвал заседание правительства, где среди прочего сказал: на нас напала регулярная венгерская армия, сопротивление бесполезно, дело Украины требует от нас работы, а не смерти⁴¹.

Газета «Népszava» [«Голос народа»] от 16 марта подчеркивала, что Русинию связывает с Венгрией не только политическая целесообразность, но и совместное прошлое, воля народа и экономические факторы. «Мир с облегчением принимает новость о том, что Венгрия предприняла нужные шаги»⁴². 18 марта через Чоп в Мукачево поездом (выехавшем из Будапешта накануне вечером) прибыл регент М. Хорти, сразу же посетил госпиталь, где лежали раненые в мартовских боях. Далее Хорти последовал в Берегово, Виноградово и Хуст. В 17 часов в Будапеште под председательством премьер-министра П. Телеки началось совещание по подготовке подкарпатского самоуправления.

Из 30 вопросов, рассматривавшихся на заседании правительства 17 марта, три непосредственно касались региона. Во-первых,

П. Телеки предложил направить представление господину Регенту для награждения Миклоша Козмы за «его отличную службу в последних исторических событиях». Во-вторых, министр иностранных дел И. Чаки доложил об «обстоятельствах военного вторжения в Русинию и ее возвращения Венгрии», а также о реакции мира на эти события. «Венгрия благодаря сильным, решительным и быстрым действиям, отменно проведенной военной операции завоевала авторитет и престиж не только в Германии и Италии, но и перед другими государствами». Телеки отметил: «Вся венгерская нация гордится своей армией». И, наконец, Телеки заявил, что «в рамках конституции мы планируем дать Русинии самоуправление» и по этому вопросу созвал совещание уже на следующий день. Подготовку по этому вопросу премьер-министр поручил госсекретарю канцелярии Тибору Потоки⁴³. Так начался процесс, реализацию которого Телеки считал делом совести. Премьер говорил: «Мы предоставляем не народную, а территориальную автономию. В крае проживают не только угро-русские, но и другие, в первую очередь венгры — и угро-русские, и венгры на этой территории государственная нация с равными правами. А немцы, словаки и румыны — это национальности»⁴⁴. Не только в содержательном плане, но и своей моральной позицией премьер противопоставил себя друзьям-политикам.

Закон № XXXIV от 1938 г., принятый после Первого Венского арбитража, называет регион «Фелвидек»; «территориями Фелвидека», которые после Трианонского мирного договора назывались «оторванными», а после Первого Венского арбитража — «возвращенными», жителей же его именует «возвращенная кровь венгерской родины». А вот преамбула Закона № VI «Объединение возвращенных территорий Подкарпатья с Венгерской Святой Короной» от 1939 г. уже четко разграничивает понятия Фелвидек (куда включается и полоса венгерских поселений современного Закарпатья) и (русинское) Подкарпатье: «После возвращения в последний квартал 1938 г. части Фелвидека, в марте месяце 1939 г. возвращено и Подкарпатье». Хотя в законе нет конкретных указаний касательно этнической принадлежности населения, а жители региона именуются лишь «верными сынами, пережившими много страданий», но тот факт, что § 6 гласит: «Поручаем премьер-министру разработать и подать в парламент законопроект об урегулировании самоуправления Подкарпатья», — свидетельствует об инаковости этого населения.

В протоколах правительства этого времени в отношении Подкарпатья одинаково встречаемся с понятиями «возвращение», «интервенция», «завоевание»⁴⁵. Касательно национальности жителей всегда использовалось выражение «угро-русские». Юрист Иштван Эдед, поверенный Пала Телеки по вопросам автономии Подкарпатья, так подытожил мнения об этнониме: «Существует несколько решений этого вопроса. До и во время мировой войны в основном официальным было название “рутенский”. Закон от 1918 года использовал название “русины (рутены)”. Во времена чехословацкого правления начали использовать этнонимы “русский”, “малорусский”, а среди новых попробовали позаимствовать и “украинский” [...] Закон № VI от 1939 г. говорит только о население Подкарпатья, а постановление премьер-министра № 6.200/1939 [О временном упорядочении административного управления Подкарпатской территории. — Ч. Ф.] уже использует название “угро-русский”. На использование этнонима влияет и международное положение. Учитывая политику Польши или возможное создание Украины, использование слова “украинский” является нежелательным. По моему мнению, так же хорошо надо подумать над использованием какой-либо формы слова “русский”. Нам надо засвидетельствовать то, что этот народ разговаривает на полностью самостоятельном языке, что это целиком отдельный от других народ, поэтому с этой точки зрения более преимуществ имеет название “рутенский”, использовавшееся и до войны, поскольку рутенов в других государствах нет. А вот название “угро-русский” намекает на братство с венгерским народом»⁴⁶.

С лета 1939 г. используемое название региона «Подкарпатье» или «Подкарпатская территория», реже «Русиния», «Рутенская земля», также как используются и названия (венгерские) «Фелвидейк» или «территории Фелвидейка», хотя их включили в систему комитатов, существующую до Трианонского мирного договора. Эдед об этом писал: «Закон от 1918 г. использовал название “Русский Край”. В чехословацкий период официальными были названия “Подкарпатская Русь” или “Русиния”. Проект министерства юстиции предлагает название “Рутенская земля”, Бетлен — “Подкарпатье”, а Эндре Корлат — название “Земля Ракоци”. Но этот вопрос законодательство по сути уже урегулировало. В названии Закона № VI от 1939 г. речь идет о “территориях Подкарпатья,

возвращенных Венгерской Святой Короне”, но в тексте используется короткое название “Подкарпатье”. Таким образом, эту форму используют и другие юридические документы. Название “Подкарпатье” считаю целесообразным и в дальнейшем. Мотивирую это тем, что в регионе проживают не только рутены, а и венгерское население». Параллельно используется и риторика виртуальных границ, существовавших до Трианонского мирного договора⁴⁷. В этом контексте вплоть до конца 1944 г. встречаем выражение «материнское государство», особенно касательно возвращенных территорий. Этому, конечно, есть и практические причины: регионы, которые развивались разными путями, надо было настроить, гармонизировать с «материнским государством».

Начальник военной администрации Подкарпатья Бела Новакович уже в июне 1939 г. предупреждал вышестоящее начальство: «настроения населения касательно венгерской государственной идеи начинают вызывать беспокойство»⁴⁸. Депутат венгерского парламента, руководитель «фашистской» организации Иштван Фенцик, до конца оставшийся лояльным к венгерскому правительству, в своем конфиденциальном письме в августе 1939 г. указывал на значительное ухудшение настроений населения. Среди причин он указал на «злоупотребления военного командования, жертвой которого вследствие необоснованных обвинений и интриг стали многие честные угорские», на то, что «во всех учреждениях большую часть вакансий заняли служащие материнского государства»⁴⁹. Подобные сведения находим и во многих других венгерских и не венгерских документах. Встречались мнения, что «подкарпатские венгры» в отличие от «словаков» не желали отказаться от своего суверенитета даже в объятиях «материнского государства», но учреждения, «отстоянные в двадцатилетней борьбе», все же прекратили свое существование или были включены в подобные общегосударственные учреждения⁵⁰.

Вопрос «возвращенного» Подкарпатья в этот период надо рассматривать не в контексте мирного существования, ведь речь шла о приграничном регионе, очень важном с военной точки зрения как для Венгрии, так и на международном уровне. Венгрия относилась с предосторожностью к славянскому населению Подкарпатской территории. Государство руководствовалось скорее политическими мотивами, чем уделяло реальное внимание самобытности русинов.

Примечания

¹ Українська державність у XX столітті. Історико-політологічний аналіз. Київ, 1996. Текст доступен по адресу: <http://litopys.org.ua/ukrxx/zmist.htm> (здесь и далее дата последнего посещения 15.15.2015)

² A magyar állam és a nemzetiségek. A magyarországi nemzetiségi kérdés történetének jogforrásai 1848–1993. Budapest, 2002. 216–217, 218–219, 221–223. old.

³ Szarka L. Kisebbségi léhelyzetek – közösségi alternatívák. Budapest, 2004. 79–80. old.

⁴ Jászi Oszkár válogatott levelei. Budapest, 1990. 420. old.

⁵ A magyar állam és a nemzetiségek. 230–231. old.

⁶ Fata M. Bleyer Jakab nemzetiségi koncepciója és politikája (1917–1933) // Regio. 1994. № 1. 175–190. old.

⁷ Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest (далее – MNL OL). Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. K 27. Javaslat a rutén miniszter kinevezésére; Dr. Kutkafalvy Miklós államtitkári kinevezése; Rendelettervezet a nemzetiségek jogainak elismeréséről, 19.VIII.1919. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

⁸ Ibid. Az Országos Menekültügyi Hivatal megbízása a magyar–rutén határmenti élelmiszerakció lebonyolítására. 12.VI.1920. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

⁹ Ibid. A Ruszka-Krajnai állapotok ismertetése; A miniszterelnök vádindítványa saját maga ellen és a kormány lemondásának kérdése. 13.XI.1920. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

¹⁰ Гренджа-Донський В. Щастя і горе Карпатської України: Щоденник. Мої сподгади. Ужгород, 2002. Текст доступен по адресу: <http://litopys.org.ua/grendzha/grendzh.htm>.

¹¹ Veges M. Карпатська Україна. Документи и факти. Ужгород, 2004. С. 132–133.

¹² Йосипенко В. Зимові сутінки червневих днів. Деякі подробиці перебування Августина Волошина в Лефортово. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1994. № 1. С. 140–147.

¹³ Angyal B. A csehszlovákiai magyarság anyaországi támogatása a két világháború között // Regio. 2000. № 3. 133–178. old.

¹⁴ MNL OL. Miniszterelnökség Nemzetiségi és kisebbségi osztály. K 28. 156. csomó, 322. tétel.

¹⁵ Kárpáti Magyar Hírlap. 19.V.1933.

¹⁶ Токар М. Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919–1939). Ужгород, 2006. С. 327–330.

¹⁷ Veges M. Карпатська Україна. С. 214–218.

¹⁸ Токар М. Політичні партії Закарпаття. С. 331.

¹⁹ Українська державність у XX столітті.

²⁰ Кульчицький С. Держава, яка народилася й загинула в один день // День. № 50. 19.III.1999.

²¹ Ablonczy B. Teleki Pál. Budapest, 2005. 395. old.

²² Тексты доступны на сайте «1000 év törvényei» по адресу: <http://www.1000ev.hu/index.php>.

²³ MNL OL. K 27. Magyarország és Csehszlovákia között a magyarlakta felvidéki területek visszaadása tárgyában Wettstein János prágai követ útján folyamatban lévő

jegyzékváltások ismertetése; Werth Henrik m. kir. tanácsos, vezérkari főnök részvételével, Pozsony, Nyitra, Kassa, Ungvár, Munkács, Komárom, Érsekújvár, Losonc, Léva, Rozsnyó, Rimaszombat és Beregszász helyzete. 27.X.1938. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

²⁴ Ibid. A cseh megszállás alól felszabaduló területek tankönyvvellátása, az Országos Közoktatási Tanács szerepe. 28.X.1938. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

²⁵ Ibid. Kánya Kálmán külügyminiszter és gr. Teleki Pál vallás- és közoktatásügyi miniszter üdvözlése a november 2-i bécsi döntőbírósági ítélet után a minisztertanácson való megjelenésük alkalmával; Pozsony, Kassa, Nyitra, Munkács és Ungvár helyzete, Chalkowsky csehszlovák külügyminiszter, Tiso szlovák miniszterelnök, Volosin Kárpátalja miniszterelnöke, Ribbentrop német külügyminiszter, gr. Ciano olasz külügyminiszter szerepe, a cseh-magyar területrendezéssel kapcsolatban kiküldendő bizottságok összetételének megállapítása; A bécsi döntőbírósági ítélettel kapcsolatos intézkedések megtárgyalása és az új határvonal ismertetése. 3.XI.1938. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

²⁶ Ibid. Javaslat vitéz Kozma Miklós nyugalmazott belügyminiszter, a Magyar Távirati Iroda elnökiigazgatója megbízata a Kárpátaljai akció megszervezésével. 8.X.1938. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

²⁷ Ibid. Bizalmas megbeszélés a bécsi döntés folytán visszacsatolt északkeleti területrészek és a vele határos Kárpátalja-ruszin ország helyzetéről, jelen van Werth Henrik gyalogsági tábornok, titkos tanácsos, a honvéd vezérkar főnöke, Beck ezredes lengyel külügyminiszter álláspontja, Beneš volt csehszlovák külügyminiszter tevékenysége, Gdansk város helyzete, Mussolini álláspontja. 21.XI.1938. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

²⁸ Ibid. Tájékoztató a ruszin helyzetről, a ruszin-lengyel és német-lengyel problémákról, Gdansk [Danzig] helyzetéről. 25.XI.1938. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

²⁹ Ibid. Javaslat Pataky Tibor államtitkár megbízására azzal, hogy Ungvárra utazzék a legsürgősebb segélyezések és intézkedések megtétele érdekében dr. Korláth Endre kormány megbízott bevonásával. 25.XI.1938. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

³⁰ Цит. по: *Везеш М.* Карпатська Україна. С. 144.

³¹ *Гренджа-Донський В.* Щастя і горе Карпатської України.

³² *Ortos M.* Egy magyar médiavezér: Kozma Miklós. Pokoljárás a médiában és a politikában (1919–1941). II. köt. Budapest, 2000. 559–562. old.

³³ Kárpáti Magyar Hírlap. 22.XI.1938.

³⁴ Ibid. 14.XII.1938.

³⁵ *Dąbrowski D.* Rzeczpospolita Polska wobec kwestii Rusi Zakarpackiej (Podkarpackiej) 1938–1939. Toruń, 2007. S. 99–110.

³⁶ MNL OL. MTI «könyvomas» Hírek. K 428. 732. csomó.

³⁷ MNL OL. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. K 27. Ruszinszko kérdése. 14.I.1939. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

³⁸ Ibid. Tájékoztató a berlini hivatalos bemutatkozó látogatásról, Hitlerrel, Ribbentrop külügyminiszterrel, Göring vezértábornaggal folytatott tárgyalások, Franciaország, Németország, Olaszország szerepe, Csehszlovákia, Szlovákia, Ruszinszko helyzete. 20.I.1939. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

³⁹ Diplomácia iratok Magyarország külpolitikájához 1936–1945. Magyarország külpolitikája 1938–1939. III. k. Budapest, 1970. 385. sz. irat.

⁴⁰ Ibid. 414. sz. irat.

⁴¹ MNL OL. MTI «könyvomas» Hírek. K 428. 1078. csomó.

⁴² Népszava. 16.III.1939.

⁴³ MNL OL. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. K 27. Javaslat dr. vitéz leveldi Kozma Miklós m. kir. titkos tanácsos, nyugalmazott belügyminiszter részére a teljes kormányzói elismerés nyilvánítására; Jelentés Ruszinszki katonai elfoglalásáról, Lengyelország, Románia, Belgrád reakciója, a körösmezei határsáv kérdése, Németország, Franciaország véleménye; Javaslat a Ruszinszkinak adandó autonómia tárgyában, tájékoztatás a Bródy András volt ruszin miniszterelnökkel folytatott tárgyalásról, értekezlet összehívása és a volt miniszterelnökök, br. Perényi Zsigmond koronaőr és a parlamenti pártok vezetőinek meghívása az értekezletre. 17.III.1939. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

⁴⁴ Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára – Kézirattár, Budapest (далее – MTAK K). Kárpátaljára vonatkozó tervezetek, hozzászólások. Egyed István hagyatéka. Ms 10.734/17.

⁴⁵ MNL OL. K 27. 1939. március 28-i, 1939. április 4-i jegyzőkönyvek. Текст доступен по адресу: <http://www.digitarchiv.hu>.

⁴⁶ MTAK K. Kárpátaljára vonatkozó tervezetek, hozzászólások. Egyed István hagyatéka. Ms 10734/23.

⁴⁷ Ibid. Ms 10734/23.

⁴⁸ MNL OL. K 28. ME Nemzetiségi és kisebbségi osztály. 123. csomó, 237. tétel.

⁴⁹ Ibid. 136. csomó, 267/II. tétel.

⁵⁰ Ibid. 137. csomó, 271/II. tétel.

М.Ю. Дронов
(Москва)

Этническая идентичность русинов межвоенной Словакии сквозь призму этнонимии*

Настоящая статья посвящена этнической идентичности словацких русинов¹, а именно их донациональной этнической идентичности и различным «предлагавшимся» русинам вариантам этнонациональной идентичности. В русинском случае донациональная (по-другому — домодерная) этническая идентичность традиционно связывается с принадлежностью к восточному христианству (в православной и униатской / греко-католической версиях), известному в регионе как «русская вера». Гораздо больший плюрализм свойственен этнонациональной идентичности русинов — т.е. форме этнической идентичности, которая обязана своим появлением распространению современных национальных проектов. Данная идентичность в русинской среде начала распространяться сравнительно поздно и в значительной степени ее проникновение в широкие народные массы относится к 1920–1930-м гг. Русины получили «на выбор» сразу несколько различных вариантов этнонациональной идентичности, как комплиментарных по отношению друг другу, так и взаимоисключающих. Ситуацию конкретно в Словакии осложняло русинско-словацкое этноязыковое пограничье, носившее не стыковой, а переходный характер. Поэтому в регионе отмечалось наличие спорных в этническом отношении групп населения.

Донациональная этническая идентичность. Изучение донациональной (домодежной) этнической идентичности русинов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а — «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»)

проживавших на территории современной Словакии, принадлежит к числу крайне сложных задач, об окончательном решении которых вряд ли когда-либо придется говорить.

Во-первых, главными источниками для исследователей служат только субъективные свидетельства в литературе XIX — начала XX вв. Не являются исключениями даже научные — исторические, этнографические, филологические — работы, отражающие тогдашний, далекий от современных требований, уровень соответствующих гуманитарных дисциплин.

Во-вторых, невольно находясь в плену нынешних представлений, современный исследователь не всегда может отличить этническую идентичность от других видов идентичности (конфессиональной, социальной, региональной и др.). Очевидно, что в некоторых случаях эти идентичности могли накладываться или подменять друг друга. То же самое можно сказать о различных срезах этнической идентичности (внутренняя, декларируемая, приписываемая другими, официально фиксируемая идентичности)², которые взаимосвязаны и подвержены динамическому взаимовлиянию, тем самым еще более затрудняя задачу исследователя.

В-третьих, крайне нечеткой является сама граница между донациональной этнической и последующей этнонациональной идентичностями. Условно в случае русинов в качестве пограничных пунктов можно было бы выделить конкретные исторические события, как, например, «Весну народов» 1848–1849 гг. или вхождение русинских этнических территорий в состав ЧСР в 1919 г. Однако отдельные проявления собственно этнонационального мышления при желании можно отыскать и до указанных дат. С другой стороны, несмотря на усилия мысливших в модерных национальных категориях интеллектуалов, широкие массы часто отдавали предпочтение донациональным представлениям и в межвоенный период.

Чех Я. Гусек (1884–1973), изучавший словацко-русинское этническое пограничье уже в первой половине 1920-х гг., охарактеризовал тогдашнюю ситуацию следующим образом: «Какое национальное самосознание у жителей Восточной Словакии от Попрада до Ужгорода? У значительной части нельзя говорить о национальном самосознании, поскольку люди живут или семейным эгоизмом, или региональным патриотизмом, или же еще племенным сознанием, слагаемыми которого являются в основном речь и вера, поэтому

только меньшая часть поднимается до более широкого национального самосознания»³. Попытка выделения и описания этнической идентичности («племенного сознания» по Я. Гусеку) в донациональной иерархии идентичностей русинов является одной из задач статьи.

Внешним проявлением этнической идентичности является эндоим (эндоэтноним, этническое самоназвание)⁴. Эндонимы являются теми маркерами, на основе которых в рамках собственно исторического исследования может быть изучена этническая идентичность. Сказанное, однако, не исключает конкретизации этнической идентичности с помощью доступных сведений неэтнонимического характера.

Русинская этнонимия традиционно отличается поливариантностью. Этноним *русин*, являющийся в настоящее время почти общепринятым, ранее был лишь одним из нескольких, причем далеко не самым популярным названием южнокарпатских русинов. Его более широкому распространению способствовали как раз чехословацкие власти в межвоенный период⁵. Но даже после развала Чехословакии, накануне общесловацкой переписи населения 1940 г. Прешовский греко-католический епископ П. Гойдич (1888–1960) в архипастырском послании к верующим просил всех русинов называться именно русинами, констатируя, что «...уживаютъ наши люде розличны названіе: русинь, руснакъ, рускій, подкарпатскій россь, украинецъ итд., что нась безъ всякой основы раздробляеть и ослабляеть...»⁶.

С помощью лингвистических и археологических фактов современной науке удалось установить, что славяне проживали в южной части Карпатского региона уже в VI–VII вв., однако восточнославянские и западнославянские исследователи до сих пор не пришли к консенсусу, кем были эти первые славянские жители, а именно: являлись ли они предками нынешних русинов или же словаков. Старейшие документальные свидетельства конкретно о восточных славянах на территории современной Восточной Словакии относятся только к XI и XII вв. (упоминания сел Великий Русков, Малый Русков, Русков, Руска, расположенных в окрестностях современных городов Кошице и Требишов). Позднее восточнославянская колонизация региона шла двумя путями — с юго-востока (в рамках т. н. «валашской колонизации») и с севера (крестьяне из соседней Галиции и других регионов). Переселения с севера стали особенно интенсивными начиная с XVI в.⁷ Отсутствие необходимых источников из простонародной

среды не позволяет сказать ничего конкретного о декларируемой донациональной идентичности местных восточных славян. В венгерских документах на латинском языке они фиксировались (в ед. ч.) первоначально как *Rusinus* или *Rusenus*, а приблизительно с конца XI в. как *Ruthenus*⁸. Согласно предположению ужгородского исследователя П. Чучки, основанному на анализе одного латиноязычного экзоэтнонима, датируемого 1037 г., предки южнокарпатских русинов назывались в средневековье или коллективным этнонимом *русь*, или множественным названием *русы*⁹.

Наиболее распространенным самоназванием южнокарпатских русинов к началу XX вв. однозначно было слово *руснак* (вариант — *русняк*), образованное с помощью того же суффикса *-ак*, что и этнонимы соседних западнославянских народов — словаков и поляков. Как, например, отмечал в 1911 г. известный русский карпатовед А. Л. Петров (1859–1932): «Уггоруссы зовут и сами себя и называемы словаками: “руснаки” (и “русняки”)... Употребляется ли уггоруссами название “Русин, Русины” — не вполне ясно»¹⁰. Старейшие письменные фиксации этнонима *руснак* относятся к середине XVI в.¹¹

Этноним *русин* в качестве самоназвания был распространен на южных склонах Карпат гораздо меньше. Чаще он встречался в восточной части расселения южнокарпатских русинов, т. е. на значительном удалении от будущей территории Словакии. Согласно гипотезе П. Чучки, лексему *русин* в качестве эндоэтнонима принесли на южные склоны Карпат гуцулы, переселившиеся сюда из Галиции и Буковины в XVII–XVIII вв.¹² Как это ни парадоксально с точки зрения современных представлений, русинами южнокарпатские «руснаки» (особенно западная их часть) чаще называли своих соседей — галичан.

Необходимо особо остановиться на бытовании и семантике слова *руснак*. Кроме южных склонов Карпат этноним *руснак* функционировал в качестве самоназвания и в других регионах — в Галиции (в частности, на Лемковщине)¹³, на Буковине (у подолян)¹⁴, в Бессарабии¹⁵. В отдельных случаях этот термин употреблялся и для обозначения восточнославянского населения более удаленных на восток регионов¹⁶. Интересно, что в современной болгарской разговорной речи *руснак* означает русского¹⁷.

Однако на южных склонах Карпат «руснаками» себя называли не только русины, но и те словаки и венгры по языку, которые также

являлись верующими Греко-католической церкви¹⁸. Разноязыких греко-католиков объединяла принадлежность к одной конфессии, которая до прихода современных национализмов сильнее всего определяла их коллективное «я». Таким образом, можно предположить, что в иерархии идентичностей южнокарпатских греко-католиков значительный период доминировала не этническая, а конфессиональная идентичность.

В то же время некорректно полностью исключать этнический подтекст «руснацкой» самоидентификации у носителей словацкого и венгерского языка. Принимая во внимание то, что в собственно словацкой и венгерской среде однозначно доминировали римокатолики и протестанты (лютеране и кальвинисты), происхождение «руснаков»-нерусинов, к тому же часто проживавших относительно недалеко от русинов, не могло не вызвать предположения об их русинских корнях. Интересно и то, что жившие в Венгерском королевстве румыны и сербы, так же являвшиеся восточными христианами, никогда не были называемы словами, образованными от корня *рус*-¹⁹. Отмечу, что этногенез словако- и венгрозязычных греко-католиков²⁰, как и связанное с ним проведение этнических границ между русинами и их соседями, являются предметом научных (и общественно-политических) дискуссий начиная с XIX в., однако до сих пор они не относятся к числу полностью разрешенных проблем²¹.

В качестве аргумента, подтверждающего отчетливое этнонимическое содержание в названии *руснак* и образованных от него слов, может служить бытование понятий *besíduvati po-ruski* в значении «говорить по-русински» и *гуториц по-католицки* в значении «говорить по-словацки». Как отмечал по этому поводу признанный знаток карпатских диалектов Г. Геровский (1886–1959), «различаются руснаки, которые еще “bešeduju po ruski”, и руснаки, которые “hutoria po katolicki”» (последние признавались им утратившими родную речь русинами)²². О том, что словакоязычные соседи русинов, правда, римокатолики, сами считали, что говорят *по-католицки*, ранее свидетельствовал галицийский этнограф В. Гнатюк (1871–1926). Однако он посчитал это название слишком локальным²³. Сходная информация содержится, например, в воспоминаниях известной русинской деятельницы И. Невицкой (1886–1965), проведшей детские годы в преимущественно словацком местечке Сабинов, жители которого «никогда не говорили, что разговаривают по-словацки, только

по-католически»²⁴. Так или иначе, данное переплетение этнических и конфессиональных характеристик заслуживает дополнительного изучения.

В связи с этнонимами *руснак* и *русин* необходимо особо коснуться таких нюансов как их формы множественного числа, формы женского рода и образуемые от них прилагательные. Всего за несколько лет до образования Чехословакии, во время Первой мировой войны, А. Л. Петров следующим образом охарактеризовал этнонимическую ситуацию в австро-венгерских провинциях, где компактно проживали восточные славяне: «"Русин" в Галичине и Буковине (в Угрии — "руснак") образовано от корня "рус" с суффиксом единственного числа; множественное число д[олжно] быть: "русские, руски". Правда, теперь не только в "украинском" литературном языке, но и в народной речи обычно множ[ественное] число: русины, руснаки (= "болгарины, христианины"); но нигде нельзя услышать безобразные и вполне противоречащие духу языка формы: "русинский, русинка, руснацкий, русначка" (= "болгаринский, болгаринка, поляцкий, полячка"); всегда лишь: "русский, руска"; при чем в Галичине и Буковине с мягким "с": "руський, руська", в Угрии, большею частью, с твердым: "руский, руска"»²⁵. Уже из самой этой цитаты можно сделать вывод о динамичности этнической номенклатуры, обусловленной воздействием как соседних западнославянских языков, в которых присутствовали соответствующие формы, так и набиравших силу современных этнонациональных идеологий, не чуждавшихся заимствований и неологизмов. Однако что-то от внимания российского ученого могло ускользнуть. Так, например, галичанин Гнатюк еще ранее, в 1900 г., писал, что прилагательное *руснацький* используется самими русинами²⁶.

В литературе второй половины XIX — начала XX вв. иногда встречаются утверждения, будто бы южнокарпатские русины использовали в качестве самоназвания в единственном числе мужского рода этноним *русский*²⁷. Вероятнее всего, часть авторов таких свидетельств некритически видоизменила множественный эндоэтноним на самоназвание в единственном числе. Не исключено, что подобные свидетельства появились в результате утвердительных ответов конкретных индивидуумов на прямой вопрос, русские ли они, а, возможно (если вопрос задавался не на восточнославянских языках²⁸), благодаря неточному переводу. Кроме этого, теоретически, этноним *русский*

мог уже отчасти проникнуть в русинскую крестьянскую среду через русофильски настроенных представителей духовенства.

Интересно, что некоторые авторы XIX в. вообще отрицали естественность и право на существование этнонимов *руснак* и *русин*, причем, кажется, даже в ед. ч. «Только в последнее время (написано в 1871 г. — М.Д.) всюду проглядывающая на западе злонамеренность против нашего отечества (России. — М.Д.) выдумала для угорских русских особое имя русняков, как для русских Галиции имя русинов»²⁹, — утверждал, например, священник русского православного прихода в венгерском Уроме о. К. Кустодиев (1837–1875). Однако подобные пассажи скорее отражают не реалии донациональной этнической идентичности русинов, а лишь этнонациональные представления их авторов.

Также необходимо затронуть распространенные составные этнонимы русинов: *карпаторосс*, *карпаторус*, *угроросс*, *угрорус* и т.п., которые часто встречаются в текстах применительно к русинскому населению. Очевидно, что все они носят искусственный характер, отпечаток элитарного происхождения, свидетельством чему является не свойственная народной этнонимии сложность. Так, еще крупнейший политический деятель южнокарпатских русинов XIX в. А. Добрянский (1817–1901) отмечал, что каждый из «русских людей» Австро-Венгрии и России «утверждает, что говорит “по-русски”, несколько даже не подозревая того — если его этому не учили в школе, — что филологи и этнографы стараются различать друг от друга велико-, мало-, бело-, червоно- и черно-руссов»³⁰. В данной связи, на мой взгляд, особенно красноречиво свидетельство польского деятеля Л. Василевского (Плохоцкого) (1870–1936), сделанное им после посещения земель Венгерского королевства в начале 1910-х гг.: «Название “Угорская Русь” — книжное, совершенно неизвестное народу, который не отделяет своей родины от остальной Венгрии. Называя себя “руснаками”, или “русинами”, а свой язык “русским”, говорящие на нем крестьяне противопоставляют себя своим соседям — “волохам” (румынам) и словакам. Об Украине венгерские русины ничего не знают. Определение “украинский” для них совершенно чуждо, точно так же, как и “угрорус”, “угрорусский”»³¹. Исходя из сказанного, можно заключить, что распространение упомянутых составных этнонимов в широких массах практически тождественно распространению соответствующих этнонациональных идентичностей.

Применение же подобных этнонимов в предшествующие данному процессу периоды следует считать проявлениями приписываемых другими и официально фиксируемых идентичностей.

Обратимся к идентичности жителей русинско-словацкого этнического пограничья, большая часть которого сосредоточена именно на территории современной Словакии. Данные официальных венгерских переписей, с одной стороны, предоставляли ограниченное количество допустимых идентификаций, а, с другой, что неудивительно, зачастую фиксировали диаметрально отличные данные об этнической принадлежности жителей одних и тех же сел. Четкое разграничение родственных славянских этносов, русинов и словаков (часто понимавшихся лишь в качестве составных частей больших общностей — русской или украинской и чехословацкой), веками проживавших в одном регионе, представлялось серьезным исследователям почти невыполнимой задачей. «Близкое соседство, перепутанность поселений, разнообразие смешанных, переходных говоров, прочно укоренившееся у униатов осознание себя русскими — все это в высшей степени затрудняет решение вопроса о границах русского и словацкого языков с точки зрения чисто лингвистической, оставляя в стороне вопрос о национальности, в определении которой язык играет, правда, важную роль, но не может быть признан единственным критерием. Прибавив к этому еще и действительное существование более или менее ословаченных русских и возможное существование обрусевших словаков»³², — констатировал всю сложность ситуации А. Л. Петров. Таким образом, наиболее западные русины (те, диалекты которых имеют однозначно восточнославянскую основу) вследствие длительной словакизации материальной и духовной культуры приобрели многие черты, отдаляющие их от своих восточных собратьев и сближающие со словаками. По аналогии с крайне специфическими поляками Силезии, которых иногда называли *Wasser-Pol'aken*, В. Гнатюк предложил называть русинов западных жуп *Wasser-Ruthenen*³³.

Ориентируясь на собственные наблюдения над этническим самосознанием греко-католиков в Восточной Словакии, Я. Гусек разделил их сразу на четыре группы: 1) «*русские (русины, русняки, русские и т. п.)*»; 2) «*русские словяки*»; 3) «*словяки (и даже словаки)*»; 4) «*русняки*»³⁴. Впрочем, эта очевидно весьма запутанная схема чешского исследователя, как и некоторые другие его размышления, была

впоследствии подвернута жесткой критике со стороны восточнословацкого уроженца-историка О.-Р. Галаги (1918–2011). На его взгляд, Гусек, будучи не достаточно знакомым с местными реалиями, принял на веру много чрезвычайно субъективных мнений³⁵. К сожалению, по-видимому, все аналогичные попытки классификаций носят шаблонный характер. Теоретически проверить имеющиеся классификации можно было бы с помощью современных социологических методов — массовых анкет и опросов с последующей критической обработкой. Однако к хронологически удаленным от нас коллективам такие решения, увы, не применимы.

В то же время можно выделить некоторые специфические нюансы, характерные для идентичности жителей русинско-словацкого этнического пограничья. В частности, Я. Гусек констатировал частую зависимость самосознания от возраста: «... у старших русняков (униатов) удерживается консервативная русская (русинская... — М.Д.) речь (согласно вере), а с ней и ощущаемое племенное самосознание, но младшее поколение уже оставляет унаследованный русский язык, принимая словацкий разговорный язык за свой, а с ним и национальность, меняя при этом и костюм, привычки, обычаи и песни...»³⁶. Впрочем, ученый не абсолютизировал данную схему, упоминая о случаях, когда после перехода на словацкий язык русины все же сохраняли прежнее самосознание, поддерживаемое конфессиональной принадлежностью. Отмечу, что подобные случаи были описаны и более ранними авторами. Современный братиславский исследователь П. Шолтес, обращавшийся к проблеме самосознания словакизированных русинов, ставит вопрос о том, когда их этническая идентичность стала обуславливаться родным (т.е. словацким) языком, или до какого времени у них оставалась идентичность, соотносящаяся с конфессиональной принадлежностью, было русинское этническое самосознание, а окружение воспринимало их как русинов³⁷. По указанным выше причинам, скорее всего, этот вопрос останется без однозначного ответа.

Кроме этого нельзя забывать, что в этнически смешанной среде часто распространена т.н. амбивалентная, т.е. не выраженная четко этническая идентичность, хорошо известная этносоциологам³⁸. В качестве примера можно привести другие, на этот раз бесспорные, замечания Я. Гусека о ситуации в Старолюбовнянском округе: «Совсем не редко явление, [...] что два человека из одного села имеют

различные взгляды на предмет, и даже тот же самый человек один раз скажет, что он словак (или словяк), но другой раз, что он русский (руснак, русин и проч.)»³⁹. «У народа, национально не достаточно сознательного (т. е., по сути, не имеющего современной, этнонациональной, идентичности. — М. Д.), отнесение себя к конкретной национальности обычно бывает вещью мимолетного настроения»⁴⁰, — через десятилетие после Гусека отмечал о самосознании жителей широкого словацко-русинского этнического пограничья, словак Я. Руман. Вероятно, здесь можно говорить также о проявлениях того, что современные этнологи называют ситуационизмом. Он выражается в том, что человек имеет возможность манипулировать своей этнической принадлежностью, выступая в разных ситуациях как представитель различных этнических групп⁴¹. Подобные нюансы всегда следует иметь в виду при попытках реконструкции этнической идентичности русинов.

Кроме общих этнонимов также бытовали и локальные, которые распространялись на небольшие сегменты русинского и переходного населения. Своим происхождением они, как правило, обязаны особенностям языка, одежды, хозяйственной деятельности и т. п. Часто их соотносят с распространением выделяемых исследователями карпатских этнографических или этнокультурных групп: лемков, бойков, гуцулов и др. Однако далеко не всегда экзонимы совпадали и совпадают с эндонимами. Кроме того, в современной научной среде до сих пор ведутся споры относительно границ распространения на южных склонах Карпат тех или иных групп, а также присущего им самосознания. В частности, подвергается сомнению популярная особенно в украинской науке практика переноса этнографического членения Галиции и Буковины на южнокарпатские реалии (хотя на поверку историко-этнографическое районирование северных склонов Карпат так же до сих пор дискуссионно⁴²). Конкретно, речь идет об уместности локализации на южных склонах лемков и выделения особой группы долинян (долишнян). Новейшую попытку классификации русинских этнографических групп на основании богатой библиографии предпринял П.-Р. Магочи⁴³.

Переходное в языковом отношении русинско-словацкое население было известно как «словаки», а также «цотаки» и «сотакы» (последние в значении местоимения *что* /в большинстве южнокарпатских говоров — *што*/ употребляли лексему *цо* или *со*). Эти три наиболее распространенных названия частично друг на друга

накладывались, однако лишь в первом из них можно усмотреть изначальный эндоэтноним; являвшийся также самоназванием абсолютного большинства восточных словаков⁴⁴.

Неожиданный этноязыковой смысл можно обнаружить также в названии *поляки*, употребленном по отношению к греко-католикам, проживавшим в некоторых северных районах региона. Очевидно его политонимическое происхождение. Как отмечал А.Л. Петров, «Галичина и русские галичане — у угрорусов — Польша, Поляки»⁴⁵. Таким образом, речь идет о поздних переселенцах из соседней Галиции. Подобное мнение, основываясь на собственных фактах, позднее развил О.-Р. Галага⁴⁶. Одним из маркеров «поляков» для южнокарпатского простонародья было использование местоимения *що* (в значении *что*)⁴⁷. Впрочем, в отдельных случаях на южных склонах Карпат «Польшей» именовались равнинные районы, при этом весьма удаленные от границ собственно исторической Польши. «Польскость» жителей этих местностей особенно далека от возможности ее трактовки в этнических категориях⁴⁸, а эти «поляки» вполне могли считать себя «руснаками».

Несмотря на описанные сложности идентификации, во многом вызванные историей заселения региона и спецификой пограничья, доминантой донациональной идентичности русинов, несомненно, являлся конфессиональный фактор: принадлежность к «русской вере» — христианству восточного обряда. Выражением этой идентичности являлся целый ряд этнонимов с корнем *рус-* (в первую очередь, *руснак*); которые в условиях непосредственного русинско-словацкого соседства проявляли и отчетливые этноязыковые черты. Параллельно у русинов и представителей переходных групп функционировали другие варианты донациональной идентичности, в частности, выраженные в локальных названиях или же, например, популярном на русинско-словацком пограничье этнониме *словак*.

Этнонациональная идентичность. С точки зрения современной социальной антропологии очевидно, что на один и тот же этнический материал (или его конкретные фрагменты), тем более на пограничных территориях, могут претендовать различные национальные проекты, предусматривающие утверждение в одном коллективе разных идентичностей.

Ниже я выделю и, насколько необходимо, подробно рассмотрю основные возможные варианты этнонациональной идентичности

русинов Словакии. В частности, приведу те варианты, которые в межвоенный период и близкие к нему хронологические отрезки имели своих сторонников в среде словацких русинов или же предлагались последним внешними силами.

Подчеркну, речь идет именно об идентичностях, а не о широких национально-языковых ориентациях, течениях или движениях (как правило, в этой связи упоминают триаду русофильство — украинофильство — русинофильство и, в дополнение, мадяронство). Это важно, потому что нередко одна и та же этнонациональная идентичность выдвигалась или, по крайней мере, не исключалась сразу несколькими подобными ориентациями (разграничение которых, к слову, в русинском случае очень субъективно).

Отмечу, что проводимые разделительные грани разграничивают нередко отождествляемые варианты идентичности (например, малорусскую и украинскую), имевшие при поверхностной схожести все же заметные отличия. Очевидно, что некоторые представленные не взаимоисключающие позиции могут быть не без основания восприняты как разные уровни этнической идентичности. Однако у людей, для которых было приемлемо сразу несколько идентичностей, по-видимому, какая-то из них являлась основополагающей (не исключая при этом ситуационной актуализации в качестве главной других идентичностей, а также возможности сущностного изменения всей иерархии). Например, в случае соседства русской и карпаторусской идентичностей можно констатировать первостепенное акцентирование либо своей русскости (когда карпаторусскость воспринимается лишь как региональное или этнографическое уточнение); или же, наоборот, карпаторусскости (а не своей одновременной принадлежности к русским /восточным славянам/, как и шире — к славянству в целом)⁴⁹.

Также необходимо помнить, что указанные ниже варианты во многом являются лишь идеальными типами. Обращение к конкретным русинским судьбам часто убеждает в крайней схематичности любых классификаций.

Венгерская идентичность. Венгерская этнонациональная идентичность в русинской среде является главным продуктом венгерского национализма. Последний, следуя известной классификации Б. Андерсона, является одним из характерных примеров т. н. «официального» национализма, который представляет собой реакцию

правлящих кругов на национальные движения подчиненных народов и выражается в ассимиляции инородцев⁵⁰. Поддерживавшееся венгерским дворянством распространение венгерской идентичности среди немадьярского населения королевства получило название *мадьяризация*, а ее адепты из числа этнических немадьяр, в т.ч. и русинов — *мадьяроны*. По сути, речь шла о трансформации средневековой *natio Hungarica* в современную венгерскую нацию, что, учитывая изначально полиэтнический характер региона, не могло пройти безболезненно (при этом имелось и благоприятствующее обстоятельство: все жители государства вне зависимости от этнического и социального происхождения были известны и сами себя воспринимали как *Hungari*⁵¹).

Важнейшую роль в данном процессе играло расширение сфер функционирования венгерского языка, который постепенно вытеснял официальную латынь и языки многочисленных народностей Венгрии. Качественно новый этап мадьяризации начался после Австро-Венгерского соглашения 1867 г.⁵²

В качестве наглядного примера психологии сознательных мадьяронов русинского происхождения можно привести высказывание сына священника Мукачевской греко-католической епархии С. Слива: «Русинов называйте не рутенами (о рутенской идентичности см. ниже. — М.Д.), а мадьярами... Признанной интеллигенцией Венгрии не может быть никто другой кроме венгров»⁵³.

Практические формы, в которых мадьяризация проявлялась в русинском обществе в начале 1910-х гг. красноречиво охарактеризовал А.Л. Петров: «На угорской Руси кто хоть сколько-нибудь зависит от властей (хотя бы и в частных предприятиях) — от чиновника, священника, учителя и т.п. до сельского писаря (“нотара”), железнодорожного рабочего, сторожа в канцелярии или в частном банке — если не пожелает лишиться куска хлеба, а то еще и более серьезно поплатиться (до тюремного заключения за *házaárulás* — “государственную измену”), не смеет себя назвать иначе, как мадьяром, признать какой-либо иной язык, а не мадьярский, своим материнским»⁵⁴.

В то же время, как убедительно показал П.-Р. Магочи, мадьяризация, приостановившаяся с образованием ЧСР, успела затронуть только привилегированные слои населения, достаточно поверхностно коснувшись преобладавшего среди русинов крестьянства⁵⁵. Негативные, излишне эмоциональные свидетельства о мадьяризации

(и венграх как таковых)⁵⁶ не дают оснований, однако, отказывать ей в легитимности. К тому же на практике проявления венгерской этнонациональной идентичности во многих случаях легко перепутать и часто просто невозможно разделить с государственно-территориальной, культурной или языковой идентичностями⁵⁷.

Русская (общерусская) идентичность. Данная этнонациональная идентичность апеллировала к традиционным русинским этноконфессиональным представлениям, декларируя с ними свое полное тождество. Однако, в отличие от географически трудно определяемой донациональной идентичности, современная русскость русинов конкретизировала ареал расселения русского народа — от Поппрада до Владивостока. В культурно-политической плоскости русская идентичность была связана с проектом «большой русской нации» и идеологией панрусизма⁵⁸. Литературным языком признавался русский язык (при этом имелись различные взгляды на возможность дополнительного использования в литературных целях карпатских диалектов или заимствований из них). В качестве основного эндоэтнонима признавалось название *русские* (в ед. ч. *русский, русская*), который преподносился как синоним (иногда обязательная замена) прежним русинским этнонимам. Вопреки распространенному мнению о важности количества букв *с* и наличия или отсутствия мягкого знака в слове *русский*, в Карпатском регионе эта деталь не всегда имела то универсальное разграничительное значение, которое ей традиционно приписывается.

Первые, еще не очень четкие, проявления русской идентичности в южной части Карпатского региона можно отнести к концу XVIII — началу XIX вв. Несомненно, ее постепенное проникновение в русинское общество фиксируется гораздо раньше «Весны народов» и Венгерского похода русской армии 1849 г. (как это часто утверждали оппоненты местной русскости⁵⁹). Так, например, переселившийся из Угорской Руси в Российскую империю И. Орлай (1770–1829) еще в 1804 г. опубликовал в «Северном Вестнике» работу «История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся», в которой, как следует даже из названия, южнокарпатские русины причисляются даже не к русским, а россиянам. Сходное национальное кредо еще в 1805 г. высказал цензор славянских книг в Буде, впоследствии первый в истории епископ Прешовской епархии Г. Таркович (1754–1841), опубликовав

оду, в которой выражались идеи восточнославянского единства и высказывались похвалы в адрес кодификаторов русского языка А. П. Сумарокова и М. В. Ломоносова. Подобным образом на заре своей литературной карьеры, в конце 1820-х гг., размышлял и главный просветитель южнокарпатских русинов А. Духнович (1803–1865)⁶⁰. Целая серия еще более ранних местных примеров русской (точнее, с поправкой на период и стиль, *российской*) идентичности приводится в работе литературоведа Ю. Яворского (1873–1937)⁶¹.

Ко второй половине позапрошлого века современная русская идентичность получила распространение в среде немногочисленной русинской интеллигенции, духовенства и учительства. Постепенно начинала проникать и в народные массы, подготовленные к ней благодаря контактам с русской армией. На практике это часто выражалось в активном использовании отчеств и даже переделывании своих фамилий на великорусский лад. Об этом же красноречиво свидетельствуют тогдашние литературные опыты русинов. Так, например, «будитель» Ю. Ставровский-Попрад (1850–1899) прямо назвал одно из своих стихотворений, написанное в 1871 г., «Я русский!»⁶². Примечательно, что, даже советский литературовед Н. В. Водовозов (1902–1977) рассматривал местных литераторов этого периода именно как русских писателей⁶³.

Первоначально мадьяризация косвенно способствовала распространению среди части русинов русофильства а вместе с ним и русской идентичности. В то же время расцвет мадьяризации во второй половине XIX — начале XX вв. заметно притормозил экспансию русскости. Новый этап ее распространения начался уже в условиях межвоенной Чехословакии. Русскую идентичность у русинов активно поддерживали российские эмигранты, порой стремясь руководить «русской» национальной жизнью в республике.

Если перейти на язык исследователей национально-языковых ориентаций, получается, что русскую идентичность разделяли те, кого относят к русофилам или москвофилам, а также некоторые из тех, кто, по мнению современных авторов, был русинофилом. Различие заключается в том, что для первой группы эта идентичность была базовой, а для второй скорее носила дополнительный характер. Как выразился К. В. Шевченко, на практике «представители и того, и другого направления поддерживали местные традиции и существующие языковые нормы, отличаясь лишь в расстановке акцентов»⁶⁴.

Механизмы русинского народного русофильства тонко уловил П.-Р. Магочи: «...все, что связано с Россией, имело неизгладимое влияние на подкарпатскую (южнокарпатскую. — М.Д.) жизнь. Решающим было само название “Русь”. Для подкарпатских русинов Русь стала символом их самих, их рода, села, родины. [...] Вследствие этого, несмотря на географическую отдаленность и лингвистические различия, Россия казалась русинам более близкой — именно потому, что российская цивилизация так или иначе поддерживала тезис про единую Русь»⁶⁵. Несомненно, подобное мировоззрение являлось благодатной почвой для принятия современной русской идентичности.

Русинская и рутенская идентичности. Несмотря на привычное название, русинская идентичность — наименее определенная. Поэтому в данном случае, вероятно, можно говорить о целой группе родственных идентичностей⁶⁶. Подобно русской идентичности, идентичность русинская претендует на свой непосредственный континуитет по отношению к донациональной идентичности русинов⁶⁷. Пожалуй, наиболее важным отличием русинской идентичности от русской является ее сознательное вычленение из восточнославянского массива путем дистанцирования от собственно русских. При этом в разных случаях под русинской территорией могли пониматься весьма разные географические пространства, включающие Южнокарпатский регион, но почти всегда исключаящие великорусские земли⁶⁸.

Отдельные элементы современной русинской идентичности можно проследить в эпистолярном наследии епископа Мукачевского А. Бачинского (1732–1809). Как обратил внимание о. К. Кустодиев, «Бачинский там, где говорит об угро-руссах, пишет *Rutheni*, а где о нас, русских, даже малороссах, пишет *Russi, Russia*»⁶⁹. Четкое разделение в первой половине XIX в. понятий *lingua ruthenica* и *lingua moscovitica* констатирует и прешовский литературовед И. Шелепец. Подобные выводы были сделаны им на основании анализа книги русинского священника (во время ее написания еще семинариста) А. Яницкого (1812–1888)⁷⁰.

Наглядный пример русинского мировоззрения священника Прешовской епархии, вероятно, середины XIX в., был приведен русином-русифилом в московском журнале «Беседа». Вспоминая воспитывавшего его дядю⁷¹, автор так охарактеризовал представления последнего: «О русском народе он имел весьма смутные понятия. “Россияне”, как он называл русских, были по его понятиям особым народом, а бедный

русский народ в Угрии тоже отдельным народцем, который он называл уменьшительным латинским словом “Ruthenculus” (Ruthenus — русский)»⁷². Подобная этнонимическая терминология была с энтузиазмом воспринята официальными кругами Габсбургской монархии и значительной частью русинской интеллигенции⁷³.

В немецком языке применительно к русинам форсировался этноним *Ruthen*. Как отмечал венгерский историк Й. Перени (1915–1981), «в немецких источниках под названием “ruthenische Sprache” следует подразумевать всегда русинский язык в Венгрии или Галиции, то есть украинский язык (с точки зрения, господствовавшей в социалистической Венгрии. — М.Д.), в то время как “russisch” или “russische Sprache” обозначает великорусский язык»⁷⁴. Из немецкого языка данное слово перекочевало в русинскую речь и венгерский язык. Примечательно, что, согласно основанному на знании источников наблюдению процитированного исследователя, до 1867 г. в венгерском языке чаще встречалось выражение *orosz nyelv* (русский язык), которое могло обозначать как русинский, так и великорусский языки⁷⁵. Следует думать, что этот лингвоним коррелировался с этнонимами носителей соответствующих языков.

Сторонники общерусской концепции чаще всего не отрицали легитимности этнонима *русин*⁷⁶, однако русинская идентичность не стояла для них на первом месте. Кроме того, исходя из традиций народного языка, они отвергали возможность образования прилагательного *русинский*, настаивая на более привычной форме *русский* (см. выше).

Несмотря на изначальную синонимичность этнонимов *русин* и *рутен*, со временем они приобрели разные коннотации. Рутенская идентичность несколько увеличивала дистанцию между русинами и русскими, отдаляясь от общего этнонимического корня *рус-*. Этим, видимо, подчеркивалась большая лояльность по отношению к австро-венгерскому и/или конкретно венгерскому обществу. Показателен следующий факт, относящийся к периоду определения политического будущего южнокарпатских русинов после распада Австро-Венгрии. Участники одного из нескольких русинских народных советов (рад), заседавшего 10 декабря 1918 г. в Будапеште, постановили, что русины должны называться по-венгерски не *ruthen*=*рутен*, а *ruszin*=*русин*⁷⁷. Таким образом, в это время очевидна нетождественность обоих этнонимов⁷⁸.

Руснацкая идентичность. Учитывая местные этноязыковые реалии — доминирование в бытовой коммуникации русинов Словакии этнонима *руснак*, а не *русин*, который больше ассоциировался с населением Галиции, наличие заметных различий в языке и культуре с жителями соседней Подкарпатской Руси — теоретически было возможно культивировать особую руснацкую идентичность. Однако на практике, принимая во внимание подчеркнuto пейоративный оттенок указанного этнического названия⁷⁹, никто в регионе, за исключением редких голосов в прессе, не отваживался преобразовывать эту донациональную этническую (и одновременно конфессиональную) идентичность в этнонациональную, тем более противопоставляя ее более широким, русинской, русской и т.п., идентичностям. Так, один прешовский публицист, отстаивавший русицкую этнонациональную идентичность, рассуждал в 1928 г. следующим образом: «Ктожь мы? Руснаками? Такого народа небыло и не есть, такихъ людей слѣду не есть въ жадной (ни одной. — М.Д.) исторіи, въ ніякомъ времени людства. Можетъ быти, что теперь навстануть геніи изъ нашего народа, которы потрафили (которым удастся. — М.Д.) изобрѣсти, установити то названіе народного калѣцтва и народной дегенераціи»⁸⁰.

Малорусская идентичность. Несмотря на то, что многие исследователи склонны отождествлять малорусскую и украинскую идентичности, обращаясь к истории южнокарпатских русинов, их корректнее рассматривать по отдельности. Сама структура этнонимов *малоросс*, *малорус*, *малорусин* и т.п. невольно свидетельствует о наличии некоей связи с Русью в широком смысле слова. Однако этого нельзя сказать об украинском этнониме, который декларирует отношение исключительно к Украине.

Многие представители южнокарпатской русинской интеллигенции не отрицали своей принадлежности к малороссам или же полного или частичного тождества своего языка с малорусским. Об этом свидетельствуют отдельные пассажи из письменного наследия ряда русинских интеллектуалов. Так, уже И. Орлай отзывался о своих земляках, что они «имеют сродство с Малороссиянами, или те же Малороссияне»⁸¹. Увереннее данную точку зрения отстаивал И. Фогораший (1786–1834). В своей работе 1827 г. он отмечал, что «карпато или угро-россіане исходом своим мало россіане суть», а «бесѣда их по болшой части мало-русской совершенно изходна есть»⁸².

Гораздо сложнее точно указать, кто первым из южнокарпатских русинов принял малорусскую идентичность как базовую. Не исключено, что первым сознательным малороссом на южных склонах Карпат следует считать игумена Краснобродского монастыря А. Кралицкого (1835–1894), который в своей статье «О малороссиянах и казаках» (1868) выразился следующим образом: «И наша Угорская Русь вместе с Галичиной принадлежит к малорусской расли славянского племени»⁸³. Исходя из этой и ряда других цитат, современный ужгородский историк Д. Данилюк считает, что А. Кралицкий даже «способствовал утверждению у закарпатских русинов украинской национальной идеи»⁸⁴. Ранее сходную сентенцию высказал галицийский литературовед В. Бирчак (1881–1952)⁸⁵. Однако непредвзятое знакомство с литературным наследием Кралицкого, до конца жизни стремившегося писать на русском литературном языке, скорее опровергает подобные предположения украинских ученых⁸⁶. Пожалуй, можно согласиться с другим ужгородским исследователем — Э. Гийделом, по мнению которого, первым идейным малороссом из южнокарпатских русинов был о. Ю.-К. Жаткович (1855–1920)⁸⁷. Именно Жаткович следующим образом сформулировал свое кредо: «Я по убіжденію держу себе сыном мало-руського народа, того народа, который совсім так одільний е от велико-руського, як, наприклад, от польского или болгарского»⁸⁸. Примечательно, что, считая себя малороссом, он, однако, не желал становиться собственно украинцем⁸⁹. Во многом похожие взгляды в тот же период исповедовал известный карпатовед Г. Стрипский (1875–1946)⁹⁰.

Следует напомнить, что составные этнонимы, производные от понятия «Малая Русь», носят искусственный характер, поэтому они долго оставались неизвестными широким народным массам. Активизацию размышлений о внутренней дифференциации восточного славянства в случае южнокарпатских русинов сильно тормозила их географическая отдаленность от ареала расселения белорусов и великороссов, а также отсутствие с ними регулярных контактов. Однако уже в конце XIX — начале XX вв. современные этнонациональные представления все интенсивнее проникали в народную среду. Поэтому неудивительно, что в начале 1920-х гг. Я. Гусеку в русинских селах Словакии уже встречались отдельные носители малорусской идентичности⁹¹. При этом ученый резонно констатировал, что самоназвание *малоросс* (*Malorus*) встречается «в устах народа очень мало и, кажется, только у тех, которых этому научили»⁹².

Говоря об этой идентичности, нельзя не отметить семантическую неопределенность тесно связанного с ней понятия *малорусский язык*, которое довольно часто использовалось в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии в 1920–1930-е гг. Так, например, автор межвоенного периода, скрывавшийся под псевдонимом Зоркий, насчитал целых четыре его значения:

- «1) литературный язык галицких сепаратистов, или
- 2) литературный язык российских украинских сепаратистов (Шаповаль) или
- 3) новейший язык д-ра Ивана Панькевича, или же наконец
- 4) язык общерусский, язык Пушкина с малорусским произношением («ѣ» как латинское «i» и т. д.)»⁹³.

Очевидно, что малорусская идентичность принадлежит к числу особенно расплывчатых вариантов этнонациональной идентичности, которым даже не было суждено обрести сколько-нибудь четкие очертания. Серьезной причиной этого, видимо, была конкуренция со стороны набиравшей силу собственно украинской идентичности, тогда как идентичность малорусская являлась лишь некоей несовершенной, переходной формой на пути к украинству. Приблизительно то же самое можно сказать о южнорусской и украинско-русской идентичностях.

Украинская идентичность. Украинская идентичность в условиях региона являлась дальнейшим развитием идентичности малорусской. Под влиянием информации об успехах украинской национальной идеи в других регионах (в частности, в Восточной Галиции) переход от малорусскости к украинству трактовался как органичный процесс для всех тех, кого еще недавно относили к малороссам. Таким образом, собственный географический ареал определялся как совокупность регионов, расположенных между Карпатами и Кавказом.

Среди южнокарпатских русинов украинская идентичность проторяла себе путь особенно тяжело, абсолютно не пользуясь в регионе симпатией. Например, Ю. Ставровский-Попрадов классифицировал украинцев (очевидно, носителей украинской идентичности из соседней Галиции) как врагов церкви⁹⁴. Даже тесно связанный с галицийскими украинскими кругами Г. Стрипский отмечал в 1907 г.: «Українство у нас тепер цілкомъ неможливо, бо якразъ такъ чужое, як московщина»⁹⁵. Интересно, что исследователи жизни и деятельности Стрипского относят работу, из которой позаимствована данная цитата,

к «украинофильской полосе» в его мировоззрении⁹⁶. Объяснение подобного, казалось бы, парадокса можно найти у Н. Зоркого. Уже при чехословацком режиме, в 1926 г., этот автор констатировал, что «название “украинец” у нас очень непопулярно не только у приверженцев языка русского, но и между приверженцами так назыв[аемого] “народного напряду”»⁹⁷. Примечательно, что даже местное общество «Просвіта», основанное в 1920 г., на первых порах своей деятельности популяризировало не украинскую (как в других потенциально украинских регионах), а русинскую (*руську* — от этнонима *русин*) идентичность. Только с течением времени идеология деятелей этого общества приобрела отчетливое украинское этнонациональное содержание⁹⁸.

Именно по этой причине мне не удалось обнаружить ни одного южнокарпатского деятеля, который до вхождения русинских земель в состав Чехословакии позиционировал бы себя в качестве украинца/украинки⁹⁹. Местные критики украинства либо отталкивались от тезиса о его якобы искусственном происхождении, либо, даже признавая право украинской культуры на самостоятельное развитие, отрицали прямую связь южнокарпатских русинов с украинцами. Особенно важную роль в деле распространения украинской идентичности в среде южнокарпатских русинов сыграли «сознательные украинцы» — эмигранты из Галиции и России.

Важно подчеркнуть и своеобразное географическое детерминирование украинства на южных склонах Карпат в 1920-е–1930-е гг. Если наибольшее распространение оно получило на востоке Подкарпатской Руси, по соседству с преимущественно принявшими украинскую идентичность районами Восточной Галиции, то наименьшее — в Словакии, где большим доверием традиционно пользовались идентичности, апеллировавшие к местным традициям и широкой русскости.

Карпаторусская, карпато-русинская и т.п. идентичности. Данные идентичности связаны с регионом, именуемым Карпатская Русь. Как и в случае с другими «составными» идентичностями, речь идет о подчеркнуто искусственных и, соответственно, поздних конструктах. Изначально они, видимо, были призваны конкретизировать местную донациональную, а также русскую и русинскую современные идентичности. «Названия карпаторосс, карпаторусский (Karpatorus, karpatoruský. — М.Д.) имеют больше территориальное значение...»¹⁰⁰, — отмечал, например, Я. Гусек.

Само понятие *Карпатская Русь* достаточно размытое, поэтому оно до сих пор вызывает споры относительно своей географической локализации. Так, по мнению идеологов современного русинского движения, апеллирующих к отдельным имевшим место в течение XX столетия прецедентам определения границ Карпатской Руси, этот регион расположен между рекой Попрад на западе и верхним притоком Тисы на востоке. На северных склонах Карпат к землям Карпатской Руси отнесена только территория, занимаемая этнографической группой лемков¹⁰¹. Многочисленные критики подобного подхода указывают на то, что еще в конце XIX — начале XX вв. под Карпатской Русью, как правило, понимали более широкие территории, а к карпаторусам, карпатороссам или карпато-русинам относили значительно большее количество восточных славян. Например, уроженец Шариша, один из популяризаторов православия среди южнокарпатских русинов М. Сарыч (1862–?) отзывался о «карпаторуссах», к которым сам себя причислял, следующим образом: «... мы Карпаторуссы [...] родились во времени от русских родителей в пределах русских Карпатских гор; кто в нынешней Угорщине (Венгрии), кто в Галиции; а кто в Буковине»¹⁰².

Тенденции к сведению базового термина *Карпатская Русь* исключительно к южным склонам, исторически принадлежавшим Венгерской короне, отмечались давно. К примеру, это имело место в интеллектуальных построениях российского ученого русинского происхождения А. Дешко (1821–1874)¹⁰³. А в 1929 г. А. Л. Петров писал, что «под термином “карпаторуссы”, думаем, никто из русских не станет разуметь Руси по северным склонам Карпат»¹⁰⁴. В то же время вне зависимости от границ Карпатской Руси на севере и востоке карпаторусская идентичность в первую очередь претендовала на распространение именно в южной части Карпатского региона.

Угорорусская, угро-русинская и т. п. идентичности. Очевидно, что данные идентичности апеллируют к Угорской Руси. Происхождение последнего топонима носит недостаточно ясный характер. Согласно И. Попу, этот термин использовался учеными лишь начиная с 1830-х гг.¹⁰⁵ Причем некоторые исследователи приписывают его авторство россиянам¹⁰⁶. Если верить А. Добрянскому, словосочетание *Russia hungarica*, рассматривавшееся им как синоним Угорской Руси, встречается уже в средневековых грамотах венгерских королей¹⁰⁷. К тому же термин *Угороросия* находился в официальном титуле

мукачевских епископов в XVIII в.: *епископ мукачевский, марамаруский, викарий в Угоросии апостольский*. Исходя из этого факта, Г. Геровский считал, что он был признан официально¹⁰⁸.

Применительно к началу XX в. свидетельства современников о распространенности среди населения термина *Угорская Русь* расходятся. Например, если Л. Василевский (Плохоцкий) утверждал, что данное название «книжное, совершенно неизвестное народу, который не отделяет своей родины от остальной Венгрии»¹⁰⁹, то русский автор Н. Бахтин склонялся к обратному, ссылаясь на опубликованную народную песню «Угро-русе, моя мила, краю мой родненький»¹¹⁰. По моему мнению, концепция Угорской Руси имела явно элитарное происхождение.

Составной характер угрорусскости, особенно учитывая весьма конкретную политико-географическую реальность «угорского» (чего нельзя сказать ни о малорусскости, ни о карпаторусскости), способствовал тому, что в ней при желании можно было акцентировать не только второй, главный, корень *рус-*, но и первый *угр-*. В отличие от карпаторусскости угрорусская идентичность, как и близкие «угро-» идентичности, предусматривала жесткую привязку к русинским землям; входившим в состав Венгерского королевства, но не распространялась на соседние территории с близкородственным населением (например, на галицийских лемков). Наиболее активно угрорусскость бытовала в среде интеллигенции в период венгерского владычества. К ее литературным памятникам можно отнести, например, известный историографический труд «Историческія черты Угро-Русскихъ» о. И. Дулишковича (1815–1883) (Ужгород, 1874, 1877) и стихотворение о. Ю. Ставровского-Попрадова «Къ угрорусскимъ» (1893)¹¹¹.

Особенно примечательна теоретическая сочетаемость данной группы идентичностей с русской, русинской и некоторыми другими составными идентичностями, с одной стороны, и с идентичностью венгерской, с другой.

После вхождения южнокарпатских русинских земель в состав Чехословакии угрорусскость официально не приветствовалась: достоверно известно, что в условиях молодой республики даже в подобной, этнонимической, форме не поощрялись лишние положительные или нейтральные упоминания о пребывании Словакии и Подкарпатской Руси в составе Венгрии¹¹². В то же время, игнорировать потенциал

данной группы идентичностей, которые ранее пестовались местной интеллигенцией, было бы неправильным. Об этом свидетельствует их последующий повторный расцвет в условиях Венгрии в 1938–1944 гг.¹¹³

Подкарпаторусская, подкарпаторусинская и т. п. идентичности. Настоящая группа идентичностей географически привязана к Подкарпатской Руси; хотя может быть воспринята и как дальнейшее уточнение рассмотренных выше карпаторусской, карпаторусинской и подобных идентичностей, привязанных к более широкой (а потому, размытой) Карпатской Руси. Прилагательное *подкарпатский* в данном случае указывает на локализацию наблюдателя, расположенного на южных склонах Карпат, т. е. в Подкарпатье¹¹⁴, вследствие чего пространства по противоположную сторону горного хребта рассматриваются как Закарпатье (в украинской же и российской топонимии — это, наоборот, Прикарпатье).

Согласно Г. Геровскому, первая фиксация словосочетания *Подкарпатская Русь* относится только ко второй половине XIX в. и связана, прежде всего, с публикациями А. Духновича и А. Добрянского¹¹⁵. Поэтому очевидно, что наибольшая актуализация подкарпаторусской идентичности наступила после последующего вхождения территорий южнокарпатских русинов в состав нового государства Чехословакии.

Определенная сложность заключалась в том, что, до 1920-х гг. под Подкарпатской Русью подразумевались все русинские этнические территории на южных склонах Карпат (при этом указанное название отнюдь не было общепринятым и вообще распространенным). Когда же в составе Чехословакии была образована отдельная административно-территориальная единица Подкарпатская Русь (с 1927 г. Земля Подкарпаторусская — чеш. *Země Podkarpatoruská*) и в нее не вошли русины западных жуп, содержание лексемы *подкарпаторусский* начало претерпевать дальнейшие изменения. В отдельных контекстах оно относилось исключительно к территории соответствующей административно-территориальной единицы, а не к воображаемой исторической области. Эту двойственность во второй половине 1920-х гг. четко охарактеризовал известный общественно-политический деятель М. Брацайко (1883–1946): «Ныне термин (выражение) Подкарпатская Русь имеет двоякое значение: этнографическое и политическое»¹¹⁶. Исходя из всего сказанного выше, неудивительно, что

в литературе данного периода можно найти аргументированную критику использования понятия *Подкарпатская Русь*¹¹⁷. В то же время, у русинской интеллигенции по обе стороны внутренней словацко-подкарпатурской границы в течение всех межвоенных лет прослеживались тенденции к объединению — естественно, в рамках Подкарпатской Руси. Многие местные и особенно зарубежные авторы межвоенного периода прямо отождествляли бывшую Угорскую Русь и Русь Подкарпатскую¹¹⁸. Поэтому и в случае русинов Словакии подкарпатурскую идентичность нельзя сбрасывать со счетов.

Лемковская идентичность. Истоки лемковской этнонациональной идентичности, до середины XX в. не претендовавшей на полностью самостоятельный статус относительно более широких восточнославянских идентичностей, лежат в специфической национально-языковой ситуации Галиции конца XIX — первой трети XX вв. Первоначально название *лемко* являлось прозвищем, обозначавшим русинских горцев, в речи которых вместо общевосточнославянского слова *лишь* был специфический словакизм *лем*¹¹⁹. В первой половине XIX в. оно вошло в научный оборот, став точкой отсчета для выделения особой лемковской этнографической группы (границы которой — т. н. Лемковщины — до сих пор являются дискуссионными).

В качестве реакции на активное распространение украинской идентичности в восточной части Галиции консервативные жители горных западных районов, идентифицировавшие себя с помощью этнонимов с корнем *рус-*, постепенно начали отождествлять себя с «лемками», вкладывая в это этноязыковое содержание. Популяризации термина *лемко* как этнонима заметно способствовало издание здесь с 1911 г. одноименной газеты¹²⁰. По мнению Е. Дуц-Файфер, «с принятием этнонима “лемки” руснаки северных склонов Карпат эволюционировали от этнографической к этнонациональной группе»¹²¹.

Для русинов Словакии, в речи которых, в отличие от большинства русинов Подкарпатской Руси, присутствует слово *лем*, принятие лемковской идентичности теоретически представляется вполне логичным. Однако, несмотря на близкородственность галицийских лемков и соседних с ними словацких русинов, межвоенная национально-культурная ситуация на южных склонах Карпат, в отличие от таковой в Галиции, не обрекала местных русинских жителей

на отказ от традиционной этнонимии и акцептацию изначально семантически пейоративного этнонима. В то же время представители южнокарпатской интеллигенции серьезно относились к лемковской идентичности, рассматривая ее как фактор, объединяющий западных русинов по обе стороны гор.

Чехословацкая идентичность. Принятие русинами, особенно наиболее западными из них, чехословацкой этнонациональной идентичности было возможно посредством признания себя словаками (см. ниже), которые в соответствии с популярной еще перед образованием Чехословакии концепцией чехословакизма рассматривались как часть единого чехословацкого народа — не в политическом, а именно в этническом смысле. Новое чехословацкое политическое гражданство русинов могло бы способствовать этому процессу. Однако, несмотря на серьезные исторические и особенно лингвистические предпосылки для единства чехов и словаков¹²², на практике этнонациональный чехословакизм (в отличие от политического) потерпел в словацком обществе крах, тем самым не превратившись в серьезную альтернативу для соседних русинов.

В современной словацкой историографии этнический чехословакизм априори рассматривается как фикция. — подобно тому, как многие украинские и белорусские историки относятся к проекту «большой русской нации». Однако, на мой взгляд, сама по себе чехословацкая национально-языковая концепция при определенных условиях смогла бы найти большее отражение в иерархии идентичностей словаков, а, как следствие, и части этнических русинов.

Словацкая идентичность. Принимая во внимание культурно-языковую близость южнокарпатских русинов со словаками, а также наличие между двумя родственными этносами переходных групп, гипотетическое принятие русинами словацкой идентичности не является удивительным.

Русинское простонародье невольно приобщалось к словацкой идентичности через книгу. Вследствие мадьяризации образовательной системы в условиях Австро-Венгрии многие русины знали только латинский алфавит. Поэтому книга на достаточно понятном русину словацком языке автоматически становилась им ближе, чем кириллические восточнославянские издания. Наилучшие условия для распространения словацкой идентичности в русинской среде, несомненно, наступили с образованием Чехословакии, когда западная

часть русинской этнической территории непосредственно вошла в состав именно Словакии¹²³.

Применительно к русинам следует отметить своеобразный дуализм словацкой идентичности. Если в одних случаях она акцентирует этнографические или лингвистические характеристики (в соответствии с которыми наиболее западные русины якобы являются словаками), то в других, напротив, пытается опираться скорее на этатистские основы идентичности — подобно преуспевшей в свое время идентичности венгерской¹²⁴.

Естественно, попытки трактовки южнокарпатских русинских говоров как словацких или чехословацких (что предшествовало более важным выводам о необходимой национально-языковой политике по отношению к носителям этих говоров) вызывали резкий отпор со стороны русинских деятелей, принявших восточнославянские современные идентичности¹²⁵.

Словацкая идентичность. В основе данной идентичности лежит ныне оспариваемый тезис о том, что восточные словаки, традиционно называвшие себя «словаками»¹²⁶, представляют собой самостоятельную общность, отличную от словаков более западных районов. В защиту этого мнения при желании можно найти более или менее убедительные исторические, лингвистические и этнографические аргументы. До середины XIX в. (в отдельных случаях и позднее) восточные словаки нередко не признавались словацкой национально-мыслящей интеллигенцией собственно за словаков, а рассматривались как этнически смешанное население или же просто относились ею к полякам или русским¹²⁷. Сепарации восточных словаков способствовало и то, что творцы современного словацкого языка опирались либо на западнословацкую литературную традицию (А. Бернолак, конец XVIII в.), либо на среднесловацкие диалекты (Л. Штур, середина XIX в.), однако никогда — на восточнословацкую речь. И это несмотря на ее активное бытование в качестве средства межэтнического общения между местными немцами, венграми, русинами, а также ее неформальный статус регионального «господского языка», которым в целом не могли похвастаться средне- и западнословацкие диалекты¹²⁸.

Чаще всего попытки выделения словаков или восточных словаков из общесловацкой массы связываются с политикой мадьяризации, которая, как считается, предусматривала максимально возможное

раздробление немадьярских народностей с целью их дальнейшей ассимиляции¹²⁹. В начале XX в. главным пропагандистом словяцтва являлась газета «*Naša zastava*» («Наше знамя»), которая в 1907–1918 гг. выпускалась на восточнословацком наречии в Прешове¹³⁰. Позднее, в условиях победившей чехословацкой государственности идея самостоятельного словяцкого народа толковалась исключительно негативно, однако теоретически сохраняла потенциал, поскольку продолжали бытовать сильные культурно-языковые отличия восточных словаков, в т. ч. эндоэтноним *словак*.

Рассматривая словяцкую идентичность, следует обратить внимание на свидетельство Б. Будиловича, внука А. Добрянского, сделанное в 1914 г.: «Так как цотаки (носители диалектов, в которых *что* произносится как *цо /со/*. — М.Д.) не хотят читать словацких изданий, то чтобы отвлечь их от чтения русских (русинских. — М.Д.) книг и газет правительство ввело в народных школах цотаков-католиков преподавание, кроме мадьярского языка, цотацкого жаргона, стало издавать на нем книги и даже русофобский официоз “*Naša Zastava*” (выходит еженедельно в Пряшеве). Это издание чиновники и учителя стараются распространять даже среди угрорусов не цотаков»¹³¹. Последнее замечание хорошо свидетельствует о возможностях словяцкой идентичности в русинской среде.

Рассматривая позиции трех родственной идентичностей (чехословацкой, словацкой и словяцкой) по отношению к русинскому населению, — в частности, к тем русинам, которые традиционно соседствовали и были смешаны со словаками, следует признать, что именно словяцкая идентичность чисто теоретически (но не в политических условиях ЧСР) имела наилучшие шансы. Это объясняется тем, что она опиралась непосредственно на местный язык, традиции и народное самоназвание; причем частично характерные и для спорных словацко-русинских групп. При этом основы чехословацкой и словацкой идентичности, напротив, часто представлялись весьма чуждыми даже для собственно восточных словаков.

Сотацкая идентичность. Начало сотацкой этнонациональной идентичности можно отождествить с моментом появления особых изданий, предназначенных специально для сотаков. Речь идет не столько об употреблении в печати сотацкого диалекта (что само по себе не ново¹³²), сколько сознательного муссирования идеи существования особой сотацкой группы — пускай, в рамках больших

общностей. Активным пропагандистом сотацтва выступила уже в межвоенный период партия Автономный земледельческий союз (*Автономный Земледельский Союз*). Специальная сотацкая страничка выходила вместе с партийной газетой «Русский Вѣстник» (Ужгород, 1924–1939)¹³³.

Примечательно, что деятели АЗС стремились в конечном счете привить этнографическим сотакам (причем не только греко-католикам, но и верующим других конфессий) так же, например, карпаторусскую и широкую русскую идентичности. Однако на практике их усилия способствовали укреплению собственно сотацтва: свои специфические отличия сотаки могли почувствовать не только благодаря прилагательному *сотацкий* в заглавии предназначенных для них изданий, но также отличному языку (их собственному диалекту) и, что немаловажно, латинской графике. Естественно, сотацкая идентичность относится к числу тех идентичностей, которые по определению не могли распространиться среди всех русинов в словацких границах — тем более, учитывая спорный этноязыковой характер самих сотаков.

Таким образом, русинам Словакии (прежним «руснакам» — по вере и языку) была представлена «на выбор» целая мозаика современных этнонациональных идентичностей. При этом, актуализируя различные языковые, конфессиональные, культурно-исторические, политические аспекты, предлагавшиеся идентичности на разных условиях вводили русинское население в орбиту, соответственно, венгерского мира (венгерская, отчасти угрорусская и т. п.), восточного славянства (русская, русинская, малорусская, украинская, карпаторусская, угрорусская, подкарпаторусская и т. п.), а также славянства западного (чехословацкая, словацкая, словацкая).

Возможность принятия русинами Словакии — или, по крайней мере, их значительной частью — как восточно-, так и западнославянских идентичностей может быть объяснена по-своему уникальным пограничным характером местных русинских диалектов и народной культуры в целом. Обе группы идентичностей, по сути, апеллировали к языковым характеристикам, которые, однако, по-разному истолковывали. В то же время только восточнославянские идентичности могли в своих целях использовать конфессиональные или обрядовые особенности русинского и переходного населения, что,

принимая во внимание сильную религиозность русинов, имело огромное значение.

Особое место в мозаике идентичностей; «предлагавшихся» русинам, занимала венгерская идентичность, опиравшаяся на венгерскую государственность, и вытекавшие из этого культурно-исторические аспекты, но при этом фактически игнорировавшая этноязыковые характеристики русинского населения. Шансы этой идентичности заметно снизились в результате распада земель исторической Венгрии. В какой-то степени в сходной роли для русинов Словакии могли выступать чехословацкая и словацкая идентичности; однако они не имели какой бы то ни было традиции существования в этом качестве. Подобное воздействие на русинов трактуется, как правило, как их ассимиляция.

Совершенно неравноценное значение среди предлагавшихся идентичностей имела сотацкая идентичность, являвшаяся вспомогательным механизмом для дальнейшего приведения к большим восточнославянским идентичностям. В то же время, в случае последних, если идентичности не являлись взаимоисключающими, они могли выстраиваться в иерархию, где главный акцент мог варьироваться (например, от общерусской идентичности через малорусскую до подкарпаторусской), превращая другие идентичности иерархии во вспомогательные.

Естественно, различные идентичности имели отличавшиеся шансы на успешное распространение у разных региональных и социальных групп русинского населения. Культивированию и затуханию тех или иных этнонациональных идентичностей прямо способствовали события внутри-, и внешнеполитической жизни.

Примечания

¹ Незавершенность национальных процессов в русинской среде вместе с частой политизацией русинского вопроса вынуждает дать определение этнониму *русинь*. Я использую его исключительно в этноязыковом смысле, понимая под ним всех автохтонных восточнославянских жителей Карпатского региона вне зависимости от конкретных форм их этнонациональной идентичности.

Вошедшие в состав Чехословацкой Республики (ЧСР) согласно Сен-Жерменскому (1919) и Трианонскому (1920) мирным договорам русинские этнические территории на южных склонах Карпат оказались разделены между двумя крупными административными единицами нового государства — Подкарпатской Русью и Словакией. Вследствие этого национально-языковые процессы на востоке и западе южнокарпатского русинского ареала протекали несколько по-разному.

² Классификация отечественного этнолога А. Д. Коростелева. См.: *Коростелев А. Д. Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002. С. 92.*

³ *Húsek J. Národopisná hranice mezi Slováký a Karpatorusy. Bratislava, 1925. S. 344.*

⁴ *Садохин А. П. Этнология: Учебный словарь. М., 2002. С. 188, 196.* Отталкиваясь от используемой схемы А. Д. Коростелева, следует конкретизировать, что данное положение относится, в первую очередь, к внутренней и декларируемой идентичностям («срезам идентичности»). В случае приписываемой другими и официально фиксируемой идентичностей их внешним проявлением могут являться этнонимы, которые не используются в качестве самоназваний.

⁵ См.: *Магочий П. П. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / Авторизований переклад з англійської. Ужгород, 1994. С. 168; Чучка П. Етноніми русин та руснак і їх деривати в південнокарпатських говорах // Наукові записки. 18. Пряшів, 1993. С. 124.*

⁶ Распоряжения Епархиального Правительства в Пряшевь. 1940. № IX. С. 70. Прочитанный отрывок, естественно, больше связан с конкуренцией не донациональных, а вполне современных этнонимов и, соответственно, идентичностей.

⁷ *Магочий П. П. Русины на Словенську. Историчний перегляд. Пряшов, 1994. С. 10–11.*

⁸ *Чучка П. Етноніми русин та руснак... С. 122.*

⁹ Там же. С. 121–122.

¹⁰ *Петров А. Материалы для истории угорской Руси. VI. Пределы угрорусской речи в 1773 г. по официальным данным. Исследование и карты. СПб., 1911. С. 15.*

¹¹ *Чучка П. Етноніми русин та руснак... С. 124–125.*

¹² Там же. С. 124.

¹³ *Fischer A. Rusini. Zarys etnografiji Rusi. Lwów; Warszawa; Kraków, 1928. S. 8.*

¹⁴ *Кутчанко Г. Буковина и еи русскі жителі. Книжечка для народа съ картою Буковины и многими образками. Вѣдень, 1895. С. 20–21.*

¹⁵ *Несторовский П. А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905. С. 7.*

¹⁶ *Балушок В. Українська етнічна спільнота: етногенез, історія, етнонімія. Біла Церква, 2008. С. 264, 271; Чучка П. Етноніми русин та руснак... С. 125.*

¹⁷ *Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь / Изд. 3-е, стер. М., 1986. С. 588.*

¹⁸ *Срезневский И. И. Русь Угорская // Вчені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини. Ужгород, 2009. С. 164.*

¹⁹ Там же; *Жаткович Ю. Этнографический очерк угро-русских // Мазурок О. Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород, 2001. С. 163.*

²⁰ В настоящее время существует три главные версии происхождения словакоязычных греко-католиков. Словацкие церковные авторы вместе с подавляющим большинством рядовых верующих склоняются к тому, что восточный обряд непрерывно сохранялся на территории современной Словакии непосредственно со времен Великой Моравии и миссии св. Кирилла и Мефодия, таким образом, связывая восточное христианство, в первую очередь, с предками современных словаков. Светская же историография, как и археология, не располагает серьезными доказательствами этой концепции. Вторая версия, выдвинутая впервые А. Л. Петровым, относит распространение восточного обряда среди словаков к периоду «валашской» колонизации (XIV–XVII вв.). В этом случае отдельные словаки на момент Ужгородской унии 1646 г. уже

являлись неотъемлемой частью восточной церкви (Л. Гараксим, Я. Бенько). Третий взгляд на проблему находит ответ исключительно в ассимиляции словаками русинов в течение XVIII–XIX вв. (Б. Варсик, Ф. Улични). См.: *Soltés P.* Historické a konfesionálne súvislosti asimilácie rusínskeho/ukrajinského etnika na Slovensku // *Národ a národnosti na Slovensku. Stav výskumu po roku 1989 a jeho perspektívy.* Prešov, 2004. S. 187–188.

Об этногенезе венгров греко-католиков (среди которых, без сомнения, также есть потомки собственно венгров, сербов и румын) см.: *Палади-Ковач А.* Украинское население северо-восточной части Венгрии в XVIII – XIX вв. // *Карпатский сборник.* М., 1976. С. 140–142; *Кóтуя Р.* К pôvodu maďarských Gréckokatolíkov na Zemplíne // *Gréckokatolícka cirkev na Slovensku vo svetle výročí.* Prešov, 2009. S. 44–57.

²¹ См. обобщающую работу об истории определения словацкой и русинской этнических территорий в связи с вопросом словацко-русинского пограничья: *Љворс Р.* *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou (1919–1939).* Prešov, 2003. S. 11–55, 71–91.

²² *Геровский Г.* К вопросу о значении названия Руснак // *Путями истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни.* Т. I. Нью-Йорк, 1977. С. 11.

²³ См.: *Гнатюк В.* Русини Пряшівської епархії і їх говори // *Записки Наукового Товариства імені Шевченка.* Т. XXXV–XXXVI. Львів, 1900. С. 12. Данная работа ученого относится к периоду, когда В. Гнатюк рассматривал всех восточных словаков («словаков») вне зависимости от вероисповедания как часть русинов. В отличие от собственно «руснаков», которые «имеют infinitives на –ти и не дзекают», к «словакам» он причислял «тех русинов (по мнению Гнатюка. – М.Д.), которые infinitivus имеют на –ц и дзекают» (Там же). В более поздних текстах Гнатюк смягчил свою точку зрения.

²⁴ *Невицька І.* Моя праця. Спогади про моє життя // *Дукля.* 1991. № 2. С. 52.

²⁵ *Петров А.* Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии, Пг., 1915. С. 3.

²⁶ *Гнатюк В.* Русини Пряшівської епархії... С. 12.

²⁷ См. например: *Купчанко Г.* Угорска Русь і еи рускї жителї. Книжечка для народа съ образками и картою Угрии и Угорской, Галической и Буковинской Руси. Вѣдень, 1897. С. 46; *Будилович А. С.* К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси. СПб., 1904. С. 9. Любопытно, что такое утверждение можно найти даже в одной из работ корифея А. Л. Петрова: *Петров А.* *Материалы для истории угорской Руси.* IV. СПб., 1906. С. 2.

²⁸ Например, на венгерском языке и местные русины, и население далекой России чаще всего назывались одинаково – *orosz* (во мн. ч. – *oroszok*). См.: *Магочий П. П.* *Формування національної самосвідомості...* С. 168.

²⁹ *Кустодиев К.* Конгресс католиков Венгрии и угорские русские. (Письма из Пешта) // *Православное обозрение.* М., 1871. Первое полугодие. С. 692.

³⁰ Цит. по: *Аристов Ф. Ф.* *Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам.* Т. I. / 2-е доп. изд. М., 1916. Репринт: Bridgeport, Connecticut, 1977. С. 181.

³¹ *Василевский (Плохоцкий) Л.* Венгерские «руснаки» и их судьба. (Письмо из Австрии) // *Русское богатство.* СПб., 1914, № 3. С. 363.

³² *Петров А.* *Материалы для истории...* IV. С. 2.

³³ *Гнатюк В.* Словаки чи Русини? (Причинки до вияснення спору про національність західних Русинів) // *Записки Наукового Товариства імені Шевченка.* Т. XLII.

Львів, 1901. С. 80. Напомню, что под этим названием Гнатюк подразумевал также тех «руснаков», в речи которых преобладали словацкие элементы.

³⁴ *Húsek J. Národopisná hranice...* S. 361–362.

³⁵ См.: *Halaga O. R. Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatolíci.* Košice, 1947. S. 72–73.

³⁶ *Húsek J. Národopisná hranice...* S. 345.

³⁷ *Šoltés P. Štyri konfesie, tri jazyky: Etnická a konfesiónalna pluralita na Zempláne v 17. a 18. storočí // Historické rozhľady.* IV. Bratislava, 2008. S. 28.

³⁸ *Арутюнян Ю. В., Дробижнева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов.* М., 1999. С. 179.

³⁹ *Húsek J. Národopisná hranice...* S. 366.

⁴⁰ *Ruman J. Otázka slovensko-rusínskeho pomeru na východnom Slovensku.* Košice, 1935. S. 31.

⁴¹ *Коростелев А. Д. Парадоксы этнической идентичности...* С. 98–99.

⁴² См. современный критический очерк истории этнографического районирования Галиции и смежных регионов: *Глушко М. Етнографічне районування української Галичини (за матеріалами наукових досліджень XIX — початку XXI ст.) // Галичина: Етнічна історія. Тематичний збірник статей.* Львів, 2008. С. 46–80. Автор этой фундаментальной работы пришел к следующему неутешительному выводу: «... за два последних столетия вопрос историко-этнографического районирования Галичины и Украины в целом интересовал многих ученых, однако единой схемы они не разработали доныне, то есть все предложенные ранее являются пока что рабочими, которые требуют усовершенствования и уточнения» (С. 79).

⁴³ См.: *Магочій П. П.* Четверта Русь: нова реальність в новій Європі // *Русин [Пряшів].* 2006. №. 5. С. 15–19.

⁴⁴ См.: *Halaga O. R. Slovanské osídlenie...* S. 53.

⁴⁵ *Петров А.* Материалы для истории... IV. С. 16.

⁴⁶ См.: *Halaga O. R. Slovanské osídlenie...* S. 101–102.

⁴⁷ См.: *Петров А.* Материалы для истории... IV. С. 16.

⁴⁸ Например, как отмечал Я. Ф. Головацкий (1814–1888), «Угорский Гуцул и Верховинец называет низменную страну над р[екой] Тисой Польшей (в Полях, в Польши)» (*Головацкий Я. Ф.* О народной одежде и убранстве Русинов или Русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. СПб., 1877. С. 42.)

⁴⁹ Ценным, хотя и не универсальным подспорьем в определении базовой этнонациональной идентичности играют представления о собственном литературном языке. Т. е., обращаясь к последнему примеру, принципиально важно, считает ли тот или иной русин своим литературным языком русский язык или же отстаивает право на развитие особого карпаторусского койне. Славянская идентичность, как максимально широкая, мной не рассматривается.

⁵⁰ См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма М., 2001. С. 124–131.

⁵¹ *Хаванова О. В.* Венгерский Миллениум 1896 года: между «Потемкинской деревней» и «Градом Китежем» // *Национализм в мировой истории.* М., 2007. С. 381.

⁵² Подр. см.: *Крючков И. В.* Венгрия и славянский мир в последней трети XIX — начале XX в. Ставрополь, 2001. С. 78–91.

⁵³ *Іпан С.* Історія Закарпаття. Т. 3. Івано-Франківськ, 2003. С. 488–489.

⁵⁴ *Петров А.* Об этнографической границе... С. 8–9.

⁵⁵ См.: *Магочій П.П.* Формування національної самосвідомості... С. 44–45.

⁵⁶ О причинах мадярофобии в случае дореволюционного российского интеллектуального пространства см.: *Крючков И.В.* Венгрия и славянский мир в интеллектуальном пространстве России в последней трети XIX — начале XX вв. // Славянские форумы и проблемы славяноведения: Сб. статей. М.; Ставрополь, 2008. С. 125–126.

⁵⁷ Так, например, в словацком языке (как и в кодифицированном в 1995 г. литературном языке русинов Словакии) существуют оппозиции *Maďarsko — Uhorsko*, *Maďar — Uhr*, обозначающие соответственно Венгрию в современном смысле слова и историческое мультиэтническое Венгерское королевство, этнического венгра и жителя исторической Венгрии. Однако на практике говорящим и пишущим нередко сложно решить, какую из форм употребить в том или ином конкретном случае.

⁵⁸ О концепции «большой русской нации» и панрусизме см.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–41; *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 129–150; *Неменский О.* Панрусизм // *Вопросы национализма.* 2011. № 7. С. 34–43; *Дронов М.Ю.* Судьбы общерусской идеи в 1917–1991 гг.: Попытка межрегионального обобщения // *Ruská politika na euroázijskom kontinente v moderných dejinách. Medzinárodná vedecká konferencia 2.–3. septembra, Mošovce — Bratislava / Acta historica Posoniensia XXV.* Bratislava, 2014. С. 141–155.

⁵⁹ См., например: *Біленькій [Стрипський Г.]* Старша руська письменність на Угорщині // *Удварі І.* Зберька жерел про студію русинського писемства III. Падор Стрипський, народописник, бібліограф, лінгвіст, тоvmач / *Studia Ukrainica et Rusinica Nyúregyháziensia 21.* Ниредьгаза, 2007. С. 66; *Гнатюк В.* В справі літературної мови підкарпатських русинів // *Науковий збірник Музею української культури Свидник.* Т. 3. Присвячений пам'яті Володимира Гнатюка. Пряшів, 1967. С. 20.

⁶⁰ *Магочій П.П.* Формування національної самосвідомості... С. 26–27.

⁶¹ *Яворський Ю.А.* Национальное самосознание карпаторуссов на рубеже XVIII–XIX веков / Приложение к «Карпатскому Свету». Вып. 62. Ужгород, 1929. С. 2.

⁶² См. в кн.: *Рудловчак О.Ю.* Ставропольский-Попрадов. Життя, творчість, твори. Пряшів, 1984. С. 98.

⁶³ *Водовозов Н.В.* Русские писатели в Чехословакии // Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Ученые записки. № 178. Русская литература и народное творчество. М., 1962. С. 196–203.

⁶⁴ *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006. С. 196.

⁶⁵ *Магочій П.П.* Формування національної самосвідомості... С. 166.

⁶⁶ Отличия можно искать как во внутренних аспектах (например, трактовке собственной территории), так и во внешних (в частности, в форме прилагательных, образованных от этнонима *русин*).

⁶⁷ Хотя, как уже отмечалось выше, этноним *русин*, подобно этнониму *русский* (в ед. ч.), оставался долгое время чуждым широким массам, традиционно отдававших предпочтение самоназванию *русак*.

⁶⁸ Идеологи современного карпато-русинства, окончательно сформулировавшие свои общие идейные постулаты лишь в начале 1990-х гг., апеллируют к носителям рассматриваемой русинской идентичности как к своим идейным предшественникам. В то

же время между ними часто имеются серьезные отличия, в частности, это касается представлений об ареале расселения русинов.

⁶⁹ *Кустодиев К.* Церковь угорских русских и сербов в их взаимоотношении. М., 1873. С. 29. Впрочем, другие сведения о легендарном епископе говорят о нем, как о стороннике восточнославянского культурного единства. Известно, что А. Бачинский был поклонником Ломоносова и заботился о распространении в епархии тогдашнего русского литературного языка. См.: *Аристов Ф. Ф.* Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. М., 1995. С. 14.

⁷⁰ См.: *Шелепец Й.* Книжка О. Яницького 1831 року // *Дукля.* 1991. № 1. С. 66.

⁷¹ В тексте он также называется делом, что свидетельствует о возможной ошибке автора или наборщика или в первом, или во втором случае.

⁷² *Матисов.* Движение народной жизни в Угорской Руси // *Беседа.* М., 1871. Кн. VI. С. 232.

⁷³ Там же. С. 236.

⁷⁴ *Перени Й.* Из истории закарпатских украинцев (1849–1914) / *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae.* К. 14. Budapest, 1957. С. 97.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Впрочем, среди них встречались и радикальные оппоненты использования этого слова. Так, например, в 1928 г. русинские учителя Медзилаборецкого округа Словакии, «исходя из тех соображений, что во устах иностранцев наименование “русинь” звучит, как что-то жалкое, что самое наименование “русинь” привнесено к нашему народу врагами русского народа из политических соображений, что русские Карпатского края есть сынами всего русского народа, что А. И. Добрянский боролся сам против такого наименования и что сами мы с чувством содрогания произносим слово “русинь”, которое дали намь подь угрозой, вмѣсто слова “русский” — постановили: слово “русинь”, какь чуждое намь и неправильное изъять изь употребления» (Конец «русинству» // *Карпатский Свѣт.* 1928. № 4. С. 244–245).

⁷⁷ *Браццайко Ю.* «Що видів я на Закарпаттю...»: Спогади. Ужгород, 2009. С. 17.

⁷⁸ Также в этом постановлении наглядно видно смещение акцентов в собственной идентичности в связи с актуальными общественно-политическими изменениями. Интересно, что уже в наши дни идея замены этнонима *русин* на *рутен* или другое не совсем однокоренное слово была выдвинута эпатажным русинским писателем Владимиром Фединишицем. По мнению этого ужгородского литератора, придерживающегося подчеркнуто прозападной культурно-политической ориентации, «здоровый национализм русина требовал бы отказа и от корня “рус” как скомпрометированного Россией и иже с ней» (*Фединишинец В.* Чи перспективна ідея панславизму на сучасному етапі? // *Ідеї слов'янської єдності та суспільна думка на Закарпатті в ХІХ–ХХ ст.* Доповіді наукового семінару, присвяченого 150-річчю Слов'янського з'їзду в Празі. Ужгород, 1999. С. 42). Русинская общественность, до недавнего времени преимущественно лояльно настроенная по отношению к России и русским, не поддержала инициативу Фединишица.

⁷⁹ Например, Я. Гусек приводит следующее распространенное в регионе присловье: «*Rusnáci — sprost'acil*», т. е., буквально, «*руснаки — дураки*» (*Húsek J.* *Národopisná hranice... S. 84*).

⁸⁰ *Маковичанин.* Мои примѣчания // *Русское Слово.* 1928. № 46. С. 1.

⁸¹ *Орлай И.* О Юго-Западной Руси // *Материалы по истории возрождения Карпатской Руси.* Т. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-ой половине ХІХ-ого

века / Собрал И. С. Свенцицкий. Львов, 1905. С. 44. В процитированном тексте И. Ордай говорит не только о южнокарпатских русинах, но и о галичанах.

⁸² *Бережанинъ И.* Въ обще о различіи Славянских нарѣчій, собственно же о мало ѣ карпато или Угровскихъ // Материалы по истории... С. 48.

⁸³ Цит. по: *Данилюк Д.* Исторична наука на Закарпатті (кінець XVIII — перша половина XX ст.). Ужгород, 1999. С. 179, 321.

⁸⁴ Там же. С. 179.

⁸⁵ *Бірчак В.* Літературні стремління Підкарпатської Руси / 2-е доп. вид. Ужгород, 1937. Факс. вид.: Ужгород, 1993. С. 124.

⁸⁶ См. старую критику отнесения А. Кралицкого к предтечам украинства среди южнокарпатских русинов: *Недзельский Е.* Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932. С. 204–205.

⁸⁷ *Гийдел Е.* Рутенія über alles // Україна модерна. № 12. Стандарти науки і академічне середовище. Київ; Львів, 2007. С. 202. Правда, Э. Гийдел подобно большинству украинских историков не различает малорусскую и украинскую идентичности.

⁸⁸ Листи Юрія Жатковича до Володимира Гнатюка (1895–1914) // *Мазурок О.* Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород, 2001. Л. 29. С. 53. Сходные утверждения Ю.-К. Жатковича см.: Там же. Л. 56. С. 78.

⁸⁹ См.: *Недзельский Е.* Очерк карпаторусской литературы... С. 255–258.

⁹⁰ *Удвари І.* Зберька жерел про студіі русинського писемства III. Падор Стрипський, народописник, бібліограф, языкознаватель, товмач / *Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyháziensia* 21. Ниредьгаза, 2007. С. 146–148, 160–162.

⁹¹ См.: *Húsek J.* *Národopisná hranice*... S. 15, 383.

⁹² *Ibid.* S. 15.

⁹³ *Зоркій Н. 1.* Спорь о языкѣ в Подкарпатской Руси и чешская Академія Наукъ. 2. Какъ освѣдомляеть д-ръ Иванъ Панькевичъ чешскую публику о нашихъ языковыхъ дѣлахъ. Ужгородъ, 1926. С. 13.

⁹⁴ См.: *Перени Й.* Из истории закарпатских украинцев... С. 102.

⁹⁵ *Біленькій [Стрипський Г.]* Старша руська письменность... С. 71.

⁹⁶ *Удвари І.* Зберька жерел... С. 48.

⁹⁷ *Зоркій Н. 1.* Спор о языке... С. 80.

⁹⁸ *Магочій П. Р.* Формування національної самосвідомості... С. 140.

⁹⁹ К сходным выводам ранее пришел Л. Гараксим. См.: *Haraksim E.* *Národnostná identita Rusínov na východnom Slovensku // Národnosti na Slovensku.* Bratislava, 1993. S. 71.

¹⁰⁰ *Húsek J.* *Národopisná hranice*... S. 17.

¹⁰¹ См.: *Магочій П. Р.* Народ нивідьки. Глустрована історія карпаторусинів / По русинськи текст потовмачив В. Падык. Ужгород, 2007. С. 7–9.

¹⁰² [*Сарыч М.*] Братский привет братьям и сестрам карпаторуссам, живущим в пределах Карпатских гор и в Америке, шлет Михаил Сарыч из столицы православно-го русского царя. СПб., 1893. С. 5–6.

¹⁰³ См.: *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / Укладачі П. Р. Магочій, І. Поп.* Переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород, 2010. С. 320.

¹⁰⁴ *Петров А.* Карпаторусские межевые названия из пол. XIX и из нач. XX в. Praha, 1929. С. 18.

¹⁰⁵ См.: *Поп И.* *Энциклопедия Подкарпатской Руси.* Ужгород, 2006. С. 350.

¹⁰⁶ См., например: *Мазурок О.* «...Історію угро-русів, якщо брати до уваги вимоги сучасної історіографії досі не написано...». До 155-річчя від дня народження Юрія Жатковича. Ужгород, 2009. С. 148.

¹⁰⁷ *А.И.Д. [Добрянский А.И.]*. О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // ЖМНП. Ч. ССVIII. СПб., 1880. С. 158.

¹⁰⁸ *Геровский Г.* Язык Подкарпатской Руси / Пер. с чеш. М., 1995. С. 7.

¹⁰⁹ *Василевский (Плохоцкий) Л.* Венгерские «руснаки» и их судьба. (Письмо из Австрии) // Русское богатство. СПб., 1914, № 3. С. 363.

¹¹⁰ *Бахтин Н.* Угорская Русь. Пг., 1915. С. 3.

¹¹¹ См. в кн.: *Рудловчак О.Ю.* Ставровський-Поправдов... С. 100, 102.

¹¹² Любопытно, что А.Л. Петров, размышляя в конце 1920-х гг. над актуальными терминологическими вопросами, считал, что по отношению к термину *Угорская Русь* «было бы преественно правильным название “Чешкословенская Русь”» (*Петров А.* Карпаторусские межвые названия... С. 18).

¹¹³ См., например: *Куцов К.* Александр Ильницкий (1889–1947) и теория угро-русинизма // Русин. [Кишинев.] 2007. № 3. С. 169–179; *Казак О.* Дискуссия относительно этнонима восточнославянского населения Подкарпатской Руси как элемент национально-культурной жизни региона (1939–1944 гг.) // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Культурологія». Вип. 16. Проблеми культурної ідентичності в ситуації сучасного діалогу культур. Матеріали VIII міжнародної наукової конференції (Острого, 24–25 квітня 2015 р.). Острог, 2015. С. 57–65.

¹¹⁴ Правда, следует иметь в виду, что свое Подкарпатье, обусловленное собственным местоположением, есть и на северных склонах Карпат. Именно исходя из этого принципа, получило свое название Подкарпатское воеводство в Польше. Даже применительно к отдельным районам Восточной Галиции в литературе можно встретить топонимы типа *Подкарпатская Львовщина*.

¹¹⁵ См.: *Геровский Г.* Язык Подкарпатской Руси... С. 7.

¹¹⁶ *Брацайко М.* Політична ситуація Підкарпатської Руси 25 років тому назад і тепер // Календар «Просвіти» на 2008 рік. Ужгород, 2008. С. 109.

¹¹⁷ Подр. об этом см.: *Чучка П.* Українське питання в дзеркалі власних назв Підкарпатської Русі // Закарпатська Україна у складі Чехословаччини (1919–1939). Збірник матеріалів 6-ої наукової карпатознавчої конференції. Пряшів, 2–4 вересня 1998 / Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Presoviensis. Slavistický zborník 3. Пряшів, 2000. С. 305–307. Также см.: *Петров А.* Карпаторусские межвые названия... С. 18; *Петров А.Л.* Задачи карпато-русской историографии // Вчені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини. Ужгород, 2009. С. 124.

¹¹⁸ См., к примеру: *Аристов Ф.Ф.* Литературное развитие... В этой работе 1928 г. название *Подкарпатская Русь* Аристов относит только к современному для него периоду («в послевоенное время») (с. 13).

¹¹⁹ Об истории названия *лемко* см.: *Струминський Б.* Назва людей і краю // Лемківщина. Земля — люди — історія — культура / Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Історично-Філософська Секція. Т. 206. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто 1988. Т. I.

¹²⁰ О первой газете «Лемко» и других изданиях с тем же названием см.: *Енциклопедія історії та культури... С. 405.*

¹²¹ Там же. С. 397.

¹²² Как утверждал основоположник чешской славистики Й. Добровский (1753–1829), «словаки (и даже мораване) не называют себя чехами, но по своему языку просто принадлежат к чешскому племени». «В Чехии, Моравии и венгерской Словакии одна и та же славянская речь, только благодаря влияниям окружения разделенная на чешское и словацкое наречия», — отмечал другой выдающийся чешский славист, этнический словак П.-Й. Шафарик (1795–1861). Цит. по: *Měchýř J. Slovensko v Československu. Slovensko-české vzťahy 1918–1991. Praha, 1991. S. 7, 9.*

¹²³ Многочисленные конкретные примеры приведены в цитируемом мной исследовании Я. Гусека.

¹²⁴ Показательно, что в современной Словацкой Республике предположительно большая часть русинов официально идентифицирует себя как словаков. По оценке П.-Р. Магочи, в Словакии проживает около 130 тыс русинов (при этом, согласно официальным данным их количество, ориентируясь на сведения о родном языке, не превышает 55,5 тыс чел.). См.: *Magocsi P. R. Carpatho-Rusyns. 4-th rev. ed. 2012.*

¹²⁵ См., например, юмореску считавшего себя украинцем В. Гренджи-Донского (1897–1974), построенную на недопонимании между русинским крестьянином и чешским чиновником, в статье «Чехизаторы. Вместо малого фельетона» («В доказательство того, что наш язык является — как утверждают чехизаторы — диалектом чешского или же словацкого языка») (*Гренджа-Донський В. Я теж українець. Публіцистика. Ужгород, 2003. С. 107.*)

¹²⁶ Во избежание недоразумений отмечу, что этническим *славяк* в некоторых русскоязычных текстах XIX в. мог обозначать вообще всех словаков. В частности, данную форму считал правильной видный деятель словацкого национального движения, неплохой знаток русского языка о. А. Радлинский (1817–1879), см., например: Зарубежные славяне и Россия. Документы из архива М. Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975. П. 357. С. 380–381.

¹²⁷ Подр. см.: [*Halaga O. R.*] *Slovník — prameň histórie // Východoslovenský slovník. Historicky dokumentovaný (921–1918); paralely české, slovenské ekvivalenty / Zredigoval O. R. Halaga. I. diel. A–O. S. 44–45.*

¹²⁸ *Ibid.* S. 32–33, 35.

¹²⁹ Данную точку зрения разделяет большинство словацких исследователей. Однако, принимая подобный ход мысли, можно прийти к экстравагантному выводу, что и собственно словацкая идентичность, как альтернатива единой чехословацкой, является в какой-то степени следствием венгерского владычества. Подобная оптика воспринимается в современной Словакии в штыки.

¹³⁰ Подр. об этой газете см.: *Tajtak L. Naša zastava — nástroj politiky maďarských vládnúcich tried // Nové obzory. Zv. 8. Košice, 1966. S. 78–107.* Правда, словацкий марксистский автор Л. Тайтак трактует данное издание исключительно негативно, в корне отрицая саму возможность альтернативных национально-языковых процессов в Восточной Словакии.

¹³¹ *Будилович Б.* О необходимости включить всю Угорскую Русь в состав Российской Империи. Харьков, 1914. С. 17. Пафос автора отчасти объясняется тем, что, по его убеждению, «область цотацкого говора всегда была органической частью Угорской Руси» (Там же. С. 15), т. е. «цотаки» входят в состав русинов (по Будиловичу — русских).

¹³² См.: *Reychman J. Pogranicze etniczne słowacko-ruskie // Sprawy narodowościowe. 1938. № 6. S. 196.*

¹³³ См.: *Švorc P. Krajinská hranica... S. 246.*

*Е. Ю. Борисенок
(Москва)*

Понятия «Украина» и «украинцы» в большевистской идентификационной стратегии*

Отношение большевиков к национальному вопросу определялось реалиями исторической ситуации — сосуществованием многочисленных этносов, — в которых им приходилось решать задачу борьбы за социальное переустройство общества. Анализ употребления в большевистской лексике терминов «Украина», «украинцы», их идеологическое наполнение являются отражением взглядов большевиков на проблему межнациональных отношений.

Большевистская версия решения национального вопроса предусматривала разделение «большой русской нации»: в официальных документах и статьях партийных лидеров речь шла не о Малороссии и малороссах как локальной форме общерусской идентичности, но об Украине и украинцах как самостоятельной нации. Об Украине и украинцах большевики стали говорить уже в революционный период 1905–1907 гг. Сначала в большевистскую лексику

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а — «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»)

вошли названия украинских политических партий (Украинская революционная партия, Украинская социалистическая партия, Революционная украинская партия)¹, а затем и население юго-западной части Российской империи стало именоваться украинцами. Если в листовке, написанной В. И. Лениным и напечатанной 23 ноября 1906 г. «Кого выбирать в государственную думу?» РСДРП позиционировала себя как «партию сознательных рабочих всех народностей России, русских, латышей, поляков, евреев, малороссов, армян, грузин, татар и проч.»², то в работе «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции», написанной лидером большевиков в ноябре–декабре 1907 г., речь шла уже об украинцах: «Из представителей нерусских народностей в Думе высказывались по аграрному вопросу поляки, белорусы, латыши и эсты, литовцы, татары, армяне, башкиры, киргизы, украинцы»³.

Переход от малороссов к украинцам был сделан большевиками не случайно: решение использовать национальные движения для разрушения Российской империи влекло за собой необходимость обратить внимание на украинский политический проект, сторонники которого отрицали общерусскую концепцию и настаивали на самостоятельности украинского — не малороссийского — народа. В работе И. В. Сталина 1913 г. «Марксизм и национальный вопрос» речь шла о «проснувшихся к самостоятельной жизни» нациях, среди которых были названы и украинцы: «В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились межнациональные государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. ... Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!.. Так складываются в нации чехи, поляки и т.д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России»⁴.

Признав Украину, большевики «выделили» ее из общерусского пространства, признали самостоятельной нацией. Термин «украинец», по логике большевиков, должен был ассоциироваться с борьбой угнетенных народов за национальное равенство (а этот лозунг и поддерживали большевики), а термин «малоросс» — с политикой

царского правительства. Так, в 1913 г. Ленин писал: «В результате, например, по вопросу о родном языке учащихся имеется лишь общая графа о “русском” языке: подразделение на белорусский, малорусский (украинский) и великорусский явно запрещено»⁵. Анализируя данные министерства народного просвещения о распределении учащихся начальных школ по родному языку, Ленин писал, что «под именем “русского языка” чиновники постоянно смешивают великорусский, белорусский и украинский (“малороссийский”, по казенному наименованию)»⁶.

Каково же было содержание категории «национальное равенство» и «самоопределение» в большевистской теории и практике? После Февральской революции большевистское руководство все чаще пишет о национальной проблеме вообще и украинском вопросе в частности. Общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., было важным тактическим шагом большевиков, в немалой степени определившим их успехи во внутривосточной борьбе.

Весной 1917 г. Ленин настаивал, что «великороссы не будут сильно удерживать ни Польши, ни Курляндии, ни Украины, ни Финляндии, ни Армении, вообще ни одного народа. Великороссы предлагают братский союз всем народам и составление общего государства по добровольному согласию каждого отдельного народа, а никоим образом не через насилие, прямое или косвенное»⁷. Выражение «не будут насильно удерживать» было употреблено не случайно. Как писал Ленин, «захватом русских царей и капиталистов мы считаем и Польшу, и Финляндию, и Украину, и прочие невеликорусские земли»⁸. Поэтому большевики «обязаны удовлетворить тотчас условия украинцев и финляндцев, обеспечить им, как и всем иноплеменникам в России, полную свободу, вплоть до свободы отделения, применить то же самое ко всей Армении, обязаться очистить ее и занятые нами турецкие земли и т. д.»⁹

Любопытно, что Ленин употребил слово «иноплеменники» по отношению к украинцам. Тремя годами ранее Ленин жестко критиковал П. А. Столыпина за причисление украинцев к инородцам: 20 января 1910 г. распоряжением министра внутренних дел ужесточалась регистрация «каких-бы то ни было инородческих обществ, в том числе украинских и еврейских», если их деятельность ведет

к «усугублению начал национальной обособленности и розни»¹⁰. Циркуляр широко обсуждался и в печати, и в III Думе; особенно возмущались деятели украинского национального движения. В статье «К вопросу о национальной политике» Ленин негодовал: «Даже малороссов или украинцев у нас официально, устами “самого” Столыпина зачислили к “иностранцам”»¹¹. Чтобы избежать казуса, подобного столыпинскому, в 1917 г. Ленин и употребил слово «иноплеменники».

Следует признать, что говоря о праве на отделение, большевики вовсе не желали последнего. Так, в работе «К пересмотру партийной программы» Ленин писал: «Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций». По словам Ленина, большевики хотели пролетарского единства, соединения, а не разделения, и именно поэтому «обязаны признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным). Мы тем более обязаны признать свободу отделения, что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять делами, а не словами»¹².

Свое видение положения Украины высказал в этот период и будущий народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин. В статье «Против федерализма», написанной в марте 1917 г., Сталин признавал, что Украина отличается от других регионов Российского государства составом населения: «То, что принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии (Украина, Закавказье, Сибирь, Туркестан и др.), есть не простые географические области вроде Урала или Поволжья, а определенные уголки России с определенным бытом и (не русским) национальным составом населения»¹³. Признав, таким образом, украинскую нацию, Сталин на апрельской конференции РСДРП(б), настаивал на том, что «вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом об обязательности отделения нации в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно

самостоятельно, в зависимости от обстановки»¹⁴. По мнению Сталина, «⁹/₁₀ народностей после свержения царизма не захотят отделиться. Поэтому партия предлагает устройство областных автономий для областей, которые не захотят отделиться и которые отличаются особенностями быта, языка, как, например, Закавказье, Туркестан, Украина. Географические границы таких автономных областей определяются самим населением сообразно с условиями хозяйства, быта и пр.»¹⁵. Поэтому, признавая за народами право на отделение, Сталин предлагал народам, «остающимся в пределах данного государства», — областную автономию¹⁶. В августе 1917 г. Сталин писал, что «объединение мелких государств в крупные является одним из условий, облегчающих дело осуществления социализма». Тем не менее, большевики «безусловно за то, чтобы объединение это было *добровольным*, ибо только такое объединение является действительным и прочным»¹⁷.

Большевистские лидеры подчеркивали, что добровольность была необходимым условием будущего союза народов. В статье «Украина», написанной по поводу принятия универсала Центральной Рады в июне 1917 г., Ленин утверждал: «Ни один демократ не может также отрицать права Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за добровольное соединение в одно государство двух народов. ... Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке»¹⁸.

После прихода к власти большевики выдвинули лозунг «право на самоопределение» в качестве одного из основных завоеваний Октября. 25 ноября 1917 г. на первом Всероссийском съезде военного флота Ленин в своей речи заявил: «Сейчас мы наблюдаем национальное движение на Украине и мы говорим: мы безусловно стоим за полную и неограниченную свободу украинского народа. Мы должны сломить то старое, кровавое и грязное прошлое, когда Россия капиталистов-угнетателей играла роль палача над другими народами. Это прошлое мы сметем, на этом прошлом мы не оставим камня на камне.

Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку

украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии. Только социалистический союз трудящихся всех стран устранил всякую почву для национальной травли и грызни»¹⁹.

Признав за украинской нацией право на существование, большевистское руководство вынуждено было определить и территорию Украины. Между тем проблема границ Украины была далеко не проста. Если Временное правительство ограничивало компетенцию Центральной Рады пятью губерниями — Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской и большей частью Черниговской, то Украинская Центральная Рада в своем III Универсале 7 ноября 1917 г. объявила, что «к территории Народной Украинской Республики относятся земли, заселенные преимущественно украинцами: Киевщина, Подолье, Волынь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное определение границ Украинской Народной Республики, касательно присоединения частей Курщины, Холмщины, Воронежчины и смежных губерний и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено с согласия организованной воли народов»²⁰.

Для большевиков определение территории Украины напрямую зависело от установления там советской власти. Когда 11 (24) января 1918 г. Центральная Рада объявила о независимости УНР, а 9 февраля 1918 г. подписала мирный договор с Центральными державами, большевики Донбасса²¹ решили пойти ва-банк и на IV областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, который состоялся 27–30 января (9–12 февраля) 1918 г. в Харькове, было объявлено о создании Донецко-Криворожской Советской Республики²².

В сложных внутри- и внешнеполитических условиях большевистское руководство, продолжая поддерживать лозунг свободы наций, приняло решение бороться за создание крупной советской украинской республики, включающей промышленные районы на востоке и юге. Именно промышленные районы с пролетарским населением, являющиеся социальной базой РСДРП(б), должны были стать опорой советской власти на Украине в сложной международной обстановке. 14 марта В. И. Ленин отправил телеграмму С. Орджоникидзе: «Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что, как бы они ни ухитрились выделить

из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину и немцы будут ее завоевывать. Ввиду этого совершенно нелепо со стороны Донецкой республики отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны. ... Втолкните все это, тов. Серго, крымско-донецким товарищам и добейтесь создания единого фронта обороны»²³.

Судьба республики была решена. Однако контуры будущей Советской Украины и ее отношение с Советской Россией только намечались. Для большевиков было важно доказать, что конфликт с Центральной Радой отнюдь не означал конфликта между украинскими и русскими трудящимися. В декабре 1917 г. Сталин писал: «Между украинским и русским народами нет и не может быть конфликта. Украинский и русский народы, как и остальные народы России, состоят из рабочих и крестьян, из солдат и матросов. Все они вместе боролись против царизма и керенщины, против помещиков и капиталистов, против войны и империализма. Все они вместе проливали кровь за землю и мир, за свободу и социализм. В борьбе с помещиками и капиталистами все они — братья и товарищи»²⁴.

В то же время лидеры большевиков подчеркивали, что существуют различия между украинским и русским народами. В апреле 1918 г. Сталин перечислил «выделившиеся в России области», которые «представляют вполне определенные единицы в смысле быта и национального состава»: Украина, Крым, Польша, Закавказье, Туркестан, Среднее Поволжье, Киргизский край²⁵. Эти области — т.е. и Украина в том числе — были «насильственно втиснуты в общероссийский политический организм»; история «объединения» этих территорий представляет сплошную картину насилий и угнетения со стороны старых российских властей²⁶. Сталин подчеркивал, что субъектами федерации может быть не всякая территория, «а лишь определенные области, естественно сочетающие в себе особенности быта, своеобразия национального состава и некоторую минимальную целостность экономической территории. Таковы — Польша, Украина, Финляндия, Крым, Закавказье (причем не исключена возможность, что Закавказье разобьется на ряд определенных национально-территориальных единиц, вроде грузинской, армянской, азербайджанско-татарской и пр.), Туркестан, Киргизский край, татаро-башкирская территория, Сибирь и т.п.»²⁷ Таким образом, представления о национально-специфическом базируются на этническом

своеобразии территории («особенности быта», «своеобразие национального состава»), при этом указанная территория должна обладать целостностью в экономическом плане.

Определяя судьбу Украины, большевистские лидеры вынуждены были признать не только ее автономию (о чем писал Сталин в 1917 г.), но и считаться с ее государственно-политической самостоятельностью. Во время Брестских переговоров делегация Украинской Центральной Рады представляла интересы независимой от Советской России стороны. Над Брестом бродил призрак «права наций на самоопределение». Раскол пространства восточных славян стал реальностью, и к польскому вопросу в этом регионе добавились вопросы украинский и белорусский, отмеченные попытками создания собственной государственности. Интересы Германии, по ходу войны делавшей ставку на раскол империи Романовых, в чем-то вполне совпадали с интересами большевиков, сочетавших мечту о «мировой революции» с радикальной национальной программой.

3 марта 1918 г. был подписан договор Германии и ее союзников с Советской Россией. В мирном договоре официально прозвучало наименование «Украина». В статье VI говорилось: «Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этими государствами и державами Четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской Красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Украинской Народной Республики»²⁸. В соответствии с условиями Брестского мира большевики признали и независимость УНР, хотя и считали это мерой вынужденной, а существование независимой несоветской Украины — лишь результатом внешнеполитических обстоятельств, лишенным каких-либо внутренних обоснований.

После заключения Брестского мира вопрос о территории Украины стал особенно актуальным. 30 марта 1918 г. Рада народных министров УНР отослала СНК РСФСР телеграмму с предложением прекратить состояние войны и подписать договор, который урегулировал бы вопрос о границах и правовые отношения. 3 апреля из Москвы пришла нота, в которой предлагалось начать мирные переговоры. Советскую делегацию возглавляли Х. Раковский и Д. Мануильский,

украинскую — С. Шелухин. 23 мая 1918 г. официально начались переговоры.

Во время переговоров велись острые дискуссии по проблеме государственных границ. Украинская делегация настаивала на этнографическом принципе с учетом политических, географических и экономических аспектов. Российская сторона считала, что такая позиция игнорирует принцип самоопределения и настаивала, чтобы вопрос учитывал волю населения²⁹. Обе стороны приводили примеры постановлений сельских советов приграничных территорий, населения которых высказывало желание присоединиться или к Украине, или к России. Украинская сторона считала проведение плебисцитов нецелесообразным, поскольку такой важный вопрос должен решаться с учетом интересов всей страны, а не только исходя из желания групп населения отдельных местностей, и настаивала на принципе их экономического единства с Украиной, обусловленной историческими связями и традициями³⁰.

Большие споры возникли по поводу северных уездов Черниговщины, западных и юго-западных уездов Курской, Воронежской губерний, а также Донбасса. Российская сторона считала, что к ней должны отойти 5 уездов Волыни, 4 уезда Черниговщины, украинские части Курщины, Воронежчины, Харьковщины и Екатеринославщины. С этим не были согласны украинцы: предлагаемая большевиками линия отступала на запад от того, что они считали украинской этнографической границей, на 125–200 верст³¹. 10 июля С. Шелухин заявил российским представителям, что «у вас апатетит большой, совсем не социалистический»³². Переговоры зашли в тупик, а в октябре 1918 г. были прерваны; границы Украины так и не были определены.

Впрочем, после провозглашения Украинской ССР в январе 1919 г. территория Украины была, наконец, большевиками определена. 14 февраля украинское правительство отправило своих делегатов в Москву для официального рассмотрения вопроса о границах. Первоначально украинские лидеры намеревались оставить Белгородский и Грайворонский уезды за собой, но глава правительства УССР 16 февраля отправил Г. В. Чичерину телеграмму: «Украинское рабоче-крестьянское правительство отказывается от какой либо юрисдикции над этими уездами»³³. 25 февраля 1919 г. состоялось «Межведомственное совещание по вопросам выделения

Гомельской губернии и установления границ с Украиной» при экономико-правовом отделе Народного комиссариата иностранных дел. Единоголосным решением участников совещания границы между Украиной и Россией, за исключением северной части Черниговской губернии, были утверждены довоенные, межгубернские, а Перекопский перешеек стал границей между Украиной и Крымом³⁴. 10 марта украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой», по которому государственными фактически признавались административные границы украинских земель, входивших ранее в состав Российской империи, т. е. 9 бывших губерний (Киевская, Херсонская, Подольская, Волынская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Таврическая).

Определяя контуры Советской Украины, большевистские лидеры рассчитывали в будущем на слияние УССР и РСФСР. Так, через полтора месяца после утверждения Договора о границах, 23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос, при каких условиях и в какой форме такое слияние будет проведено³⁵. Подобные настроения сохранялись вплоть до конца осени 1919 г. Набрасывая проект тезисов о политике на Украине к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г., В. И. Ленин еще надеялся на будущее слияние: «Пока — самост[оятельная] Укр[аинская] С[оциалистическая] Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.XI.—19 “принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI—19 г. и что в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России”»³⁶.

Однако в расчеты большевиков вновь внесла коррективы внешняя политика. На этот раз в планы Ленина вмешалась Польша. Ситуация для большевиков обострилась до крайности. Учитывая заинтересованность Польши судьбой западных окраин бывшей Российской империи (переговоры Польши с УНР, заключение 1 сентября прелиминарного соглашения), большевистское руководство в Москве решило дополнительно обезопасить себя, прекратив попытки развернуть пропаганду слияния двух советских республик. В Резолюции ЦК РКП(б) о советской власти на Украине, тезисы

которой были написаны Лениным в ноябре 1919 г., говорилось, что «украинская культура (язык, школа и т. д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России», поэтому необходимо «содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры», а «члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс»³⁷. 28 декабря 1919 г. В. И. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». Лидер большевиков провозгласил, что только украинские рабочие и крестьяне «на своем Всеукраинском съезде Советов» могут решить вопрос о судьбе Украины. Ленин объявил о готовности большевиков пойти на уступки в столь важном вопросе: «...Мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»³⁸.

Большевистское руководство в своем противоборстве с Польшей оперировало принципами национального самоопределения, используя УССР в качестве стороны переговорного процесса. Так, 12 октября в Риге были заключены предварительные условия мирного договора между РСФСР и УССР с одной стороны, и Польшей — с другой. 18 марта 1921 г. в Риге был заключен мирный договор, по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Обе стороны признавали независимость Украины и Белоруссии³⁹. Стоит отметить, что в документе фигурировали наименования «Украина» и «Украинская Социалистическая Советская Республика»⁴⁰, причем обе договаривающиеся стороны, как говорилось в документе, признавали независимость Украины⁴¹. В отношении жителей фигурировало определение «лица украинской национальности», причем таковыми (украинцами и белорусами) именовалось и восточнославянское население Польши⁴².

После Рижского мира вновь стал актуальным вопрос о взаимоотношениях между советскими республиками. Сталин отстаивал

свой план построения государства, получивший название «автономизации». Буквально накануне заключения предварительных условий мирного договора, 10 октября 1920 г. в «Правде» появилась его статья «Политика Советской власти по национальному вопросу в России». Сталин признавал, что «окраины России, нации и племена, населяющие эти окраины, как и всякие другие нации, имеют неотъемлемое право на отделение от России»⁴³. Однако интересы народных масс говорят, что требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно⁴⁴. Сталин предлагал советскую автономию в разных формах: «От узкой, административной автономии (немцы Поволжья, чувашаи, карелы) она переходит к более широкой, политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой, политической автономии — к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, от украинского типа автономии — к высшей форме автономии, к договорным отношениям (Азербайджан)»⁴⁵. Как видим, Украине отводилась расширенная форма автономии, шире которой были только договорные отношения.

Сталин настаивал на необходимости немедленного изменения существующего порядка отношений «между центром и окраинами». Об этом говорилось в его письме Ленину от 22 сентября 1922 г. Причиной такой спешки было не столько удобство администрирования, сколько партийно-политические соображения. Сталин указывал на существование среди коммунистов большого числа «социал-независимцев», упорно признававших «слова о независимости за чистую монету» и недовольных централизаторской политикой ЦК партии, объясняя их появление необходимостью «демонстрировать» в период гражданской войны «либерализм Москвы в национальном вопросе»⁴⁶.

Однако в полной мере осуществить свои планы Сталину не удалось. Хотя 24 сентября 1922 г. комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) приняла резолюцию о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, где говорилось о формальном вступлении советских республик в состав РСФСР, через несколько дней (предположительно 26 сентября 1922 г.) по настоянию Ленина были внесены уточнения в пункты резолюции. Теперь речь шла уже об их объединении в СССР «с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава союза». Ленинский проект «федерализации» одержал победу.

Советский украинский проект стал принимать окончательную форму после того, как на XII съезде партии в 1923 г. были принят курс на коренизацию, согласно которому каждой советской республике надлежало придать национальную окраску путем поддержки национальной культуры, языка, выдвижения национальных кадров и т. п. Большевики делали все, чтобы наименование «Украина» стала ассоциироваться со словом «советская», противопоставляя свой национальный курс политике царского правительства. Так, известный партийный деятель А. Хвыля подчеркивал, что существуют «Украина прошлого, Украина Петлюры и других националистических группировок» и «Украина новая, Украина советская, Украина трудящихся»⁴⁷. Украинцы стали именоваться социалистической нацией. В работе 1929 г. «Национальный вопрос и ленинизм», Сталин подчеркивал: «Никто не может отрицать, что нынешние социалистические нации в Советском Союзе — русская, украинская, белорусская, татарская, башкирская, узбекская, казахская, азербайджанская, грузинская, армянская и другие нации — коренным образом отличаются от соответствующих старых, буржуазных наций в старой России как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям»⁴⁸. Советское руководство утверждало, что раньше, при царской власти, украинский народ угнетался, теперь же он обладает всеми национальными правами. Как писал Ленин в одной из последних своих статей «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», «националы большой нации» в «исторической практике» виноваты «в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений, — стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как “полячишкой”, как татарина не высмеивают иначе, как “князь”, украинца иначе, как “хохол”, грузина и других кавказских инородцев, — как “кавказский человек»»⁴⁹.

Большевики противопоставляли Украину Малороссии. Украинский советский писатель и публицист Н. Г. Хвылевой, полемизируя с философом и литературным критиком В. Юринцом, задает вопрос: «Или, может, профессор думают, что Украина так себе, “для блезиру”, а действительно все-таки Малороссия?»⁵⁰ Не менее резко Хвылевой возражал А. Хвыле, занимавшему должность сначала

заместителя руководителя агитпропа ЦК КП(б)У (1926–1928), а затем и возглавившему этот отдел: «Дело в том, камраде Хвьяля, что вы немного проспали: ложились — была Малороссия, поднялись — стоит Украина?»⁵¹ Хвьялевой призывал отбросить «малоросийщину, просвитянщину и другую бесперспективную узость и зовем к неизвестным горизонтам прекрасного азиатского ренессанса»⁵².

Для Хвьялевого Малороссия ассоциировалась с провинциализмом, любительщиной, второсортностью. Малороссии противопоставляется Украина, которой, по мнению писателя, предназначалась мессианская роль в будущем социалистическом переустройстве мира, поскольку «духовная культура большевизма может ясно проявиться только в молодых советских республиках... и в первую очередь под голубым небом юго-восточной республики коммун», которая воспитывала «в своих буйных степях тип революционного конкистадора»⁵³.

В период коренизации / украинизации национальность «украинец» постепенно становилось одним из условий успешной карьеры; и численность украинцев в партийном и государственном аппаратах росла. Бывший боротьбист (а в то время — глава украинского Наркомпроса) А. Я. Шумский дал весьма эмоциональную оценку малороссам и украинцам на заседании политбюро 15 мая 1926 г. Он утверждал, что «в партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу. Господствует, опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно лицемерен, рабски двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лже-интернационализмом, бравитует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплывать его (может иногда и по-украински), если это дает возможность выслужиться и получить теплое местечко»⁵⁴.

Шумский различал настоящих коммунистов-украинцев (надо полагать, к ним он относил как раз выходцев из распущенных не-большевистских партий, бывших боротьбистов и укапистов, которые затем стали членами КП(б)У) и коммунистов-малороссов, «притворявшихся» украинцами из карьерных соображений, не придерживавшихся каких-либо нравственных норм. Малороссы для Шумского отнюдь не являются «сознательными украинцами»; если их и можно назвать украинцами — то только по фамилиям.

Термины «малоросс» и «Малороссия» исчезают из официального словоупотребления, официальными наименованиями окончательно становятся «украинец» и «Украина». При этом Украина рассматривается в широком плане: большевики называли Украиной не только земли УССР, но и регионы за ее пределами, в отношении которых употребляли наименование «Западная Украина». Впрочем, в 1920 г., во время войны с Польшей, использовалось и понятие «Галиция». Например, в речи на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. Ленин говорил: «12 июля внезапно, как вы, вероятно, помните, мы получили телеграмму от секретаря Лиги наций с заявлением, что польское правительство согласно вступить в переговоры о мире на условиях этнографических границ и на условиях отнесения всей Галиции к Польше»⁵⁵. В речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. Ленин также употреблял наименование «Восточная Галиция»: «Несмотря на то, что Польша тогда держала под своим влиянием не только всю Литву, но и Белоруссию, не говоря уже о Восточной Галиции, мы считали своим долгом делать все возможное, чтобы избежать войны»⁵⁶.

Образованная в 1919 г. в Станиславе партия именовалась Коммунистической партией Восточной Галиции, а в 1920 г. (с 15 июля по 23 сентября) во время наступления Красной Армии на Польшу была образована Галицкая Социалистическая Советская Республика. В 1923 г. ситуация изменилась: Совет Послов Антанты признал за Польшей все права верховной власти над территориями, границы которых были определены Рижским мирным договором. УССР подало ноту правительствам Франции, Великобритании, Италии. «Украинское Советское Правительство решительно возражает против любого решения без его участия судьбы территорий, непосредственно граничащих с Украиной и имеющих много общих интересов с последней»⁵⁷, — говорилось в документе: УССР ссылалась на то, что в Восточной Галиции «3/4 населения составляют украинцы», что судьбу этой территории должно решать «свободное волеизъявление всех национальностей, ее населяющих»⁵⁸.

Коммунистическая партия Восточной Галиции выразила свое отношение к изменившимся условиям. К 1923 г. часть лидеров КПВГ были сторонниками объединения с Коммунистической рабочей

партией Польши, другие же всячески противились этому процессу, одновременно отстаивая лозунги борьбы за объединение западно-украинских земель с Советской Украиной. В сентябре 1923 г. II съезд Коммунистической рабочей партии Польши принял ряд документов, в которых речь шла о борьбе с политикой национального угнетения. Партия признавала: «Народам, силой включенным в состав Польского государства, третируемым и угнетаемым, II съезд КРПП гарантирует поддержку польских трудящихся масс в борьбе этих народов за национальное освобождение и за право свободно решать свою судьбу»⁵⁹. Речь шла о «полной национальной свободе украинцев» и их праве «на соединение с братьями, находящимися по другую сторону пограничных столбов»⁶⁰, за «объединение с трудящимся народом Советской Украины»⁶¹.

После этого Коммунистическая партия Восточной Галиции была переименована в Коммунистическую партию Западной Украины, деятельность которой распространялась на территорию Вольни, Полесья, Подляшья, Холмщины. КПЗУ присоединилась к КРПП на правах автономной части. Западноукраинские коммунисты выдвинули лозунг воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной путем социалистической революции в Польше.

В январе 1924 г. ЦК КПЗУ выпустило обращение к рабочим и крестьянам Западной Украины, в котором говорилось: «II съезд КРПП еще раз показал, что революционный польский пролетариат не только не хочет притеснять пролетариат других народов, но залогом своего освобождения считает освобождение трудящихся других народностей. Съезд указывает им прямую дорогу к соединению со своими братьями-пролетариями, которых империалистическая буржуазия разделила границей»⁶².

Наименование «Западная Украина» прочно вошло в большевистский лексикон. Так, в письме Д.З. Мануильскому 31 июля 1924 г. Сталин замечает: «Резолюция по национальным вопросам Средней Европы и Балкан в общем хороша. ... Я бы советовал только сделать некоторые изменения в тех пунктах, где говорится о присоединении украинских и белорусских территорий к СССР. Лучше было бы исправить это в том смысле, что речь идет о воссоединении (подч. в тексте письма. — Е.Б.) разорванных империалистскими державами на части Украины и Белоруссии. Так будет скромнее и осторожнее. Иначе могут обвинить конгресс, что он заботится

не об освобождении национальностей, а о приращении территории России. На деле мы от такого исправления ничего не проиграем, ибо все равно все эти разорванные части сомкнутся в свое время с СССР (больше им некуда ткнуться)»⁶³.

В начале 1925 г. в Резолюции Президиума Исполкома Коминтерна по вопросу об Украинской коммунистической партии было расшифровано, что большевики относили к Западной Украине. В документе говорилось о живом сочувствии к УССР «среди трудящихся украинских масс, территории которых захвачены соседними буржуазными государствами: Польшей, Румынией и Чехословакией (Западная Украина и входящая в ее состав Восточная Галиция, Буковина, Бессарабия и Прикарпатская Украина)»⁶⁴.

Большевики подчеркивали связь Западной и Советской Украины. Например, читая доклад на общегородском активе Харьковской парторганизации 20 марта 1928 г., Л. М. Каганович заявил: «Западная Украина, составляющая неотъемлемую часть всей нашей Украины и временно оторванная от нас, является плацдармом, на котором группируются и составляют те силы, которые в грядущих боях капитализма и социализма первыми выступят против Советского Союза и Советской Украины. Не может быть никаких сомнений в том, что национальный вопрос на международной арене, а особенно украинский вопрос, приобретает в данную эпоху, эпоху борьбы революции и контрреволюции громадное значение»⁶⁵.

В 1939 г. речь шла о защите «единокровных украинцев и белорусов, проживавших на территории Польши»⁶⁶, а присоединяемые земли по утвердившемуся определению именовались Западной Украиной. Например, в Декларации о государственной власти говорилось: «Панская Польша, державшаяся на угнетении миллионов украинцев, белорусов и польского трудового народа, пала. Красная Армия, выполняя волю великого советского народа, протянула трудящимся Западной Украины руку братской помощи и освободила их из-под гнета польских панов и капиталистов»⁶⁷. После присоединения западноукраинских земель к УССР советский украинский проект получил свое завершение.

Таким образом, термины «Украина» и «украинец» прочно вошли в лексику большевиков, заменив понятия «Малороссия» и «малоросс». Речь шла не о малороссах как части единого русского народа, а об украинцах как самостоятельной нации, причем включающей

в себя как коренное население Украинской ССР, так и часть восточнославянского населения Польши, Чехословакии и Румынии (в Восточной Галиции, Буковине, Бессарабии и Прикарпатье). При этом, признав право на самоопределение украинского народа, большевики отнюдь не желали отделения, боролись за установление советской власти на Украине и прочной связи между УССР и остальными национальными республиками Советского Союза. Одновременно лидеры большевиков всячески подчеркивали добровольность объединительного процесса, настаивали на различиях между положением Малороссии в Российской империи и Украинской ССР в Советском Союзе.

Примечания

¹ III съезд РСДРП 12–27 апреля 1905 г. *Ленин В.И.* Речь по вопросу о практических соглашениях с с.-р. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. В 55-ти тт. М., 1967–1981. Т. 10. М., 1967. С. 181; *Ленин В.И.* Первые итоги политической группировки // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. М., 1968. С. 7.

² *Ленин В.И.* Кого выбирать в государственную думу? // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 14. М., 1972. С. 132.

³ *Ленин В.И.* Аграрная программа с.-д. в первой русской революции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 16. М., 1973. С. 386.

⁴ *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И.В.* Соч. В 18-ти тт. М., Тверь, 1946–2006. Т. 2. М., 1946. С. 303–305.

⁵ *Ленин В.И.* Нищета народных учителей // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 24. М., 1973. С. 195.

⁶ *Ленин В.И.* Национальный состав учащихся в русской школе // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 24. М., 1973. С. 219.

⁷ *Ленин В.И.* Наказ выбираемым по заводам и по полкам депутатам в совет рабочих и солдатских депутатов // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 32. М., 1969. С. 41.

⁸ *Ленин В.И.* Есть ли путь к справедливому миру? // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 32. М., 1969. С. 305.

⁹ *Ленин В.И.* Задачи революции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. М., 1969. С. 232.

¹⁰ *Горизонтов Л.Е.* «Инородческий казус» 1910 года как проявление конфликта идентичностей в политической жизни Российской империи // *Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich / Сценарии конфликтов на рубеже XIX – XX веков: политические – социальные – культурные. Австро-Венгерская и Российская империи. Wien, 2011. S. 186.*

¹¹ *Ленин В.И.* К вопросу о национальной политике // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 25. М., 1969. С. 66.

¹² *Ленин В.И.* К пересмотру партийной программы // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. М., 1969. С. 380.

¹³ *Сталин И.В.* Против федерализма // *Сталин И.В.* Соч. В 18-ти тт. Т. 3. М., 1946. С. 26–27.

- ¹⁴ *Сталин И. В.* Выступления на VII (апрельской) конференции РСДРП (больше-виков) 24–29 апреля 1917 г. // *Сталин И. В.* Соч. В 18-ти тт. Т. 3. М., 1946. С. 52.
- ¹⁵ Там же. С. 53.
- ¹⁶ Там же. С. 57.
- ¹⁷ *Сталин И. В.* Контрреволюция и народы России // *Сталин И. В.* Соч. В 18-ти тт. Т. 3. М., 1946. С. 206.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Украина // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 32. М., 1969. С. 341–342.
- ¹⁹ *Ленин В. И.* Речь на первом Всероссийском съезде военного флота // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М., 1974. С. 115.
- ²⁰ Українська центральна рада. Документи і матеріали. У 2-х т. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917. К., 1996. С. 400.
- ²¹ К началу 1918 г. на Украине действовали два самостоятельных областных объединения РСДРП(б) — Донецко-Криворожского бассейна и Юго-Западного края.
- ²² Донецко-Криворожская республика является предметом дискуссии в современной исторической литературе, см., например: *Удод О. А.* Історіографія Донецько-Криворізької радянської республіки // *Регіональна історія України: зб. наук. стат.* Вип. 1. К., 2007. С. 221–228; *Корнилов В. В.* Донецко-Криворожская Советская Республика: Расстрелянная мечта. Харьков, 2011; *Шабельніков В. І.* До питання про утворення Донецько-Криворізької республіки: історико-регіональний аспект // *Історичні і політологічні дослідження.* Наук. журн. Донецьк, 2013. № 2 (52). С. 145–151 і др.
- ²³ *Ленин В. И.* Телеграмма С. Орджоникидзе // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. М., 1970. С. 50.
- ²⁴ *Сталин И. В.* Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте // *Сталин И. В.* Соч. В 18-ти тт. Т. 4. М., 1947. С. 67.
- ²⁵ *Сталин И. В.* Организация Российской Федеративной Республики: Беседа с сотрудником газеты «Правда» // *Сталин И. В.* Соч. В 18-ти тт. Т. 4. М., 1947. С. 67.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 69–70.
- ²⁸ Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой. 3 марта 1918 г. // *Документы внешней политики СССР.* В 24-х тт. М., 1957–2000. Т. 1: 7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1918 г. М., 1957. С. 122.
- ²⁹ Мирні переговори між Українською Державою та РСФФР. Протоколи і стенограми пленарних засідань. Зб. док. і матеріалів. Київ: Нью-Йорк; Філадельфія, 1999. С. 12–13.
- ³⁰ Там же. С. 13.
- ³¹ Там же. С. 14.
- ³² Там же. С. 15.
- ³³ *Єфіменко Г.* Визначення кордону між УСРР та РСФФР (1917–1920) // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр.* Вип. 20. Київ, 2011. С. 151.
- ³⁴ *Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ, 1994. С. 123–125; *Єфіменко Г.* Визначення кордону. С. 152.
- ³⁵ *Лозицький В. С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). Київ, 2005. С. 20.

- ³⁶ Ленин В. И. Проект тезисов о политике на Украине // Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 306.
- ³⁷ Ленин В. И. Резолюция ЦК РКП(б) о советской власти на Украине // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М., 1970. С. 334–335.
- ³⁸ Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд-е. Т. 40. С. 42, 45–46.
- ³⁹ См. Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой. 18 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г. М., 1959. С. 619.
- ⁴⁰ Там же. С. 618.
- ⁴¹ Там же. С. 619.
- ⁴² Там же. С. 626.
- ⁴³ Сталин И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И. В. Соч. В 18-ти тт. Т. 4. М., 1947. С. 353.
- ⁴⁴ Там же. С. 354.
- ⁴⁵ Там же. С. 355.
- ⁴⁶ Документы и материалы о работе комиссии Орг. бюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. №9. С. 199.
- ⁴⁷ Хвилья А. Национальный вопрос на Украине. Харьков, 1926. С. 69.
- ⁴⁸ Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // Сталин И. В. Соч. В 18-ти тт. Т. 11. М., 1949. С. 339–340.
- ⁴⁹ Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М., 1970. С. 358–359.
- ⁵⁰ Хвильовий М. Україна чи Малоросія? // Хвильовий М. Твори. У 2-х т. Київ, 1990. Т. 2. С. 582–583.
- ⁵¹ Там же. С. 593.
- ⁵² Хвильовий М. Про демагогічну водичку, або справжня адреса української ворончини, вільна конкуренція, ВУАН і т. д. (Третій лист до літературної молоді) // Хвильовий М. Твори. В 5-х тт. Т. 4. Нью-Йорк–Балтимор–Торонто, 1983. С. 131–132.
- ⁵³ Хвильовий М. Україна чи Малоросія? С. 615.
- ⁵⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 22–23.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М., 1981. С. 321–322.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М., 1981. С. 345.
- ⁵⁷ Нота Правительства УССР Правительствам Франции, Великобритании, Италии 13 марта 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. VI: 20 ноября 1922 г. — 31 декабря 1923 г. М., 1962. С. 225.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Обращение II съезда Коммунистической рабочей партии Польши ко всему трудовому народу // Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955. С. 62.
- ⁶⁰ Там же.

⁶¹ Пролетариат Польши — руководитель и защитник интересов всей нации // Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955. С. 52.

⁶² Відозва ЦК КПЗУ до трудящих з закликом боротися за возз'єднання Західної України з Радянською Україною. Січень 1924 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 част. Час. 2. Київ, 1997. С. 43.

⁶³ Письмо И.В. Сталина Д.З. Мануильскому с замечаниями к резолюциям (проектам) V конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам 31 июля 1924 года // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 270.

⁶⁴ Из протокола № 44 заседания Политбюро ЦК РКП(б) 8 января 1925 г. // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 290.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 136.

⁶⁶ Правда. 1939, 18 сентября.

⁶⁷ Декларация про державну владу в Західній Україні // Соціалістичні перетворення в західних областях Української РСР. 1939–1979. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1980. С. 29–30.

Е. Е. Левкиевская
(Москва)

Семантические варианты топонима «Малороссия» и его дериватов в русской речевой практике постсоветского периода*

Две студентки (девушки лет по 20) обсуждают «Повесть временных лет».

— Ну, читала — ничего интересного. Там Сим, Хам, Иафет, что и кому.

И вот там говорится, как жили древляне, поляне, киевляне и малороссы...

— А почему так называется? Повесть временных лет?

— Ну, хроники наших дней.

(Двор Российского государственного гуманитарного университета. 2014 г.)¹

Топоним *Малороссия*, как и все его производные, образующие понятийное поле, связанное с Украиной и ее народом (*малоросс / малорус, малороссийский, малорусский, по-малороссийски,*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ (грант № 15-04-00482 «Украинские этнокультурные анклавны на территории России: локальная традиция и ее развитие в близкородственном окружении»).

по-малорусски, малороссийство), за несколько веков своего существования не раз изменял как свои семантические границы, так и актуальность употребления. Будучи основным официальным термином для обозначения юго-западных земель Российской империи, этот топоним почти исчез из речевой практики в советскую эпоху в связи с заменой его на новый официальный термин *Украина* с соответствующим словообразовательным гнездом (*украинец, украинский, по-украински*); чтобы неожиданно актуализироваться в новом значении в постсоветское время. Эволюции лексем, в разные исторические периоды обозначавших Украину и украинцев, посвящен ряд исследований², однако в них практически не затрагивается проблема функционирования этих терминов в постсоветской речевой практике, — как в русской, так и в украинской. В настоящей статье будет описано семантическое поле топонима *Малороссия* (а также его производных: *малоросс, малороссийский, по-малороссийски*), сложившееся в последнее двадцатилетие в русской письменной и устной речи. В качестве сравнительного материала будут использован небольшой корпус украинских контекстов, иллюстрирующих употребление этого круга лексики в украинской письменной речи постсоветского периода.

Материалы для настоящей статьи отобраны из трех групп источников: 1) из словарей русского языка разных типов; 2) из Национального корпуса русского языка³ (далее — НКРЯ) и 3) из Интернета, язык которого представляет собой особую письменную форму фиксации разнородных стилей современной устной речи, охватывающих диапазон от разговорного варианта литературного языка до просторечия и жаргона. Необходимость обращения к Интернету вызвана тем, что база НКРЯ содержит преимущественно контексты из художественной литературы и публицистики (т. н. устный словарь НКРЯ пока лишь начинает наполняться), т. е. отражает словоупотребление только в письменных литературных стилях русского языка. Очевидно, что этого недостаточно для анализа семантики той или иной лексемы, особенно в ситуации, когда имеет место явная вариативность в ее употреблении в зависимости от социолингвистических, политических, этнокультурных параметров, как в случае с интересующим нас кругом лексики.

Кроме возможности увидеть разницу в употреблении данных терминов в литературных текстах и в разных стилях разговорной

речи, которая становится очевидной при сравнении корпуса контекстов из НКРЯ и Интернета, последний помогает отследить актуальные устойчивые сочетания исследуемых лексем (например: *малороссийский язык, малороссийское наречие, малороссийские песни*), а также изменения в этой сочетаемости в текстах разных стилей. В меньшей степени поддается объективной оценке частота употребления лексем в поисковых системах Интернета. Выдаваемая ими статистика не обеспечивает должной степени надежности для лингвистических исследований и сильно колеблется «в зависимости от различных параметров, учитываемых системой поиска (например, географического расположения пользователя, истории его запросов и многого другого)»⁴.

Прежде чем говорить о том, как формировалось семантическое поле слов *Малороссия / малоросс / малороссийский* последние четверть века, необходимо коротко обозначить тот круг значений, который сложился у этих лексем в предыдущие эпохи, особенно в советское время. Не касаясь в настоящей работе анализа семантики этих лексем в ранние исторические периоды (эта проблема подробно рассмотрена в указанных выше работах), перечислим лишь их основные значения, сложившиеся к началу XX в. Для лексемы *Малороссия* можно выделить следующие значения, которые ей приписывались последовательно в разные исторические периоды:

- «польская часть Киевской метрополии»;
- «территория казацкой Гетманщины»;
- «левобережные территории Украины, подчиненные Московской Руси»;
- «Юго-Западный край Российской империи».

В соответствии с понятийными изменениями топонима *Малороссия* изменялась и семантика дериватов *малоросс, малороссийский, помалороссийски*.

Сложность описания современного понятийного поля лексемы *малоросс* и ее производных определяется несколькими причинами. Во-первых, всегда непросто анализировать актуальное состояние любой языковой или культурной формы из-за изменчивости, неустойчивости живого материала, находящегося в процессе развития. Во-вторых (что неоднократно отмечалось), при анализе семантики этнонима *малоросс* (и всего словообразовательного гнезда) необходимо учитывать, что эта семантика напрямую зависит от прагматики, т. е. от того, кто является субъектом их употребления и носителем той

или иной языковой картины мира. Множественность языковых картин мира, в которые эти слова в настоящий момент включены, определяет их семантическую вариативность в современных контекстах. Можно говорить, по крайней мере, о четырех или даже пяти узусах, в которых интересующая нас лексика употребляется в самостоятельных семантических вариантах, отражающих идеологическую и аксиологическую позицию соответствующих языковых субъектов.

Во-первых, слово *малоросс* / *малороссы* исторически использовалось (и отчасти продолжает использоваться) в русском узусе для обозначения как украинского народа в целом, так и его отдельных групп, представляя собой взгляд на украинца «извне» — с точки зрения русского сознания (и соответствующей картины мира). Во-вторых, этот же термин применялся в украинском языке «для внутреннего пользования» — как термин национальной самоидентификации в прошлом и частично продолжает использоваться в этом качестве разными частями украинского общества в настоящем, как в отрицательном, так и в положительном смысле. Здесь также нужно принимать во внимание использование лексем с этим корнем в речевой практике русскоязычных украинцев, которые представляют собой автономный языковой субъект, стремительно формирующийся на юго-востоке Украины с февраля 2014 г. (продолжает ли эта группа считать себя частью украинского общества — вопрос, требующий отдельного обсуждения). Важно заметить, что «внешнее» и «внутреннее» толкования данного круга лексики в одни периоды истории могли выступать как почти полные синонимы, а в другие (и особенно в постсоветское время) — как полные антонимы.

В-третьих и в-четвертых, необходимо учитывать использование этих лексем в кругах русской и, отдельно, украинской эмиграции послереволюционных и послевоенных десятилетий, поскольку корпус текстов, созданных тогда в эмигрантских группах, в постсоветский период начал активно вводиться в культурный оборот в русской и украинской метрополиях и повлиял на формирование современных представлений об «украинстве» и «малороссийстве». Кроме того (и это уже в-пятых), не следует забывать о языковой практике украинской диаспоры в России, включающей в себя как украинское население старожильческих переселенческих анклавов, так и новых переселенцев постсоветского периода. Все перечисленные субъекты общего коммуникативного процесса вносят свой вклад

в формирование различных семантических вариантов термина *малоросс* и его однокоренных слов.

Ещё одна важная причина трудности описания семантики слов с корнем **малорос-* заключается в функциональной «многослойности» лексики этого словообразовательного гнезда. В своем прямом значении она представляет собой топонимическую и этнонимическую терминологию, обозначающую конкретный исторический край (имевший в разные времена разный юридический статус) и населяющий его народ. Во-вторых, эти лексемы все время своего существования служили объектами идеологических дискуссий и многосторонней политической борьбы, в результате чего приобрели статус политических терминов, понятийное наполнение которых в один и тот же исторический период могло (и может) меняться в зависимости от идеологической позиции говорящего. В-третьих, *малоросс* (и его производные) является маркированным этнокультурным концептом, который в современных русской и украинской картинах мира имеет противоположные ценностные и оценочные коннотации — положительную в русском дискурсе и резко негативную в украинском. Ср. произошедшую за последние два с половиной десятилетия актуализацию украинского термина 'малороссийство', противопоставленного 'украинству', о чем подробнее будет сказано ниже.

Подчеркнем, что для русского сознания *малоросс/украинец* — не просто этноним, но один из ключевых этнокультурных стереотипов, в разные времена по-разному вписанный в русскую картину мира и занимающий знаковое место в национальной системе ценностей⁵.

Соотношение понятий *великорус / малоросс* — (*русский / украинец*), по крайней мере, в течение последних двух веков служило для русского сознания одним из важных инструментов национальной самоидентификации, так как являлось индикатором, определяющим пространство и границы «своего» мира. Базисное положение этого концепта подразумевает осознание Украины / Малороссии как составной части российской государственности (в ее разных исторических и политических формах), а украинской идентичности (культуры, языка) как локальных по отношению к общерусской идентичности (культуре, языку), распространявшейся на все восточное славянство. Латентно в русской обыденной картине мира

подразумевалось, что данное положение вещей обоюдно признается не только русскими, но и украинцами, для которых такая идентичность является естественной и нормальной. Те же из украинцев, кто не разделял такое убеждение (от Мазепы до современной политической власти на Украине), традиционно получали статус предателей и отщепенцев (ср. пушкинское: «И где Мазепа? Где злодей? Куда бежал Иуда в страхе?»).

Поэтому любые изменения, а тем более ломка границ этих понятийных полей, происходящая в постсоветский период, крайне болезненно и травматически воспринимаются русским сознанием. Резкие геополитические сдвиги последних десятилетий на Украине (и особенно последних двух лет) обусловили резкое изменение привычной для русского сознания картины мира, в которой три братских восточнославянских народа составляли «большую русскую нацию» (с поправкой на разницу между имперской и советской национальной политикой).

Политические события на Украине 2014 г., Майдан как особая протестная форма, насильственная смена президента в феврале 2014 г., приход к власти новых политических сил, декларирующих максимальное отторжение от России, военный конфликт на юго-востоке страны, актуализировавший полузабытый термин *Новороссия*, — привели к радикальным трансформациям как в русском стереотипе украинца, так и в лексике, его обозначающей (ср. появление резко пейоративных обозначений украинцев: *укры, укропы, еврохохлы, свидомые* и пр.). Впрочем, следует отметить, что смысловые трансформации в этом стереотипе начали происходить еще в 1990-е гг., значительно усилившись после первого Майдана 2004 г.

Все перечисленные обстоятельства объясняют традиционное наличие у данного этнонима и его дериватов сильных оценочных и эмоциональных коннотаций, многократно усиливавшихся в переломные для русско-украинских отношений моменты истории и достигших своей кульминации с начала 2014 г.

Излишне говорить, что в течение всего постсоветского периода интересующий нас круг лексики активно применяется разными группами в политической борьбе и служит важным инструментом в идеологической риторике и пропаганде, используемой в своих целях всеми участниками коммуникативного процесса, разворачивающегося вокруг Украины.

Особенность современной языковой ситуации заключается в ее очевидной эклектике — в постсоветском коммуникативном поле (которое хотя бы отчасти продолжает оставаться общим как для русских, так и для украинцев, особенно в Интернете) одновременно задействованы семантические варианты, принадлежащие всем языковым субъектам и всем историческим периодам.

Современная семантическая вариативность исследуемого круга лексики непосредственно обусловлена не только разнородностью и идеологическим антагонизмом участников коммуникации; но и новыми коммуникативными и когнитивными возможностями Интернета, немислимыми в прошлом. Еще недавно в активной языковой памяти и практике общества находился относительно узкий сегмент текстов, содержащих актуальные для данного времени смыслы. Тексты предыдущих эпох выводились в пассивную память общества (в библиотеки, архивы, исторические словари), почти не конкурировали с синхронными текстами эпохи и слабо влияли на актуальное словоупотребление и порождение новых смыслов. При этом линейная смена текстов и лексических значений во времени поддерживала в языковом сознании общества ощущение диахронии, привязывающей значение слова к определенному историческому периоду. Появление Интернета как одной из основных форм коммуникации и хранения информации резко изменило ситуацию: Интернет стирает в сознании рядового пользователя понятие диахронии, поскольку позволяет держать в активной памяти общества одновременно сколь угодно обширный корпус текстов разных эпох, создавая этим иллюзию синхронности разных значений слова, реально принадлежащих различным историческим эпохам. Этот эффект хорошо виден на примере многочисленных дискуссий на Интернет-форумах и в комментариях, когда оппоненты для доказательства своих взглядов «на злобу дня» манипулируют историческими текстами, содержащими устаревшие словоупотребления, — но так, как будто они принадлежат дню сегодняшнему, что порождает дополнительную смысловую путаницу в напряженной коммуникативной ситуации. Применительно к интересующему нас кругу лексики в наибольшей степени это касается этнонимических пар *русский* — *руський*, а также *малоросс* — *украинец*. Ср. пример экстраполяции исторического значения слова *малороссийский* на современную этноязыковую ситуацию на Украине в одном из блогов: «Языком И. П. Котляревского

(1769–1838) был не украинский, а *малороссийский*. Так, по крайней мере, считал автор, и так обозначал язык своих сочинений на титульном листе своих прижизненных изданий. Фразы «украинский язык» он не знал и не употреблял. Если посмотреть на оригиналы изданий его сочинений, которые тщательно утаиваются от читателей, то видно, что, действительно, язык литератора значительно отличается от украинского. Современные учителя украинской литературы обманывают школьников, обзывая Котляревского украинским писателем»⁶.

Эта новая текстологическая ситуация, связанная с Интернетом, создает определенную методологическую проблему для анализа синхронного слоя лексики: какой корпус контекстных употреблений следует считать современным — лишь тот, который порожден за текущий исторический период, или же и тот, который относится к предыдущим эпохам, но активно включен в современный узус, интерпретируется применительно к сегодняшней политической ситуации и используется для ее осмысления? Нам представляется возможным учитывать при анализе современной словоупотребительной практики такие исторические контексты, которые непосредственно влияют на формирование современных семантических вариантов слова.

Лексема «Малороссия» и ее дериваты в текстах советского периода

Перед тем, как перейти к анализу собственно постсоветской истории слов с корнем **малорос-*, коротко скажем об их семантических изменениях в советскую эпоху; поскольку результаты этих изменений непосредственно влияют на современную речевую ситуацию.

Основным и наиболее важным итогом советского периода для судьбы рассматриваемого корпуса терминов можно считать смену в русском языке всей лексической парадигмы, обозначающей Украину и украинцев: *Малороссия — Украина, малоросс — украинец, малороссийский — украинский*. Эта смена произошла после революции в результате советской политики «украинизации», проводившейся в 1920-х — первой половине 1930-х гг.⁷ В результате этого процесса старый круг лексики получил отчетливые имперские коннотации,

был признан устаревшим, политически некорректным и даже оскорбляющим национальное достоинство братского народа, который теперь следовало именовать *украинцами*. Подтверждением этому, в частности, служит словарная статья «Малоросс» в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, работа над которым велась с 1934 по 1940 г.: «Малорос, малоросс и малорус, малоруса, м. (дореволюц.); Шовинистическое название украинца»⁸. Характерно, что в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Ожегова (1949 г. и последующие переиздания)⁹ лексемы с корнем *малорос-* вообще отсутствуют. Таким образом, в русском языке первой половины советского периода *малоросс* попадает в ряд стилистически маркированной лексики с явно негативной окраской, «неправильной» с точки зрения советской идеологии: «Она [революция. — Е.Л.] очистила его [русский язык. — Е.Л.] от таких омерзительных слов, как жид, *малоросс*, инородец, простонародье, мужичье и т. д.» (К. И. Чуковский, 1962, НКРЯ). О классовом подходе к толкованию этих терминов свидетельствует определение *Малороссии* в Большой Советской энциклопедии: «название Украины, употреблявшееся в официальных актах царской России, исторических источниках и дворянско-буржуазной историографии. Термин «Малороссия» возник в XIV в. и сначала применялся по отношению к Галицко-Волынской Руси. В XVII в., после воссоединения Украины с Россией, термин приобрел в правительственных кругах официальное значение»¹⁰. Напомним, что определение «дворянско-буржуазный» в официальной советской риторике имело сугубо негативную оценку и указывало на идеологическую чуждость понятия, к которому оно применялось. Показательна также попытка приписать употребление этого топонима исключительно «официальным актам» и «правительственным кругам», т. е. бюрократическому, имперскому дискурсу, и умолчать о его общеупотребительности в дореволюционное время.

Однако в последние десятилетия советской эпохи лексемы с корнем *малорос-* освобождаются от явных «шовинистических» коннотаций, которые им приписывала идеология раннего советского периода, хотя сохраняют помету «устаревшее» и соотносительность значения с историческим прошлым. Например, в новом издании «Толкового словаря русского языка» Ожегова, значительно переработанном Н. Ю. Шведовой на излете советской эпохи (1992 г.), появляются

словарные статьи, которые отсутствовали в его ранних изданиях: «малороссы (устар.). То же, что украинцы» и «малоросский (устар.). То же, что украинский. Малоросский язык», а также наречие «по-малоросски»¹¹. Аналогичная помета (устар.) содержится и в академическом словаре русского языка¹².

В художественных и публицистических текстах всего советского времени слова *Малороссия*, *малоросс*, *малоросский*, хотя и не были частотными, но все же продолжали употребляться как синонимические названия Украины и украинцев в их исторических значениях по отношению к разным периодам дореволюционного прошлого, например, при описании положения восточного славянства в рамках Речи Посполитой: «В Литве и Польше белорусы и *малороссы* признавали себя русскими и боролись против ополячения и окатоличения» (А. И. Солженицын, 1990, НКРЯ):

Важно подчеркнуть, что в советской художественной литературе термин *Малороссия* не просто означал Украину как часть Российской империи, но и имел устойчивый круг ценностно-оценочных коннотаций, возвращавших этому термину тот статус культурного концепта и языкового стереотипа, который он имел в дореволюционной русской картине мира. И базовым смысловым элементом концепта *Малороссия* здесь была ассоциативная связь с Н. В. Гоголем и миром ранних гоголевских повестей. Показательной в этом отношении можно считать дневниковую запись Давида Самойлова: «В дурном настроении всегда открывал Шпоньку и утешался. У Гоголя была Малороссия. Она была часть России, наречье, а не язык... Малороссия Гоголя была провинцией и частью имперского титула — “Великия, малыя, белыя”... Гоголевская Малороссия, экзотика провинции, экзотика окраины, не хуже и не лучше других окраин, входивших в понятие Руси, экзотики поморских морских былей, пугачевского Заволжья или разинского Каспия» (Самойлов Д., 1977–1989, НКРЯ). Таким образом, литература позднего советского периода отчасти возвращается к тому восприятию Украины-Малороссии, которое культивировалось в русской культуре первой половины XIX в. — романтическому взгляду на Украину как на «русскую Шотландию», которую открыл для русского читателя малоросс Гоголь и которую отчасти возродил в ряде своих текстов в советской литературе малоросс К. Г. Паустовский. Ср., в частности, стереотипный для русской литературы образ деда Петро в его рассказе «Таинственный сундук»

(1954). Начиная с 1960-х гг., узнаваемый стереотип малоросса появляется в кинематографе (ср., например, образы украинских колхозников в фильме «Максим Перепелица»).

Соответственно этноним *малоросс* в текстах советского времени чаще всего имел значение «житель Юго-Западного края Российской империи, представитель народа, наряду с великороссом и белорусом, входящий в “большую русскую нацию” согласно официальной, уваровской национальной идеологии»: «... всякие там Павличевы и так далее, они говорили, что этот *малоросс* [Гоголь — Е.Л.] обирает там Пушкина, что Пушкин не знает, куда деваться от его крепкой *украинской*, так сказать, хватки авторской...» (В.В. Виноградов, 1968, НКРЯ). В приведенном высказывании В.В. Виноградова, содержащем парафраз известных слов Пушкина о Гоголе («С этим малороссом надо быть осторожнее, он обирает меня так, что и кричать нельзя»), для нас важно не только то, что «украинская хватка» является отличительной чертой «малоросса» (то есть «малоросс» и «украинец» здесь являются полными синонимами), но и то, какие релевантные характеристики, сформированные еще в дореволюционном прошлом, приписываются *малороссу-украинцу* в русской системе ценностей. К их числу относятся некоторая хитрость, деловая хватка и прижимистость — черты, по которым малоросс Гоголь противопоставлен великороссу Пушкину.

В связи с этим необходимо обозначить такой принципиальный для стереотипа *малоросса-украинца* аспект, как сопоставление его с *великороссом-русским*, сопоставление, под знаком которого в обсуждениях украинского вопроса прошел весь XIX в., ставшее перерастать в противопоставление во времена революции и Гражданской войны, но которое в советской идеологии было приостановлено и выведено за рамки официального дискурса (где допускалась лишь «братская дружба» трех восточнославянских народов — аналог уваровской «большой русской нации»), переместившись в сферу неформальной коммуникации — бытовой речи и взаимных анекдотов о *хохлах* и *москалях / кацапах*¹³. В подобных текстах слова *хохол*, *москаль / кацап*, безусловно, имели сниженные экспрессивно-оценочные коннотации (прежде всего, — насмешку), но пейоративами все-таки не являлись.

В разговорной, неформальной, шуточной речи в бинарной оппозиции «хохол — москаль» лексема *хохол* могла заменяться более

мягким и корректным *малоросс*: «В душе он был истый *малоросс* и подшучивал зачастую над “москалями”» (А. Н. Крылов, 1936, НКРЯ).

Как видно из приведенных контекстов, в советское время указанные лексемы продолжали употребляться в качестве полных синонимов словам *Украина, украинец, украинский*, как правило, в художественной литературе, публицистических текстах и устной речи. Этому способствовало то обстоятельство, что замена этнонима *малоросс* на термин *украинец* концептуально не изменила семантического наполнения стоящего за ними этнокультурного стереотипа, незыблемой аксиологической основой которого было включение *малороссов/украинцев* в рамки русского культурного пространства и русской государственности. Такая точка зрения предполагала наличие у украинцев (как и у белорусов) «плавающей» идентичности, в которой локальная «малороссийская / украинская» составляющая не противоречила общей российской / советской идентичности, а являлась составной ее частью. Таким образом, базовое соотношение между *русским* (которое было заменено на *восточнославянское*) и *малороссийским / украинским* в русской картине мира советской эпохи не было поколеблено. Правда, в этот период изменились представления об *украинском языке*: в отличие от *малороссийского наречия* имперского периода он официально получил статус самостоятельного языкового образования во всех сферах общественной коммуникации. Однако в русском обыденном сознании его статус мало чем отличался от статуса дореволюционной поры¹⁴.

Прилагательное *малороссийский* в эту эпоху чаще всего употребляется в художественных и публицистических текстах применительно к дореволюционному прошлому для обозначения типичных реалий украинского быта и традиции, маркированных в русской картине мира как «украинские» (среди самых частотных сочетаний: *малороссийское платье, малороссийские песни, шаровары, малороссийский борщ, вареники, сало* и т. д.): «Приехав из нищего Петербурга, я был поражен неожиданным доисторическим видением: необозримые рынки, горы всевозможных хлебов и сдоб, масла, сыров, окороков, рыбы, дичи, *малороссийского сала...*» (Ю. П. Анненков, 1966, НКРЯ). Показательно, что устойчивое сочетание *малороссийский борщ*, обозначавшее наиболее характерное блюдо украинской

кухни, противопоставленное *русским щам* (укоренившееся в русском языке, в том числе, благодаря знаменитой поваренной книге Елены Молоховец), в художественном языке советской прозы продолжает конкурировать с официальным названием этого кушанья, включенного в номенклатуру блюд советского общепита (*борщ украинский*): «А на это в студенческой столовой, в одной из самых дешевых столовых города, цены все-таки довольно серьезны: суп перловый — 5 копеек, *борщ малороссийский* — 6 копеек» (П. Нилин, 1969–1980, НКРЯ).

Таким образом, к концу советской эпохи в русских художественных и публицистических текстах слова *Малороссия*, *малоросс*, *малороссийский* заняли свою контекстуальную нишу, превратившись в стилистические синонимы официальных терминов *Украина*, *украинец*, *украинский*, используемых преимущественно для описания дореволюционной жизни в ее бытовой и традиционной сферах.

Необходимо сказать несколько слов о судьбе интересующей нас лексики в текстах интеллектуальной элиты в среде белой русской эмиграции, поскольку этот корпус текстов, практически не известный советскому обществу, был стремительно инкорпорирован в русскую культуру в первое постсоветское десятилетие и стал оказывать значительное влияние на формирование смыслов и ценностей в общественном сознании текущей эпохи. В языке русской эмиграции, как правило, сохранявшая дореволюционные языковые нормы и усвоенный на родине круг лексики, в наименовании украинцев и Украины, как правило, используются лексемы *малоросс*, *Малороссия* в их имперском значении: «Мне, белорусу, какая-то сволочь пытается доказать, что великоросс есть мой враг — что *малоросс* есть тоже враг...» (И. Л. Солоневич, 1949, НКРЯ).

Представление о том, что Малороссия не всегда была частью русского пространства, а когда-то входила в культурное и политическое поле Польши, что малороссы не всегда воспринимались русскими как родственный, братский народ, вписанный в одну общую историческую судьбу, а *малороссийский язык* мог восприниматься русскими как чужой и непонятный, сохранялось в этот период лишь в сугубо научном дискурсе, преимущественно эмигрантском, никак не влиявшем на формирование сознания советского общества. В частности, об этом упоминает о. Георгий Флоровский применительно к ситуации XVIII в.: «Знаменский в своей замечательной книге о духовных

школах в XVIII-м веке так говорит об этом: «Все эти приставники были для учеников в собственном смысле слова люди чужие; наезжие из какой-то чужой земли, какой тогда представлялась *Малороссия*, с своеобразными привычками, понятиями и самой наукой; со своей малопонятной, странной для великорусского уха речью и притом же они ... явно презирали великороссов, как дикарей, над всем смеялись, все порицали, что было не похоже на их *малороссийское*, а все свое выставляли и навязывали, как единственно хорошее» (о. Георгий Флоровский, 1936, НКРЯ).

Упоминание о Малороссии «до-русского» периода встречается и в других текстах эмигрантских писателей: «Весь излом современно-украинского возрождения уже дан в этом возрождении XVII века: *Малороссия* осознает себя как мятежная Украина, окраина Польши» (Г.П. Федотов, 1926, НКРЯ). Интересно, что в данном контексте *Малороссия* также выступает как синоним термина *Украина*, но при этом актуализируется внутренняя форма слова Украина — окраина Польши.

Коротко отметим, что в 1960-х гг. в текстах украинской эмиграции националистического толка становится популярным термин *малороссийство*, получивший теоретическое осмысление в известной работе украинского эмигрантского поэта и идеолога Евгения Маланюка «Малоросійство» (1959). *Малороссийство* трактуется им как негативный синдром украинской идентичности, который проявляется, прежде всего, в неотделенности своего национального «я» от общей русской идентичности. Эта неотделенность, с точки зрения Маланюка, ведет к национальному пораженчеству — нежеланию бороться за самостоятельную государственность, культуру, отличную от русской, и национальную картину мира, в которой украинское начало не только не сосуществовало бы с русским, но и было бы противопоставлено ему как чужому и враждебному. Соответственно с этим *малоросс* осмысляется Маланюком как украинец с размытой, недоразвитой, искаленной идентичностью; неполноценность которого заключается в ее неотделенности от общерусской идентичности, нежелании порвать с ней и противопоставить себя русским и России: «Что же такое малоросс? Это — тип национально-дефективный, искаленный психически, духовно, а — впоследствии со временем — и расово ... в противоположность популярного у нас утверждения, малороссийство это не москвофильство и не ещё какое-то фильство. Это — немощ, болезнь, инвалидность внутринациональная.

Это — национальное пораженчество. Это, говоря московским указным языком XVII века, — шатость черкасская, а говоря языком такого эксперта, как царица Екатерина II, это — “самоотверженность малороссийская”»¹⁵.

Антитезой *малороссийству* в теории Маланюка и его последователей является *украинство* как правильная и желательная идентичность, основой которой представляется осознание украинцами себя не просто самостоятельной нацией, нацеленной на создание собственного национального государства, отдельного от России, но нацией, противопоставляющей себя России и русским как чуждому и враждебному началу¹⁶. Этот круг идей относительно малороссийства, разработанный в украинской эмигрантской литературе и опирающийся на украинские националистические идеи более ранних периодов (в частности, на идеи В. Липиньского) в постсоветскую эпоху на Украине становится идеологической основой для бурных национальных рефлексий, а выдержки из указанной статьи Маланюка — одними из самых цитируемых на украинских сайтах и форумах, посвященных выстраиванию новой, постсоветской украинской идентичности¹⁷.

Тема малороссийства как ущербной идентичности часто возникает в украинском политическом сленге как способ обвинить своих противников в каких-либо позитивных отношениях с Россией (что на постсоветской Украине считается преступлением), например, в речи В.А. Ющенко, обвинившем в «малороссийстве» В.Ф. Януковича после его визита в Москву: «В конечном итоге, знание своей истории, понимание своих корней, честная дискуссия относительно событий прошлого, которые влияют на сегодняшнее и будущее, формируют единство нации — это лучшая прививка от “неполноценности”, “малороссийства”. Как отмечала Леся Украинка, малороссийство — это всегда капитуляция»¹⁸.

Таким образом, к концу советской эпохи складываются три понятийных поля для топонима *Малороссия* (и его производных): 1) в собственно советском узусе как синонимичное название Украины преимущественно периода Российской империи; 2) в русском эмигрантском узусе в том же значении, реже — применительно к более ранним периодам; а также 3) в текстах украинской националистически настроенной эмиграции, в которых *малороссийство* трактуется как антоним *украинства*.

Понятийное поле лексемы «Малороссия» в постсоветском коммуникативном пространстве

Нет необходимости упоминать о том, что распад Советского Союза и провозглашенный Украиной статус самостоятельного государства привели к травматической ломке сложившейся в русском сознании национальной картины мира, в основе которой в течение последних двух столетий лежала концепция единого государственного, культурного и языкового пространства трех братских восточнославянских народов. Концепт братства русских, украинцев и белорусов существовал не только в аксиологической системе официальной советской идеологии, но и в обыденном, «наивном» сознании большей части русского общества. Новая геополитическая ситуация и последовавшая за ней неизбежная реакция русского общественного сознания привели к значительным семантическим изменениям всего корпуса лексем, связанных с Украиной и украинцами, в том числе и лексики с корнем *малорос-*.

Формирование нового семантического поля у всего корпуса топонимов и этнонимов, связанных с понятиями *Украина* и *украинец*, связано с двумя наиболее важными проблемами. Во-первых, это проблема языка; к ней относится не только отношение к русскому языку на Украине, но и, в не меньшей степени, отношение к украинскому языку со стороны русского общества в России и русскоязычной части украинского социума. Во-вторых, серьезной проблемой является конкурентная борьба за общее историческое прошлое, которое является важным ценностным ресурсом, и от интерпретации которого зависят выстраиваемые в настоящее время новые картины мира в русском и украинском сознании. От разной трактовки этого прошлого и от разных подходов к соотношению русского и украинского языков зависит интерпретация третьей проблемы — украинской национальной идентичности, ее границ и ее соотношения с русской идентичностью.

Общей тенденцией можно считать стремительно возросшую семантическую вариативность исследуемых лексем, отражающую эклектичность и разнонаправленность постсоветского общественного сознания, отсутствие единой для всего общества системы ценностей и оценки происходящих политических процессов¹⁹. Сюда надо прибавить многократно усилившиеся эмоционально-оценочные

коннотации терминов: *Малороссия, малоросс, малороссийский*, — как позитивные, так и негативные. В результате сложилась ситуация, при которой в коммуникативном пространстве одновременно присутствуют все семантические варианты данных лексем, при этом выбор значения зависит от идеологической позиции автора высказывания. В блогосфере нередки случаи дискуссий, в рамках которых один из оппонентов употребляет термины *Малороссия, малоросс* в одном значении, а второй — в другом, что подчеркивает эклектичность и разорванность современного общественного сознания.

Для данного периода можно говорить о двух тенденциях в развитии понятийных полей слов *Малороссия, малоросс, малороссийский*. Первая продолжает сложившуюся ранее традицию употребления этих лексем как синонимов терминов *Украина, украинец, украинский* — преимущественно по отношению к историческому прошлому Украины, особенно периода Российской империи. Вторая, принципиально новая, отражает, во-первых, появление новых русско-украинских геополитических реалий, потребовавших от русского сознания осмысления и оценки данного «положения вещей». Во-вторых, она эксплицирует полярность и разнонаправленность собственно украинских рефлексий по поводу одной из основных проблем современной украинской идентичности, подразумевающих ответы на вопросы: как соотносятся друг с другом украинское и русское культурное и языковое пространство, и как украинская идентичность соотносится с русской.

Процесс формирования у интересующего нас круга лексики новых значений, вызванных событиями последней четверти века, довольно условно можно разделить на три периода. В первый период (с начала 1990-х гг. до первого «майдана» 2004 г.), обозначивший разрыв между русской и украинской ментальностью, в русском узусе отчасти по инерции сохранялась практика употребления этих слов, сложившаяся в советское время. Здесь мы можем ориентироваться в основном, на словарные источники и контексты из НКРЯ, поскольку Интернет и блогосфера в 1990-е гг. еще не были развиты. Можно думать, что в разговорных стилях речи, как в русских, так и в украинских, начинают формироваться новые значения этих слов, однако в словарях и литературных текстах данного времени они не фиксируются, а разговорные контексты этого периода у нас, к сожалению, отсутствуют.

Второй этап (2004 — ноябрь 2013; «Новый майдан») знаменует собой обострение политических, идеологических и языковых противоречий между Россией и Украиной, а также между восточной и западной частями Украины уже на уровне коммуникации в Интернете, который в этот период становится все более важным коммуникативным полем, — в нем активно используются исследуемые лексемы и порождаются новые смыслы. Политический кризис 2004 г. эксплицитировал и ускорил формирование бинарной оппозиции «украинство» / «малороссийство» в собственно украинском идеологическом дискурсе и подхлестнул рефлексии относительно украинских событий в русском общественном сознании.

Наконец, время с февраля 2014 г. (свержение Януковича и приход к власти в Киеве откровенно антирусской политической силы, начало военного конфликта на юго-востоке Украины) можно считать третьим периодом развития новых значений у исследуемого круга лексики преимущественно в связи с конфликтом на юго-востоке Украины и попыткой со стороны России сформировать на основе этого идеологический проект «Новороссия».

Обозначив основные периоды развития интересующей нас терминологии, перейдем к анализу семантики лексемы *Малороссия* и ее дериватов в словарях и литературных текстах, с одной стороны, и актуального употребления этих слов в разговорной речи и в Интернете, с другой.

Первый круг значений этого слова, как в словарях, литературе, так и в Интернете, продолжает ранее сложившуюся тенденцию связывать *Малороссию* с историческим прошлым Украины. Здесь можно выделить два значения, встречающихся во всех трех типах источников: менее частотное — «левобережные территории Украины, подчиненные Московской Руси»; более частотное — «Юго-Западный край Российской империи», т. е. *Малороссия* в том ее значении, которое существовало до революции 1917 г.

Так, значительная часть современных словарей продолжает давать лишь те значения данного термина, которые относятся к прошлым периодам совместной русско-украинской истории, т. е. рассматривают *Малороссию* лишь по отношению к России и с точки зрения ее включенности в русскую историю и культуру. Ср., например, толкование слова *Малороссия* в Большом энциклопедическом словаре (издания 1991, 1997, 2002 гг.)²⁰: «название Украины

(с сер. 17 в.) в официальных актах России и в российской историографии», представляющее собой слегка откорректированное определение, взятое из Большой Советской энциклопедии. Ср. также в словаре «Политология»: «название Украины, употреблявшееся в официальных актах царской России, в исторических источниках. Термин возник в 14 веке и сначала применялся по отношению к Галицко-Волынской Руси. В 17 веке, после воссоединения Украины с Россией, термин приобрёл в правительственных кругах официальное значение»²¹.

Эта тенденция воспринимать слово *Малороссия* преимущественно как историческое название края, входящего в политическую и культурную сферу России, подтверждается публицистическими и художественными текстами 1990-х гг. и первого десятилетия XXI в. Наиболее частотным в политической публицистике продолжает оставаться для *Малороссии* значение 'Юго-Западный край Российской империи', особенно в смысловой связи с Гоголем: «Какими глупыми, бессмысленными и больными показались бы сегодняшние споры об украинской истории и культуре Николаю Васильевичу, жившему еще совсем недавно, во времена, когда слово *Малороссия* звучало так же просто и естественно, как сегодня звучит Сибирь» (Как разрежут украинский апельсин, 2006, НКРЯ). Это же значение преобладает и в художественных текстах: «А нос, сбежавший от хозяина, а "подымите мне веки" — полноте, господин хороший, это вы просто к Петербургу так тяжело привыкаете, это у вас адаптационный период идет-с; здесь вам не *Малороссия*, где вы на мамкиных харчах щечки отъедали...» (А. Каменецкий, 2003, НКРЯ).

Другие семантические варианты, относящие это слово к прошлым периодам истории (например, 'Гетманщина' или 'часть Киевской митрополии'), встречаются гораздо реже и фиксируются в основном лишь в научных и научно-популярных источниках, а также при цитации исторических документов в качестве аргументации своей позиции в различных политических спорах, в том числе в Интернете. При этом многие авторы прекрасно осознают изменчивость границ этого понятия в разные периоды времени: «Украина больше *Малороссии*. И в этом смысле украинцы правы, обижаясь на имя малороссов. Изначально Малороссией именовалась Гетманщина, приведенная Хмельницким под руку Москвы... В церковно-административном смысле Малороссия ко времени соединения с Москвой

была Черниговской епархией Киевской митрополии Константинопольского (а с 1686 года — Московского) патриархата» (Р. Рахматуллин, 2009, НКРЯ).

В публицистических текстах, особенно первой половины 1990-х гг., *Малороссия* изредка может употребляться как синоним советской Украины, все еще по инерции воспринимаясь как одна из частей единой страны, центр которой находится в Москве или Петербурге: «У нас сейчас все захотели независимости: Кубань, *Малороссия*, Кавказ...» (С. Бабаян, 1994, НКРЯ). Однако по мере стирания в общественном сознании ощущения единой страны этот вариант значения уходит из актуального употребления. С другой стороны, в публицистических текстах 1990-х — начала первого десятилетия XXI в. термин *Малороссия* иногда может использоваться как стилистически окрашенное название постсоветской Украины, имеющее негативную экспрессивную коннотацию: «При нынешней власти *Малороссия* давно уже превратилась в нечто среднее между проходным двором и воровским шалманом» (Чингачгук против Тараса Бульбы, 2003, НКРЯ).

Наряду с этим уже в 1990-х гг. для слова *Малороссия* и его производных начинает проявляться вторая тенденция, а именно: формируется новый круг значений, отражающий как изменившиеся геополитические реалии, так и рефлексии по их поводу, содержащие отношение к этим реалиям разных групп общества.

Эти новые значения довольно рано начинают фиксироваться словарями и разного рода нормативными справочниками. В отличие от словарей советской эпохи, фиксировавших слова *малоросс*, *Малороссия*, *малороссийский* лишь с пометой «устаревшее» и признававших лишь исторические значения этих терминов, словари, изданные в постсоветское время, показывают разнонаправленные тенденции. Наряду с изданиями, воспроизводящими советские толкования этих слов, создаются нормативные тексты, отражающие различные политические и идеологические позиции их авторов и стоящих за ними групп общества.

Уже в 1990-х гг. в ряде словарей появляются толкования топонима *Малороссия* как полного синонима Украины, без пометы «устаревшее». Например, в справочнике «Географические названия мира» *Малороссия* толкуется как абсолютный синоним слова *Украина*²², при этом не в историческом значении, а применительно

к актуальному настоящему. Эту тенденцию можно объяснить тем, что с начала 1990-х гг. в русское культурное пространство стремительно вливается значительный корпус текстов или созданных русской эмиграцией, или сохраненных ею с дореволюционных времен. Данные тексты (особенно с расширением текстовой базы Рунета) привносят в общественное сознание старые имперские смыслы, казалось бы, прочно утраченные в советский период. К числу таких источников, формирующих в постсоветской ментальности представления о *Малороссии*, относится, например, созданный в русской эмиграции «Казачий словарь-справочник» в котором этот этноним толкуется в старом имперском значении: «*Малороссия* — географическое название для края, который в русских летописях иногда назывался Украиной, а в актах — Землей Запорожских Черкасов»²³. Показательно, что это определение игнорирует современные для периода его создания (1960-е — 1970-е гг.) советские реалии и принятую в это время топонимику, а саму Малороссию осмысляет как имперский «край», а не советскую республику.

Одновременно с эмигрантской литературой появляются созданные уже в России нормативные справочники, выражающие разнонаправленные идеологические позиции. Среди них выделяются тексты имперско-монархической направленности, полностью игнорирующие постсоветские геополитические реалии и формирующие представление о *Малороссии* как о крае, неотъемлемо принадлежащем России: «*Малороссия* — (Малая Русь), историческая, географическая, природная и экономическая часть России; расположена на юго-западе европейской части России»²⁴. Для указанного источника характерна модальность, в которой безусловный статус *Малороссии-Украины* как Юго-западного края России в ее имперском пространстве представляет онтологическую данность, никак не соотносенную с политическим сиюминутным настоящим.

В первое десятилетие XXI в. (особенно после Майдана 2004 г., когда идеологические, культурные и языковые противоречия между восточной и западной частями Украины из «вещи в себе» превращаются в «вещь для себя»), лексемы *Малороссия* и *малоросс* выходят из сферы исторической семантики и приобретают принципиально новые значения в актуальной политике как внутри украинского общества, так и в русских рефлексиях по поводу украинской ситуации. Для ориентированной на русскую культуру части

украинского общества этноним *малоросс* из исторического наименования становится актуальной формой самоидентификации, а *Малороссия* — естественно сложившимся, подлинным, «правильным» названием страны, в отличие от навязанного, чуждого, искусственно внедренного топонима *Украина* и этнонима *украинец*, за которыми стоит чуждая малороссам идеология *украинства* и соответствующая система ценностей, основой которой является агрессивная русофобия.

Идеология *малороссийства* в этом вновь формируемом значении противопоставлена идеологии *украинства* прежде всего в осознании себя по отношению к России и к русскости. Наиболее четко эта идеологическая позиция выражена в книге С. Н. Сидоренко «Украина — тоже Россия» и в ряде статей Н. Н. Яременко: «Я — малоросс, этим горжусь» (2008), «Превращение Малороссии в Украину» (2012), которые получили широкое распространение в Интернете и под разными заголовками до сих пор воспроизводятся на сайтах прорусской направленности, как российских, так и украинских²⁵. Безусловно, одним из наиболее ярких и последовательных приверженцев идеи *малороссийства* в этом значении слова был убитый в апреле 2015 г. публицист и политический деятель Олесь Бузина²⁶.

Для этого толкования *Малороссии* характерно представление о ней как о Малой Руси, т.е. первоначальной территории формирования русских, под которыми понимаются все восточные славяне: «Ничего, конечно, обидного в названии “Малая Русь” нет. Малыми — в истории назывались страны, откуда выходил народ — его национальная колыбель. Великими — центр территориального завершения государственной консолидации, достигшие особенно пышного расцвета, богатства и могущества. Отсюда — Малая Греция (Афины) и Великая Греция (Эллада), великая Италия (после Рима), Малая Россия (Киев) и Великая Россия (Москва). Имя “Малороссия” не содержит в себе ничего обидного или позорного для обитателей юга России. Малороссией называется колыбель русского народа; недаром Киев — “мать городов русских”, отсюда “пошла быть Русская Земля”. Имя “малоросса”, если вообще можно говорить о предпочтении, является более почетным, чем “великоросс”, ибо оно означает дословно: малоросс — первый русский, самый древний в своем генеалогическом корне... Да, я — малоросс, первый, самый древний русский.

Может быть, мой предок во время Игоря прибил свой щит на ворота Царьграда. С какой стати я буду менять истинное имя своих предков на новое, которое выдумали основатели сепаратизма, и навязывают нам сегодня окатоличенные и ополяченные “оранжевые галичане”. С какой стати я буду считать москалей врагами, московскую культуру враждебной, когда вся русская культура ручейком вытекла из древней Киевской Академии»²⁷.

Таким образом, в основу вновь формируемого значения слова *Малороссия*, с которым себя связывает прорусски ориентированная часть украинского общества, входят следующие смысловые элементы:

1) Малороссия — подлинное, потому что свое собственное и первоначальное название страны, тогда топоним Украина — поздний термин, искусственно созданный и навязанный извне (по разным версиям — Лениным и большевиками, идеологами Австро-Венгерской империи или немцами во время Первой мировой войны) для того, чтобы поссорить малороссов и великороссов и уничтожить Россию. Наиболее четко эту мысль отражает афоризм М.Б. Смолина, являющийся парафразом названия известной книги Леонида Кучмы «Украина — не Россия»: «Украина — не Россия. Украина — болезнь»²⁸;

2) поэтому основная задача современных украинцев — излечиться от «болезни» украинизма и вернуться к своим исконным корням, т.е. снова стать малороссами;

3) позитивное отношение к России, к русским, к русскому языку; осознание родства с ними и признание положительно оцениваемого общего прошлого; отказ осознать это прошлое как угнетение русскими украинцев;

4) желание поддерживать тесные связи с Россией, сохранить русский язык как основное средство общения;

5) диффузная, «двойная» идентичность, в которой «малороссийское» начало осознается как часть общерусского и не противоречит ему.

Осознание своих идеологических позиций украинских и российских *малороссов* (к таковым себя относят как украинцы, недавно переселившиеся на территорию России, так и обрусевшие выходцы из семей с украинскими корнями) привело к созданию ряда сайтов, на которых обсуждается данная тематика. Ср., например, сайт «Малороссийский вестник Санкт-Петербурга»²⁹, отражающий актуальные события на юго-востоке Украины.

Символической фигурой, объединяющей сторонников *малороссийства* как антитезы идеологии *украинства*, является личность писателя и публициста Олеся Бузины. Его смерть, вероятно, в не меньшей степени, чем его тексты, послужила поводом для обсуждения идеи малороссийства, убежденным последователем которой он являлся (ср., в частности, названия статей в Интернете, посвященных его смерти: «Верный Малоросс. На смерть Олеся Бузины»³⁰; «Последний малоросс. Светлой памяти Олеся Бузины»³¹; «Светлой памяти великого малоросса Олеся Бузины»³² и др.). На антитезе «русское малороссийство vs австрийское украинство» построена статья Егора Холмогорова, посвященная памяти Бузины: «Бузина был и хотел оставаться русским малороссом — влюбленным в Российскую Империю, гордящимся тем, что живет рядом с местом, где Нестеров впервые сделал свою знаменитую петлю, охотно носившим дроздовский мундир, но вместе с тем влюбленным в *Малороссию*. Гоголевскую *Малороссию*, а не того австрийского гомункулуса “Украину”, в которую начиная с Тараса Шевченко начала превращаться его родина... Самая громкая и скандальная его книга — “Вурдалак Тарас Шевченко” — посвящена подлинному этому слепленному из всего, что было, идола украинизма — пьяному, невежественному, нескладному виршеплету, чья “брехня”, по выражению Бродского, была поставлена краеугольным камнем сепаратной “украинской поэзии”... Шевченко Бузина противопоставил действительно гениального мастера малороссийской речи — Котляревского, певца великой Империи, бывшей пространством созидательной исторической работы как малороссов, так и великороссов»³³. Как видно из этих примеров, русская публицистика и блогосфера последнего периода активно усваивают это новое значение термина *Малороссия*, но, как и прежде, связывают его с именем Гоголя, противопоставляя *Малороссию* Гоголя и Котляревского Украине Тараса Шевченко. Это означает, что данная терминология получает в русском контексте не только и не столько политическую семантику, сколько статус культурного концепта, связанного с традиционным (еще дореволюционным) набором культурных имен, манифестирующих определенную систему ценностей.

В это же время, на третьем этапе развития, начавшемся после февраля 2014 г. термин *Малороссия* активно вводится в сферу политической риторики в принципиально новом значении — как синоним возрожденного термина *Новороссия* применительно

к юго-восточной части постсоветской Украины (а именно Донецкой и Луганской областей, вступивших в конфликт с новой киевской властью) как противопоставление центральным и западным частям Украины. Именно в таком значении этот топоним употреблен в интервью военного корреспондента Геннадия Дубового с ополченцем Александром Жучковским «Донбасс, как и вся Малороссия, вернут-ся как части России»³⁴.

Интересно, что при коммуникации в Интернете разные участники диалога для обозначения юго-востока Украины (Донецкой и Луганской республик) могут пользоваться одновременно терминами «Новороссия» и «Малороссия». См., например, в блоге: [M1] «Стоят в Сибири деревушки с забытыми окнами, а на завалинках бабушки, которым некуда ехать, да кладбища с покосившимися крестами, а ты — Донецк и *Малороссия* — да на хрен она нам нужна...» — [M2] «А *Новороссии* быть... Она стояла 300 лет и стоять будет... не то, что новоиспеченная Украина...» — [M1] «Вова слил *Малороссию*, и это перемирие доказывает это!» (Одноклассники. 28.09.2014). Характерно также название сайта, в котором *Новороссия* и *Малороссия* являются если не полными синонимами, то близкими по смыслу терминами: «Юго-Восток Украины, Новороссия и Малороссия (ДНР и ЛНР). Форум, новости и события, сегодня и сейчас, онлайн»³⁵.

Наконец, можно выделить еще одно значение термина *Малороссия*, встречающееся исключительно в украинских националистических агитационных текстах, в которых этим топонимом может именоваться Россия (Московия) как антагонист Украины-Руси. В рамках этой идеологической концепции, восходящей к работам М. С. Грушевского, имя *Русь* может относиться только к Украине как к территории образования первой восточнославянской государственности — Киевской Руси, тогда как Россия, как более позднее, вторичное образование, украла, присвоила себе этот топоним, а, следовательно, не имеет на него никакого права. Поэтому Россия-Московия, будучи вторичным государством по отношению к Украине-Руси, должна считаться *Малороссией*, тогда как подлинная Великороссия — это Украина. Ср. употребление термина *Малороссия* в значении 'Россия' в речи кандидата в мэры Львова Юрия Михальчишина: «...нужно делать выбор: с одной стороны — Украина, а с другой — жлобская и зажранная Малороссия! ... борьба продолжается, нам нужна революция Бандеры XXI века ... у них свой

праздник — Дяв-я-я-ятое мая (Ред.: с откровенной издевкой на русском языке произносил он), а у нас есть свой праздник великой Покровы, день основания ОУН-УПА!», — кричал он в микрофон». (Анна Сергеева. В Киеве прошло массовое шествие националистов в честь 68-летия УПА // Новый регион 2, 2010.10.14; НКРЯ). Нужно сказать, что данное употребление слова *Малороссия* принадлежит исключительно украинскому политическому узусу и совершенно не встречается в русских текстах.

С точки зрения этой риторики, русский язык — это диалект украинского языка, созданный совместно монголо-татарами, Петром и Пушкиным, чтобы отделить от Руси-Украины изначально принадлежавшие ей московские земли: «Запам'ятай свідомий — руссо-язик — це не мова, а діалект Руської (Української) мови, який був вигаданий монголо-татарами, геєм Петром I і негром Пушкіним, щоб розділити Великий Руський (Український) народ і відірвати ісконно Руські (Українські) землі Московії від Руси-України»³⁶.

В заключение можно подвести некоторые итоги. Как видно из представленных материалов, лексемы с корнем *малорос-* не просто продолжают активно использоваться в современном русском и украинском узусах в своих старых значениях, но и активно развивают новые под влиянием актуальных политических событий. При этом старые значения данных лексем не исчезают, но продолжают сосуществовать в едином коммуникативном поле наряду с новыми, образуя сложную вариативность смыслов. В этой ситуации значение слова напрямую зависит от прагматики текста, т. е. от того, кто является адресантом данного высказывания, какую систему ценностей он исповедует и какую политическую позицию он занимает, а также от его коммуникативного намерения, ради которого он порождает свой текст. Важно заметить, что почти весь круг значений, присущих слову *Малороссия* и описанных в статье, является общим как для русского, так и для украинского дискурса, за исключением последнего — *Малороссия* в значении «Россия» (характерного только для украинской националистической риторики и не известного в русских контекстах). Это свидетельствует о том, что совместное русско-украинское коммуникативное пространство, несмотря на всю очевидную сложность и даже драматичность ситуации, все еще до конца не утрачено (во многом благодаря Интернету), и вновь формируемые смыслы продолжают распространяться во всей сфере этого общения.

Примечания

¹ Благодарю Е. Е. Жигарину за любезно предоставленный пример из личных наблюдений.

² См., в частности: *Канпелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений / Под ред. А. И. Миллера. М., 1997. С. 125–144; *Миллер А. И.* Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1(34). С. 84–96; *Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И.* «Малоросс»: эволюция понятия до первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 2 (108). С. 9–27.

³ Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ, ссылки на его источники даются в скобках в тексте статьи).

⁴ *Сеlegeй В.* Задачи нового корпуса русского языка. [Электронный ресурс:] http://polit.ru/article/2013/12/22/ps_selegei1/; См. об этом также: *Беликов В. И., Ахметова М. В.* Статистическая оценка функциональных свойств лексики по материалам Интернета // Диалог. М., 2009. С. 25–30.

⁵ *Левкиевская Е. Е.* Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. М., 2008. С. 154–178.

⁶ Русское движение. Информационно-аналитический портал русских организаций Таврии и Севастополя // [Электронный ресурс:] <http://xn--b1adccaencl0bewna2a.xn--p1ai/index.php/announcements/2256-koordinacionny-i-sovet-russkih-organizacii-tavrii-i-sevastopolya>. (дата последнего обращения — 31.12.2013).

⁷ Об «украинизации» и ее некоторых итогах см.: *Борисенко Е. Ю.* Феномен советской украинизации. 1920-е–1930-е гг. М., 2006; *Борисенко Е. Ю.* Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 171–186.

⁸ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. В 4-х тт. М., 2000. Т. II. С. 131.

⁹ Словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова. М., 1949. С. 328.

¹⁰ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. В 51-м тт. М., 1949–1958. Т. 26: Магнитуда — медуза. М., 1955. С. 155; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. В 30-ти тт. М., 1969–1978. Т. 15: Ломбард — Мезитол. М., 1974. С. 289.

¹¹ Словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 1994. С. 333.

¹² Большой академический словарь русского языка. 3-е изд. В 30-ти тт. М., 2004. Т. 9. Л — Медь. М.-СПб., 2008. С. 467.

¹³ *Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я.* Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М., 2002. С. 61–62.

¹⁴ О восприятии украинского языка в русском сознании советского периода и способах передачи украинской речи в русских текстах см.: *Левкиевская Е. Е.* Украинский язык в русском языковом пространстве // Русские об Украине и украинцах. СПб., Алетейя, 2012. С. 415–454.

¹⁵ *Маланюк Є.* До проблеми етнопсихології малоросійства // Народна творчість та етнографія. Київ, 1997. № 1. С. 42–43.

¹⁶ *Яременко Н. Н.* Преодолеем ли «украиновство»? О книге Сергея Родина «Украинцы». Антирусское движение сепаратистов в Малороссии. 1847–2009. [Электронный ресурс:] <http://suzhdenia.ruspole.info/node/1253> (дата последнего обращения — 27.01.2016).

¹⁷ См., в частности: *Войтенко В.* Поточні проблеми малоросійства // Народна газета. Київ, 1996. № 18. С. 5; Второй раунд полемики о малоросийстве (Письмо русским узникам совести из украинских тюрем). [Электронный ресурс:] <http://solidarnist.org.ua/bloknot-areshtanta/863-vtoroy-raund-polemiki-o-malorossiystve.html> (дата последнего обращения — 05.09.2012); *Гуцуляк О.* Геть з толочкіянством! Хай живе костомарівська людина! [Электронный ресурс:] <http://uchni.com.ua/literatura/1452/index.html> (дата последнего обращения — 16.01.2006); *Гуцуляк О.* Малороссийская идентичность — это ущербная идентичность. [Электронный ресурс:] <http://www.mesoecrasia.org/archives/10582> (дата последнего обращения — 17.07.2012).

¹⁸ Ющенко напомнил Януковичу, что значит быть «грязью Москвы». [Электронный ресурс:] http://anvictory.org/blog/2010/09/20/yuschenko_napomnil_yanukovichu_chno_znachit_byit_gryazu_moskvyi/

¹⁹ *Дубин Б.В.* Интеллектуальные группы и символические формы. М., 2004. С. 116.

²⁰ Российский энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров. М., 2000. Т. 1. С. 887.

²¹ Политология. Энциклопедический словарь / Ред. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 231.

²² *Поспелов Е.М.* Географические названия мира. Топонимический словарь / Отв. ред. Р. А. Агеева. М., 1998. С. 430.

²³ *Губарев Г.В., Скрылов А.И.* Казачий исторический словарь-справочник. В 3-х тт. Кливленд; Сан-Ансельмо, 1963–1970. Репринт. М., 1992. Текст в формате doc доступен по адресу: [history-fiction.ru>get-book-file.php?id=3002](http://history-fiction.ru/get-book-file.php?id=3002)

²⁴ Малороссия (Малая Русь) // *Платонов О.А.* Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации». М., 2000. Текст доступен по адресу: http://modernlib.ru/books/platonov_o/svyataya_rus_encyklopedicheskiy_slovar_russkoy_civilizacii/ (дата последнего посещения — 01.02.2016).

²⁵ Ср. названия статей в блогах: *Яременко Н.Н. Я* — малоросс, этим горжусь. [Электронный ресурс:] http://www.skaviny.ru/proekty/slavyane/jarem_maloros.php (дата последнего обращения — 27.01.2016); «Я — малоросс и этим горжусь». [Электронный ресурс:] <http://odnarodyna.org/content/ya-maloross-etim-gorzhus> (дата последнего обращения — 9.12.2008); «Пора быть малороссом!» [Электронный ресурс:] http://www.delorus.com/good/index.php?ELEMENT_ID=2994 (дата последнего обращения — 11.08.2009); «Почему я не хочу быть украинцем? Ответ малороссианина». [Электронный ресурс:] <http://malorossijanin.livejournal.com/33965.html> (дата последнего обращения — 20.01.2011); «Малороссианин. Верните мне мое имя! Я Русь, а не ukraina!»

²⁶ См., например: *Бузина О.* Союз плуга и трезуба. Как придумали Украину. Киев, Арий, 2013. [Электронный ресурс:] <http://e-libra.ru/read/364607-soyuz-pluga-i-trezubakak-pridumali-ukrainu.html>; *Бузина О.* Тайная история Украины–Руси. Киев, Довіра, 2005.

²⁷ *Сидоренко С.Н.* Украина — тоже Россия. М., Альтернатива, 2005. [Электронный ресурс:] <http://www.rusichi-center.ru/e/3174309-malorossiya-ili-ukraina> (дата последнего обращения — 17.09.2013).

²⁸ См., например: *Смолин М.Б.* Украина — это Россия. [Электронный ресурс:] http://www.moskva.ru/publications/publication_1134.html; ср. также: *Смолин М.Б.* Украинская болезнь русской нации. М., Имперская традиция, 2004; *Рахматуллин Р.*

Имя Русь // Новый мир. 2009. № 2. [Электронный ресурс]: http://magazines.russ.ru/povyi_mi/2009/2/gr12.html (дата последнего обращения — 27.01.2016).

²⁹ [Электронный ресурс]: <http://maloros.org/>

³⁰ [Электронный ресурс]: <http://holmogor.livejournal.com/> (дата последнего обращения — 17.04.2015)

³¹ [Электронный ресурс]: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1429741080> (дата последнего обращения — 23.04.2015).

³² [Электронный ресурс]: <http://malorossijanin.livejournal.com/1202029.html> (дата последнего обращения — 17.04.2015).

³³ Там же, а также: <https://www.youtube.com/watch?v=YFIg-WpJ2Cs> (дата последнего обращения — 25.09.2015).

³⁴ Там же.

³⁵ [Электронный ресурс]: <http://yugovostok.com/>

³⁶ [Электронный ресурс]: <http://belpolitica.webtalk.ru/viewtopic.php?id=56>

О. А. Остапчук, Т. Н. Курохтина
(Москва)

Этнофолизмы в языке и политическом дискурсе эпохи пост-Майдана (на материале русского и украинского Интернет-пространства)*

В любом языке имеется особый пласт лексем, при помощи которых говорящие формулируют свое, как правило, негативное отношение к представителям другого этноса, в которых отражаются этнические предрассудки и стереотипы, национальная подозрительность, порой нетерпимость представителей одного этноса по отношению к другому. В значении подобных номинаций содержится яркий эмотивно-оценочный компонент, а при их употреблении в речи актуализируются разнообразные негативные (пейоративные) коннотации. Подобные лексеммы в отечественной лингвистике обозначаются по-разному: *вторичные этнонимы, этнические прозвища / прозвищные этнонимы, пейоративные / экспрессивные (псевдо)этнонимы*, нередко используется также термин *этнофолизм*, широко распространенный в западной литературе¹, наряду с таким определением, как *derogatory group labels*². Термин *этнофолизм* образован сложением

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а — «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»).

двух др.-греч. корней — *этнос* (народ, племя) и *фаулос* (дурной, ничтожный) и обычно трактуется как «словесный символ и штамп, обладающий оттенками этнической нетерпимости и предубеждения к другим народам»³. Мы остановили свой выбор именно на этом термине, учитывая его интернациональный характер и устойчивую практику использования в отечественной и зарубежной лингвистике, а также адекватность для характеристики отобранного языкового материала, однако в качестве синонима нами используются также обозначения экспрессивный этноним, экспрессема, пейоратив и под., которые также отражают специфику семантики такого рода лексем.

Несмотря на компонент *этно-* в составе термина *этнофолизм*, такие экспрессивные наименования далеко не всегда адресованы представителям другого этноса. Так, А.В. Гладиллин, рассматривая этнофолизмы как проявление референтной функции *языка вражды*, пишет: «Мишенями этнофолизмов могут быть не только представители других народов, но и представители иных “чуждых” социальных групп, в том числе люди той же национальности, что и члены группы, использующей этнофолизм»⁴. Исследователь отмечает, что это не только не противоречит внутренней форме рассматриваемого термина (у древних греков слово «*этнос*» обладало отрицательной коннотацией, обозначая чужое племя и чужой род), но и соответствует современному узусу, в котором лексемы с составляющей «*этно*» могут обозначать особенности как чужих народов, так и различных социальных групп того народа, к которому принадлежит сам говорящий. Таким образом, ведущим в значении термина становится именно второй элемент, указывающий на негативное отношение к представителям чуждой — этнически, социально или политически — группы, а само наименование — важным элементом языка вражды. Анализ использования пейоративов этого типа в речевой практике показывает, что собственно референтные значения (указание на этнос, социальную или политическую группу) могут взаимно накладываться друг на друга. Так, к примеру, экспрессивные наименования *майдаун* и *майданутый* изначально использовались для обозначения участников протестных акций 2004, а затем и 2013–2014 гг. на украинском Майдане, однако в дальнейшем эта инвектива расширила свое значение и начала употребляться применительно ко всем украинцам, поддержавшим протестующих. Любопытна последующая эволюция этих этнофолизмов: в настоящий момент их можно

встретить в русскоязычном интернет-пространстве применительно к представителю любого этноса, в том числе россиянина, выражающего поддержку и сочувствие украинцам: «Недавно *майданутый телеоборзеватель* с “Эха Москвы” Ирина Петровская заявила, что Украина отключила российские каналы “в целях гигиены”»⁵.

Список пейоративных наименований пополняется новыми элементами тем быстрее, чем частотнее и активнее общение представителей различных этносов, особенно если речь идет о конфликтной ситуации. Напряженная политическая ситуация, межэтнические, политические и религиозные конфликты, проблемы миграции и др. факторы также влияют на активизацию процесса образования новых этнофолизмов и трансформацию уже имеющихся в языке экспрессивных наименований. Это связано с особой восприимчивостью языка к таким внешним факторам, стимулирующим активность в сфере номинации, как социополитические трансформации, изменения настроений в обществе и т. п. Как правило, уничижительные наименования представителей другого этноса или чуждой социальной группы зарождаются в сфере нерегулируемого языкового общения, т. е. в разговорной речи, просторечии, жаргонах, арго⁶, и в большинстве случаев так и остаются окказионализмами, индивидуальными образованиями, не получая широкого распространения. Открытая полемичность современного российского и украинского политического дискурсов и используемые в них идеологемы (прежде всего, идеологема врага⁷) способствуют не только стремительному росту числа взаимных инвектив, но и быстрому распространению и закреплению в узусе (причем как в межличностном, так и в публичном общении) стереотипных номинаций, выполняющих не столько собственно номинативную (референтную), сколько аксиологическую (оценочную) и эмоционально-экспрессивную функции. Примечательно в этой связи, что даже зафиксированные в словарях узуальные экспрессивные этнонимы с уничижительным оттенком значения, такие как *хохол*, *москаль* и *кацап*, оказались недостаточно экспрессивными в новых изменившихся условиях, став основой для образования целого ряда новых трансформированных пейоративов: *хохол* (*хохлы*) — *каклы*, *хохлосрач*, *хохлопис*, *хохлопитек*; *москаль* — *москалота*; *кацап* — *кацаптя*, *кацапстан*, *кацаптя*, *кацапствующие* и др.

Подобные новообразования и некоторые другие пейоративные номинации послужили материалом для нашего небольшого

исследования, в ходе которого мы попытаемся проанализировать способы образования этнофолизмов, появившихся в украинском и русском Интернет-пространстве в течение 2013–2014 гг., а также остановимся на выполняемых ими в дискурсе функциях и выражаемом значении. Материал собирался в комментариях к новостным статьям и авторским аналитическим заметкам российских и украинских политологов, экспертов и деятелей культуры, в которых высказывалось мнение относительно конкретных политических событий на Украине. Большинство рассмотренных публикаций появлялись в социальной сети *Facebook* в период с декабря 2013 г. по ноябрь 2014 г. (некоторые примеры датируются и самым недавним временем, вплоть до первой половины 2015 г.). Выбор именно этого интернет-ресурса неслучаен. Социальные сети являются важным элементом общественной коммуникации, а в интересующий нас период они стали одним из фронтов информационной войны, развернувшейся, в том числе, и между интернет-пользователями с различными политическими позициями, в частности, с российской и украинской стороны. Согласно социологическим данным, именно *Facebook* был основным источником информации о протестных акциях в Киеве и событиях, последовавших за ними⁸. Исследователи социальных процессов склонны рассматривать социальные медиа как «новый и важный источник знаний о процессах, которые происходят в российском обществе (и не только в нем — *Авторы*), и прежде всего об отражении в нем реальной картины идеолого-политического размежевания»⁹. С перспективы исследователя языка особенно важно, что интернет-коммуникация, в том числе осуществляемая на платформе социальных сетей, занимает промежуточное место между контролируемым // неконтролируемым, публичным // межличностным общением, создавая удобное коммуникативное пространство для свободных эмоциональных высказываний на любые, в том числе социально и политически значимые темы и расширяя границы словоупотребления за счет включения слов, выходящих за рамки литературной нормы. Данный материал, надеемся, позволит также отчасти реконструировать ту часть коллективного языкового сознания, которая связана с политическим мышлением, и представляет в трансформированном виде темы и концепты, циркулирующие в публичном дискурсе (ср. термин наивная лингвополитология, предложенный Н. Д. Голевым¹⁰).

В сферу нашего внимания попали не только этнофолизмы как таковые (*вата, кремлядь, паРашисты; укропы, укро-зомби, майдауны, яйцеголовые* и т. п.), а также псевдохоронимы для обозначения Украины и России; актуализирующие негативные коннотации (*Путин-ляндия, кацапстан, параша, ЧебуРашка; Уркаина, укропия* и проч.). Довольно большой объем новообразований не позволил, однако, подробно остановиться на каждом неологизме, поэтому многие пейоративные номинации, не имеющие прямого отношения к этнофолизмам или сохраняющие свой сугубо окказиональный характер, остались за рамками нашего исследования. Мы специально не останавливались также на составных (многословных) номинациях, поскольку именно здесь особенно ярко проявился окказиональный характер номинации: едва ли не каждый пользователь в силу возможностей своего воображения придумывал собственные словосочетания, имеющие целью унизить оппонента, выразить к нему свое презрение и пренебрежение (ср: *бандеровские морды, путинские братья, росейская быдломасса*).

1. Общая характеристика коммуникативной ситуации

1.1. В ходе анализа нами привлекался материал, оформленный как на украинском, так и на русском языке, при этом выбор языка коммуникации напрямую не соотносится с разграничением украинского и российского сегмента Интернет-пространства и лишь отчасти может служить показателем политических пристрастий автора. Заметим, что украинская социолингвистическая ситуация создает возможность одновременного использования обоих названных языков, в том числе в сфере политически ангажированной коммуникации, при этом выбор языка (со)общения не всегда и не обязательно связан с выбором идентичности. Здесь имеется в виду, прежде всего, русский язык, который (в отличие от украинского, как правило, однозначно маркирующего также и политическую ориентацию пишущего) используется представителями обеих противоборствующих сторон, что дает основания ряду наблюдателей говорить о вычленении нового типа идейно-политической идентичности «русскоговорящий украинец»¹¹, наряду с традиционной этноязыковой. Это, в свою очередь, приводит к своеобразной особенности политического дискурса пост-Майдана, когда, по словам писателя и публициста К. Скоркина:

«риторика ненависти отравляет прежде всего русскоязычное пространство — общее для России и Украины, чем наносит непоправимый ущерб межкультурному диалогу. Люди говорят на одном языке не для того, чтобы лучше друг друга понять, а для того, чтобы изощреннее друг друга оскорблять»¹². Не разделяя столь драматичного взгляда на ситуацию, мы вынуждены констатировать, что язык вражды не ограничен каким-то одним национальным сегментом Интернет-пространства, а широкое использование в ходе полемики именно русского языка объясняется отчасти его прочными позициями в украинском коммуникативном пространстве, а также свидетельствует не об этническом (или этноязыковом), а скорее социально-политическом характере конфликта, находящего свое отражение в сетевом общении.

1.2. Нельзя не заметить, что как минимум с начала 2014 г. политический дискурс как в украинском, так и в российском Интернет-пространстве отчетливо демонстрирует черты, характерные для **языка конфликта (вражды)**, такие как: резкость и категоричность оценок, крайняя эмоциональность и повышенная аксиологичность¹³. Язык вражды, в отличие от других типов коммуникации, по определению является антидиалогом, декларативно отрицая нацеленность на установление контакта, как на межличностном, так и на публичном уровне. Эту особенность общения в условиях конфликта хорошо иллюстрирует именно специфика функционирования этнофолизмов и других экспрессивных номинаций с негативными коннотациями. Как отмечает, в частности, Т. ванн Дейк, этнофолизмы в обычной коммуникации, даже в специально выделяемом им «дискурсе предубеждения», используются преимущественно в отсутствие объекта называния¹⁴, однако для языка конфликта, как хорошо показывают наши примеры, нередко характерно именно прямое адресное использование этнофолизмов, что особенно заметно в компьютерно опосредованной коммуникации¹⁵. Вследствие предельной насыщенности речи экспрессемами разного порядка, в том числе прямыми инвективами в адрес противника, еще более заметной становится ориентация такого общения не на установление и/или продолжение диалога, а исключительно на выражение соответствующей негативной эмоции и стигматизацию оппонента.

Такая дискурсивная стратегия, развиваемая в рамках языка вражды и направленная на понижение коммуникативного статуса

противника и фактическое устранение его из «своего» коммуникативного и аксиологического пространства, определяется термином **делегитимизация**. Приведем два показательных (зеркальных) примера подобной риторики, где употреблению инвектив дается дополнительное обоснование в полном соответствии с логикой языка конфликта:

«Они требуют, чтобы мы перестали называть их “колорадами”. ... Так вот, пацаны, мы на это пойти не можем. Называть вас “примитивными зомбированными совками с извращенной системой ценностей, без чести, достоинства и патриотизма, продажными путинскими холуями и пособниками террористов” очень длинно. Просите чего-нибудь другого. Мы слушаем»¹⁶.

«Самих бандеровцев искажение их названия крайне задевает. Удивительно чувствительные люди. Обязательно начнут разяснять, что бандеровцы — это жители города Бендеры, а они-де бандеровцы. (...) Как захотим, так и будем называть. Захотим — бандеровцами. Захотим — бандеровцами. Захотим — тупоголовиками»¹⁷.

Вслед за израильским исследователем Д. Бар-Талом, мы понимаем делегитимизацию как социопсихологический и социолингвистический процесс, который проявляется в публичном дискурсе в форме приписывания некой группе крайне негативных характеристик и преследует цель вывести эту группу за рамки общепризнанной морали, нравственности, тем самым являясь средством оправдания насилия¹⁸. Делегитимизация как дискурсивное явление предполагает формирование **социумных объектов** как цели речевой агрессии и базируется на хорошо известной семантической оппозиции «свой»–«чужой»; этим объясняется, в частности, тяготение к употреблению этнофолизмов преимущественно во множественном числе. Априорное приписывание крайне негативных черт некой социальной и/или этнической группе преследует цель воздействия на ценностные ориентиры и понятийную систему «врага» путем трансформации семантической структуры дискурса в целом и значения языковых средств в частности, причем прежде всего коннотативной (непредметной) его части¹⁹.

Основным средством таких изменений на уровне массового сознания становятся активно эксплуатируемые в соответствии с логикой языка конфликта идеологемы, которые являются важным средством мобилизации общества перед лицом реальной или воображаемой

угрозы. Здесь мы исходим из широкого понимания идеологемы как когнитивной единицы в рамках идеологического образа мира, которая реализуется в тексте и — шире — в дискурсе при помощи единиц разного уровня, в том числе собственно вербальных средств²⁰. Особыми средствами вербализации напряженности, собственно, и являются этнофолизмы, выполняющие роль инвектив, стигматизирующих чуждую для говорящего по политическим, социальным и/или этническим соображениям группу людей и выражающих различные оттенки ее негативной оценки: иронию, презрение, уничижение и т. д.

2. Структурно-семантический анализ этнофолизмов

2.1. Большинство отобранных нами в ходе анализа пейоративов имеют прозрачную внутреннюю форму, что способствует максимально эффективному выполнению ими экспрессивно-оценочной (а не номинативно-референтной) функции в рамках дискурса делегитимизации. Свой анализ мы начнем с разбора наиболее частотных экспрессивных наименований украинцев и сторонников украинской политической идеи, функционирующих в Интернет-пространстве.

2.1.1. В рамках дискурса делегитимизации в семантическом поле «враг» для обозначения украинцев центральное место занимают дериваты, отсылающие к названию главного политического события последнего времени — протестных акций в Киеве в 2004 и 2013–2014 гг., т. е. к *Майдану* (от одноименной площади в Киеве *Майдан Незалежності*); это, прежде всего, уже упоминавшиеся пейоративы *майдауны* и *майданутые*, оба с актуализированной семой (психического) нездоровья. Обе эти лексемы нельзя считать абсолютно новыми, так, инвектива *майданутые* появилась еще в 2004 г. для обозначения сторонников Оранжевой революции в среде их противников, а события 2013–2014 гг. (получившие название *Евромайдана*) лишь способствовали ее актуализации. Пренебрежительный оттенок значения в пейоративе *майданутый* возникает вследствие использования словообразовательной модели, где суффикс *-ут(ый)* вызывает аналогию с такими явно сниженными просторечными или сленговыми словами, как *тронутый*, *чокнутый*, *долбанутый*, имеющими значение ‘психически не вполне нормальный’. Чаще всего данная лексема используется как экспрессивный комментарий, выражающий

непосредственную реакцию на сказанное (написанное), и прекрасно иллюстрирует принципиальную установку дискурса такого рода на антидиалог, поскольку оскорбление не только не предполагает продолжения разговора, но и явно подчеркивает благодаря своей внутренней форме невозможность рассматривать противника как достойного собеседника: «*Ну майданутый!*»; «*Укры — чуть менее, чем полностью майданутые*».

Аналогичную функцию в подобных контекстах выполняет оскорбительный этнофолизм *майдаун*, также актуализирующий коннотации психического нездоровья. Уничижительный оттенок в значении возникает вследствие фонетической трансформации исходного слова (в *майдан* вставлена всего одна лишняя буква), что делает его созвучным с лексемой *даун* в ее сленговом значении 'идиот, слабоумный, дебил' (против использования этого слова в качестве оскорбления в публичном пространстве активно выступают общественные деятели и защитники прав человека).

«— *Почему майдауны не могут включать мозги? / — Не возможно включить то чего нет!*»²¹; «*На Украине сегодняшнюю власть поддерживают лишь "майдауны". То есть дауны-зомби, не способные ни к самостоятельному логическому мышлению, ни даже к адекватному восприятию действительности*»²².

Стоит отметить, что основа *майдан*- в видоизмененной форме в рассматриваемый период стала, пожалуй, одной из самых продуктивных, послужив мотивировочной базой для создания большого количества окказиональных экспрессивных дериватов с прозрачной внутренней формой и явными негативными коннотациями:

«*На этой странице будет сборник мадайдаунизмов от майдаунов социальных сетей*»; «*Да, Киев изменился, теперь 9 лет одного поколения хватает, чтобы еще раз майдануться*»; «*Но отмайданить пообещала*»²³; «*Не предвидели ведь, отмайданенные на всю голову, горького послевкусия этого «шашлыка» для себя, своих родных и близких...*»²⁴.

2.1.2. Превращение представителей соседнего государства в объект негативной номинации в рамках коммуникативной стратегии языка вражды привело к появлению экспрессивных наименований, в том числе, мотивированных первичным (нейтральным) этнонимом *украинцы*: *укр(ы)*, *укроп(ы)*, которые выражают откровенно пренебрежительное и/или презрительное отношение к объекту номинации.

Несмотря на нейтральную по своей семантике производящую основу, нельзя не уловить оттенок уничижительности, возникающий у новообразований вследствие расширения их коннотативного поля за счет включения негативных ассоциаций. Так, пейоратив *укроп* можно охарактеризовать как неосемантизм, а источником негативных коннотаций в данном случае является аналогия с одноименным растением, сорной травой, которая, с одной стороны, не представляет никакой опасности, а с другой — быстро разрастается, засоряя посеvy других сельскохозяйственных культур (отсюда — уничижительный, презрительный оттенок значения). Можно также отметить, что в воровском жаргоне *укроп* обозначает «глупый, глупец»²⁵; подобное значение «*дурень, глупец, простак*» имеет английский аналог слова *укроп* — *dill*, используемый в сленге. В уничижительном значении пейоратив *укроп*, как замечает А. И. Грищенко, начал употребляться уже в 2004–2006 гг.²⁶, однако лишь в условиях кризиса 2014 г. превратился в одну из доминант языка вражды:

«“Укропами” или “украми” русские называют украинцев, патриотов Украины, несогласных с политикой РФ. Сами украинские патриоты воспринимают это с юмором, часто называя себя так же»²⁷; «Смерть укропам!!! — кричала баба Алла після спиритичного сеансу російських новин»²⁸.

В метарефлексивах, объясняющих значение неологизма, отчетливо проявляются попытки вычленения не (этно)национальной, а политической причины экспрессивного переименования: «*“Укропы” — это вообще не украинцы. Это союзники и пособники киевской власти, которая по сути антиукраинская*»²⁹. В логике дискурса вражды вполне логичным поэтому кажется объединение разного типа экспрессивных наименований, призванных указать на «чужеродность» противника, его несовместимость с аксиологическими представлениями говорящего (пишущего): «*Сейчас укроп перестал быть для них ругательством, завтра пидорами будут уважительно называть*»; «*До чего нужно ненавидеть волю-свободу, чтобы кличка «Укропидос» (сокращённо Укроп) стала гордостью?*»; «*Укроп — это сокращение от укропитек. Нашли чем гордиться...*»³⁰.

Активное употребление пейоратива *укроп* в разнообразных контекстах в русском Интернет-пространстве, его высокая частотность и мощный отрицательный заряд способствовали перемещению его в центр семантического поля «враг» применительно к приверженцам

украинской политической идеи, что отразилось также на развитии его деривационного потенциала. Так, от данного экспрессива образована женская форма *укропка* и прилагательное *укропский*:

*«Перед своей поездкой в Харьков директор школы дал приказ закрасить и содрать всё украинские символы. В школьном холле большой Герб Украины, содрать не получается, решили закрасить. — Чего застыли, **укропки**?... Что встали, поём ваш **укропский гимн**, и сдираем, чтобы на дно и с песней, — он заливается смехом»³¹.*

Аналогичным образом возник псевдохороним *укропия*; который часто пишется со строчной буквы, что явно призвано усилить эффект делегитимизации, который, собственно, и является основной коммуникативной целью такого экспрессивного переименования (аналогичную функцию выполняют другие экспрессивные переименования, образованные путем искажения исходной фонетической формы названия, вызывающей негативные ассоциации, как *Уркаина* и т. п.):

«Укропии уже дали кредит, еще дадут и все никаких инвестиций... это фиг отработаете, скоро дефолт»³².

Аналогичную функцию в политическом дискурсе выполняет этнофолизм *укр(ы)*. Этот экспрессивный псевдоэтноним имеет свою историю, и в свое время пропагандировался в ряде украинских псевдонаучных трудов как название некоего мифического племени — якобы древних предков украинцев. В свою очередь, настойчивые попытки разработать альтернативную историю происхождения украинцев, уходящую в глубь веков, вызвали немало ироничных и саркастических насмешек над мифами о *Великих украх*. *«“Укры”? Причем здесь оскорбление — это только уважение: “Это самоназвание древних хохлов, озвученное в их правительственной прессе, принадлежащей Раде. Там печатались статьи украинских ученых-историков и прозвучало определение — “древние **укры**”. От которых уже пошли все европейцы, славяне и остальные народы Мира»³³.* В контексте событий украинско-российского конфликта номинация *укры* сменила свою ироническую окраску на откровенно оскорбительную, презрительную, и теперь актуализирует в дискурсе делегитимизации крайне негативные коннотации:

*«На наших глазах формируется новый этнос — **укры**. Это такой гной, который в нашей общей культуре копился и вдруг осознал свою **укрость**. **Укры** есть везде — и в Москве и в Лондоне, но только в Киеве они стали кристаллизоваться. Ни язык, ни образование, ни*

происхождение не имеют значения. *Укра* узнаешь везде — он прыгает на месте и кричит речевки, он считает себя пупом мира и считает, что ему все всё должны. Идея фикс *Укра* — Европа... не Япония, не Америка, не, упаси Бог, Россия, а именно Европа. Это какая-то архаика пробудилась...».

Следует отметить, что формант *укр(о)* активно используется в ряде других экспрессивных дериватов для придания новообразованию негативных экспрессивно-оценочных элементов смысла, например, *укровояки*, *укроСМИ* (СМИ, имеющие ярко выраженную проукраинскую позицию ср. употребляемое как антоним обозначение *путино-СМИ*): «Вы новости смотрите иногда, не *укросми* только...», *укроящик* (с основой, уже ставшей традиционным экспрессивным обозначением телевидения, в версии *зомбящик* активно используется также для обозначения российского телевидения): «*укроящик* — такой *укроящик!*» или *укро-зомби* (те, кто, с точки зрения противников, слепо верит в *укроСМИ* и не способен к самостоятельной оценке происходящего): «*укро-зомби* всё скачите...придурки...дождётся ОПОЛЧЕНЦЫ В КИЕВЕ ПАРАД УСТРОЯТ! ВОТ ТОГДА ПОСКАЧИТЕ!». Очевидно, что в этом случае в качестве производящей основы используется не нейтральное прилагательное *украинский* (*український*), а негативно маркированная основа *укр* (или *укроп* как в случае с *укроппропаганда*), впрочем — что не исключено — это также может свидетельствовать о закреплении в обыденном политическом языковом сознании россиян негативных коннотаций за ранее нейтральными этнонимическими обозначениями жителей соседней страны.

2.1.3. Если в случае с *укропом* и *укром* в качестве исходной основы предположительно использовался первоначально нейтральный этноним *украинец*, то новообразованный (окказиональный) пейоратив *хохлопитек(и)* возник на основе другого широко известного стилистически маркированного этнофолизма *хохол*, актуализирующего в зависимости от контекста и ситуации целый спектр негативных коннотаций от шутливой до уничижительной. Дополнительная негативизация образа, закрепленного за данным наименованием, нашла свое выражение, в частности, в различных фонетических трансформациях исходного экспрессивного этнонима, как например, в случае с *каклы*. В свою очередь, появившийся в составе наименования формант *-питек(и)* также явно служит усилению негативной оценочности, добавляя оттенок оскорбительности путем установления

ассоциаций с лексемой *австралопитек(и)* 'ископаемые приматы, вероятные предки людей': «*Хохлопитекам грозит страшная смерть от кариеса...*»; «*Хохлопитеки! Поскакали дальше!*». Впрочем, образование пейоратива по аналогичной модели возможно и от нейтральной основы: «*Еще один укрупитек... вас оптом делали?*». Благодаря использованию форманта *-питек(и)* при создании окказионального этнофолизма достигается яркий эффект инфрагуманизации противников за счет отрицания наличия у них комплекса эмоций (а также чувств и мыслей), характерных для человеческих существ, что тем самым позволяет классифицировать их как 'недолюдей'³⁴. Усиление экспрессивности в неологизмах, образованных с опорой на стилистически маркированную основу, достигается также в других подобных образованиях типа: *хохлома, хохлобаны, хохламоны*³⁵.

2.1.4. Пейоративные коннотации появились также у изначально совершенно нейтрального украинского прилагательного *свідомий* (рус. 'сознательный'), которое часто используется в сочетании *свідомий українець* в прямом, причем скорее возвышенном смысле, однако в русской речи обнаружилась тенденция к его ироническому употреблению для обозначения украинца-патриота. Здесь обнаруживается явная аналогия с развитием негативных коннотаций у прилагательных *незалежний* и *самостийний*, которые в русском языковом сознании уже в 1990-е гг. стали маркерами «общего насмешливо-отрицательного восприятия украинского суверенитета, сложившегося в русском обществе», поскольку «в русской языковой картине мира устойчиво продолжает сохраняться "классический" стереотипный взгляд на Украину как часть общего с русским культурного и политического пространства — только такой статус Украины признается русским сознанием единственно правильным и законным»³⁶. В контексте обсуждаемых украинских событий прилагательное *свідомий* (в разных версиях написания) стало одним из распространенных способов выражения крайне негативного отношения к украинской политической идее как таковой: «*Выдать всем такие налечки для газовых кранов. И все. Всем свідомым — во двори на костре готувить*»; «*...не покатыт вопросы... У свідомых на все есть ответы, я проверяла*». Этот пример является яркой иллюстрацией того, как общая тенденция к снижению стилистической окраски при заимствовании лексем из близкородственного языка (как в случае с разговорным *хлопцы*, например), в языке вражды становится одним из дополнительных

средств делегитимизации противника. Это хорошо видно также на примере превращения цитат в политические ярлыки, как в случае с *щевмерлые*, *щевмерлики* (орфографическая трансформация первой строки украинского гимна «Ще не вмерла Україна»).

Дополнительное усиление экспрессивности и негативной оценочности произошло при образовании деривата *свидомит(ы)*, также занявшего важное место в семантическом поле «враг» в языке конфликта. Фонетическое сближение с другим пейоративом — *содомиты*, видимо, призвано исключить украинцев из собственного аксиологического поля из-за стремления их как можно скорее интегрироваться с Европой, которая, согласно навязываемому стереотипному представлению, ассоциируется с широкой пропагандой однополый любви: «Даже классика вековой давности в маленьких дебильных мозгах *свидомита* связана с Путиным»³⁷. Здесь уместна будет также аналогия с образованным от той же основы неологизмом *свидерасты*, где объединение в рамках одного слова двух маркированных (в русской речи) основ *свидомый* и *педерасты* (входящего в язык ненависти как один из маркеров «чужого»³⁸) служит дополнительной пейоративизации неологизма и дискурса в целом.

Аналогичные негативные коннотации, призванные подчеркнуть, с одной стороны, абсурдность стремления украинцев к евроинтеграции, а с другой, продемонстрировать их «чуждость» (вероятно, традиционным русским ценностям), актуализируются в семантике еще одного этнофолизма *геймадяне*, который является, по сути, фонетически трансформированным украинским словом *громадяни* (рус. «граждане»), где первый слог заменен элементом *гей*. Благодаря этому сознательному искажению устанавливается ассоциативная связь с бытующим стереотипом относительно европейских нравов, что в результате приводит к появлению оскорбительного в понимании его авторов пейоратива, обозначающего «украинцы, граждане Гейропы»: «Маладец жирик учи этих *геймадян*»; «Жолто голубие *геймадяне* скажите спасибо что у нас ещё Путин, был бы кто посмелее вы бы уже давно были в составе России и не вякали».

2.1.5. В нашем материале специфическое место занимают политические инвективы, связанные с исторической памятью. Так, из эпохи Второй мировой войны заимствованы важные языковые средства «отчуждения» противника в (про)российском дискурсе³⁹, что позволяет добиться яркого эффекта его дегуманизации при одновременной

мифологизации как универсального зла. Речь идет прежде всего о пейоративах *фашисты*, *нацисты*, *каратели*, *хунта*, которые, утрачивая свое прямое (историческое) референтное значение, употребляются в предельно расширительном смысле, функционируя на правах синонимов и являясь частными репрезентациями идеологемы (универсального) «врага»: «*Русские все время воюют с фашистами. Наши предки, наши деды воевали с фашистами, и поколения русских людей ждали, когда наконец будет какой-то такой же плохой враг. Когда появился, мы назвали их фашистами. Плевать, что они думают. Нам нравится называть их фашистами*»⁴⁰. Это один из ярких примеров попытки вторжения в аксиологическую систему противника, поскольку в языковом сознании украинцев эти лексемы также имеют устойчивую негативную окраску⁴¹. Весьма показательным в этом смысле является появление в (про)российском дискурсе определения *укрофашист*⁴². Структура этого политического неологизма повторяет использовавшиеся в советском политическом языке обозначения врага типа *белополяки*, *белочехи*. Как справедливо заметила Е. Е. Левкиевская, объединение в одном слове указания на национальность и политической инвективы позволяло исключить идейно чуждые «элементы» из числа представителей дружественного народа⁴³. Подобным образом обстоит дело с возникшим, согласно принципу «зеркальности» дискурса в языке конфликта⁴⁴, пейоративным определением *рашист* (подробнее см. ниже), который используется в (про)украинском дискурсе и также является попыткой «игры» на чужом аксиологическом поле⁴⁵.

Безусловной доминантой дискурса делегитимизации с отчетливыми историко-политическими коннотациями является пейоратив *бандеровец(ы)* (также в сокращенной версии *бандера* и в искаженной орфографической форме *бе(э)ндеровец*, ср. производные от него *бандеровские морды*, *Бандерштадт*⁴⁶). Данный этнофолизм, недвусмысленно указывающий на связь с именем исторического персонажа С. Бандеры, в рамках (пост)советской традиции употребляется в качестве оскорбительного ярлыка, служащего дискредитации и демонизации украинского националистического подполья времен Второй мировой войны, а также — путем расширения значения экспрессымы — украинского политического движения как такового. Так, если пейоратив употребляется в буквальном (историческом) значении, то его негативные коннотации дополнительно актуализируются

за счет помещения в соответствующий контекст, как, например, в названии фильма *«Бандеровцы. Палачи не бывают героями»* на телеканале Россия-1⁴⁷. Гораздо чаще, однако, этнофолизм употребляется в функции политической инвективы с расширительным значением, часто с дополнительными географическими коннотациями, например, применительно к жителям Западной Украины: ср. *«Бандеровцы глумятся над Рождеством: Праздник любви и добра превратили в “пятиминутку ненависти”»*⁴⁸, хотя по мере развития конфликта именно географическая составляющая коннотативного значения постепенно нивелируется. Актуализация негативных смыслов пейоратива в современном языке вражды связана, в частности, с возрождением дискуссии о роли С. Бандеры в формировании украинской политической идеологии, выдвинувшей в современном (про)российском дискурсе на первый план сему коллаборационизма (отсюда возможность синонимической замены на *фашист, нацист, каратель*⁴⁹).

В контексте украинского кризиса оказалось переосмысленным и значение другой пейоративной номинации — *бандерлоги*, у которой также установилась (вторичная) мотивировочная связь с именем идеолога украинского национализма. Заимствованная из произведений Р. Кипплинга экспрессема *бандар-лог (бандерлоги)*, называющая в «Книге джунглей» вымышленный обезьяний народ, стала фактом современного политического языка после того, как в декабре 2011 г. тогда еще премьер-министр РФ В. Путин в своем телевыступлении обратился к политическим оппонентам и оппозиционно настроенным гражданам, якобы не готовым к диалогу с властью, со словами: *«Идите ко мне, бандерлоги»*. Присутствующая в значении пейоратива сема политической инаковости, оппозиционности привела к его активному дальнейшему использованию как средства речевой агрессии: *«Впрочем, бандерлоги все время вопят о репрессиях, и давно уже пора дать им повод»*; *«Мочи бандерлогов! в сортире мочи!»*. Данная лексема в такой функции вновь оказалась востребованной в связи с украинскими событиями 2013–2014 гг.; в том числе благодаря ее созвучию с именем С. Бандеры, и закрепилась в качестве вариантного экспрессивного способа обозначения участников протестных акций в Киеве, а затем и в целом сторонников произошедших в Украине перемен: *«Бандерлоги, повертайте всі на майдан, його хочуть розігнати!»*⁵⁰.

2.1.6. Итак, среди рассмотренных этнофолизмов, используемых применительно к украинцам и/или сторонникам украинской политической идеи, наиболее частотными следует признать образованные от первоначально нейтральных основ пейоративы, выполняющие свою отчуждающую функцию в языке вражды за счет прямого указания на связь с политически «чуждыми» событиями (*майдаун*), историческими персонажами (*бандеровцы*), идеями (*укропы*, *укры*) и ценностями (*геймадяне*, *свидомиты*). Об узуализации этих экспрессивных номинаций свидетельствует, в частности, их высокая словообразовательная активность. Одновременно на периферии семантического поля «враг» в этом сегменте обнаруживается огромное множество вариативных окказиональных образований с возможностью перекрестного использования формантов, как, например, в случае с *укро-/хохло-/свидомитеками*.

2.2.1. Теперь перейдем к рассмотрению этнофолизмов, адресованных тем, кто поддерживает официальную политику российских властей. Среди этих пейоративов особую группу составляют дериваты, мотивированные именем главного политического деятеля страны — В. В. Путина. Примечательно, что многие из них возникли задолго до событий на Украине и лишь впоследствии получили более широкое распространение. Одни номинации за последнее время обрели новые (коннотативные) оттенки смысла, другие — поменяли свое изначальное значение на совершенно противоположное. Среди них наибольшей популярностью в сетевой коммуникации пользуются следующие наименования (из тех, что встретились нам в рассматриваемом интернет-ресурсе): *путиноиды*, *путинята*⁵¹. В своей семантике все новообразования, мотивированные именем политика, содержат сему пренебрежительного к нему отношения, что в целом соответствует общей тенденции в образовании отонимических неологизмов в современных СМИ⁵².

Упомянутый первым пейоратив *путиноид* возник еще во время первого президентского срока В. В. Путина и первоначально использовался для наименования сторонников политика и приверженцев его политических взглядов — прежде всего в правительственных и чиновничьих кругах. В качестве примера приведем цитату из заметки от 2004 г., в которой под *путиноидами* подразумеваются члены правительства: «Все-таки путинское правительство есть нечто несообразно некомпетентное. Такое впечатление, что нами управляют

олигофрены. Но не простые олигофрены, а образцово-показательные кретины-олигофрены. Простой олигофрен ошибается в половине случаев, а в половине случаев не ошибается; а **путиноиды** делают идиотские гадости при каждом случае и всегда»⁵³.

Украинские события и накалившаяся в связи с этим политическая обстановка, а также изменившаяся коммуникативная ситуация в целом и в интернет-сообществе в частности способствовали расширению (коннотативной) семантики рассматриваемого пейоративного наименования, распространившего свое значение в рамках дискурса делегитимизации едва ли не на всех жителей России: «Не удалось вам, **путиноиды** тупые, рожи свои алкогольные на Украину просунуть». Однако, как и в случае с *укропами* и *украми*, сохраняется тенденция к разграничению (этно)национального и политического элемента в содержании пейоратива: «Александр, спасибо за попытку, но поздно, война, ну а то, что не все россияне **путиноиды**, мы знаем»; «Самая большая трагедия для всей европейской цивилизации, это то, что и **Обаманоиды**, и **Путиноиды**, одинаковы по своей рабской природе и ограниченности взглядов...».

Надо отметить, что суффикс *-оид-* является весьма продуктивным при образовании производных, мотивированных фамилиями политических деятелей (*ельциноид*, *кучмоид*, *зюганоид*, *жириноид* и пр.). Е. И. Коряковцева, рассматривая экспрессивный потенциал словообразовательных средств, отмечает, что созданию отонимических пейоративов на *-оид* «сопутствуют метафорическая мотивация и т.н. «формально-семантическая конденсация», в результате чего появляются окказиональные экспрессивы — семантически нерегулярные дериваты со значением 'умственно недоразвитое человекоподобное существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой'»⁵⁴. Эффект инфрагуманизации за счет привнесения в семантику отрицательных коннотаций в данном и подобных случаях основан на связи со словом-образцом *гуманоид*, что способствует актуализации в производном слове семы 'не/недочеловек'. Также можно предположить, что оттенок пренебрежительности, возникающий в новообразованиях с рассматриваемым суффиксом, создается по аналогии со стилистически сниженными лексемами, как *шизоид*, *дебилоид* и т. п. Надо отметить, что данный экспрессивный этноним обладает определенным деривационным потенциалом и является центром нового словообразовательного гнезда:

«Гуля-Ялуг у вас в мозгу гуля под названием **Путиноидное дерьмо**»; «**Путиноидный фашизм пришел в школу**»⁵⁵; «На казёном сайте и соответствующей **путиноидно-вождистской** аудиторией колхозных ымперцев принято ругать либерализм»; «**путиноидство** нынешняя религия внутрерусская»⁵⁶.

В свою очередь, распространение номинации *путинята* связано с публикацией одноименного сборника стихотворений саратовской поэтессы Ирины Кононовой, вышедшего в 2009 г. В самом сборнике лексема *путинята*, вынесенная в заглавие и не раз встречающаяся в текстах, используется в безусловно позитивном смысле и обозначает детей, родившихся в период инициированных В. В. Путиным реформ, направленных на повышение рождаемости в стране: «**Путинята родные, жизнь дала вам Россия...**»; «**Малышей теперь в России путинятами зовут!**»⁵⁷. Новообразование, очевидно, построено по аналогии с лексемой из советского политического языка — *октябрюта*, а его положительная (по замыслу автора) эмоционально-экспрессивная окраска является следствием явной параллели с лексемами, обозначающими детенышей животных (*котята, утята* и т. п.). Однако, вопреки интенции автора и популяризатора неологизма, в интернет-пространстве он фактически сразу приобрел отчетливые отрицательные коннотации и ироническую окраску. Сохранившаяся в структуре значения сема молодости, незрелости способствовала специфической трансформации совмещенной с этим значением субъективной оценки с уменьшительно-ласкательной на уничтожительно-презрительную. С одной стороны, *путинятами* стали называть молодых сторонников политики Путина, с другой — людей, которые, не думая и не анализируя — как дети — слепо верят в слова и правильность действий первого лица государства: «**А подставляться за ватников Донбасса путинята не хотят**»; «**что-то я боюсь жить по соседству с этими путинятами..**». В сетевой коммуникации встречается также ряд окказиональных производных от этой лексемы: как напр., собирательное обозначение *путинятина* («**Через Перекоп их пустим только в одну сторону — туда, а обратно хренушки, потопим путинятину в Сиваше**»⁵⁸), или приглательное *путинятский* («**кому не нравится..пешком..в путинятскую россию**!!!»⁵⁹).

В данном сегменте семантического поля «враг» для обозначения приверженцев официальной российской политики обнаруживается целый ряд подобных окказиональных образований, где первая

часть отсылает к В. В. Путину как к олицетворению такой политики, а вторая может указывать на различные дополнительные негативные признаки, например как в *путинозомби*, на несамостоятельность взглядов: «А насчёт Югославии тебе бошку хорошо промыли как и любому *путинозомби*»⁶⁰. Синонимом к названному пейоративу может служить *путиноверы*, в контексте здесь дополнительно может актуализироваться сема личной преданности, а адресат номинации выделяется, как это уже отмечалось выше, именно по политическому, а не (этно)национальному признаку: «*Путиноверы так же нервно реагируют на всё, что затрагивает честь и достоинство великого Пу*»⁶¹.

2.2.2. В соответствии с тенденцией, отмеченной также при образовании пейоративов для обозначения противников с «украинской» стороны, признаком (политического) отчуждения является не только указание на те или иные конкретные признаки чужеродности, но и дополнительная экспрессивизация этнофолизмов, рассматриваемых как узуальные. Показательным примером этого процесса могут служить пейоративы с указанием на совокупность, нерасчлененное множество лиц. Так, например, обобщенное наименование *москалота* является одной из тех номинаций, которые возникли задолго до интересующего нас украинско-российского политического конфликта. Эта лексема присутствует, в частности, в списке сниженных единиц, имеющих признаки языка вражды, составленном еще в 2009 г.⁶² В обозначенном перечне пейоратив *москалота* фигурирует в значении «жители Востока Украины с пророссийскими симпатиями». Украинские события 2013–2014 гг. способствовали определенному сдвигу в семантике рассматриваемой лексемы, которая в настоящее время, сохраняя все оттенки пренебрежительного, уничижительного отношения к адресату, используется также для экспрессивного (собирательного) обозначения жителей России, поддерживающих официальную политику властей в украинском вопросе.

Очевидно, что данный пейоратив образован от узуального этнофолизма *москаль*, широко представленного в украинском узусе, при помощи суффикса *-ота*, служащего «для производства существительных со значением собирательности <...> Как правило, такие слова выражают грубую уничижительность»⁶³. Негативная коннотация неологизма подкрепляется наличием в языке откровенно сниженных (просторечных, грубых) единиц типа *гонота* и других, аналогичных

по способу словообразования (*хипстота*, *школота* и т.п.). Можно предположить также наличие параллельной мотивировочной связи с созвучными украинскими экспрессемами типа *сволота*⁶⁴, *мерзота*, которые используются как бранные слова и призваны выразить крайне негативное отношение к подлому (в оценке говорящего) человеку (людям), его (их) поступкам. Впрочем, в коннотативно-семантическом наполнении предполагаемых слов-образцов много общего, что позволяет трактовать рассматриваемое новообразование как грубое уничижительное обозначение 'совокупности неприятных, мерзких русских' в оценке проукраинских настроенных участников коммуникации: «*Ви, москалота-загарбники, скоро вас будуть гнати з усього цивілізованого світу*»⁶⁵; «*Приємно, що москалота пролетіла від чиненайслабших!!!*»⁶⁶.

Мониторинг блогов и виртуальных сообществ свидетельствует о том, что другой этнофолизм с подобным собирательно-оскорбительным значением *кацапня* присутствовал в украинском интернет-пространстве также задолго до конфликта 2014–2015 гг., а следствием политического кризиса стало его перемещение с периферии семантического поля «враг» в сторону центра. Очевидно, что слово образовано от другого узувального экспрессивного этнонима *кацап* при помощи собирательного суффикса *-н(я)*, сообщающего производному существительному дополнительные негативные коннотации (ср. *солдатня*⁶⁷). Таким образом, происходит усиление субъективной (негативной) оценочности мотивирующей основы, которая сама по себе выражает презрительное, уничижительное отношение к адресату и служит, наряду с другими экспрессивными средствами, важным способом «отчуждения» противника в языке вражды: «*Это является очередным подтверждением того, что кацапня не является славянами; ... кацапня является уродливым наростом на теле Славянской Цивилизации*»⁶⁸.

Аналогичная трансформация коннотативных смыслов происходит также при образовании другого экспрессивного этнонима для обозначения русских от той же производящей основы — *кацапнё*. Данная инвектива представляет собой собирательное существительное: образованное при помощи суффикса *-j*, который в большинстве случаев вносит оттенок разговорности, а также сообщает производному слову дополнительную негативную оценочность (ср. *гнильё*, *бабё* и пр.): «*Такое ощущение... что они уже сами себя стали*

бояться... **Кацапье** тихо сходит с ума... Правда ума и не было никогда...». Заметим, что экспрессема *кацап* как таковая является весьма продуктивной производящей основой, порождая ряд других окказиональных пейоративных дериватов (наряду с уже вошедшими в узус *кацапский*, *кацапка*), в частности, окказиональные хоронимы типа *Кацапстан*, *Кацапия*, служащие для экспрессивного переименования России в языке вражды. Впрочем, здесь также наблюдается уже отмечавшаяся нами выше применительно к другим аналогичным примерам тенденция к разграничению (этно)национальных и политических коннотаций в семантическом наполнении инвективы, так, в статье «*Кацапстан атакуе*» авторства украинского блогера А. Заводюка следует весьма показательное разъяснение: «*Жителей России можно разделить на россиян и кацапов. Кацапы настолько привыкли слушать своего царя Путина, что имеют другую точку зрения, кроме той, которую им навязывают, они не могут. Ненавидя американцев, они сами не создали ничего, чтоб встать с ними хотя бы вровень. Они ненавидят украинцев, называя нас хохлами, ведь, на самом деле согласиться с тем, что мы как нация стоим выше них, они не могут*»⁶⁹.

2.2.3. Среди экспрессивных переименований России в (про)украинском политическом дискурсе особую популярность приобрел пейоративный хороним *Раша* (от англ. *Russia*), имевший первоначально пренебрежительно-ироническую окраску⁷⁰. Дальнейшая пейоративизация наименования происходит в результате добавления к нему суффикса субъективной оценки (*Рашка*) или образования от него деривата *паРаша* (в различных версиях написания) вследствие фонетического уподобления грубому жаргонизму *параша*, что повлияло на дополнительное снижение стилистической окраски и изменение выражаемой субъективной оценки на презрительную. От данного экспрессивного хоронима было в дальнейшем образовано пейоративное наименование россиян — *парашист(ы)*: «*парашисты и путлевровские проплаченные боты, <...> скоро начнете с голодудохнуть*». Связь с исходной экспрессивной производящей базой может усиливаться благодаря использованию средств орфографии — написания *паРаша*, *паРашиты* с прописной *р* в середине слова: «*Ишь как паРашисты кинулись защищать своего хозяина из КГБ Путлера*». Прямая отсылка к России (*Раше*) за счет орфографического выделения характерна и для производных прилагательных: «*Спишут на ДТП пару десятков паРашных жмуров!*»⁷¹. Примечательно, что такое

написание является также своеобразной меткой, позволяющей отличить эту лексему от омонимичного ей пейоратива *парашисты*, адресованного сторонникам президента Украины П. Порошенко⁷²: «Все бандерлоги *парашисты*, а это их глава». В обоих случаях благодаря контексту не возникает сомнений относительно адресата пейоратива *парашист*. Если в первом комментарии контекст и упоминание В. В. Путина свидетельствует о том, что сообщение адресовано представителям (про)российской стороны конфликта, то во втором случае соседство с инвективной *бандерлоги* (которую мы рассматривали ранее) указывает на принадлежность *парашистов* к сторонникам украинской политической идеи.

Это довольно примечательный пример, в очередной раз иллюстрирующий принцип «зеркальности», действующий в языке конфликта. Не вызывает сомнений, что негативные коннотации экспрессивного наименования *парашист* связаны с другим пейоративом — *фашист*, который используется в языке вражды анализируемого периода как универсальная политическая инвектива. Однако если в приведенных ранее примерах пейоративы, адресованные представителям противоборствующих сторон, содержали прямое указание на (этно)национальную принадлежность адресата (как *рашист* и *укрофашист*), то в случае с *парашистом* из-за вторичного использования пейоратива представителями (про)российского лагеря эта связь не всегда оказывается очевидной, а для ее прояснения требуются дополнительные средства (орфография, контекст).

2.2.4. Одной из доминант семантического поля «враг» в (про)украинском дискурсе последнего времени является пейоратив *ватник(и)*, что отмечается как самими участниками политического дискурса, так и исследователями языка вражды⁷³. Примечательно, что экспрессема *ватник* не является новой, она появилась как юмористический компьютерный мем в 2011 г.⁷⁴ и служила первоначально наименованием персонажа комикса, воплотившего в себе отрицательные качества стереотипного россиянина — носителя ура-патриотизма («Теперь у нас новый эксперт-русковед, Рашка. Он будет комментировать особое мнение своей Родины. Встречайте поцреота»); привязанного к советскому прошлому, особенно к его военной составляющей («Идите в ж..., чертовы русафобы! Т-90! Сталин! ДЕ-ДЫЛ»⁷⁵). Специфика семантико-коннотативного наполнения пейоратива и его подчеркнутая оценочность оказались особенно востребованными

в ходе событий 2013–2014 г., стремительно возросла частота его использования в функции политической инвективы в интернет-пространстве⁷⁶, что сделало экспресsemу одним из главных средств дегуманизации противника (собрательного россиянина и сторонника «Русского мира») в (про)украинской среде: *«Ватник — национальная идея РФ. Поэтому надо изменить название страны — Ватнико-вая Федерация»*.

Тенденция к дегуманизации противника (отрицанию его принадлежности к человеческому сообществу) в языке конфликта ярко проявляется в семантической трансформации, свойственной личному употреблению лексем, первоначально обозначавших животных или неодушевленные предметы⁷⁷. В нашем случае в данной функции выступил предмет одежды, обладающий целым комплексом коннотаций в силу своей тесной связи с советским (трудовым, но также армейским и лагерным⁷⁸) бытом, что нашло свое отражение в попытках его толкования в различных популярных сетевых источниках: *«Ватник — человек с (пост)советской ментальностью... Происходит от одноименного названия популярной теплой одежды бедных советских людей»*⁷⁹. Дальнейшая пейоративизация образа по мере развития конфликта привела не только к наполнению его дополнительными политическими коннотациями⁸⁰, но и к своеобразной семантической компрессии: *ватник* начал употребляться параллельно с другим неосемантизмом *вата*, приобретшим вторичное собирательное значение: *«Ну должен был хоть один ватник “отметиться”». Иначе это просто дискредитация ваты»; «Боже, Боже, сколько тут ваты в истерике бьется... Красота какая, лепота... Таки ватный союз...»*. Данная экспрессема (и ее производные) с прозрачной внутренней формой используется чаще всего в своей инвективно-характерологической функции⁸¹ как средство указания на такой существенный (по мнению тех, кто его использует) признак противника, как примитивное сознание, неспособность воспринимать и анализировать информацию: *«В начале разговора у него все было хорошо. И пенсию ему платят и не стреляют, как в других городах области, но когда копнули глубже и я воззвала к его ватному разуму, выяснилось, что во всем, что творится на Донбассе виноват, цитирую — ПарАшенко»*⁸²; ср. также прочно закрепившиеся в этой функции обороты: *«Вата в голове»*⁸³, *«Вата в ушах»*⁸⁴.

«Зеркальным» отражением *ватника* в языке конфликта стал со временем *вышиватник*, используемый (про)российской частью

интернет-аудитории применительно к (про)украинским противникам в значении, мало отличающемся от приведенного выше для *ватника*: 'малообразованный человек с невысоким культурным уровнем, агрессивно настроенный ко всему, что не вписывается в его представление о том, как «должно быть»⁸⁵; ср.: «*Вышиватник* — это то же, что *ватник*, только думает, что оно патриот. Это человек без рефлексии и критического мышления, который повторяет патриотические лозунги только потому, что так все вокруг говорят. Это человек, который был бы *ватником*, если бы оказался в другом окружении, потому что так же готов ненавидеть всех, кто говорит на другом языке и не носит *вышиванку*»⁸⁶. В слегка трансформированный комплекс коннотаций, как следует из толкования, в качестве характерологического признака для выделения тех, кто подходит под определение *вышиватник*, вошли низкий социальный статус, агрессивность и не критичность мышления, в то же время этническая составляющая была изменена за счет добавления нового компонента, указывающего на украинскость.

Совмещение в рамках одной лексемы с прозрачной внутренней формой указания, с одной стороны, на грубую неприятную одежду (*ватник*), а, с другой — на изящную вышивку (главного элемента украинской *вышиванки* — части традиционного костюма, приобретшей символическое значение) создает эффект контраста, придавая неологизму ироническую окраску. Однако основная коммуникативная интенция при использовании данного пейоратива в его инвективной функции предполагает, в первую очередь, высмеивание любви украинцев (в особенности тех, кто сам себя относит к числу так называемых патриотов) к своему национальному костюму: «*“Вышиватник”* имеет ту же негативную коннотацию, что и *“свидомит”*, и *“майдаун”*. Этот термин появился неслучайно. Во-первых, отыгрывает поражение русского *“ватника”* как интернет-мема, а во-вторых, еще и унижает *вышиванку* как элемент украинской культуры, и используют этот термин далеко не друзья украинцев и украинскости»⁸⁷. В то же время в ряде толкований пейоратива актуализируется именно признак совмещения несовместимого, указание на показной, деланный патриотизм, что сделало возможным также употребление экспрессымы в рамках внутриукраинской политической полемики: «С моей точки зрения, оно [слово] подошло бы персонажу в *вышиванке*, натянутой поверх *ватника*, так, что она аж по швам трещит»⁸⁸.

Острая насмешка с оттенком уничижительности, которая содержится в семантико-коннотативном комплексе новообразования *вышиватник*, в свою очередь, не помешала адресатам речевой агрессии переосмыслить пейоратив в позитивном ключе и использовать его в качестве средства самоидентификации, учитывая довольно мягкую (по сравнению с другими политическими инвективами) стилистическую окраску: «*а по-моєму вишиватник норм не так мене зачіпає як свідомий і свідоміт ну вишиватнік, ну шароварнік і що?*». В результате последующей фонетической трансформации в политическом языке, превратившей *вышиватников* в *вошеватников*, установилась новая ассоциативная связь с вредным насекомым, а ироническая окраска тем самым сменилась на презрительную.

2.2.5. Тенденция к дегуманизации противника нашла свое яркое воплощение также в образовании лексемы, ставшей своеобразным символом украино-российского конфликта. Речь идет о политической инвективе *колорады*, которая возникла незадолго до празднования Дня Победы 2014 г.⁸⁹ Семантика рассматриваемого новообразования связана с одним из официальных атрибутов празднования (георгиевской ленточкой), активно пропагандируемых в российских СМИ, в том числе в контексте распространяемой в них идеологией «фашистской угрозы». Метафорический перенос, использованный при создании пейоратива, основан на схожести расцветки черно-оранжевой орденской ленточки и окраса спинки колорадского жука. Усечение основы, посредством которого образована лексема, придает ей резкий, агрессивный оттенок, а сравнение с насекомым-вредителем, лежащее в основе номинации, усиливает негативную, пренебрежительную оценочность и оскорбительные коннотации, делая его ярким средством отчуждения противника. Изначально пейоратив использовался для экспрессивного называния пророссийски настроенных жителей Донецкой и Луганской областей, поддерживавших идею федерализации Украины под предлогом спасения от так называемых «фашистов»⁹⁰. Внешним атрибутом людей, имеющих подобные взгляды, являлась именно георгиевская ленточка. Со временем номинация, приобретшая явные политические коннотации, распространилась также на россиян, поддерживающих официальную политику, и закрепилась в языке вражды именно в этом значении: «*ко-лоради? ви ще живі? бігом ховайтесь в дупу до раши і пукайте там тихенько....*».

3.0. Подводя итоги сказанному выше, обобщим некоторые морфологические, семантико-стилистические и функциональные особенности рассмотренных этнофолизмов.

3.1. По своим грамматическим показателям проанализированные пейоративы — имена существительные, некоторые из них представляют собой субстантивированные прилагательные (*майданутые*, *свидомые*). Специальные экспрессивные средства в рамках языка вражды образуются, как правило, по образцу уже существующих в языке стилистически маркированных обозначений. Так, в рамках суффиксального способа словообразования наибольшей продуктивностью обладают многозначные суффиксы, способные выражать среди прочего, субъективную оценку, которая накладывается на основное (семантическое) значение (*путинята*, *кацапня*, *кацапъё*); или привносить новое (модифицирующее) значение (*путиноид*, *майданутый*), что приводит к коннотативной пейоративизации неологизма.

В качестве важного способа образования современных экспрессивных этнонимов исследователи особо отмечают универбизацию: «Усечение само по себе выполняет в языке экспрессивную функцию, которая совмещается с компенсаторной. В результате сокращения появляются стилистически сниженные, обычно пренебрежительные наименования»⁹¹. Примеры универбов в нашем материале являются яркой иллюстрацией этого тезиса: *укр(ы)*, *правосек(и)* (от *Правый сектор*). Неслучайно именно универбы, несущие высокую эмоционально-экспрессивную нагрузку, стали своеобразными маркерами современного языка вражды. Дополнительное усиление негативной оценочности происходит в тех случаях, когда усекаются заведомо маркированные лексемы, как в случае с пейоративами *вата*, *колорад(ы)*, *сеп(ы)*, *сепар(ы)* (сокращения от *сепаратист*). Особенно яркие трансформации коннотативного поля наблюдаются в случае образования от универбов псевдоминутивов типа *колорашки*, *колорадушки*, *сепарики vs нацики*, *фашики*, в которых уменьшительно-ласкательные суффиксы благодаря своеобразному эффекту «обманутого ожидания», придают новообразованиям оттенок уничижительности; таким образом, достигается цель дополнительного снижения коммуникативного статуса противника, в данном случае за счет его демифологизации.

Особую группу в составе экспрессивных этнонимов составляют собирательные существительные типа *геймадяне*, *укро-зомби*, *путинята*,

москалота, кацапъё, кацапня. А. И. Грищенко и Н. А. Николина отмечают, что: «В собирательных именах ярко проявляется значимое для функционирования экспрессивных этнонимов вообще нивелирование индивидуальных различий между представителями других этносов, обуславливающее присущую этим наименованиям усреднённо-отрицательную оценку “чужих” как некой нерасчленённой массы»⁹². Неудивительно поэтому, что значительная часть этнофолизмов используется в языке вражды в форме множественного числа, несмотря на то, что их грамматические характеристики в принципе допускают употребление их и в единственном числе. Об этой особенности пишут многие исследователи, отмечающие фактическое отсутствие формы единственного числа у некоторых экспрессивных этнонимов, что позволяет предположить первичность множественного числа для этнонимов вообще⁹³.

3.2. Негативно окрашенные определения прозвищного типа являются не только эффективным способом выражения (субъективной) оценки, но и служат средством исключения «врага» из своего коммуникативного и социокультурного пространства в рамках дискурсивной стратегии делегитимизации. Особенно широк спектр используемых экспрессивных в интернет-коммуникации, где они используются в сугубо пейоративной (как *фашист(ы)*) или пейоративно-характерологической функции с целью максимальной негативизации образа противника. Появлению в лексемах негативных коннотаций способствует, в частности, прозрачная внутренняя форма благодаря актуализации соответствующих элементов значения: *майданутые, майдауны* (актуализована сема психического нездоровья) vs укр. *федерасты, сепарасты* (актуализована сема продажности), *бидломайдан* (синоним *антимайдана* с актуализованной семой низкого социального статуса). Создаваемые пейоративы призваны выполнять в рамках речевой стратегии делегитимизации дополнительные функции: дегуманизации объекта речи (*колорад(ы), ватник(и), вата / укроп(ы)*), его инфрагуманизации (признания «недочеловеком»: *путиноиды / майдауны*), демонизации (*киборги*) или демифологизации (*сепарики / нацики*).

Используемые в языке вражды в функции политических инвектив, этнофолизмы, обладающие, как правило, размытой семантикой с преобладанием экспрессивно-оценочных компонентов значения, являются частными вербальными реализациями более общей идеологии «врага» (разного в каждом из сегментов интернет-пространства), что позволяет в коммуникации свободно варьировать разные

лексемы и составные наименования, используя их в качестве синонимов: *«Граждане беркутята, тітушкі, сепарасты та інші колоради! Робіть, що вам подобається. Якщо виживете, то максимум, що на вас чекає — це умовне іспитальний срок»*⁹⁴. Ср.: *«Так что, “свидомиты”. Придет время — самые майданутые из вас будут стыдиться Евромайдана и делать вид, что не имеют к нему отношения»*; ср. употребление пейоративов *свидомые, свидомиты, свидомые укры, приезжие правосеки, крововояки, отмайданенные, майдауны, еврофашизм* в этом и подобных текстах этого же автора, подписавшегося как *«Колорадоватный путиносепаратный рашист»*⁹⁵.

3.3. Логика антидиалога в рамках языка конфликта создает условия для других форм деструктивного коммуникативного поведения, среди которых особого внимания заслуживает самоидентификация с оскорбительным ярлыком. Яркой иллюстрацией этой тенденции является использование политических инвектив в названиях в функции, обратной приписанной им в языке вражды: *«Укроп — символ гордости украинцев»*⁹⁶ vs. *«Я — русский оккупант»*⁹⁷. Усвоение пейоративного определения, заимствованного из дискурса противника, выражается в открытом эпатажном декларировании принадлежности к группе *«укропов»*, *«бандеровцев»* или *«ватников»*. Социопсихологическое обоснование такой коммуникативной позы является следствием осознания невозможности установления нормального контакта: *«Бытие укром открывает много перспектив. Например, укру не обязательно вступать в споры. Он же по определению фашист и каратель..., что значительно экономит время и нервы. Вы не сможете убедить человека, считающего журналистами Киселева и Шария, в том, что вы не людоед. Вы не сможете вынудить ему мысль перестать вас ненавидеть. Так не мешайте хотя бы вас бояться... Укр? Пусть будет укру»*⁹⁸.

Ср.: *«Я настолько ватный ватник, что считаю, что рано или поздно всем придется сделать выбор. Я свой выбор сделал. Я за сильную Россию. За ту Россию, которой я горжусь прямо сейчас. Пойду, что ли, ватничек надену, и под водочку на балалайке гимн сыграю»*⁹⁹.

Особый случай представляет здесь используемая в качестве политической инвективы мифологема *бандеровцы*. Анализ функционирования данного пейоратива в (про)российском и (про)украинском дискурсе свидетельствует об отчетливом несовпадении ассоциативно-семантических полей этого определения. В отличие от уже ставшего узуальным коннотативного значения этнофолизма в (про)

российском дискурсе с актуализированной семьей коллаборационизма, в украинском сегменте интернета выдвигается на первый план совершенно другая тема — борьбы за национальное освобождение, что, в свою очередь, делает возможной эпатажную самоидентификацию с этим определением. В свою очередь, именно пейоратив *бандеровец* становится основой для создания целого ряда новообразований, целью которых является деконструкция идеологемы «врага»: *«В социальной сети есть фото встречи в синагоге, на которой киевская еврейская молодежь обсуждает вопросы, связанные с отправкой раненых майдановцев в Израиль. И под этим фото размещена подпись: совещание жидобандеровцев в синагоге»*¹⁰⁰; *«На Майдане ротация. На смену жидобандеровцам подтянулись афробандеровцы»*.

Создание дериватов от негативно (в русском языковом сознании) маркированной основы *бандеровец* со специфическим коннотативным значением с использованием целого ряда других этнонимов (*татаробандеровец, руссобандеровец, афробандеровец*) является попыткой разорвать негативную коннотативную связь с нацистской идеологией благодаря включению в референтную основу наименования указания на представителей других этносов, признающих украинскую политическую идею.

3.4. Специфическую роль играют в современном украинском политическом дискурсе попытки «теоретического» осмысления внутренней формы, значения и роли используемых в нем пейоративов. Т.н. метарефлективы могут использоваться противником с целью провокации конфликта (например, в рамках троллинга¹⁰¹), но также и самими адресатами речевой агрессии с целью восстановления коммуникативного комфорта. Именно так, например, следует расценивать попытки переосмысления оскорбительного определения *укроп*: *«укр-оп: украинец оппозиционный (власти)-новейшая история Украины»*; *««укроп» — украинский патриот»*, в том числе в рамках возникшей семантической оппозиции *укроп — колорад*: *«Еще укруп — довольно мощная травка. Там фитонцидов столько, что задушит любого колорада»*¹⁰².

Особую роль в создании метарефлективов играет обращение к исторической памяти и попытки установления положительных (псевдо)исторических коннотаций, см. например:

«о хохле: «Росіяни, ви називайте (!) нас хохлами, навіть не знаючи, що це означає. Хохол в перекладі з тюркської 'дитя неба', недарма так

называли українців з давнини. Бо ж маємо душу чисту, як небо, а разом ми всі, то сильні, наче грозове небо».

о ватнике: «Те, кто так называют русских, вкладывают в слово оскорбительный смысл. Мол, вы нищие, бескультурные (!) деревенщины. Только **ватник** — еще и символ героизма наших дедов и бабушек, что смогли отстоять тыл, отдавая силы фронту. Это постоянное напоминание о подвиге каждого жителя огромной страны, что победила фашизм»¹⁰³.

3.5. Приходится констатировать высокую степень институционализации дискурсивной практики делегитимизации противника, чему способствовали выступления авторитетных для каждого из сегментов коммуникативного пространства публичных лиц (в том числе, президента РФ В. В. Путина, «легитимизировавшего» публичное употребление пейоративов *бандеровец* и *хунта*)¹⁰⁴. Язык ненависти, по словам Г. Гусейнова, «возникает там, где невозможно при помощи языка, при помощи диалога что-то изменить»¹⁰⁵. Столь острое желание вербализации негативных эмоций объясняется тем, что это едва ли не единственный способ восстановления коммуникативного (и психологического) комфорта для участников политического дискурса. «Успешность» коммуникации, которая по определению является антидиалогом, предполагает только и исключительно дальнейшую эскалацию конфликта, и, к сожалению, не только в плоскости языка. Более того, как свидетельствует наш материал, вербальная агрессия развивается в соответствии с кумулятивной логикой, что уже привело к значительному расширению семантического поля «враг» за счет многочисленных этнофолизмов и политических инвектив, функционирующих на правах синонимов. Не может не броситься в глаза «зеркальность» риторических приемов и оскорблений, используемых в разных сегментах политического дискурса. Однако при этом несопадение семантических полей отдельных вербальных средств, а также всей понятийной и аксиологической системы, используемой для описания действительности, исключает возможность взаимопонимания для тех, кто оказался по разные стороны баррикад. В то же время, попытки деконструкции идеологемы «врага» на основе использования языковой игры и иронии, эпатажное самоотождествление с оскорбительным ярлыком, можно рассматривать, в том числе, как отчаянную попытку установления диалога и восстановления коммуникативного комфорта.

Примечания

¹ См., напр., одну из недавних работ на эту тему: *Leader T.; Mullen Br.; Rice D.* Complexity and valence in ethno-phaulisms and exclusion of ethnic out-groups: What puts the "hate" into hate speech? // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 96(1). Jan. 2009. P. 170–182. [Электронный ресурс:] <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/19210073>, где содержится, в частности, ссылка на автора термина А. Робака: *Roback A.* A Dictionary of international Slurs. Cambridge, 1944.

² См.: *Greenberg J., Kirkland S., Pyszczynski T.* Some theoretical notions and preliminary research concerning derogatory ethnic labels // *Discourse and discrimination*. Detroit, 1998. P. 74–93.

³ *Преико Л.И.* К вопросу о семантике французских этнофоллизмов // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Восьмой Симпозиум «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов мира»: Тез. докл. IV –го Международн. конгресса 21–24 сентября 2004 г. Пятигорск. [Электронный ресурс:] <http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=viwpage&pageid=1030>.

⁴ *Гладилин А.В.* «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). [Электронный ресурс:] <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/gladilin.pdf>

⁵ [Электронный ресурс:] <http://demkristo.livejournal.com/703331.html> (дата последнего обращения — 04.08.2015). Здесь и далее в цитатах сохраняется оригинальная орфография и пунктуация.

⁶ *Грищенко А.И., Николина Н.А.* Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: колл. монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.И. Купина, О.А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 175–187. [Электронный ресурс:] <http://grishchenko.ru/files/expressethno.pdf>.

⁷ Об идеологеме врага как принципе самоорганизации мобилизационного сообщества см: *Гудков Л.* Структура и характер национальной идентичности в России // *Гудков Л.* Негативная идентичность: статьи 1997–2002 гг. М., 2004 С. 7–79.

⁸ *Отпих О.* Social networks and social media in Ukrainian "Euromaidan" protests. [Электронный ресурс:] <http://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/01/02/social-networks-and-social-media-in-ukrainian-euromaidan-protests-2/>.

⁹ *Паин Э.* Современный русский национализм в зеркале рунета // Россия — не Украина: современные акценты национализма: сб. статей / Сост. А. Верховский. М., 2014. С. 9.

¹⁰ *Голев Н.Д.* Обиденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // *Политическая лингвистика*. 2013. № 4. С. 30.

¹¹ См., в частности, аналитическую статью В. Кулика о новом характере украинской политической идентичности: *Kulyk V.* Ukrainian Nationalism since the outbreak of Euromaidan // *Ab Imperio*. 2014. № 3. P. 93–122.

¹² *Скоркин К.* Общий язык ненависти // *Отечественные записки*. 2014. № 6 (63). [Электронный ресурс:] http://www.strana-oz.ru/2014/6/obshchiy-yazyk-nenavisti#_ftn2.

¹³ О языке конфликта с перспективы коммуникативной стилистики см. перевод статьи классика политической социолнгвистики Г. Ласвелла «Style in the language of politics»: *Ласвелл Г.* Стиль в языке политики / Пер. Е.Б. Матыгина, О.А. Солопова //

Политическая лингвистика. 2007. № 2. С. 166–168. [Электронный ресурс:] <http://cyberleninka.ru/article/n/stil-v-yazyke-politiki>.

¹⁴ Дейк, ванн Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М., 2013. С. 32, 132.

¹⁵ О таких потенциальных предпосылках агрессивности в интернет-коммуникации, как спонтанность и анонимность см.: *Стеклова Т. И.* Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 3. [Электронный ресурс:] <http://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-v-internet-kommentariyah-kak-proyavlenie-sotsialnoy-naprjazhennosti>.

¹⁶ Карл. Волох. [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/karl.volokh?fref=ts/> (дата последнего обращения — 19.05.2014).

¹⁷ [Электронный ресурс:] <http://politichanka.livejournal.com/89510.html> (дата последнего обращения — 23.03.2015).

¹⁸ *Bar-Tal D.* Delegitimization. The extreme case of stereotyping and prejudice // *Stereotyping and prejudice. Changing conceptions.* New York, 1989. P. 169–182.

¹⁹ Об этом см.: *Воропцова Т. А.* Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006. С. 34–36, 39.

²⁰ См., напр.: *Гусейнов Г. Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов. М., 2003.

²¹ [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/aleksander.radenko/posts/806507026103975> (дата последнего обращения — 11.01.2015).

²² Константин Одесит. Колорад майдаунам. [Электронный ресурс:] <http://kontmaidan.ru/analytics/20979> (дата публикации — 16.02.2015, дата последнего обращения — 15.02.2015).

²³ Комментарий к новости о признании Ю. Тимошенко победы П. Порошенко на президентских выборах 2014 г. Автор комментария — пользователь Дмитрий Лебедев. [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/ru.euronews/photo/s/a.193721787388909.46039.191185974309157/645458012215282> (дата публикации — 25.05.2014, дата последнего обращения — 10.09.2014).

²⁴ Константин Одесит. 13 вопросов «свидомитам». [Электронный ресурс:] <http://cont.ws/post/70710/> (дата публикации — 25.12.2014, дата последнего обращения — 13.01.2015).

²⁵ [Электронный ресурс:] <http://jargon.ru/slova.php?id=15292> (дата последнего обращения — 27.06.2015).

²⁶ См. доклад: *Грищенко А. И.* Всплеск этнонимического словотворчества в социальных сетях на фоне военных и политических конфликтов // IV Научно-практическая конференция «Журналистика в коммуникативной культуре современности. Экономика и СМИ: Информационное пространство регионального развития». Новосибирский национальный исследовательский университет, факультет журналистики. Октябрь 2014 г. Ср. цитируемые там же ранние употребления пейоратива *украп* в произведениях А. И. Солженицына, более соответствующие тенденции употребления в преступном жаргоне. [Электронный ресурс:] <http://www.myshared.ru/slide/993690/> (дата последнего обращения — 11.07.2015).

²⁷ [Электронный ресурс:] <http://rus.ans4.com/28998534/kto-takie-ukropy-ili-ukry/> (дата последнего обращения — 12.11.2014).

²⁸ [Электронный ресурс]: <http://myslovo.com/?dictionary=%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%BF>, пользователь Піндос (дата последнего обращения — 28.05.2015).

²⁹ Цитата из интервью с журналистом М. Шевченко: Максим Шевченко: «Укропы» в новоязе — это вовсе не украинцы. [Электронный ресурс:] <http://lifenews.ru/news/154424> (дата последнего обращения — 24.05.2015).

³⁰ Все примеры взяты из комментариев к статье М. Прокопенко из украинской газеты «День» «“Укроп” — символ гордости украинцев», помещенной на сайте Иносми. [Электронный ресурс:] <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140901/222725374.html> (дата последнего обращения — 01.09.2014).

³¹ Олена Степова [Электронный ресурс:] <http://uainfo.org/blognews/444971-rebenok-iz-shkoly-na-donbasse-mama-my-vse-ravno-umnee-novorossovo-my-reshili-chtobudem-uchitsya-chtoby-stat-silnee.html> (дата последнего обращения — 26.11.2014).

³² Альберт Поротиков: [Электронный ресурс:] <http://thekievtimes.ua/politics/391868-kiev-xochet-vosstanovit-donbass-rukami-rossii-i-es.html> (дата последнего обращения — 31.07.2014).

³³ Комментарий пользователя mmihin от 01.09.2014 к статье М. Прокопенко («День») «“Укроп” — символ гордости украинцев»: [Электронный ресурс:] <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140901/222725374.html> (дата последнего обращения — 01.09.2014).

³⁴ Определение этого и подобных связанных с делегитимизацией терминов см.: *Bar-Tal, D.; Hammack, P.L. Conflict, delegitimization, and violence // The Oxford handbook of intergroup conflict / Ed. L. R. Tropp. New York, 2012. P. 31.*

³⁵ Примеры словоупотребления из: Блогер Single Notas: [Электронный ресурс:] http://sedov_05.livejournal.com (дата последнего обращения — июнь 2014). Приведены в докладе: *Грищенко А.И. «Всплеск этнонимического словотворчества в социальных сетях на фоне военных и политических конфликтов»* (см. ссылку 26).

³⁶ *Левкиевская Е.Е. Семантическая вариативность украинизмов в русском языковом пространстве // Вариативность в языке и коммуникации. М., 2012. С. 187.*

³⁷ Артем Филиппов: [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/censor.net?ref=ts> (дата публикации — 24.11.2014, дата последнего обращения — 13.02.2015).

³⁸ См., напр.; текст жалобы организаторов фестиваля «КвирФест-2014» на дискриминацию ЛГБТ-граждан на телеканале «Санкт-Петербург», в частности, в связи с употреблением в передаче от 29.09.2014 слова «педераст», так, «по словам заявителей, программа разжигает ненависть россиян в отношении жителей Украины из-за сравнения гомосексуальных граждан России с украинской властью». Текст доступен на сайте Общественной коллегии по жалобам на прессу по адресу: <http://www.presscouncil.ru/index.php/praktika/postupivshie-zhaloby/4584-zhaloba-na-diskriminatsiyu-lgbt-grazhdan-na-telekanale-sankt-peterburg?showall=1&limitstart=> (дата последнего обращения — 10.03.2015).

³⁹ Это прекрасно осознают сами участники политического дискурса: см., напр.: Лапшов Е. 2014–1941. Почему аудитория госканалов воюет с фашистами: [Электронный ресурс:] <http://slon.ru/calendar/event/1180893/> (дата последнего обращения — 08.11.2014); Рубан Ю. Стратегія гуманітарної безпеки України у контексті гібридної війни. [Электронный ресурс:] <http://www.historians.in.ua/index.php/dyskusiya/1341-yurii-ruban-stratehiia-humanitarnoi-bezpeky-ukrainy-u-konteksti-hibrydnoi-viiny> (дата последнего обращения — 16.11.2014).

⁴⁰ Исповедь вернувшегося домой бойца «ДНР». Репортаж Марии Эйсмонт. [Электронный ресурс:] http://tvrain.ru/articles/plevat_chno_oni_dumajut_nam_nravitsja_nazyvat_ih_fashistami_iskoved_vernuvshegosja_domoj_bojtsa_dnr_reportazh_marii_ejsmont_-383435/, [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/adekvan?fref=ts> (дата последнего обращения — 16.03.2015). Ср. наблюдения о тенденции к расширительному толкованию исходной семантики инвектив в: *Голев Н. Д., Шанина А. В.* Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием (сопоставительное лингвистическое исследование) // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 174–185.

⁴¹ Ср. высказывание украинского блогера из Одессы С. Марунчака: «*Вы пришли с оружием в мою страну, в мой дом. И теперь уже не важно абсолютно ничего, братья не братья, славяне не славяне — вы автоматически и без раздумий попадаете в категорию врагов. ... Поищите раз и на всегда — вы станете для украинцев такими же нелюдьми, как фашисты в 41-м*» [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/adekvan?fref=ts> (дата последнего обращения — 09.03.2014).

⁴² См., напр., заголовок к видео печально известного парада украинских пленных в Донецке на День независимости Украины 24 августа 2014 г.: «*Донецк пленные укрофашисты идут коридором позора*» [Электронный ресурс:] <https://www.youtube.com/watch?v=Vo-uQS0Iz84> (дата последнего обращения — 10.01.2014).

⁴³ *Левкиевская Е. Е.* Западная Украина 1939 года: культурный и языковой конфликт // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди. События. Документы. СПб., 2011. С. 279–291.

⁴⁴ Подробнее см. на примере дискурса делегитимизации и использования в нем инвективы «сионист» в ирано-иракском конфликте: *Bar-Tal, D., Hammack, P. L.* Conflict, delegitimization, and violence. P. 35.

⁴⁵ См., например, заголовок, призывающий присоединиться к сообществу разоблачающего свойства в сети ВКонтакте: «*Предатели, Рашисты, Путлеровцы и прочая нечесть! Здесь те кто против оккупации! Врага надо знать в лицо!*» [Электронный ресурс:] <https://vk.com/public67769547> (дата последнего обращения — 12.02.2015).

⁴⁶ Первоначально использовался применительно ко Львову, но употребляется также в расширительном значении для указания на другие города, напр. Днепропетровск, Одессу в контекстах, где подчеркивается преобладание проукраинских политических настроений.

⁴⁷ [Электронный ресурс:] http://russia.tv/brand/show/brand_id/57932 (дата последнего обращения — 15.05.2015).

⁴⁸ [Электронный ресурс:] <http://rusvesna.su/news/1420488062> (дата последнего обращения — 05.01.2015).

⁴⁹ Ср. теги на сайте «Русская весна»; о параллельном синонимическом использовании этнофолизмов «бандеровец» и «фашист» в связи с украинскими событиями и их роли в русском националистическом дискурсе см.: *Альтерович В.* Идеологические батальоны русских националистов на украинских фронтах // Россия — не Украина: современные акценты национализма: сб. статей / Сост. А. Верховский. М., 2014. С. 294–295, 299, 303.

⁵⁰ Один из иронических комментариев, примечательно и то, что высказывание оформлено по-украински (пользователь Егор, от 31.05.2014) к статье: «Укропы и ватники» / Лев Пирогов о том, какими мы видим друг друга: [Электронный ресурс:] <http://svpressa.ru/culture/article/88770/> (дата публикации — 31.05.2014, дата последнего обращения — 20.01.2015).

⁵¹ Мы не разбираем здесь подробно обценные и явно приближающиеся к ним определения типа *путиннососы*. Это и подобные индивидуально-авторские образования, получившие относительную популярность в «языке вражды», призваны выразить крайнюю степень негативной оценки.

⁵² О специфике их образования и значения см., в частности: *Гравовская Н.Б.* Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.

⁵³ [Электронный ресурс:] <http://imperium.lenin.ru/~verbit/LJ/tiphareth/2004/10/509619.html> (дата последнего обращения — 20.08.2014).

⁵⁴ *Коряковцева Е.И.* Об экспрессивном потенциале словообразовательных средств. С. 144–145, [Электронный ресурс:] http://www.ireteslaw.ispan.waw.pl/bitstream/handle/123456789/95/141_pdfsam_Tvorba%20reci%20i%20njeni%20resursi%20u%20slovenskim%20jezicima%20-%20prelom%20i%20cip.pdf?sequence=1. (дата последнего обращения — 10.07.2014).

⁵⁵ Автор комментария — Саша Сотник. [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/sasha.sotnik/posts/556552391124297> (дата последнего обращения — 02.05.2014).

⁵⁶ Комментарий к статье *Мирзаяна Г.* «Крым не Кувейт: как России договориться с Западом». [Электронный ресурс:] <http://expert.ru/2015/02/26/kogda-nastupit-reenassans-v-mezhdunarodnyih-otnosheniyah/>. (дата последнего обращения — 04.03.2015).

⁵⁷ *Коннова И.* Путинята. Саратов, 2009. С. 3, 23.

⁵⁸ [Электронный ресурс:] <http://sevastopol.su/world.php?id=20576> (дата последнего обращения — 18.11.2014).

⁵⁹ [Электронный ресурс:] <http://svpressa.ru/world/article/24209/> (дата последнего обращения — 19.11.2014).

⁶⁰ Реплика в ходе полемики по поводу статьи «Немецкий министр сравнил действия Путина с нацистской агрессией 1938 года», автор комментария Гляя Березенский: [Электронный ресурс:] <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/04/1/7020969/> (дата последнего обращения — 01.04.2014).

⁶¹ Цитата со страницы известного украинского блогера Олены Степовой, пишущей о своих дуганских впечатлениях: [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/olena.stepova/posts/676848585766004> (дата последнего обращения — 23.11.2014).

⁶² Полный список см. в статье: *Занько Т.* Соціальні мережі як новітні медіа: провокативний вплив на масову свідомість. Виникнення мови ворожнечі. [Электронный ресурс:] <http://h.ua/story/187673/#ixzz3WNYIkh5v> (дата последнего обращения — 15.01.2015).

⁶³ *Земская Е.А.* Словообразование (одна из вступительных статей) // *Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского жаргона. М., 1999: С. XXI.

⁶⁴ Отмечается также в русском языке в аналогичном собирательном сниженном значении 'негодяи, сволочь': [Электронный ресурс:] <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/215742> (дата последнего обращения — 25.02.2015).

⁶⁵ Комментарий пользователя Игор Бурик к видео-обращению российской певицы Валерии. [Электронный ресурс:] <http://lifefews.ru/news/129184> (дата последнего обращения — 01.04.2015).

⁶⁶ О Тягнибок о проигрыше российской футбольной команды футболистам из Алжира. [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/oleh.tiahnybok/posts/702071153174488?fref=nf> (дата последнего обращения — 01.04.2015).

⁶⁷ О свойстве некоторых собирательных суффиксов, в том числе *-н*, выражать также субъективную оценочность см.: Вакулич Л. А. Образование и функционирование существительных с модификационным значением субъективной оценки // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета): сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. / Белорус. гос. ун-т / Редколл.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.] Минск, 2009. С. 14–15. [Электронный ресурс:] http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/13272/1/Русский_язык_система_и_функционирование_Ч2.pdf (дата последнего обращения — 05.04.2015).

⁶⁸ [Электронный ресурс:] <http://katsman.moyblog.net/2014/07/14/ордынская-кацапня-история-кокошника/> (дата последнего обращения — 03.03.2015).

⁶⁹ Оригинал: «Жителів Росії можна поділити на росіян та кацапів. Кацапи настільки звикли слухатися свого царя Путіна, що мати інші думки, крім тих, які їм нав'язують, вони не можуть. Ненавидячи американців, вони самі не створили нічого, щоб стати з ними хоча б на один рівень. Вони ненавидять українців, називаючи нас хохлами, бо, насправді, погодитися з тим, що ми як нація стоїмо вище них, вони не можуть». Олексій Заводюк. Кацапстан атакує: [Электронный ресурс:] <http://www.ukrpor-ua.net/publications/politics/917-кацапстан-атакує.html> (дата последнего обращения — 20.01.2015).

⁷⁰ Закрепление такого коммуникативного значения в узусе отразилось, в частности, в названии известной юмористической программы «Наша Russia», выходящей на канале TNT с 2006 (с 2010 в измененном виде).

⁷¹ Комментарий к новости о погибших на Донбассе россиянах.

⁷² От фамилии президента Украины П. Порошенко, наряду с другими инвективами, образовано оскорбительное прозвище *Параша*, созвучное с фамилией, которое явно связано с аналогичным жаргонизмом.

⁷³ См., в частности: «Укропы и ватники» / Лев Пирогов о том, какими мы видим друг друга. [Электронный ресурс:] <http://svpressa.ru/culture/article/88770/> (дата последнего обращения — 31.05.2014); *Мажай К.* Словарь политического сленга. [Электронный ресурс:] <http://yodnews.ru/2015/04/03/slang> (дата последнего обращения — 03.04.2015); *Шмелев А. Д.* (интервью, записанное Д. Мендеевой). «Колорады», «ватники» и «укропы»: язык вражды и риторика ненависти. [Электронный ресурс:] <http://www.pravmir.ru/koloradyi-vatniki-ukropy-yazyk-vrazhdyi-i-ritorika-nenavisti/> (дата последнего обращения — 23.10.2014).

⁷⁴ Автором компьютерного мема и соответствующего неосемантизма *ватник* считается А. Чадский, создавший одноименного персонажа комикса в социальной сети ВКонтакте, подробнее об этом см. в его интервью: Создатель «Ватника» Антон Чадский: как я стал русофобом. [Электронный ресурс:] <http://snob.ru/selected/entry/82278> (дата последнего обращения — 12.12.2014).

⁷⁵ Все цитаты из подписей к компьютерному мему пользователя Drang nach Osten (DNO) в сети ВКонтакте от 11.09.2011: [Электронный ресурс:] http://vk.com/natisc_на_ivanov (дата последнего обращения — 20.02.2015).

⁷⁶ Так, если в январе-августе 2013 г. пейоратив *ватник* в блогосфере (кроме Facebook) почти не употреблялся, то в январе 2014 его частотность уже приблизилась к 1000 словоупотреблений, достигнув своего пика в мае (4500) и июле (4600 словоупотреблений):

данные А. И. Грищенко из доклада «Всплеск этнонимического словотворчества в социальных сетях на фоне военных и политических конфликтов» — см. сноску 26.

⁷⁷ Об этом см., в частности: *Bar-Tal, D., Hammack, P.L. Conflict, delegitimization, and violence. P. 30; Маркес А.К., дель Мар Ривас Кармона М.* Дискурс легитимизации в ситуации конфликта: язык и власть после 11 сентября // Политическая лингвистика. 2008. № 25. С. 73. [Электронный ресурс:] <http://snob.ru/selected/entry/82278>:<http://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-legitimizatsii-v-situatsii-konflikta-yazyk-i-vlast-posle-11-sentyabrya> (дата последнего обращения — 25.11.2014).

⁷⁸ Еще одна подпись к компьютерному мему: «*Кто живет в бараках Гулага? Рашка! Ватник!*» Drang nach Osten (DNO) в сети ВКонтакте от 11.09.2011: [Электронный ресурс:] http://vk.com/natisc_na_ivanov (дата обращения — 20.02.2015).

⁷⁹ Оригинал: «*Ватник, або ватнік — людина з (пост)радянського ментальністю... Походить від однойменної назви популярного теплого одягу бідних радянських людей: Аналітика: Що таке Луганда і Донбасве? Хто такі майдауни, укропи, ватнікі та диванна сотня?*» [Электронный ресурс:] <http://rionews.com.ua/mixed/socio/now/n14274122727> (дата последнего обращения — 02.10.2014).

⁸⁰ См., в частности, толкование из созданного усилиями пользователей украинского интернета словаря «Мислово»: «*Ватники — адепты политики Путина, жертвы российской пропаганды. Название русских ура-патриотов периода аннексии Крыма.*» / «*Ватніки — адепти політики Путіна, жертви російських пропагандонів. Назва російських ура-патріотів періоду анексії Криму.*» [Электронный ресурс:] <http://myslovo.com/?dictionary=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D1%8C%D0%BA%D1%96-%D0%B6%D1%83%D0%BA%D0%B8> (дата последнего обращения — 10.10.2014).

⁸¹ О двух функциях политических пейоративов: чисто инвективной и инвективно-характерологической см.: *Воркачев Г.В.* Быдло как ключевое слово Рунета // Политическая лингвистика. 2012. №3(41). С. 25. [Электронный ресурс:] <http://cyberleninka.ru/article/n/bydlo-kak-klyuchevoe-slovo-runeta> (дата последнего обращения — 05.10.2014).

⁸² Гарная О.: [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/profile.php?id=100005791204624&fref=pf> (дата последнего обращения — 27.10.2014).

⁸³ См., например, подпись к видео от 07.08.2014: «*Вата в голове! Одеситы затролили очаковскую вату: битва за памятник Ленину.*» [Электронный ресурс:] www.youtube.com/watch?v=h4RYzbeNUdQ (дата последнего обращения — 10.01.2015).

⁸⁴ Ср. употребление оборота в подобном значении в блоге участника Марша мира Д. Липина от 22.09.2014 на сайте радио «Эхо Москвы»: «*У нас у всех вата в ушах. И поздно будет гордиться своей правотой, когда полетит первый камень — начнется гражданская война. Долой вату из ушей!*» [Электронный ресурс:] <http://echo.msk.ru/blog/dglipin/1404140-echo/> (дата последнего обращения — 20.02.2015).

⁸⁵ Мы приводим самое популярное определение лексемы *вышиватник* в интернете, фигурирующее на различных сайтах, в частности на сайте создаваемого пользователями интернет-словаря украинского сленга *Мислово*. [Электронный ресурс:] <http://myslovo.com/?dictionary=%D0%B2%D0%B8%D1%88%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (дата последнего обращения — 14.02.2014).

⁸⁶ Оригинал: «*Вишиватник — це те саме, що ватник, тільки думає, що воно патріот. Це людина без рефлексії і критичного мислення, яка повторює патріотичні гасла лише тому, що всі навколо так кажуть. Це людина, яка була би ватником, якби*

опинилась в іншому оточенні, бо так само готова ненавидіти всіх, хто говорить іншою мовою і не носить вишиванку»: комментарий пользователя Eugenia Reznuchenko к посту украинского журналиста Отара Довженко о вышиватнике от 18.12.2014: [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/otardovzhenko/posts/10152852473635873?fref=pf&pnref=story> (дата последнего обращения — 12.01.2015).

⁸⁷ Оригинал: «**“Вишиватник”** має ту ж саму негативну конотацію, що і “свідомит”, і “майдаун”. цей термін з’явився не випадково. по-перше, він відігрує поразку російського “ватника” як інтернет-мема; а, по-друге, це й принижує вишиванку як елемент української культури: і використовують цей термін далеко не друзі українців та українського»: там же, комментарий пользователя Галина Данюк.

⁸⁸ Оригинал: «Як на мене, воно пасувало б персонажу у вишиванці, натягненій поверх ватника, що вона аж по швах тріщить»; там же, комментарий пользователя Наталья Зарецька.

⁸⁹ Считается, что автором данного неологизма является российский журналист А. Невзоров, назвавший в телевизионном эфире георгиевскую ленточку «колорадской»:

⁹⁰ Заметим, что сначала пейоратив использовался также в полной форме: «Колорадські жуки — прихильники рускава міра та палімікі путіна. називаються так через любов до георгієвських стрічок які мають таке само забарвлення як колоради»: [Электронный ресурс:] <http://myslovo.com/?dictionary=%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D1%8C%D0%BA%D1%96%D0%B6%D1%83%D0%BA%D0%B8> (дата публикации — 01.03.2014, дата последнего обращения — 20.10.2014).

⁹¹ Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды. С. 183.

⁹² Там же. С. 184.

⁹³ Там же. С. 183.

⁹⁴ Комментарий к новости о мягком приговоре для милиционеров, участвовавших в издевательствах над одним из участников Евромайдана: [Электронный ресурс:] http://zn.ua/UKRAINE/obyavlen-prigovor-po-delu-ob-izdevatelstvah-nad-aktivistom-maydana-gavrilyukom-146014_.html (дата последнего обращения — 28.05.2014).

⁹⁵ Константин Одессит. Колорад майдаунам: [Электронный ресурс:] <http://kontrmaidan.ru/analytics/20979> (дата последнего обращения — 16.02.2015); ср. его же. 13 вопросов «свидомитам»: [Электронный ресурс:] <http://cont.ws/post/70710/> (дата публикации — 25.12.2014, дата последнего обращения — 13.04.2015).

⁹⁶ Статья Прокопенко М. в двуязычной киевской газете «День» [Электронный ресурс:] <http://www.day.kiev.ua/ru/photo/ukropsimvol-gordosti-ukraincev> (дата публикации — 30.03.2014); ее русский вариант см. также на странице Иносми: [Электронный ресурс:] <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140901/222725374.html> (дата последнего обращения — 01.09.2014).

⁹⁷ См. нашумевший видео-ролик: [Электронный ресурс:] <https://www.youtube.com/watch?v=T65SwzHAbes> (дата последнего обращения — 27.02.2015).

⁹⁸ Виктор Трегубов. О пользе укров: [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/victor.tregubov.5/posts/781524548534415?fref=pf> (дата последнего обращения — 30.07.2014), о значимости явления свидетельствует, в частности, популярность данной публикации, собранной в ФБ за несколько дней 2000 отметок «нравится», 1450 публикаций, 100 комментариев.

⁹⁹ Анатолий Костров. Я – ватник: [Электронный ресурс:] http://rusvesna.su/resent_opinions/1423935090 (дата последнего обращения – 14.02.2015).

¹⁰⁰ [Электронный ресурс:] <http://evreiskiy.kiev.ua/ukrainskijj-fenomen-evreibanderovcu-12900.html> (дата публикации – 10.06.2014).

¹⁰¹ О метарефлексивах и их функции в дискурсе см.: *Голев Н.Д.* Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // *Политическая лингвистика*. 2013. №4. С. 31.

¹⁰² Комментарий к посту В. Трегубова. О пользе укров: [Электронный ресурс:] <https://www.facebook.com/victor.tregubov.5/posts/781524548534415?fref=nf> (дата последнего обращения – 30.07.2014).

¹⁰³ Надежда Даниленко. Почему русских называют ватниками: [Электронный ресурс:] <http://fb.ru/article/154363/pochemu-russkih-nazyivayut-russkimi-pochemu-russkih-nazyivayut-vatnikami-katsarami-moskalyam> (дата последнего обращения – 10.10.2014).

¹⁰⁴ Заметим, что в украинских публичных СМИ, по крайней мере, в последнее время отмечается явное снижение уровня негативной оценочности. Так, согласно мониторингу Института массовой информации (Київ), отмечаются лишь единичные случаи употребления лексем типа «сепары» или «укроп», имеющих признаки языка вражды, причем чаще всего это происходит в прямой речи интервьюируемых. Отмечены также случаи иронического употребления пейоратива «хунта»: *Романюк О., Голуб О.* Вежа чорного дерева: як українські друковані та інтернет-ЗМІ висвітлюють чутливі теми. [Электронный ресурс:] <http://imi.org.ua/analytics/52197-veja-chornogo-dereva-yak-ukrajinski-drukovani-ta-internet-zmi-visvitlyuyut-chutlivi-temi.html> (дата последнего обращения – 09.02.2016).

¹⁰⁵ «Вменяемые люди несут околесицу» (интервью Гасана Гусейнова): [Электронный ресурс:] <http://www.rosbalt.ru/main/2014/11/13/1337285.html> (дата последнего обращения – 13.11.2014).

Список авторов

- Байдалова Екатерина Викторовна — к.ф.н., м.н.с. Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва, Россия)
- Борисенок Елена Юрьевна — д.и.н., зав. Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва)
- Галь Богдан Александрович — к.и.н., доцент кафедры истории и политической теории Национального горного университета (Днепр, Украина)
- Дроздов Константин Сергеевич — к.и.н., н.с. Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН (Москва)
- Дронов Михаил Юрьевич — к.и.н., н.с. Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва)
- Клопова Мария Эдуардовна — к.и.н., н.с. Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва)
- Курохтина Татьяна Николаевна — к.ф.н., н.с. Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН
- Левкиевская Елена Евгеньевна — д.ф.н., в.н.с., проф. Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ (Москва)
- Лескинен Мария Войттовна — д.и.н., в.н.с. Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва)
- Неменский Олег Борисович — с.н.с. Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН (Москва)
- Орлевич Ирина Васильевна — к.и.н., зав. Отделом новой истории Украины Института украиноведения им. И. Крипякевича Национальной Академии Наук Украины (Львов, Украина)
- Остапчук Оксана Александровна — к.ф.н., н.с. Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, доцент кафедры Славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
- Прошина Елена Александровна — магистр истории, аспирантка РГГУ (Москва)
- Фединец Чилла — PhD, историк, старший научный сотрудник Института национальных меньшинств Центра общественных наук Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия)

Научное издание

ИМЯ НАРОДА:

**Украина и ее население в официальных и научных терминах,
публицистике и литературе**

Корректор *А. М. Никитина*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 01.09.2016. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,0

Тираж 800 экз. Заказ № 547

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии

«Переплетный центр» издательства «Нестор-История»

191119 СПб., ул. Правды, д. 15

Тел. (812)622-01-23

